20 3/174

20 3/174

II/2930
БИБЛІОТЕКА
ПРОТОІЕРЕЯ
І. І. ВОСТОРГОВА
Отд. II. 227

НА ПАМЯТЬ ПАСТВѢ

О ЕЯ ПАСТЫРѢ.

СОБРАНІЕ БЕСѢДЪ И ПОУЧЕНІЙ

Протоіерея І. І. Исполатова.

№ 4429 А 172/241

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1890
Типографія П. Вощинской, Измайловскій полкъ, 2 рота, № 15.
1890

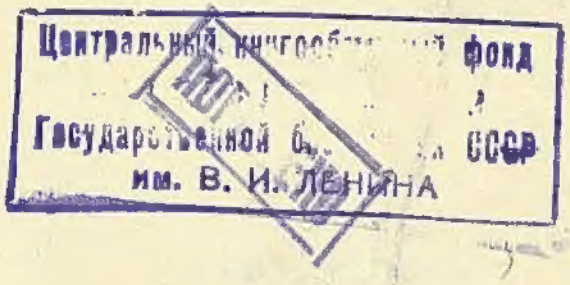
2005083619

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

6613-05

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго цензурнаго комитета печатать позволяется. 17 Іюля 1890 г.

Цензоръ Архимандритъ *Григорій.*


Центральный книгообм... фонд
Государственной б... СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

6613-05

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Поминайте наставники ваши, иже глаголаша вамъ слово Божіе (Евр. 13, 7).

23-го Февраля сего года скончался Протоіерей Благовѣщенской, на Васильевскомъ Островѣ, церкви Іоаннъ Іоанновичъ Исполатовъ, прослуживъ Церкви Божіей въ священномъ санѣ слишкомъ 58 лѣтъ. Одною изъ отличительныхъ чертъ продолжительной пастырской дѣятельности почившаго было его непрестанное провозвѣстничество истинъ спасенія овцамъ своего словеснаго стада, особенно въ послѣдніе 20 лѣтъ, въ теченіи коихъ онъ не оставлялъ, безъ соотвѣтственнаго поученія, ни одной совершаемой имъ литургіи, ни одного выдающагося случая общественной или приходской жизни. Послѣ его кончины многіе изъ почитателей усопшаго стали выражать желаніе видѣть въ печати собраніе его проповѣдей, каковое желаніе и является причиною настоящаго изданія, въ коемъ поученія почившаго о. Протоіерея предлагаются далеко не въ полномъ ихъ числѣ, такъ какъ проповѣдникъ не всегда имѣлъ возможность облекать въ письменную форму свои поученія, а по большей части ограничивался лишь конспектами, по которымъ и произносилъ ихъ.

Августъ 1890 г.

БЕСѢДЫ ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫЯ
О ЛИТУРГІИ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Примѣчается, братія, что въ воскресные и праздничные дни многіе не бываютъ въ церкви. Между многими различными и большею частью суетными причинами можетъ быть и та, что иные не понимаютъ, какой драгоцѣнности лишаютъ себя своимъ нехожденіемъ въ церковь, особенно къ литургіи, и не понимаютъ этого оттого, что не знаютъ, что такое литургія. Ибо кто знаетъ, что такое литургія, кто понимаетъ всѣ ея таинственныя священнодѣйствія, понимаетъ духъ этихъ дивныхъ изображеній, кто вѣдаетъ, что всякое въ ней дѣйствіе изображаетъ непремѣнно какое либо промышленіе Божіе о насъ, кто знаетъ, что въ литургіи міръ горній и міръ дольній, ангелы и люди, праведники, пребывающіе на небесахъ, и грѣшники, обитающіе на землѣ, соединяются для прославленія и умилостивленія Господа, кто знаетъ и понимаетъ это все: тотъ знаетъ и то, сколь драгоцѣнно и многоплодно достойное присутствіе христіанина при литургіи, и потому считаетъ великимъ страшнымъ грѣхомъ не быть при ней безъ крайней неотвратимой невозможности.

Потому, братія, чтобы однимъ сообщить нужное понятіе о литургіи, другимъ напомнить то, что время и суетность изгладили изъ памяти, съ третьими побесѣдовать о семъ сладкомъ для христіанской души предметѣ, я намѣренъ въ нѣсколькихъ краткихъ бесѣдахъ поговорить о литургіи, семъ важ-

нѣйшемъ христіанскомъ богослуженіи. Краткія бесѣды не утомятъ никого, а между тѣмъ найдутся можетъ быть сердца, готовыя внимать и поучаться. Если и одно такое найдется, трудъ не напрасенъ.

Заключу это вступленіе прошеніемъ вашихъ, братія, молитвъ къ Богу о вразумленіи меня свыше, ибо что Господь благословитъ, что Его благодать осѣнитъ, то только и успѣшно, то только и плодоносно.

БЕСѢДА 1-я

Приступимъ, братія, по изъявленному намѣренію, къ изъясненію литургіи, сего высочайшаго и благолѣпнѣйшаго священнослуженія христіанскаго.

Слово *литургія*—греческое.—Въ Греціи христіанская вѣра насаждена самими Апостолами, и всѣ названія важнѣйшимъ христіанскимъ установленіямъ даны Апостолами-же. Въ Россію христіанская вѣра перешла изъ Греціи, и Россійская Церковь, дорожа святою древностію и Апостольскимъ происхожденіемъ своего богослуженія, многія греческія названія оставила безъ перевода, дабы самымъ названіемъ напоминать православному христіанину-русскому, что вѣра его есть вѣра Апостольская. Въ переводѣ-же слово *литургія* означаетъ общественное служеніе, но преимущественно симъ словомъ означается то богослуженіе, которое соединено съ приношеніемъ тѣла и крови Христовой.

Литургію установилъ самъ Іисусъ Христосъ, Спаситель нашъ.—Моисей, ветхозавѣтный законодатель, нѣкогда установилъ для приношенія Богу различныя жертвы, которыя служили преобразованіемъ или пророчественнымъ изображеніемъ новозавѣтной совершеннѣйшей жертвы Христовой. И тогда это было необходимо, ибо этимъ подкрѣплялась вѣра въ будущаго Спасителя. Когда-же Спаситель пришелъ на землю, тогда и ветхозавѣтныя жертвы сдѣлались излишними, тогда потребовалась жертва новая, совершеннѣйшая, которая была-бы уже не про-

образованіемъ, а истиннымъ изображеніемъ той жертвы, которая принесена Іисусомъ Христомъ за грѣхи всего міра на Голгофѣ. И вотъ новозавѣтный законодатель Іисусъ Христосъ, предъ самымъ принесеніемъ самого себя въ жертву Богу за грѣхи міра, установилъ, вмѣсто всѣхъ древнихъ жертвъ, новую святѣйшую жертву—принесеніе Тѣла и Крови Своей подъ видомъ хлѣба и вина. Мы знаемъ, что эту жертву установилъ Іисусъ Христосъ на Тайной Вечери, за нѣсколько часовъ до своихъ страданій. Онъ взялъ въ Свои пречистыя руки хлѣбъ, возвелъ очи Свои на небо, воздалъ хвалу и благодареніе Отцу Небесному, потомъ благословилъ хлѣбъ и разломивъ его на части, подалъ ученикамъ Своимъ съ сими словами: *пріимите, ядите, сіе есть тѣло Мое, еже за вы ломимое во оставленіе грѣховъ;* потомъ, взявъ чашу съ виномъ и растворивъ его водою, также возблагодарилъ Бога Отца и подалъ ученикамъ съ словами: *пійте отъ нея вси, сія есть кровь Моя новаго завѣта, яже за вы и за многія изливаемая во оставленіе грѣховъ.* Совершивъ такимъ образомъ сію святѣйшую жертву въ первый разъ, Спаситель тутъ-же далъ заповѣдь: *сіе творите въ мое воспоминаніе.* По заповѣди сей жертва сія совершается въ каждой литургіи и будетъ совершаться до скончанія вѣка, ибо она есть не прообразовательная, но совершительная.

Жертва сія есть совершеннѣйшая и дѣйствительнѣйшая. Въ ней приносится не кровь агнчая и тельчая, но безцѣнная плоть и кровь самого Іисуса Христа, Сына Божія. Можетъ-лиже Небесный Отецъ не преклониться на милосердіе принесеніемъ ему въ жертву такого безцѣннаго дара? Если самъ Господь сказалъ—*аще кто проситъ отъ Отца Моего во имя мое, тотъ получитъ просимое,* то можетъ ли быть отринуто прошеніе того, кто проситъ Бога Отца не только именемъ Его Единороднаго Сына, но принесеніемъ въ жертву самой пречистой плоти Его? О конечно, жертва сія есть жертва самая совершеннѣйшая и спасительнѣйшая! Она и установлена съ тѣмъ, чтобы мы, ядя Тѣло Господа и пія Кровь Его съ Нимъ

сообщались и, дѣлаясь причастниками Его Божественнаго естества. удостоились быть причастниками и Его Царствія.

Сколь дивное совершается въ божественной литургіи! Человѣкъ грѣшный и недостойный, человѣкъ, грѣхами своими безконечно оскорбившій Бога и погубившій себя тѣмъ на вѣки, но искупленный Кровію Спасителя, въ литургіи, какъ единъ отъ ближнихъ Господа, достойно служитъ Ему, купно съ архангелами и ангелами, ибо приносимая жертва все освящаетъ и усовершаетъ. А какіе виды служенія въ литургіи совершаются? Въ ней и восхваляется, и умилостивляется, и благодарится и умоляется Богъ, и приносимая жертва дѣлаетъ пріятными Ему хвалы и благодаренія и умилостивляетъ оскорбленное грѣхами величество Божіе и преклоняетъ Его на наши прошенія къ поданію намъ всего благопотребнаго. О сколько, братія, благодатныхъ спасительныхъ плодовъ бываетъ для тѣхъ, кои достойно участвуютъ въ литургіи, пріобщаясь Св. Таинъ, или даже только присутствуя при оной!

Самые наружные обряды и дѣйствія что изображаютъ? Въ нихъ все таинственно и многознаменательно. Въ нихъ изображается полная исторія или таинственное созерцаніе Господа нашего Іисуса Христа, въ началѣ обѣтованнаго и Пророками предсказаннаго, въ послѣдокъ дній пришедшаго въ міръ для спасенія нашего, по кончинѣ вѣка сего имѣющаго придти судить живыхъ и мертвыхъ. Слѣдовательно, въ литургіи подъ богомудрыми обрядами представляются нашему зрѣнію всѣ догматы, исповѣдуемые нами въ символѣ вѣры, почему она и называется тайноводствомъ, потому что наружными дѣйствіями возноситъ нашъ умъ къ знаменованіямъ таинственнымъ и духовнымъ.

Отъ сихъ общихъ понятій о литургіи перейдемъ къ частнымъ. Литургія раздѣляется на три части. Въ первой части приготовляется вещество для таинства, во второй приготовляются вѣрующіе къ совершенію таинства, въ третьей совершается самое таинство.

Первая часть называется *проскомидія*. Это слово опять греческое и означаетъ *предложеніе*. Названіе сіе произошло оттого,

что первые христіане имѣли святое обыкновеніе приносить и предлагать для священнодѣйствія хлѣбъ и вино. Но такъ какъ эти приношенія были весьма значительны, то только нѣкоторая часть изъ нихъ отдѣлялась для совершенія Св. Таинъ, а прочіе хлѣбы, по вынутіи частицъ изъ нихъ съ воспоминаніемъ имени того, кто принесъ или за кого принесены, съ оставшимся виномъ употребляемы были послѣ литургіи на братолюбивой трапезѣ. Трапезы сіи были въ притворахъ храма, и угощались на нихъ бѣдные и неимущіе, а служили,—и за великую честь поставляли служить меньшимъ братіямъ Господнимъ,—вельможи, знатные и богатые. Какое умилительное обыкновеніе было у древнихъ христіанъ! Но оскудѣла любовь между христіанами, и это обыкновеніе перестало существовать. Впрочемъ и нынѣ приносятся многими вѣрными на проскомидію *просфоры* (что значитъ приношеніе). Изъ нихъ изъемлются частицы о здравіи живыхъ или объ упокоеніи умершихъ и полагаются на дискосѣ вокругъ Агнца, а послѣ полагаются въ потиръ съ молитвою ко Господу, чтобы Онъ *омылъ грѣхи поминавшихся здѣ Своею честною кровію.* Какъ спасительны, братія, живымъ и мертвымъ такія приношенія на жертвенникъ Божій!

Въ проскомидіи приготовленныя для священнодѣйствія дары суть только образы Тѣла и Крови, но пребываютъ еще хлѣбъ хлѣбомъ и вино виномъ, дѣлаясь только даромъ Богу. Въ ней возвѣщается рожденіе Христово, воспоминается также и страданіе Его, но только по предсказанію Пророковъ. Посему о всемъ, касающемся до рожденія, говорится словами Евангелистовъ, какъ о совершившемся, а о страданіи—словами Пророковъ, какъ о имѣющемъ еще совершиться.

Приступая къ совершенію проскомидіи, священникъ, уже приготовившійся къ великому священнослуженію молитвами, чтеніями каноновъ, вечернимъ и утреннимъ богослуженіями, здѣсь снова приготовляетъ себя. Онъ молится предъ царскими вратами, почитая олтарь, какъ самое небо, благоговѣйно цѣлуетъ иконы Спасителя и Божей Матери, умоляя объ отпущеніи своихъ грѣховъ; преклонивъ главу предъ Господомъ, ис-

прашиваетъ благодати къ совершенію предлежащаго ему служенія, потомъ обращается къ предстоящимъ и, кланяясь, проситъ прощенія у тѣхъ, коихъ, какъ человѣкъ, могъ оскорбить, и у всѣхъ общихъ о себѣ молитвъ къ Богу.—Братія! Не облѣнитесь помолиться всегда предъ литургіею о служителѣ святаго таинства. Здѣсь и ангели сослужатъ сему таинству со страхомъ и трепетомъ. Не нуждается-ли же немощь человѣческая въ подкрѣпленіи? Ваши молитвы восполнятъ недостоинство служителя олтаря Господня, и чрезъ него на всѣхъ васъ проліется благодать Божія.—Потомъ священникъ входитъ въ олтарь и, повергшись предъ престоломъ, цѣлуетъ святое Евангеліе, которое образуетъ самого Господа, на престолѣ сѣдящаго. Послѣ сего священникъ облачается въ священныя одежды: надѣваетъ стихарь или подризникъ, который,—если бѣлый, означаетъ свѣтоносную одежду, въ какой явился Ангелъ на гробѣ Господнемъ,—если испещренный, изображаетъ язвы Христовы,—если полосатый, знаменуетъ Кровь Его, текущую по тѣлу: потомъ надѣваетъ поручи, таинственно изображающія тѣ поручи, коими были связаны причистыя руки Спасителя, и эпитрахиль, который есть тоже, что діаконскій орарь, только обоими концами обращенный напередъ. *Орарь* значитъ ангельскія крылья, а *эпитрахиль*—изліяніе благодати Святаго Духа, данной іереямъ къ совершенію таинствъ. За симъ надѣвается набедренникъ, кто его имѣетъ, какъ знакъ особаго достоинства, означающій духовный мечъ, т. е. Слово Божіе, которымъ пастырь, какъ мечемъ, долженъ вооружаться противъ невѣрныхъ и нечестивыхъ. Далѣе священникъ препоясуется поясомъ, служащимъ къ удобству при священнослуженіи и означающимъ готовность, силу и непреткновенность въ отправленіи іерейскаго служенія. Наконецъ священникъ облачается въ фелонь или ризу, которая знаменуетъ ту хламиду, которою облеченъ былъ Спаситель, когда воины надъ Нимъ ругались. И всѣ сіи облаченія надѣваются не просто, но каждая съ особою, приличною ей, молитвою. Облачившись такимъ образомъ во всѣ столь многознаменательныя одежды, священникъ тѣмъ свидѣтельствуетъ, что, украшая тѣло благолѣпіемъ, украшаетъ душу

благочестіемъ, и затѣмъ умываетъ руки, также съ молитвою, въ знакъ умовенія духовнаго и очищенія своего ума и сердца отъ всякой скверны. Послѣ всего этого священникъ приступаетъ уже къ жертвеннику и предъ Спасителемъ, какъ-бы лицемъ къ лицу, исповѣдуетъ страданія Его и плоды, тѣмъ пріобрѣтенные: *искупилъ ны еси отъ клятвы законныя честною Твоею Кровію.*

Этимъ я оканчиваю нашу первую бесѣду о литургіи, а въ послѣдующихъ, если Богъ благословитъ, изложу всю литургію съ ея таинственными знаменованіями. Только, прошу васъ, братія, не будьте разсѣянны и невнимательны. Многіе иновѣрцы восхваляютъ наше священнослуженіе, но они еще судятъ только по наружности, не вникая въ внутреннія достоинства онаго. Стыдно тѣмъ изъ православныхъ христіанъ, кои не стараются узнать всего величія православнаго богослуженія и оттого бываютъ при ономъ хладными, непонимающими зрителями.

БЕСѢДА 2-я.

Приступивъ къ жертвеннику для совершенія проскомидіи, священникъ беретъ просфору, трижды знаменуетъ ее копіемъ крестообразно и глаголетъ: *въ воспоминаніе Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа,* показуя тѣмъ, что онъ исполняетъ заповѣдь Христову, данную на Тайной Вечери: *сіе творите въ Мое воспоминаніе;* потомъ прорѣзываетъ внутренность просфоры съ четырехъ сторонъ, произнося пророческія слова о страданіяхъ и смерти Христа Спасителя: *яко овча на заколеніе ведеся, и яко агнецъ непорочен прямо стригущаго безгласенъ, во смиреніи его судъ его взятся: родъ же его кто исповѣсть;* вырѣзанную-же внутренность съ изображеніемъ креста изъемлетъ съ пророческими словами: *яко вземлется отъ земли животъ его.* Эта вынутая часть называется Агнцемъ. Положивъ Агнца на дискосъ вверхъ мягкостью, какъ бы вверхъ гортанію, священникъ разрѣзываетъ его крестообразно съ сло-

вами: *жрется*, т. е. приносится въ жертву, *Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра, за мірской животъ и спасеніе.* Потомъ, для изображенія всѣхъ подробностей крестной смерти Господа, священникъ прободаетъ агнца копіемъ въ десную страну и въ то-же время вливаетъ въ чашу растворенное водою вино, произнося Евангельскія слова: *единъ отъ воинъ копіемъ ребра ему прободе, и абіе изыде кровь и вода, и видѣвый свидѣтельствова, и истинно есть свидѣтелъство его.*

Въ этихъ священнодѣйствіяхъ надъ Агнцемъ изображаются не одни страданія и смерть Спасителя, но и Его рожденіе на землѣ, какъ мы и прежде замѣчали. Потому, по отношенію къ рожденію, водруженіе копья въ просфору изображаетъ зачатіе Господа, самая просфора—дѣвственное чрево Богоотроковицы Маріи, извлеченіе Агнца—рожденіе Іисуса Христа; по тому же самому священникъ представляетъ Духа Святаго, осѣняющаго Дѣву, діаконъ — благовѣстника Архангела Гавріила, а жертвенникъ—Виѳлеемъ и вертепъ, гдѣ родился Спаситель, дискосъ-же ясли, гдѣ былъ положенъ новорожденный Іисусъ; между тѣмъ какъ по отношенію къ страданіямъ и смерти Господа, священникъ и Діаконъ изображаютъ Іосифа и Никодима, жертвенникъ—Голгофу, а дискосъ гробъ Господа.

По уготовленіи Агнца, священникъ изъемлетъ изъ второй просфоры часть въ честь и память Преблагословенной Владычицы нашей Богородицы, прося, чтобы Ея молитвами принялъ Господь жертву сію въ пренебесный свой жертвенникъ, и полагаетъ эту часть одесную Агнца, такъ какъ Она предстояла при крестѣ Господа и на небеси въ особливой славѣ ублажается. Изъ третьей просфоры вынимаются части въ честь всѣхъ святыхъ, при чемъ священникъ проситъ, чтобы ихъ молитвами посѣтилъ насъ Богъ. Изъ четвертой просфоры изъемлются части съ молитвою о здравіи и спасеніи всѣхъ православныхъ христіанъ, особенно предержащихъ властей и тѣхъ, кои принесли дары къ жертвеннику. Изъ пятой просфоры приносятся части объ оставленіи грѣховъ всѣхъ скончавшихся въ вѣрѣ и особенно тѣхъ, за коихъ дѣлаются приношенія.

Такимъ образомъ, Св. Агнецъ, предлежа на дискосѣ, ок-

руженный изъятыми частями въ честь Божіей Матери и всѣхъ святыхъ, а также о живыхъ и умершихъ людяхъ. изображаетъ здѣсь Господа, окруженнаго воинствомъ небеснымъ и земнымъ, какъ таинственную главу Церкви, на небеси торжествующей и на земли подвизающейся подъ знаменіемъ креста.

По окончаніи должныхъ поминовеній на проскомидіи, священникъ, благословивъ кадило, благоухаетъ звѣзду и полагаетъ ее на дискосѣ поверхъ Агнца и всѣхъ частей, какъ для того, чтобы не смѣшать расположенія ихъ, такъ и во образъ той звѣзды, которая указала волхвамъ рожденіе Спасителя, а потомъ покрываетъ дискосъ и потиръ покровами, означающими, какъ повивальныя, такъ и погребальныя пелены Спасителя, полагаетъ сверхъ ихъ воздухъ, который выражаетъ то, что Спаситель и въ самомъ уничиженіи Своемъ имѣлъ силу и всемогущество Божества, сокрытыя подъ ризою плоти Его, и трижды кадитъ святые дары, каковое кажденіе означаетъ здѣсь смирну и ливанъ, принесенные волхвами въ даръ родшемуся Спасителю, а также—ароматы, принесенные мироносицами на гробъ Господень.

Послѣ сего священникъ молится, призывая Бога Отца, давшаго намъ въ пищу Хлѣбъ Небесный—Сына Своего, и проситъ предложенные дары благословить и принять въ пренебесный Свой жертвенникъ, помянуть принесшихъ оные и тѣхъ, о коихъ принесены, и его самого сохранить неосужденнымъ въ предлежащемъ великомъ священнодѣйствіи. Въ заключеніе проскомидіи бываетъ отпустъ, послѣ котораго кадится олтарь и храмъ въ ознаменованіе развивающейся таинственно благодати и того, чтобы наступающія молитвы *исправились, яко кадило предъ Богомъ.*

Такъ какъ проскомидія совершается тайно, то, чтобы предстоящіе не были въ это время праздны и не развлекались мыслями, неприличными времени и мѣсту, но были заняты достойно совершаемому въ олтарѣ священнодѣйствію, бываетъ во время проскомидіи чтеніе псалмовъ и молитвъ, называемыхъ *часами,* именно часа третьяго, шестаго, а иногда и девятаго. Это названіе молитвъ часами получило отъ времени, въ

которое древніе христіане совершали свои молитвы. Они, благоговѣя къ величайшимъ для Церкви событіямъ, совершали молитвы свои именно въ часы ихъ совершенія; такимъ образомъ третій часъ дня посвящался на молитву потому, что въ этомъ часу Іисусъ Христосъ былъ судимъ Пилатомъ и въ сей-же часъ Духъ Святый сошелъ на Апостоловъ, шестой часъ потому, что въ это время Господь былъ пригвожденъ ко кресту а девятый,—что Онъ въ этотъ часъ умеръ на крестѣ. Молитвы, приличныя симъ часамъ—третьему шестому и девятому, соединены предъ литургіею для того, чтобы христіане, молитвенно размышляя о событіяхъ страданій и смерти Христовой, возчувствовали всю необъятность милосердія Божія къ намъ недостойнымъ и исполнились благоговѣнія, любви и благодарности къ Богу и тѣмъ приготовили себя къ достойному участію въ приготовляемой жертвѣ.

По окончаніи часовъ и проскомидіи, священникъ приступаетъ ко второй части литургіи.—Отложивъ, братія, дальнѣйшее изъясненіе литургіи до слѣдующихъ бесѣдъ, скажемъ о томъ, кому дано право совершать литургію и гдѣ она должна совершаться,—съ тѣмъ, чтобы имѣть обо всемъ краткое, но вѣрное понятіе.

Мы знаемъ, что первую литургію совершалъ самъ Іисусъ Христосъ на Тайной Вечери. И нынѣ, какъ и всегда, совершаетъ оную невидимо Онъ-же, Спаситель и Богъ нашъ, силою Святаго Духа Своего, но видимо совершать далъ Онъ власть Апостоламъ, а чрезъ нихъ преемникамъ ихъ—Епископамъ, а чрезъ сихъ пресвитерамъ, какъ помощникамъ ихъ въ раздаяніи благодатныхъ даровъ. Потому только одни Епископы и пресвитеры могутъ совершать литургію, и въ православной Церкви отъ самыхъ временъ Апостольскихъ никому, не только изъ мірянъ, но и изъ нисшихъ степеней клира, напр. діаконамъ, никакъ не дозволялось сего.—Совершаться-же литургія должна въ освященномъ храмѣ. Было время, когда язычники и еретики, преслѣдуя православныхъ христіанъ, препятствовали ихъ богослуженіямъ, и самые храмы, созидаемые ими, предавали опустошенію и разрушенію. Тогда христіане,

принужденные отправлять общественныя молитвы и самую литургію въ удаленныхъ отъ людей дебряхъ и горахъ и уединенныхъ пещерахъ, совершали оную на *антиминсахъ*, т. е. вмѣстопрестольникахъ. Это есть убрусъ, или платъ, съ изображеніемъ положенія Христа во гробъ, знаменующій плащаницу, которою былъ обвитъ Христосъ во гробѣ. Онъ освящается Епископомъ и имѣетъ въ себѣ часть мощей святыхъ. Онъ во дни гоненій замѣнялъ престолъ, и на немъ совершалась безкровная жертва, хотя-бы то было и не въ храмѣ. Когда же Церковь стала наслаждаться миромъ, тогда не стало и необходимости совершать литургію внѣ храма, и съ тѣхъ поръ она въ православной Церкви всегда совершается въ храмѣ. Впрочемъ и древній антиминсъ сохранился въ православной Церкви, во первыхъ въ уваженіе святой древности, а во вторыхъ и по необходимости. Епископы, по обширности своихъ епархій и по множеству занятій, не могутъ сами освящать всѣхъ храмовъ въ своихъ областяхъ и полагать въ престолы оныхъ св. мощи. Поэтому они, освятивъ антиминсъ и вложивъ въ него часть мощей, посылаютъ оный въ новоустроенный храмъ, а самое его освященіе поручаютъ пресвитеру. Такимъ образомъ древній порядокъ вполнѣ исполняется, и Епископы не отвлекаются дальнимъ путешествіемъ отъ важныхъ своихъ обязанностей. Этотъ антиминсъ всегда возлежитъ на престолѣ и предъ пренесеніемъ даровъ оный раскрывается, а по принесеніи на жертвенникъ закрывается и обертывается *илитономъ*, т. е. платомъ, знаменующимъ тотъ сударій, которымъ обвязана была глава Христова во время положенія Его во гробъ.

При семъ нелишне намъ припомнить, что кромѣ антиминса вошло въ обычай, отъ временъ гоненій на Церковь Божію, возжигать въ храмахъ елей и свѣчи. Тогда христіане по необходимости это дѣлали, совершая службу ночью и въ темныхъ пещерахъ. Православная Церковь сохранила этотъ обычай и при дневныхъ богослуженіяхъ, какъ по примѣру ветхозавѣтной церкви, въ которой предъ книгою Моисеева закона горѣла неугасимая лампада въ знаменіе того, что законъ Господень есть свѣтильникъ человѣку, почему и нынѣ на пре-

столѣ предъ Евангеліемъ возжигаются свѣчи, такъ и въ указаніе на христіанское благоговѣніе къ святымъ и въ знаменованіе того, что возженіе свѣчъ и елея есть образъ души, пламенѣющей къ Богу любовію и радующейся о немъ.—Затѣмъ вы, конечно, желаете знать, что означаетъ просфора двусоставная и изображенія на ней? Мы вѣруемъ, что въ Іисусѣ Христѣ—два естества, Божеское и человѣческое, неслитно и нераздѣльно. Видъ просфоры и есть символъ этой Божественной истины. А подпись около креста на просфорѣ есть сокращеніе словъ *Іисусъ Христосъ ника*, т. е. побѣдитель. Это изображеніе сходно съ тѣмъ знаменіемъ, которое видѣлъ св. равноапостольный царь Константинъ на небѣ, составленное изъ звѣздъ.

Заключимъ бесѣду сію молитвою ко Господу, чтобы Онъ, просвѣщая нашъ разумъ въ вѣдѣніи Его истинъ, освятилъ наши сердца къ дѣланію всякаго добра и научилъ творити святыню въ страхѣ Божіемъ. Аминь.

БЕСѢДА 3-я.

Вторая часть литургіи называется литургіею оглашенныхъ. Это названіе произошло оттого, что при оной могли присутствовать оглашенные, т. е. тѣ, которые еще не приняли св. крещенія, но приготовлялись къ оному, поучаясь истинамъ Евангельскимъ. Они оглашались христіанскимъ ученіемъ, отчего и получили названіе оглашенныхъ; съ оглашенными допускались также кающіеся или находящіеся подъ запрещеніемъ.

Предъ начатіемъ литургіи завѣса у царскихъ вратъ открывается, а самыя двери остаются запертыми, въ знаменіе того, что только избранные Божіи, т. е. Пресвятая Дѣва, Іосифъ, пастыри и волхвы, познали Сына Божія въ Его рожденіи, а прочіе люди еще не вѣдали сего. Священнослужащіе, призвавъ Утѣшителя Духа Истины, чтобы сошелъ на нихъ и очистилъ ихъ отъ всякія скверны, возглашаютъ ту пѣснь, кото-

рую при Рождествѣ Іисуса Христа воспѣвали Ангелы: *слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ въ человѣцѣхъ благоволеніе,* и потомъ діаконъ, по принятіи благословенія, идетъ изъ олтаря принести молитвенное поклоненіе Господу отъ лица всѣхъ вѣрующихъ, во образъ того, какъ пастыри Виѳлеемскіе, послѣ ангельскаго извѣщенія и славословія, пошли поклониться родившемуся Спасителю. На діаконское возглашеніе—*благослови Владыко,* священникъ отвѣтствуетъ прославленіемъ царства Пресвятой Троицы. Литургія, какъ совершеннѣйшее служеніе христіанъ, выражаетъ полное и совершенное познаніе Бога во Святой Троицѣ, почему и начинается словами *благословенно царство Отца и Сына и св. Духа;* между тѣмъ вечерня, выражая первоначальное неполное понятіе людей о Богѣ, непознаваемомъ еще во св. Троицѣ, начинается просто *благословенъ Богъ нашъ,* а утреня, изображая понятіе о Богѣ по сказанію Пророковъ, познавшихъ Бога во св. Троицѣ, но не ясно, и неувѣдавшихъ особенностей трехъ лицъ Божества,—что открылъ только самъ вочеловѣчившійся Богъ,—начинается словами: *слава святый, единосущный и нераздѣльный Троице.*

За прославленіемъ царства св Троицы начинается великая эктенія словами *миромъ Господу помолимся,* т. е. помолимся въ тишинѣ и спокойствіи духа, безъ всякихъ развлеченій и суетныхъ помышленій, а также съ единодушіемъ и взаимною любовію. Не станемъ разбирать всѣ прошенія этой эктеніи: внимательный христіанинъ понимаетъ ихъ и поучается изъ нихъ, что прошенія наши къ Богу должны быть болѣе о духовныхъ, вѣчныхъ благахъ, нежели о внѣшнихъ и временныхъ, болѣе объ общемъ благѣ всѣхъ христіанъ, нежели о собственномъ благѣ каждаго.

По окончаніи сей эктеніи поются *антифоны* т. е. противогласники, такъ называемые потому, что тамъ, гдѣ есть возможность, они поются на обоихъ клиросахъ преемственно, на одномъ послѣ другого. Въ нихъ содержится хвала Богу или изъясненіе праздника. Въ воскресные-же и другіе дни вмѣсто антифоновъ читаются изобразительные псалмы, а послѣ ихъ

блаженны, т. е. стихи, излагающіе блаженства за добродѣтели. Эти чтенія раздѣляются двумя малыми эктеніями для того, чтобы предстоящіе, углубившись, не отвлекали мыслей отъ главнаго предмета моленія и благохваленія Бога.

Предъ второю малою эктеніею поется тропарь: *Единородный Сыне и Слове Божій...* Онъ употребляется при литургіи съ того времени, когда еретикъ Несторій дерзнулъ богохульствовать, не признавая въ Іисусѣ Христѣ двухъ естествъ и не воздавая должной чести Божіей Матери. Торжественное пѣніе этого тропаря служитъ въ обличеніе бывшей ереси и вмѣстѣ знаменуетъ тотъ гласъ Бога Отца, который при крещеніи Господа на Іорданѣ торжественно засвидѣтельствовалъ о Его Божествѣ.

Послѣ второй эктеніи отверзаются царскія двери въ означеніе того, что Христосъ являетъ себя міру, и люди начинаютъ познавать Его. За симъ бываетъ входъ съ Евангеліемъ, называемый малымъ въ отличіе отъ великаго, когда, во время Херувимской пѣсни, переносятся Св. Дары съ жертвенника на престолъ. Входъ съ Евангеліемъ означаетъ шествіе Господа по городамъ и селамъ для проповѣди, почему и приглашаются всѣ къ поклоненію грядущему Господу во образѣ Его Евангелія словами: *Господу помолимся.* Предносимая предъ Евангеліемъ свѣча знаменуетъ Предтечу Господня Іоанна, который предшествовалъ Христу, равно и Апостоловъ, которыхъ Онъ посылалъ предъ лицемъ Своимъ; она знаменуетъ также и свѣтъ Евангельскаго ученія. Возглашаемыя въ царскихъ вратахъ слова *премудрость, прости* означаютъ то, чтобы предстоящіе, вникая въ Божію премудрость, сокровенную въ знаменательныхъ дѣйствіяхъ литургіи, были *прости,* т. е. чисты отъ всѣхъ суетныхъ помысловъ и мудрованій, какъ предъ самимъ Христомъ, котораго образуетъ Евангеліе. На слова сіи предстоящіе приглашаютъ другъ друга къ единодушному поклоненію Сыну Божію: *пріидите, поклонимся и припадемъ ко Христу.*

По маломъ входѣ, послѣ возгласа, поется трисвятая пѣснь: *святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный, помилуй насъ.* Сія пѣснь принята Церковію по слѣдующему откровенію:

въ царствованіе греческаго императора Ѳеодосія II, во время страшнаго землетрясенія въ Константинополѣ, когда всѣ христіане въ страхѣ умоляли Бога о помилованіи, вдругъ изъ среды народа одинъ отрокъ непостижимою силою былъ восхищенъ къ небу. Между тѣмъ, въ то время, какъ народъ недоумѣвалъ при семъ необычайномъ событіи, отрокъ тою же силою возвратился на землю и повѣдалъ, что онъ слышалъ ангеловъ, поющихъ: святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный. Народъ, услышавъ сіе, возгласилъ туже пѣснь, и мгновенно гнѣвъ Божій пересталъ... Съ сего то времени установлено въ христіанской церкви сіе ангельское пѣснопѣніе.

По трисвятомъ священнослужащій выходитъ на *горнее мѣсто*, за престоломъ, для того, чтобы удобнѣе видѣть благоговѣніе предстоящихъ. Представляя собою Христа, онъ изображаетъ на горнемъ мѣстѣ Его сѣденіе на престолѣ славы Царствія Своего. За симъ діаконъ возглашаетъ *вонмемъ*, т. е. вникнемъ, а священникъ словами—*миръ всѣмъ*, по примѣру Господа и по Его дару, преподаетъ благословеніе Божіе всѣмъ предстоящимъ, на что готовящійся къ чтенію апостольскихъ посланій чтецъ отвѣчаетъ отъ лица всѣхъ—*и духови твоему*, т. е. желаетъ и проситъ мира. По возглашеніи—*премудрость*, чтецъ говоритъ—*прокименъ*, повторяемый клиромъ. Прокименъ есть стихъ, заключающій краткое содержаніе наступающаго чтенія. За нимъ читается апостольское посланіе, означающее апостольскую проповѣдь.

Далѣе предстоящіе приготовляются къ слушанію Евангелія: *кажденіемъ*, которое означаетъ разливающуюся благодать на внимающихъ и исполняющихъ слово Божіе; пѣніемъ *аллилуіа*, что значитъ: хвалите Господа, потомъ приглашеніемъ, чтобы *прости*, т. е. съ чистымъ сердцемъ, услышали святое Евангеліе и наконецъ пѣніемъ *слава Тебѣ, Господи, слава тебѣ* во свидѣтельство благодарности ко Господу, сподобившему насъ слышать спасительныя истины Евангелія. Чтеніе Евангелія означаетъ проповѣдь самого Іисуса Христа, и потому потребно отъ предстоящихъ глубокое вниманіе и благоговѣніе, въ означеніе чего и стоятъ христіане съ наклоненными главами.

За Евангеліемъ слѣдуетъ сугубая эктенія, т. е. прилежнѣйшее моленіе, почему на прошенія оной ликъ поетъ троекратное *Господи помилуй.*

Послѣ сего наступаетъ время изведенія оглашенныхъ изъ храма, а съ ними и кающихся, потому что при дальнѣйшемъ совершеніи литургіи они находиться недостойны. Но чтобы изведеніе сіе не показалось имъ изгнаніемъ и не огорчило ихъ, равно, чтобы Господь удостоилъ ихъ скорѣйшаго соединенія съ вѣрными, предлагается эктенія и объ оглашенныхъ. По окончаніи сего моленія они уже приглашаются выйти изъ храма: *елицы оглашенніи изыдите.* Этимъ оканчивается литургія оглашенныхъ и начинается третья и важнѣйшая часть литургіи—литургія вѣрныхъ.

Отложивъ дальнѣйшее объясненіе литургіи до слѣдующей бесѣды, разсмотримъ, для чего нынѣ произносятся слова—*оглашенніи изыдите,* когда оглашенные, т. е. готовящіеся ко св. крещенію весьма рѣдко бываютъ?

Кромѣ оглашенныхъ изводились изъ церкви, какъ мы говорили, и кающіеся, т. е. на время, за тяжкіе грѣхи, отлученные отъ Церкви, каковые и нынѣ бываютъ. А главное: это возглашеніе, не разъ повторяемое, — *елицы оглашенніи изыдите, оглашенніи изыдите* и проч. можетъ быть полезно многимъ и изъ неотлученныхъ христіанъ. Каждый христіанинъ, слыша эти слова, долженъ вопросить самого себя: достойно-ли я буду присутствовать при святѣйшемъ таинствѣ? Не осквернень-ли я какимъ смертнымъ грѣхомъ, еще неочищеннымъ покаяніемъ? Не питаю-ли я злобы и ненависти къ кому-либо? Съ чистымъ-ли намѣреніемъ я остаюсь здѣсь, чтобы отъ глубины души молиться съ вѣрными? Не колеблетъ-ли меня какое невѣріе, или не скрывается-ли во мнѣ какой злой умыселъ? Не буду-ли я здѣсь, какъ Іуда между вѣрными учениками Господа на Тайной Вечери?—Такіе и подобные тому вопросы не могутъ не напомнить другимъ и изъ христіанъ, что они пришли на вечерю Господню, не имѣя одѣянія брачнаго. А пришедшій въ себя, познавшій свое недостоинство, не побоится-ли услышать отъ Господа грознаго вопроса—*како вшелъ еси*

сѣмо, не имый одѣянія брачна и потомъ страшнаго опредѣленія—*вверзите его въ тьму кромѣшную,* а потому не позаботится-ли въ искренней слезной молитвѣ оплакать предъ Господомъ свое недостоинство и, сначала въ сердцѣ твердымъ намѣреніемъ, а послѣ и самымъ дѣломъ, исправить себя отъ того, что по суду совѣсти ставитъ его въ число невѣрныхъ? Такъ, братія, когда слышимъ слова, изводящія оглашенныхъ да не мнимъ, что они чужды насъ, но да помнимъ, что это, напоминаніе намъ, чтобы мы, пребывая въ сонмѣ вѣрныхъ, старались, и вѣрою, и дѣлами, и мыслями, и молитвою, быть вѣрными о Христѣ. Аминь.

БЕСѢДА 4-я.

Съ изведеніемъ оглашенныхъ изъ храма, когда остаются одни вѣрные, начинается важнѣйшая часть литургіи, и это напоминается предстоящимъ возглашеніемъ, въ окончаніяхъ двухъ краткихъ эктеній, слова *премудрость,* а священнослужащій молится тайно, чтобы Господь удостоилъ его совершить предстоящее служеніе непреткновенно.

Съ отверзтіемъ царскихъ вратъ поется *херувимская пѣснь.* Въ это время вѣрующіе, таинственно соединяясь съ невидимыми силами, купно съ ними восхваляютъ Царя Славы. *Изображая тайно херувимовъ,* поютъ они, *и съ ними воспѣвая Животворящей Троицѣ трисвятую пѣснь, отложимъ нынѣ всѣ житейскія попеченія, чтобы достойно подъять Царя всѣхъ, Котораго невидимо сопровождаютъ ангельскіе чины: аллилуіа.* Ту же пѣснь троекратно произноситъ священнослужащій у престола Божія съ воздѣтыми руками, какъ бы этимъ руководя всѣхъ къ теплѣйшему моленію и возводя сердца ихъ отъ всего земного къ горнему престолу Господа славы.

Во время херувимской пѣсни бываетъ *великій входъ,* т. е. перенесеніе Св. Даровъ съ жертвенника на престолъ. Здѣсь поминаются, гласомъ покаявшагося на крестѣ и получившаго

спасеніе разбойника. Государь, какъ защитникъ благовѣрія, и Его Августѣйшій Домъ, Святѣйшій Сунодъ и епархіальный архіерей, какъ руководители въ вѣрѣ, и всѣ православные христіане. За симъ Св. Дары поставляются на престолъ. Входъ сей изображаетъ шествіе Господа на вольное страданіе и перенесеніе пречистаго Тѣла Его съ Голгофы до гроба. Священникъ и діаконъ, какъ Іосифъ и Никодимъ, приступивъ къ жертвеннику, изображающему Голгофу, подъемлютъ на себя Св. Дары, во образъ снятія съ креста пречистаго Тѣла Господа, и несутъ оные чрезъ церковь на св. престолъ, знаменуя симъ то, что Іисусъ Христосъ съ Голгофы несенъ былъ въ вертоградъ, гдѣ былъ въ вертепѣ гробъ новъ, въ которомъ погребли тѣло Іисусово. Согласно сему знаменованію въ это время знаменуютъ: олтарь—вертоградъ, престолъ—вертепъ, антиминсъ—гробъ, воздухъ—тотъ камень, который былъ привалень ко гробу Господа, звѣзда—ту печать, которою запечатали гробъ, затвореніе царскихъ дверей—приставленную ко гробу стражу, опущеніе завѣсы—тайное сошествіе Іисуса Христа во адъ. Сколько дивныхъ знаменованій! Какъ все это наполняетъ сердце вѣрующаго глубокимъ благоговѣніемъ и располагаетъ его къ молитвенному изліянію своихъ чувствъ предъ Благодѣтелемъ и Спасителемъ нашимъ Господомъ!

По великомъ входѣ слѣдуетъ эктенія, коею молимъ Господа о предложенныхъ честныхъ дарахъ, чтобы они получили освященіе, о провожденіи настоящаго дня безъ грѣха, о ниспосланіи намъ ангела-хранителя и о другихъ душеполезныхъ благахъ. По окончаніи сей эктеніи вѣрнымъ напоминается, что они должны имѣть взаимную любовь между собою, ибо здѣсь Самъ Начальникъ мира и любви приносится въ жертву, а Онъ строго заповѣдалъ не приносить жертвы Богу съ сердцемъ, не совсѣмъ чистымъ отъ гнѣва или неудовольствія на ближняго. *Аще принесеши даръ твой къ олтарю*, сказалъ Онъ, *и ту помянеши, яко братъ твой нѣчто имать на тя: остави ту даръ твой предъ олтаремъ и шедъ смирися съ братомъ твоимъ и тогда пришедъ принеси даръ твой.* Памятуя это, Св. Церковь не иначе вводитъ насъ къ участію въ великой

жертвѣ, приносимой здѣсь, какъ напомнивъ прежде, что миръ и любовь суть необходимыя условія для достойнаго прославленія Бога. Эту цѣль и имѣютъ слова: *миръ всѣмъ* и *возлюбимъ другъ друга, да единомыслiемъ исповѣмы*, т. е. *Отца, Сына и Св. Духа, Троицу единосущную и нераздѣльную.* Въ это время древніе христіане свидѣтельствовали истинную любовь между собою взаимнымъ цѣлованіемъ, мужчины между собою и женщины между собою. Для тишины и благочинія въ церкви, этотъ древній обычай оставленъ, но въ олтарѣ священнослужащій, если одинъ, цѣлуетъ въ это время потиръ, дискосъ и престолъ, а если не одинъ, то и между собою, произнося слова: *Христосъ посреди насъ: и есть и будетъ.* Міряне же въ это время должны внутренно расположить себя къ духовной любви ко всѣмъ.

Показавъ взаимную любовь другъ къ другу, христіане должны показать чистоту и непорочность своей вѣры исповѣданіемъ *Символа вѣры.* Но чтобы присутствующіе исполнили это отъ всей искренности сердца, какъ предъ лицемъ самого Іисуса Христа, для того не только отъемлется отъ царскихъ дверей завѣса, но и отъ святыхъ даровъ воздухъ, доселѣ покрывавшій ихъ. Въ древней церкви, діаконъ, увидѣвъ отъятіе завѣсы и открытіе даровъ, возглашалъ къ служителямъ церкви—*двери, двери,* т. е. храните двери, чтобы не вошелъ кто нибудь въ храмъ изъ оглашенныхъ и кающихся, которые недостойны видѣть Св. Тайны, или чтобы еретики и язычники не вошли и не воспрепятствовали священнодѣйствію, по своей ненависти къ Церкви Христовой. Послѣ сей предосторожности, діаконъ словами—*премудростію вонмемъ,* давалъ знакъ вѣрующимъ къ благоговѣйному исповѣданію символа вѣры. Какъ въ послѣдующія времена оглашенныхъ въ Церкви не было, а равно миновалась опасность отъ еретиковъ и язычниковъ, то слова—*двери, двери*—получили таинственное значеніе. Мы выше говорили, что послѣ великаго входа покрытіе воздухомъ даровъ означало приваленіе ко гробу камня, а опущеніе завѣсы—сошествіе Іисуса Христа во адъ; теперь отъятіе

отъ даровъ воздуха означаетъ отнятіе камня отъ гроба, а открытіе завѣсы—то, что адъ не удержалъ Христа, двери адовы, отверзтые Христомъ, остались открытыми для выхода изъ онаго и всѣмъ вѣрующимъ. Діаконъ, видя эти дѣйствія, восклицаетъ: двери, двери, т. е. отверзлись одни двери къ возстанію Христову изъ гроба, а чрезъ нихъ отверзлись другія двери къ возшествію намъ во святая святыхъ, въ самое небо, образуемое олтаремъ.—Въ то время, когда поется символъ вѣры, священнодѣйствующій колеблетъ надъ святыми дарами воздухъ, что знаменуетъ во первыхъ трусъ, бывшій при отваленіи камня отъ двери гроба Спасителя, во вторыхъ осѣненіе Св. Духа, Котораго сошествіе на Апостоловъ было при дыханіи бурномъ и пантіемъ Котораго здѣсь предлежащая жертва должна совершиться.

По окончаніи символа вѣры присутствующіе приготовляются къ благоговѣйному участію въ принесеніи великой жертвы возглашеніемъ: *станемъ добрѣ, станемъ со страхомъ, вонмемъ святое возношеніе въ мирѣ приносити;* на что они отвѣчаютъ: *милость мира, жертву хваленія,* т. е. мы хранимъ взаимную любовь и миръ и готовы оказывать милосердіе другъ къ другу, какъ жертву хваленія милосердому Богу. За сію святую готовность священнослужащій благословляетъ ихъ апостольскими словами: *благодать Господа нашего Іисуса Христа и любы Бога и Отца и причастіе Св. Духа буди со всѣми вами;* на что вѣрующіе словами—*и со духомъ твоимъ* благожелаютъ и ему той же милости Божіей. *Горѣ имѣемъ сердца,* возглашаетъ священнодѣйствующій, т. е. вознесемъ наши сердца отъ всего земнаго къ горнему престолу Господа. На сіе люди отвѣчаютъ: *имамы ко Господу,* т. е. наши сердца забыли все земное и устремлены ко Господу.—Братія? Что, если чьи уста выражаютъ сіе безъ участія сердца? Что, если чьи мысли блуждаютъ въ это время по распутіямъ міра? Страшитесь солгать предъ Богомъ и Церковью въ столь торжественную минуту!

За симъ слѣдуетъ совершеніе самой Евхаристіи. Для уразумѣнія сего святѣйшаго и высочайшаго таинства потребно

усиленное вниманіе и нѣсколько подробнѣйшее разсужденіе. Потому изъяснимъ оное въ слѣдующей бесѣдѣ, чтобы во первыхъ имѣть неутомленное вниманіе. а во вторыхъ,—и это главное,—приготовить себя къ созерцанію и уразумѣнію многознаменательныхъ дѣйствій великаго таинства. Какъ же можемъ приготовить себя къ этому? Приготовить можемъ размышленіемъ о всемъ, доселѣ изъясненномъ, а также молитвою къ Тому, Который не одинъ разумъ умудряетъ, но и просвѣщаетъ сердце, согрѣваетъ его любовію, возбуждаетъ въ немъ жажду спасенія и вливаетъ въ него сладостное желаніе непрестанно славить и воспѣвать всесвятое имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

БЕСѢДА 5-я.

Въ прошлой бесѣдѣ мы остановились, братія, на томъ, какъ по гласу священника, готовящагося приступить къ совершенію самой Евхаристіи, предстоящіе отвѣтствуютъ, что они имѣютъ сердца устремленными ко Господу. Въ это время слышимъ удареніе въ церковный колоколъ. Это для того, чтобы и неприсутствующіе въ храмѣ по благословнымъ причинамъ знали, что въ это время совершается великое священнодѣйствіе, чтобы, и престарѣлый, и болящій, на одрахъ своихъ отъ глубины души воздохнули ко Господу и вознесли къ Его престолу свой хвалебный и молитвенный гласъ. Этотъ-же колоколъ долженъ служить укоромъ для тѣхъ, кои по лѣности, невниманію и по мірскимъ заботамъ не присутствуютъ во храмѣ. Колокольный звонъ изображаетъ гласъ и трубный звукъ ангельскій, которымъ призовутся нѣкогда на судъ Божій всѣ живые и мертвые.

За изъявленіемъ вѣрующими, что они имѣютъ *горѣ сердца*, священнодѣйствующій приступаетъ къ Евхаристіи по тому примѣру, какой преподалъ самъ Спаситель на Тайной Вечери. Какъ Спаситель, прежде нежели преподалъ Св. Тайны, возблагодарилъ Бога Отца, такъ и священникъ прежде всего присту-

шаетъ къ благодаренію, возбуждая къ тому-же и другихъ: *благодаримъ Господа.* Между тѣмъ, какъ на сіе возглашеніе ликъ выражаетъ необходимость славословить тріипостаснаго Бога пѣніемъ: *достойно и праведно есть покланятися Отцу и Сыну и Святому Духу, Троицѣ Единосущной и нераздѣльный,* священнодѣйствующій тайно исчисляетъ все промышленіе Божіе о человѣкѣ отъ самаго его сотворенія, касается небесной славы Господа и даетъ наставленіе, что и намъ должно восхвалять и благодарить Его также, какъ Его хвалятъ и благодарятъ небесныя силы, т. е. съ ними *побѣдную,* или торжественную *пѣснь поюще, вопіюще, взывающе и глаголюще;* на что ликъ и отвѣчаетъ Серафимскою пѣснью: *святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ, исполнь небо и земля славы Твоея, осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне. осанна въ вышнихъ.*

Пѣснь эта названа Серафимскою потому, что начало ея составляютъ слова, которыми, по тайновѣдѣнію Исаіи Пророка, а также и Евангелиста Іоанна Богослова, ангельскіе чины взываютъ ко Господу, на престолѣ славы сѣдящему; конецъ же сей пѣсни составляютъ тѣ слова, которыми отроки еврейскіе воздали хвалу Господу при шествіи Его во Іерусалимъ для попранія смерти Своею смертію. Соединеніе ангельскихъ и человѣческихъ благохваленій въ одну хвалебную пѣснь есть выраженіе того, что здѣсь небесныя силы съ нами невидимо хвалятъ и благодарятъ Господа, что здѣсь небо и земля соединились въ одинъ общій хоръ, чтобы купно восхвалить славу Божію.—Какое высокое богослуженіе! Какихъ неисчислимыхъ благодѣяній Божіихъ можетъ ожидать тотъ, кто съ чистымъ непорочнымъ сердцемъ, съ пламенною любовію къ Богу соединяетъ свой хвалебный гласъ съ хоромъ ангеловъ и святыхъ человѣковъ!

Конечно, не всѣ знаютъ, что означаетъ возглашеніе почти однозначущихъ словъ: *поюще, вопіюще, взывающе и глаголюще?* Эти слова изображаютъ четырехъ существъ, которыя, по откровенію Іоанна Богослова, предстоятъ съ четырехъ сторонъ престолу славы Господней и неумолкаемо, день и ночь, славо-

словятъ Господа. Одно существо имѣетъ лице человѣческое, другое львиное, третье тельчее и четвертое орлее. Поющій есть орелъ, вопіющій—телецъ, взывающій—левъ и глаголющій—человѣкъ.—На семъ-же основаніи, при изображеніи Евангелистовъ, каждому изъ нихъ придается изображеніе одного изъ сихъ таинственныхъ существъ, въ означеніе того, что и Евангелисты своими писаніями во всѣ концы или страны міра возвѣстили хвалу Божію, подобно какъ тѣ вѣщаютъ ее на небеси.

Во время пѣнія Серафимской пѣсни, священнодѣйствующій, пріемля на себя самого Іисуса Христа, обращается съ молитвою къ Богу Отцу и, воспомянувъ всѣ Его благодѣянія, чрезъ Единороднаго Сына Его намъ оказанныя, потомъ всѣ дѣйствія Сына Божія на Тайной Вечери, возглашаетъ, указывая на хлѣбъ: *пріимите, ядите, сіе есть тѣло Мое, еже за вы ломимое во оставленіе грѣховъ;* потомъ, указывая на чашу: *—пійте отъ нея вси, сія есть кровь Моя новаго завѣта, яже за вы и за многія изливаемая во оставленіе грѣховъ.* Оба сіи возглашенія подтверждаетъ ликъ словомъ *аминь,* означая тѣмъ, что всѣ единомудренно и единогласно исповѣдуютъ св. таинство. Потомъ, воспомянувъ крестъ, гробъ, воскресеніе, вознесеніе, будущее пришествіе Господа, чѣмъ всѣмъ устроилъ Онъ наше спасеніе, священникъ въ возблагодареніе за всѣ сіи неизреченныя благодѣянія приноситъ въ жертву Богу Отцу предложенные дары, крестообразно подъемля ихъ и возглашая: *Твоя отъ Твоихъ, Тебѣ приносяще о всѣхъ и за вся,* т. е. Отецъ небесный! Твои дары, Твоимъ Единороднымъ Сыномъ избранные и намъ заповѣданные, мы приносимъ Тебѣ въ жертву благодаренія о всѣхъ людяхъ и за всѣ Твои благодѣянія, чрезъ Него намъ оказанныя. На сіе, въ изъявленіе усердія, любви и благодарности предстоящихъ, ликъ поетъ: *Тебе поемъ, Тебе благословимъ, Тебе благодаримъ, Господи, и молимтися Боже нашъ,* а священникъ между тѣмъ молится о ниспосланіи Духа Святаго: *Господи, Иже пресвятаго Твоего Духа въ третій часъ Апостоламъ Твоимъ ниспославый, Того, Благій, не отъими отъ насъ, но обнови насъ молящихъ* и, памятуя свое недостоинство въ столь высочайшемъ служеніи, присоединяетъ молитву и объ

очищеніи и освященіи себя самого: *сердце чисто созижди во мнѣ Боже и духъ правый обнови во утробѣ моей, не отвержи мене отъ лица Твоего и Духа святаго не отъими отъ мене!* По троекратномъ призываніи, онъ благословляетъ знаменемъ креста поверхъ дискоса, потира и купно надъ обоими, съ молитвою Богу Отцу: *и сотвори убо хлѣбъ сей честное тѣло Христа Твоего, а еже въ чаше сей честную кровь Христа Твоего, преложивъ Духомъ Твоимъ Святымъ.* При этомъ видимомъ дѣйствіи служителя Господня невидимо освящаетъ дары самъ Духъ Святый, и съ того мгновенія они становятся истиннымъ Тѣломъ и Кровію Христовою. Поклонившись имъ, какъ самому Господу, возлежащему предъ очами его на престолѣ, священникъ тайно молится, чтобы они были причащающимся *во трезвеніе души,* т. е. въ бодрствованіе противъ соблазновъ и искушеній, *во оставленіе грѣховъ, въ пріобщеніе Св. Духа, въ дерзновеніе еже къ Богу,* т. е. въ непостыдное на Него упованіе, а не въ судъ или въ осужденіе.

Такъ какъ Св. Дары суть совершеннѣйшая жертва Богу о всемъ мірѣ, не только дольнемъ, но и горнемъ, и какъ святые уже прославлены Богомъ, между тѣмъ какъ другіе умершіе чаютъ милости Божіей, а насъ, живущихъ, тяготятъ болѣе всего грѣхи, нами содѣлываемые, то и жертва сія бываетъ троякая: благодарственная, умилостивительная и очистительная.

Благодарственную жертву приноситъ Церковь о Праотцахъ, Пророкахъ, Апостолахъ, Мученикахъ и всѣхъ святыхъ потому, что она обрѣла въ нихъ искомое и желаемое, т. е. достойныхъ царства небеснаго, и что они имѣютъ дерзновеніе у престола Божія ходатайствовать о мірѣ и единоестественныхъ имъ людяхъ; особенно же и паче всѣхъ приносится Богу благодареніе о Пресвятой Дѣвѣ, Матери Божіей, какъ имѣющей высшую всѣхъ у Бога благодать и большее всѣхъ дерзновеніе ходатайствовать за насъ. Потому священникъ, помянувъ тайно всѣхъ святыхъ, возглашаетъ вслухъ: *изрядно,* т. е. особенно, преимущественно, *о пресвятѣй, пречистѣй, преблагословенней, славнѣй Владычицѣ нашей Богородицѣ и Приснодѣвѣ Маріи,* т. е. приносимъ жертву.

Въ то время какъ ликъ восхваляетъ Божію Матерь пѣніемъ: *достойно есть, яко воистинну блажити тя Богородицу, присноблаженную и пренепорочную* и пр., въ олтарѣ приносится *умилостивительная* жертва о всѣхъ, въ вѣрѣ и надеждѣ живота вѣчнаго скончавшихся. Здѣсь священникъ умоляетъ Господа, чтобы онъ упокоилъ ихъ, *идѣ-же присѣщаетъ свѣтъ лица Божія.* По неложному увѣренію Церкви Божіей, бываетъ великая отрада душамъ усопшихъ, когда о нихъ приносятся молитвы при святѣйшей жертвѣ.

По окончаніи моленія за умершихъ приносится *очистительная* жертва о всѣхъ живыхъ христіанахъ, гдѣ священникъ молится о Св. соборной и Апостольской Церкви, о Государѣ, дабы мы подъ кровомъ Его мудраго правленія жили въ тишинѣ и во всякомъ благочестіи и чистотѣ, и какъ прежде отлично отъ всѣхъ святыхъ воспомянулъ Пресвятую Богородицу, такъ теперь отлично же, т. е. вслухъ молится—*въ первыхъ помяни Господи, Святѣйшій Правительствующій Синодъ* и Епархіальнаго Архіерея, какъ руководителей нашихъ въ подвигѣ благочестія, чтобы Господь даровалъ имъ не только долголѣтіе, но чтобы они были *правоправящи Слово* Его *истины.* На сіе ликъ отвѣчаетъ *и всѣхъ и вся,* т. е. помяни Господи не только тѣхъ, кои воспоминаемы были по именамъ, но и всѣхъ, какъ мужей, такъ и женъ.

Въ заключеніе сего высочайшаго жертвоприношенія священникъ умоляетъ Бога, чтобы Онъ далъ всѣмъ *едиными устами и единымъ сердцемъ всегда славити и воспѣвати пречестное и великолѣпое имя* Его, *Отца и Сына и Святаго Духа,* а потомъ призываетъ на всѣхъ предстоящихъ *милости Великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа,* на что получаетъ отъ предстоящихъ такое же призываніе *и со духомъ твоимъ,* т. е. да будутъ тѣ-же милости.

Послѣ сего бываетъ эктенія, въ коей приносится моленіе, чтобы *принесенные и освященные дары принялъ* Господь *въ пренебесный Свой жертвенникъ въ воню благоуханія духовнаго,* т. е. пріятное приношеніе, и *ниспослалъ намъ Божественную благодать и даръ Святаго Духа.* Къ сему присоединяются и

другія молепія. По окончаніи ихъ священникъ возглашаетъ: *и сподоби насъ, Владыко, со дерзновеніемъ неосужденно смѣти призывати Тебе, Небеснаго Бога, Отца и глаголати.* Что-же глаголати? Молитву Господню—*Отче нашъ,* которая тогда же и возглашается. Эта молитва дана намъ самимъ Спасителемъ нашимъ; Онъ ею научилъ насъ призывать Бога именемъ Отца. Слѣдовательно, сія молитва есть совершеннѣйшая изъ молитвъ и вмѣстѣ пріятнѣйшая Богу, когда приносится съ дѣтскою любовію и чистотою сердца. Но если кто называетъ Бога отцемъ, не имѣя дѣтской любви, покорности и смиренія, тотъ сею молитвою выражаетъ одну дерзость свою и не пользуется отеческими милостями Бога. Потому-то, приступая къ оной, священникъ молитъ Господа, чтобы Онъ сподобилъ насъ неосужденно призвать Его, какъ Отца, возлюбившаго насъ недостойныхъ ради заслугъ Единороднаго Сына Своего и давшаго намъ въ духовную снѣдь пречистую плоть Его. Послѣ Господней молитвы вѣрующіе преклоняютъ свои главы въ знакъ сыновняго почтенія и страха, а священникъ проситъ Господа воззрѣть милостиво на преклонпихъ Ему свои главы и даровать всякому благопотребное, но не ради ихъ достоинствъ, а единственно *благодатію и щедротами и человѣколюбіемъ Единороднаго Сына Его.* Въ это время діаконъ, готовясь идти въ олтарь и зрѣть Св. Тайны, препоясуется ораремъ въ подражаніе Серафимамъ, которые предъ величествомъ славы Божіей закрываютъ крылами лица свои, и возглашаетъ *вонмемъ,* а священникъ, возвысивъ нѣсколько пречистое Тѣло Христово надъ дискосомъ, говоритъ *святая святымъ,* т. е. внимайте, христіане, святые дары преподаются только святымъ, или достойнымъ, потому приступающій къ нимъ да испытаетъ прежде себя, ибо *ядый и піяй недостойнѣ, судъ себѣ ясть и піетъ.* На сіе ликъ поетъ: *единъ святъ, единъ Господь Іисусъ Христосъ во славу Бога Отца Аминь,* выражая тѣмъ, что никто изъ насъ не можетъ быть святъ и чистъ отъ грѣховъ, но единъ только Святый Ходатай и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ, по неизреченному Своему милосердію и человѣколюбію, можетъ насъ очистить и освятить. Послѣ сего поется причастенъ,

а въ олтарѣ священнодѣйствующіе приготовляютъ къ причащенію св. Дары и пріобщаются.

БЕСѢДА 6-я.

Во время пѣнія причастна, пречистое Тѣло Христово раздробляется на четыре части и полагается на дискосѣ крестообразно въ ознаменованіе мученій Спасителя и совершенія Имъ искупленія нашего крестомъ или крестною смертію. При раздробленіи произносятся слова: *раздробляется и раздѣляется Агнецъ Божій, раздробляемый и нераздѣляемый, всегда ядомый и никогда-же ижденваемый, но причащающіяся освящаяй,* чѣмъ объясняется, что въ каждой частицѣ, преподаемой вѣрнымъ, обрѣтается всецѣлый Христосъ, и что Церковь Христова будетъ пріобщаться Христа до скончанія міра. Верхняя изъ четырехъ частей Тѣла Христова погружается въ пречистую Кровь, чѣмъ изображается воскресеніе Христово, ибо какъ плоть не проницаемая кровію, означаетъ смерть, такъ плоть, соединенная съ кровью, означаетъ жизнь, Слова: *исполненіе Духа Святаго,* произносимыя при семъ, означаютъ, что здѣсь, какъ всѣ другія таинства Сына Божія, такъ и Его воскресеніе совершается непостижимымъ дѣйствіемъ Св. Духа. Потомъ вливается въ чашу теплота, или горячая вода, въ означеніе того, что изъ реберъ Спасителя истекла теплая кровь. Произносимыми при семъ словами — *благословенна теплота святыхъ Твоихъ* благословляется теплая вѣра приступающихъ ко св. причащенію, а словами—*теплота вѣры исполнь Духа Святаго* показывается, что теплая вѣра есть даръ Св. Духа.

Послѣ сего священнодѣйствующіе пріобщаются святыхъ Христовыхъ Таинъ, исповѣдавъ свою вѣру и прося отпущенія грѣховъ; пріобщаются сначала Тѣла Христова, а потомъ изъ чаши Божественной Крови, послѣ чего касаются устами края потира, какъ самого пронзеннаго ребра Христова, и произносятъ слова Серафима, который сказалъ Исаіи Пророку, коснувшись усть его: *се прикоснуся устамъ твоимъ и отъиметъ*

беззаконія твоя и грѣхи твоя очиститъ. Оставшіяся части Св. Агнца влагаются въ потиръ при возглашеніи стихъ радостныхъ пѣсней: *Воскресеніе Христово видѣвше, поклонимся Господу Іисусу, святися, святися, новый Іерусалиме, О, пасха велія и священнѣйшая Христе* и пр. и, если нѣтъ причастниковъ, влагаются тутъ-же частицы, принесенныя въ честь Божіей Матери и святыхъ, а также о здравіи живыхъ и упокоеніи умершихъ, съ молитвою ко Господу, чтобы Онъ *омылъ грѣхи поминавшихся здѣ честною* Его *кровію, молитвами святыхъ Его.*

За симъ отверзаются царскія врата, выносятся св. Дары и призываются вѣрные къ пріобщенію оныхъ словами—*со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите.* Это явленіе св. Даровъ народу изображаетъ явленіе Іисуса Христа, по воскресеніи Его, людямъ. Христіане, узрѣвъ ихъ, покланяются и радостно взываютъ: *благословенъ грядый во имя Господне, Богъ Господь и явися намъ.* По причащеніи людей, если есть причастники, священникъ съ молитвою къ Богу благословляетъ предстоящихъ, возглашая—*спаси, Боже, люди Твоя и благослови достояніе Твое,* каковое благословеніе означаетъ то благословеніе, которое преподалъ Спаситель Апостоламъ предъ самымъ Вознесеніемъ Своимъ. Предстоящіе отвѣтствуютъ на сіе благодареніемъ Св. Троицѣ, исчисляя полученныя отъ Нея благодѣянія: *видѣхомъ свѣтъ истинный, пріяхомъ Духа Небеснаго* и пр. Затѣмъ Св. Дары въ послѣдній разъ показуются народу и относятся на жертвенникъ, что означаетъ вознесеніе Господа на небо и сѣденіе Его одесную Бога Отца, почему престолъ знаменуетъ теперь Елеонскую гору, съ которой вознесся Господь, жертвенникъ—горній престолъ Господа славы, а послѣднее куреніе ѳиміама у жертвенника—сошествіе Св. Духа на Апостоловъ, слова-же—*всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ* значатъ, что вознесшійся Господь пребудетъ съ нами всегда, а также, что онъ благословляемъ и прославляемъ будетъ всегда и во вѣки вѣковъ. Увидѣвъ въ послѣдній разъ св. Дары, христіане подобно Апостоламъ, которые. по вознесеніи Господа, *бяху выну въ церкви хвалящe и благословляющe*

Бога, изъявляютъ ту-же готовность и желаніе: *да исполнятся уста наша хваленія Твоего, Господи* и пр.

Послѣ эктеніи, которою приглашаются къ благодаренію Богу сподобившіеся Божественныхъ Таинъ и испрашивается благодать къ провожденію настоящаго дня безъ грѣха и въ святости, священникъ закрываетъ св. антиминсъ на престолѣ и объ окончаніи священнослуженія извѣщаетъ предстоящихъ словами *съ миромъ изыдемъ*, что напоминаетъ слова Спасителя, которыя Онъ произнесъ по окончаніи Тайной Вечери: *востаните, идемъ отсюду*. Ликъ на извѣщеніе священническое отвѣтствуетъ: *о имени Господнемъ* т. е. готовы изыти, но только съ благословеніемъ Господа, что услышавъ, священникъ для испрошенія молитвою сего благословенія тотчасъ исходитъ къ народу, который и извѣщается о томъ словами *Господу помолимся*. Заамвонная молитва, которая есть сокращеніе всѣхъ молитвъ, въ продолженіи литургіи принесенныхъ, заключается пѣніемъ: *буди имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка*. Послѣ сего иногда раздается *антидоръ*, т. е. остатокъ той просфоры, изъ которой изъятъ былъ св. Агнецъ, а въ это время читается псаломъ *благословлю Господа на всякое время*. Раздаяніе антидора есть остатокъ той братолюбивой трапезы, которая была въ древней церкви послѣ каждой литургіи.

По раздаяніи антидора священникъ призываетъ на христіанъ благословеніе отъ Господа: *благословеніе Господне на васъ, Того благодатію* и пр. Потомъ, возславъ славу самому Господу—*Слава Тебѣ, Христе Боже*..... священникъ дѣлаетъ отпустъ, т. е. окончательно благословляетъ идти въ домы свои, прося у Господа милости и спасенія предстательствомъ Пречистыя Его Матери и всѣхъ Святыхъ. Въ заключеніе ликъ проситъ Господа сохранить на многія лѣта Государя и его Августѣйшій Домъ, Сѵнодъ, епархіальнаго Архіерея и всѣхъ православныхъ христіанъ.

За симъ закрываются царскія врата, и оканчивается Божественная литургія. Вѣрные, достойно присутствующіе при оной, отъ всего сердца приносившіе благохваленія, благодаренія и прошенія Милосердому Господу и Подателю всѣхъ благъ,

идутъ въ домы свои съ внутреннимъ духовнымъ утѣшеніемъ, съ спокойною совѣстью, съ полнымъ расположеніемъ ко всему доброму. Самыя суеты мірскія, которыя окружаютъ ихъ по выходѣ изъ храма, не скоро разсѣиваютъ ихъ духъ, благочестиво настроенный.

И можетъ-ли быть иначе? Изъ краткаго обзора литургіи, предложеннаго мною здѣсь, внимательные достаточно могли уразумѣть, что въ ней совершается. Здѣсь не только воспоминается, но и представляется въ образахъ вся земная жизнь Спасителя нашего Іисуса Христа, представляются всѣ дѣла Его, содѣянныя для нашего спасенія и искупленія; здѣсь исповѣдуются всѣ догматы спасительнаго ученія Христова; здѣсь приносятся совокупныя моленія ко Господу не только христіанами, но участвуютъ въ нихъ, воскриляютъ ихъ угодники Божіи и святые ангелы; здѣсь мы приносимъ благодаренія и просимъ себѣ и близкимъ намъ милости Божіей не нашими только грѣшными устами, но приносимъ въ жертву благодаренія, умилостивленія и очищенія самого Единороднаго Сына Божія; здѣсь въ залогъ, въ доказательство, въ совершенное увѣреніе любви и милосердія Божія къ грѣшнымъ людямъ, преподаются въ снѣдь имъ Пречистое Тѣло и Честная кровь Спасителя нашего Іисуса Христа. Что-же можетъ вынести изъ храма послѣ литургіи христіанинъ, какъ не умъ, исполненный божественныхъ истинъ, какъ не сердце, пламенѣющее любовію и благодарностію Богу, какъ не совѣсть, успокоенную милосердіемъ Божіимъ, какъ не духъ, устремленный на небо, туда, гдѣ престолъ Божій, гдѣ отечество всѣхъ святыхъ, ангеловъ и человѣковъ? Что можетъ вынести изъ храма христіанинъ, какъ не благодатные дары Божіи, которые обильно разливаются на всѣхъ вѣрныхъ при литургіи, подкрѣпляютъ ихъ душевныя и тѣлесныя немощи и подаютъ имъ силы тещи временнымъ путемъ къ безсмертной жизни?

Такъ, братія, бываетъ съ всѣми достойно присутствующими при литургіи христіанами; такъ должно было быть и со всѣми христіанами, со всѣми нами. Но такъ-ли бываетъ? О, окаянство наше! О, бездна нашихъ золъ! О, глубина нашего раз-

сѣянія и невниманія! Мы часто вносимъ въ храмъ суетность и безпечность, бываемъ при литургіи разсѣянны и невнимательны, холодны и лѣностны. Что-же мы износимъ изъ храма? Тоже, съ чѣмъ пришли: также остаемся грѣхолюбивы, скоры на грѣхъ, также скоро предаемся влеченію суеты міра. Иначе и быть не можетъ. Св. Отцы и Учители Церкви говорятъ, что если бы Господь допустилъ нераскаявшагося и неочистившагося грѣшника водворить въ рай и окружить его всякаго рода блаженствомъ и радостію, то онъ и тогда чувствовалъ бы только одни адскія мученія, ибо его грѣхолюбивая природа неспособна къ чувствованію райскаго блаженства. По той-же причинѣ благодатные дары, сообщаемые достойнымъ при литургіи, не дѣйствуютъ на христіанъ недостойныхъ и разсѣянныхъ. Но да страшимся, братія, сего гибельнаго состоянія и памятуемъ, что названіе христіанъ и невнимательное участіе наше въ таинствахъ и богослуженіяхъ Христовой Церкви не спасутъ насъ. Самъ Спаситель уподобляетъ Церковь свою то великому неводу, которымъ уловляется рыба, и изъ котораго, когда онъ привлечется, добрыя рыбы собираются въ сосуды, а худыя извергаются вонъ,—то нивѣ, на которой между пшеницею возрастаютъ и плевелы, кои при жатвѣ предаются сожженію. Да страшимся участи худыхъ рыбъ и плевелъ и да стараемся быть вѣрными чадами Церкви Божіей и достойными участниками въ ея богослуженіяхъ и таинствахъ!

Но что-же, братія, сказать о тѣхъ христіанахъ, кои, или вовсе не ходятъ въ церковь, или ходятъ очень рѣдко? Не лучше-ли они дѣлаютъ, что не ходятъ, чѣмъ ходили бы безъ усердія и съ разсѣяніемъ пребывали въ ней?—Конечно, нельзя ожидать успѣховъ отъ учащагося, если онъ бываетъ на урокѣ невнимательнымъ и разсѣяннымъ; но что-либо и до его уха доходитъ и врѣзывается въ его памяти, усвоивается и его разсудку. Думаю, что и христіанинъ подобится сему ученику. Онъ въ церкви, какъ въ училищѣ Божественной мудрости и благочестія и при невниманіи можетъ услышать достойное вниманія, можетъ даже,—что и нерѣдко бываетъ,—дѣйствіемъ благодати мгновенно, неожиданно, очнуться отъ душевнаго утомленія. воз-

чувствовать всю потребность собственнаго исправленія и рѣшимость начать новый, богоугодный образъ жизни. Тотъ-же, кто не ходитъ въ церковь, самъ себя исключаетъ изъ общества христіанъ, самъ убѣгаетъ спасительной благодати, самъ удаляется отъ того, что можетъ вразумить его.

О, ходите, братія, нелѣностно въ церковь Божію, особенно къ Божественной литургіи, но при этомъ всѣ силы употребляйте, чтобы ваше хожденіе было пріятно Богу и по чистотѣ вашихъ дѣлъ, и по теплотѣ вашего сердца и вашихъ молитвъ, и по неослабному вниманію вашего ума! Тогда молитвословіе ваше будетъ возноситься, какъ благовонное кадило, къ престолу Божію и низведетъ на васъ всѣ милости Тріипостаснаго Бога, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПОУЧЕНІЯ:

I. Въ великій пятокъ, предъ плащаницею.

1.

И померче солнце, земля потрясеся и каменіе распадеся.—(Лук. 23, 45. Матѳ. 27, 51.

Не люди, слушатели, не ангели, но бездушная природа вопіетъ, гремитъ и хочетъ карать мучителей Христовыхъ! Отчего солнце померкло? Оно не хочетъ видѣть ужаснѣйшаго беззаконія; оно сокрываетъ свѣтъ свой, и какъ бы хочетъ навсегда сокрыть благодѣтельную теплоту свою отъ людей, поднявшихъ нечистыя руки свои на Творца неба и земли! Отчего земля сотряслася? Она ужаснулась совершившагося на ней беззаконія и хочетъ пожрать беззаконниковъ! Отчего камни распались? Они симъ явили предъ свѣтомъ, что жестокость мучителей Христа превосходитъ жесткость самихъ камней!

Но тако благоволи Богъ! Беззаконіе людей совершилось, но вмѣстѣ съ симъ совершилась безпредѣльная любовь Божія. По неизслѣдимымъ судьбамъ Божіимъ надлежало пострадать Праведнику за неправедники, Святому за грѣшники, Сыну Божію за чадъ плоти и грѣха. Потому солнце опять возсіяло, земля престала трястися, и вся природа успокоилась, ибо страданія Сына Божія удовлетворили правосудію Отца Небеснаго за грѣхи рода человѣческаго, смерть Его умертвила жало смерти, царствующей чрезъ грѣхъ на землѣ.

И такъ, сей страдалецъ есть Тотъ, въ Комъ и чрезъ Кого наше спасеніе. Онъ—Христосъ, а мы—христіане, т. е. Христовы, мы носимъ на себѣ Святое Его имя, ибо Онъ по Своей неизреченной любви къ намъ усыновилъ насъ и далъ *власть чадомъ Божіимъ быти!*

Что-жъ не слышится воплей и стенаній, съ каковыми обыкновенно дѣти провожаютъ гробъ умершихъ своихъ родителей? Или Онъ не любитъ насъ? Но Онъ изъ любви къ намъ претерпѣлъ за насъ посмѣянія, оплеванія, заушенія, ужасныя муки и поноснѣйшую смерть! Или вѣра наша презрѣваетъ преславное Его воскресеніе? Благо намъ, если это—причина нашего спокойнаго взиранія на священный гробъ Его! Но горе, если сердца наши сдѣлались тверже камней и отъ сего при воззрѣніи на гробъ сей не умягчаются! Ибо сей самый умершій Богочеловѣкъ такое завѣщаніе оставилъ людямъ: *иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ, и иже не возметъ креста своего и въ слѣдъ Мене не идетъ, нѣсть Мене достоинъ.*—Слѣдовательно, по Его-же словамъ, для всякаго, желающаго достойно присутствовать здѣсь, потребна скорбь, высшая всякой мірской скорби, и потребно несеніе собственнаго своего креста, подобнаго кресту Христову, т. е. умерщвленіе страстей своихъ, распинаніе плоти своей и всегдашняя готовность принять мученія и самую смерть за имя Христово. Съ симъ только мы можемъ достойно поклониться гробу Господню, облобызать Тѣло, за насъ изъязвленное, и въ радости духовной встрѣтить Его преславное Воскресеніе. Но если любовь къ міру въ насъ преобладаетъ надъ любовію къ Богу, если не несемъ креста своего съ такимъ-же терпѣніемъ и твердостію, съ какимъ сей Ходатай нашъ несъ, то присутствіе наше при гробѣ семъ будетъ подобно присутствію Іудеевъ, любопытствовавшихъ видѣть осужденнаго ими на смерть Христа: лобызаніе наше Его тѣла будетъ лобызаніемъ Іуды; наша вѣра не обрѣтетъ здѣсь того утѣшенія, что страданія и смерть Господа источатъ для насъ блаженство и вѣчную жизнь.

Потому, слушатели, испытаемъ себя и если не обрѣтемъ въ сердцѣ своемъ всесовершенной и полной любви къ Богу, и если крестъ нашъ не уподобляется кресту Христову, или не несемъ его съ должнымъ терпѣніемъ и мужествомъ, то прежде нежели приступимъ къ сему священному гробу, падемъ предъ Пострадавшимъ и Умершимъ ради насъ и отъ глубины сердца возопіемъ Ему: Господи! помяни немощь нашу и Самъ истреби

въ насъ нечистую любовь къ міру и его благамъ, научи насъ любити Тя отъ всего сердца своего и отъ всея души своея, пошли намъ силы и терпѣніе, да неослабно понесемъ крестъ свой во образъ Креста Твоего и страданій Твоихъ, ибо мы рѣшились идти тѣмъ скорбнымъ путемъ, которому Ты научилъ и который проложилъ Своимъ примѣромъ, и потомъ уже облобызаемъ тѣло Его во свидѣтельство того, что мы рѣшились твердо и неизмѣнно слѣдовать путемъ Господнимъ. Да будетъ тако! Аминь.

2.

Той язвенъ бысть за грѣхи наши и мученъ бысть за беззаконія наша. (Ис. 53, 5).

Настоящіе дни посвящены Церковію воспоминанію страданій Господнихъ. Для сего предложена была всѣмъ къ слушанію евангельская исторія о сихъ событіяхъ; для сего предлагается взорамъ нашимъ и изображеніе гроба Господня и въ немъ пречистаго Тѣла Его,—Тѣла, неимѣющаго вида, ниже доброты, изъязвленнаго, умерщвленнаго.

Какое намѣреніе Церкви въ представленіи сихъ изображеній? То-ли, чтобы возбудить въ насъ омерзѣніе и ненависть къ мучителямъ Христовымъ, дерзнувшимъ въ ожесточеніи своемъ поднять нечистыя богоубійственныя руки на Христа? Но Евангеліе повѣствуетъ, что Самъ высокій Страдалецъ молился на крестѣ за своихъ мучителей: *Отче, отпусти имъ, не вѣдятъ бо что творятъ.* Слѣдовательно, не то намѣреніе Церкви. Или она представляетъ намъ на память, въ подобіяхъ, страшныя со Христомъ событія для того, чтобы возбудить въ насъ жалость и состраданіе къ невинному Страдальцу? Но мы видимъ, что здѣсь болѣе требуютъ сожалѣнія мучители, нежели Мучимый, ибо Сей по волѣ Своей предалъ Себя на мученія; Могущій приказать двѣнадцати легеонамъ ангеловъ истребить Своихъ враговъ, Онъ добровольно преклоняетъ выю Свою подъ руки ихъ; притомъ въ самомъ безславіи Своемъ Онъ видитъ славу Свою, какъ и изрекъ: *нынѣ прославися сынъ чело-*

ьческій, мучители-же, въ безумномъ ожесточеніи и совершенномъ ослѣпленіи, предая смерти своего Искупителя, мнятъ, что они симъ приносятъ жертву Богу, и изрекаютъ не только на себя, но и на все свое потомство страшную кару: *кровь его на насъ и на чадѣхъ нашихъ.*

Но обратимъ внимательно взоръ на сего Страдальца и вопросимъ: кто Онъ и за что пострадалъ? Разрѣшеніе сихъ вопросовъ раскроетъ намѣреніе Церкви, съ какимъ представляется взорамъ сіе печальное изображеніе.

Кто-же Сей Страдалецъ? Онъ Тотъ, Который еще для древняго Адама, по изгнаніи его изъ рая сладости, составлялъ единственное, хотя отдаленное и только вѣрою предвкушаемое, утѣшеніе; Онъ Тотъ, Кто составлялъ чаяніе и утѣху древнихъ праотцевъ, рожденіе и жизнь Котораго на землѣ за тысячи лѣтъ предсказаны были пророками; Онъ Тотъ, явленіе Котораго въ міръ возвѣстили Ангели, а мѣсто, гдѣ родился, указала чудесная звѣзда; Онъ Тотъ, Который въ юныхъ лѣтахъ посрамлялъ премудрыхъ земли, Который посланнымъ отъ Іоанна вопросить, кто Онъ, отвѣтилъ сотвореніемъ многоразличныхъ чудесъ; Онъ Тотъ, Котораго на Іорданѣ Небесный Отецъ торжественно призналъ Сыномъ Своимъ,—Который нѣсколькими хлѣбами насыщалъ тысячи человѣкъ, воскрешалъ мертвыхъ, исцѣлялъ бѣсноватыхъ и иныхъ недужныхъ, Который на Ѳаворѣ просіялъ непзреченнымъ Божественнымъ Свѣтомъ; однимъ словомъ, Онъ Богочеловѣкъ!

Но какъ, Богъ и во гробѣ? Творецъ и тварію поруганъ? Всемогущій и изнемогаетъ подъ бременемъ Креста? Всесвятый и съ разбойниками на Крестѣ? О! Это непостижимо! Постигнуть сіе и ангели не могутъ! Возсталъ нѣкогда противъ Творца денница, но за то низверженъ съ Неба на вѣки въ преисподнюю, а сынъ персти посягнулъ на своего Господа, и Господь предается поруганію, мученію и крестной смерти!? Но здѣсь была сила, которая смирила Творца предъ тварью, предала праведника на поруганіе беззаконниковъ, эта сила—непзреченная и необъятная любовь Божія къ человѣчеству. Ибо за что страдалъ Христосъ на крестѣ? *Той язвенъ бысть за грѣхи*

наша и мученъ бысть за беззаконія наша, отвѣчаетъ пророкъ.

О! теперь понятно намѣреніе церкви въ представленіи образа Христова въ такомъ видѣ. Она хочетъ живѣе симъ представить предъ глаза наши любовь Божію къ намъ, съ тѣмъ, чтобы мы возлюбили Его всѣмъ сердцемъ; она хочетъ показать, что грѣхи, нами содѣваемые, такъ тяжки, такъ велики, что для удовлетворенія за нихъ правосудію Божію нужно было пострадать самому Сыну Божію,—показать съ тѣмъ, чтобы возбудить въ насъ ненависть ко грѣху.

Христіане! вникните внимательнѣе въ высокія и благія намѣренія Церкви. Мы чувствуемъ омерзѣніе къ убійцамъ Господа, но грѣхами своими становимся сами таковыми, ибо не ненависть Іудеевъ низвела Его во гробъ,—низвели Его наши грѣхи; не сила враговъ одолѣла Господа, но Высочайшая и неизреченная любовь Божія къ намъ предала Его на пропятіе. Если-бы Господь не принялъ на себя удовлетворенія Отцу Небесному за грѣхи наши, мы погибли-бы безвозвратно, на вѣки, ибо никто другой не могъ-бы удовлетворить правосудію вѣчному: *аще Сынъ вы свободитъ, во истину свободни будете.*

И такъ, эти оплеванія и заушенія понесъ Господь за наши оскорбленія Бога, эти язвы претерпѣлъ за наши грѣхи, эту смерть понесъ для избавленія насъ отъ вѣчной смерти. О! ужели сердце наше окаменѣло до той степени, что въ сихъ залогахъ высочайшей любви Божіей къ намъ недостойнымъ не найдемъ довольно побужденій, чтобы любить Бога всѣмъ сердцемъ и всею душею? Ужели сіи страшныя муки не покажутъ намъ всей тяжести нашихъ беззаконій и не возбудятъ въ насъ всей рѣшимости возненавидѣть грѣхи и идти путемъ праведнымъ?

О! Пресвятый Господи! Не вниди въ судъ съ рабами твоими! Мы видимъ и постигаемъ неизреченную любовь Твою къ намъ, понимаемъ всю великость нашихъ грѣховъ, но любить Тебя единаго, любить такъ, какъ Ты достоинъ сего, препятствуетъ наше пристрастіе къ міру и благамъ его, грѣхи-же содѣваемъ по нашей злой къ нимъ наклонности, не имѣя твердой рѣшимости подчинить святому закону Твоему нашей плоти

и крови. Доверши же, премилосердый Боже, любовь Твою къ непокорнымъ и неразумнымъ тварямъ, и Самъ всемогущею Твоею силою и благодатію истреби въ насъ привязанность къ тлетворнымъ и гибельнымъ благамъ міра и освяти наши чувства, дабы мы возненавидѣли временную грѣха сладость: тогда готово сердце наше будетъ къ тебѣ, Боже, тогда любовь къ Тебѣ будетъ свѣтильникомъ неугасающимъ въ насъ, тогда одинъ законъ Твой святой будетъ руководить насъ въ дѣлахъ нашихъ во вся дни живота нашего! Аминь.

3.

Совершишася! (Іоан. 19, 30).

Совершилось, братія, непостижимое! Совершилось то, чего ни ангелы, ни человѣки не могли предположить. Самая природа какъ-бы вострепетала отъ необычайнаго событія. Богъ—и во гробѣ, Творецъ—и тварью поруганъ, всесильный—и изнемогъ, святой—и за грѣхи страждетъ, смиренный—и міръ противосталъ ему, праведный—и со беззаконными вмѣнися, любвеобильный—и преслѣдуется ненавистью. Что сіе есть? Какой умъ можетъ постигнуть то, что совершилъ Господь для нашего спасенія? Какое сердце можетъ понять всю глубину Божественной любви къ человѣку? Какой языкъ можетъ изъяснить то, что совершилось для насъ въ крестной смерти Господа?

Бываетъ между нами иногда, что какой-либо благотворитель обильно изліетъ милость на бѣднаго, и сей, пораженный нечаянностію, взволнованный неожидаемою милостью, вмѣсто всякихъ благодареній и поклоненій за то, начинаетъ только плакать, и сіи слезы бываютъ гораздо краснорѣчивѣе всѣхъ изъясненій благодарности. Что, братіе, и намъ при семъ святомъ гробѣ приличнѣе дѣлать, какъ не плакать? Какимъ разглагольствіемъ можемъ замѣнить слезы? О, лейтесь, лейтесь слезы обильными потоками на гробъ Господень: въ немъ столько сокрыто любви къ намъ, что и одной частицы оной не можетъ вмѣстить весь міръ; въ немъ и чрезъ него столько милости

излито на насъ, что и Ангельскій умъ не изъяснитъ того! Лейтесь слезы на гробъ Спасителя нашего!.. Господи! мы недостойны, мы окаянны, мы преступны, мы попираемъ Твой святой законъ, мы не слушаемся Твоего кроткаго гласа, мы въ чаду страстей готовы бываемъ распинать Тебя скверными дѣлами! Но, Господи, Ты милостивый и непамятозлобивый Владыко! Ты допустилъ нѣкогда блудницу оплакать у ногъ Твоихъ грѣхи ея, допусти и насъ, или лучше научи насъ плакать, смягчи наше окаменѣлое сердце, чтобы оно способно было лить слезы у святаго гроба Твоего! Аминь.

4.

И такъ, братія, мы уже обрѣтаемся у гроба Господня. Съ минуты взятія Христа въ саду Геѳсиманскомъ мы слѣдовали за нимъ и во дворъ Каіафы и въ преторію Пилата; видѣли весь ходъ беззаконнаго суда; взирали на всѣ поруганія, наносимыя Христу; слышали осужденіе Его на пропятіе; слѣдовали по стопамъ Его на Голгофу; видѣли Его пригвожденіе ко Кресту; слышали и изступленно радостные вопли враговъ Его и поношеніе сораспятаго съ Нимъ разбойника; сочувствовали страшнымъ невыразимымъ мученіямъ Господнимъ и при семъ удивленно внимали тому, какъ Онъ, истерзанный тѣлесно муками, душевно—подъятыми на себя грѣхами міра, молился Небесному Отцу о врагахъ своихъ, такихъ врагахъ, которые употребляли всю свою злобную изобрѣтательность для увеличенія Его мученій; наконецъ зрѣли смерть Его и теперь находимся у гроба Его.

О, Братія, сколько сильнѣйшихъ чувствованій могутъ волновать христіанскую душу при воспоминаніи сихъ страшныхъ событій съ Господомъ нашимъ! Сколько стрѣлъ, смертельно насъ уязвляющихъ, находимъ въ страстяхъ Господнихъ!

Слушая повѣствованіе о предательствѣ Іуды, мы негодуемъ на сего сребролюбиваго ученика Христова. Но, Братія, и мы Христіане, т. е. Христовы, а не встрѣчаются-ли и между нами Іуды, готовые за блага міра предать ближняго своего, настав-

ника, начальника, благодѣтеля? Съ омерзеніемъ взираемъ, какъ Іуда цѣлованіе, сей знакъ чистой и непорочной любви, дѣлаетъ знакомъ предательскаго указанія. А не встрѣчаемъ-ли и нынѣ смертельныхъ враговъ, дышащихъ другъ къ другу злобою, между тѣмъ при встрѣчѣ употребляющихъ всѣ знаки взаимной нѣжности и любви? Удивляемся, какъ на такого чистаго и непорочнаго, какимъ былъ Богочеловѣкъ, нашлись клеветники. А не замѣчаемъ-ли и нынѣ, что невинность болѣе всего терпитъ отъ клеветы, что мы нерѣдко передаемъ оную изъ устъ въ уста къ посрамленію, а иногда и къ погубленію ближняго? Судъ надъ Христомъ поражаетъ насъ намѣренно-злобнымъ желаніемъ осудить Его; при самомъ началѣ суда мы ясно видимъ намѣреніе, во чтобы ни было осудить. Всѣ-ли судіи страшатся и нынѣ подражать судіямъ Христовымъ? По крайней мѣрѣ наше осужденіе ближнихъ, отъ необдуманности-ли оное происходитъ или отъ злобнаго сердца, весьма близко къ суду надъ Христомъ. Слѣдя за дѣйствіями Пилата, мы порицаемъ его, почему онъ, зная невинность Христа, видя зависть и вражду противъ Него, имѣя въ рукахъ власть оправдать Его, не пожертвовалъ любовію къ себѣ Римскаго Кесаря, не подвергся самъ гоненію за освобожденіе Христа отъ смерти, а удовольствовался однимъ умытіемъ рукъ, чтобы показать, что онъ находилъ Христа невиннымъ. Но Пилатъ былъ язычникъ, а многоли мы найдемъ между христіанами такихъ, которые рѣшатся пожертвовать счастіемъ своимъ за освобожденіе отъ несчастія невинно, завистію и злобою, обвиненнаго? Много-ли найдется даже такихъ, которые не убоятся навлечь на себя непріятнаго взора, рѣшась предъ сильными обвинителями невиннаго умыть публично руки, т. е. открыто признать невинность обвиняемаго? Не большая-ли часть изъ угожденія къ высшимъ, изъ желанія сохранить къ себѣ расположеніе ихъ, рѣшатся присоединить и свой голосъ къ другимъ для погубленія невиннаго и развѣ втайнѣ умоютъ руки?

Но при воззрѣніи на страсти Господни, болѣе всего поражаетъ насъ невыразимая злоба враговъ Его. Христосъ на крестѣ, Христосъ на позорѣ предъ всѣми, Христосъ между

разбойниками! Ужели этого мало? Ужели не удовлетворена злоба враговъ Его? Да, мало для злобы! Они къ поношеніямъ присоединяютъ новыя поношенія, къ страданіямъ—новыя страданія. Посмотрите, какъ они богохульствуютъ при крестѣ; посмотрите, какъ огневыя, невыносимыя мученія Христа увеличиваются еще болѣе и ужаснѣе оцтомъ, съ желчью смѣшаннымъ; посмотрите, какъ къ язвамъ Христовымъ прибавляется новая язва копіемъ! Люди-ли это? Не демоны-ли? Но, братія, страшно напомнить вамъ: и мы не лучше мучителей Христовыхъ, и мы также злобно поднимаемъ нечистыя богоубійственныя руки на Христа! Апостолъ Павелъ говоритъ, что тѣ, которые, *вкусивъ дара небеснаго и сдѣлавшись причастниками даровъ Духа Святаго, отпадаютъ отъ святой благодатной жизни и ведутъ грѣховную плотскую жизнь, второе распинаютъ Господа.* (Евр. 6, 4, 6). А мы еще въ крещеніи сподобились сихъ духовныхъ даровъ Божіихъ! Но сохранили-ли ихъ? Не совратились-ли на путь грѣховный? И сколько разъ приступали къ покаянію и вмѣсто исправленія прилагали грѣхи на грѣхи? Сколько разъ въ таинствѣ святаго причащенія принимали въ домъ души своей Господа и опять изгоняли Его? Слѣдовательно, что же мы здѣсь? Смиренный нашъ видъ, наше поклоненіе умершему Богочеловѣку выражаютъ въ насъ чтителей Господнихъ. А дѣла наши? О, дѣла наши совсѣмъ противное говорятъ! Пороками своими мы пригвождаемъ Христа ко кресту; нашимъ малодушіемъ и нетерпѣніемъ въ скорбяхъ и напастяхъ мы надѣваемъ на Него терновый вѣнецъ; нашимъ оскорбленіемъ ближнихъ мы ударяемъ Его по ланитамъ; нашимъ невѣріемъ и нарушеніемъ уставовъ Церкви мы прободаемъ ему ребро; нашимъ соблазнительнымъ поведеніемъ мы поносимъ Его; нашею мстительностію къ ближнимъ мы придѣваемъ къ устамъ Его оцетъ, смѣшанный съ желчью; словомъ дѣла наши ставятъ насъ рядомъ съ мучителями Господними, и только уста наши еще воздерживаются вопіять съ нами: *кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ.*

О, братія, братія! Что же намъ дѣлать? Ужели стоять рядомъ съ врагами Господними? Ужели ждать, когда гнѣвъ Бо-

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

жій взыщетъ съ насъ и чадъ нашихъ кровь, пролитую Христомъ на крестѣ? О! нѣтъ, нѣтъ! Петръ тоже согрѣшилъ и, плакася горько, умолилъ Господа о прощеніи. Начнемъ и мы плакать о себѣ. Приблизимся ко гробу Господню! Тутъ найдемъ Марію плачущуся, приникшую во гробъ. Она еще при жизни Господа умолила Его о своихъ грѣхахъ и теперь плачетъ у гроба изъ любви ко Господу. Будемъ съ нею плакать и молиться! Ея молитва укрѣпитъ нашу молитву, ея слезы умягчатъ жестокость и извлекутъ наши слезы.—Но, братія, чтобы исключить себя совершенно изъ числа мучителей Христовыхъ недостаточно однихъ слезъ при гробѣ Господнемъ: надо твердо рѣшиться здѣсь исполнять волю Господню и идти путемъ Господнимъ, ибо Онъ Сказалъ: *иже нѣсть со Мною, на Мя есть*. Аминь.

5.

Часто, братія, неразумный и легкомысленный сынъ при жизни отца своего огорчаетъ его и непокорностію своею, и проступками своими, и грубыми отвѣтами на благіе совѣты отца. Но когда отецъ отойдетъ отъ жизни, когда сынъ узритъ бездыханный трупъ отца во гробѣ, какою поражается онъ скорбію! Какъ раскаявается во всѣхъ своихъ проступкахъ предъ отцомъ! Какъ плачетъ и стенетъ! Какъ желаетъ, чтобы отецъ возсталъ изъ гроба, узрѣлъ его раскаяніе, узрѣлъ его слезы и стенанія, узрѣлъ и простилъ его неразуміе!

Не для того ли, братія, и мы собрались къ сему священному для всѣхъ насъ гробу? Ибо кому изъ насъ лежащій въ немъ не близокъ? Кому онъ не Отецъ? Кому не Богъ и Спаситель? И кто изъ насъ не оскорбилъ Его? Не оскорбилъ не по неразумѣнію только, не по легкомыслію или забывчивости, а по жестокости, по упорству, по своенравію?

Господи! Ты во гробѣ. Но развѣ Ты смертный? Развѣ Ты не вѣченъ? Развѣ Ты можешь, скончавъ дни времени, отъити отъ жизни? Нѣтъ Ты вѣченъ, какъ Богъ, но явился на землѣ во плоти, явился, чтобы вразумить насъ, чтобы научить, пока-

зать, что въ Тебѣ наше спасеніе, что вѣра въ Тебя, что добродѣтели, которымъ Ты научилъ, однѣ могутъ избавить насъ отъ вѣчной муки, однѣ могутъ доставить намъ блаженство. И что же люди? Тѣ самые люди, для которыхъ Ты сошелъ на землю, которыхъ поучалъ къ блаженству, которымъ благотворилъ, тѣ самые люди подняли богоубійственныя руки на Тебя, тѣ самые люди подвергли Тебя всѣмъ жесточайшимъ истязаніямъ и мукамъ и низвели во гробъ. Но не долго адъ торжествовалъ! Христосъ воскресъ, и адъ возстенялъ! Христосъ воскресъ, поелику не злоба людей низвела Его во гробъ, а воля Небеснаго Отца,—низвела всеобъемлющая любовь Божія къ человѣчеству! Христосъ воскресъ и міръ увѣровалъ въ Него!

Увѣровали и мы, братія, по благости Божіей, въ Господа; и мы чрезъ вѣру въ Него, чрезъ святѣйшія таинства Его содѣлались чадами Его. Онъ всѣмъ намъ Отецъ. Теперь мы при гробѣ Его, какъ дѣти при гробѣ Отца; теперь воспоминаемъ Его страданія и смерть за грѣхи міра. Но спокойна-ли наша совѣсть при семъ воспоминаніи? Не обличаетъ-ли она насъ, не напоминаетъ-ли она намъ, что и мы не неповинны въ крови праведнаго Сего? Не говоритъ-ли она намъ прямо, что и мы распинали Христа, распинали не однократно, не двукратно, а тысячекратно, ежедневно, ежечасно? Ибо кому изъ насъ неизвѣстно, что грѣхи наши, произвольно нами содѣваемые, суть тѣ же губительнѣйшія орудія, коими измученъ былъ Христосъ? Кто не знаетъ, что мы сквернымъ своими дѣлами, нечистыми помыслами и желаніями, всею суетною своею жизнью заушаемъ по ланитамъ Христа, издѣваемся надъ Нимъ, біемъ Его по главѣ, пригвождаемъ ко кресту, напояемъ оцтомъ, прободаемъ ребро? Кто сего не знаетъ? Всякій знаетъ, что грѣхи міра вознесли на крестъ и низвели во гробъ Господа, и что потому люди, не смягченные и неисправленные такою неизреченною любовію Божіею, выражаютъ злобу, бо́льшую злобы мучителей Господнихъ, и что они вторично распинаютъ Господа. А если наша совѣсть такъ обличаетъ насъ при гробѣ Спасителя нашего, Отца и Бога, то ужели мы будемъ хладными зрителями сего гроба? Ужели не возчувствуемъ

хотя той скорби и того сокрушенія, которыя чувствуетъ неразумный сынъ при гробѣ своего отца? О, да не будутъ тверже камней сердца наши, да возстенаетъ вся природа въ насъ, да проліются токи слезъ нашихъ на раны Господни! Это одно можетъ насъ спасти, это одно можетъ возвратить любовь Спасителя нашего къ намъ, это одно можетъ примирить насъ съ распинаемымъ нами Господомъ!

Господи, Господи! Твоя смерть ужаснула, поколебала землю, воскресила мертвыхъ, а насъ, чадъ персти земной, только Твоею любовью возвеличенныхъ, не можетъ поколебать, не можетъ совратить съ пути адова! О, спаси насъ, Господи, спаси, спаси, ими-же вѣси, путями! Аминь.

6.

Братія! И всякій гробъ служитъ поученіемъ для насъ; кольми паче гробъ Спасителя нашего поучаетъ насъ! При иномъ гробѣ мы мысленно восклицаемъ: гдѣ твоя слава, почившій; гдѣ твои утѣхи и сладости, любитель утѣхъ и веселостей? При другомъ гробѣ мы говоримъ: наконецъ окончились твои страданія, бѣдный труженикъ, наконецъ ты успокоился отъ скорбей, тебя удручавшихъ!—Что, братія, при семъ святомъ гробѣ скажемъ мы себѣ?... Что мы изречемъ при видѣ Господа нашего, лежащаго во гробѣ?.. Нѣмотствуетъ нашъ языкъ: величіе лежащаго предъ нами поразило нашъ умъ, положило печать на уста! Одно сердце наше сочувствуетъ воспоминанію смерти Господа: оно источаетъ слезу умиленія и сокрушенія. Но не для однихъ слезъ изнесенъ предъ насъ сей живописный гробъ. Онъ однимъ видомъ своимъ поучаетъ всякаго, взирающаго на него. И если нѣмотствуетъ языкъ чей, тому вѣщаетъ, того поучаетъ самый сей гробъ.

И такъ, кто-бы ты ни былъ, стань у гроба сего, внимай и поучайся!—Ты не чуждъ зависти и нерасположенія къ ближнимъ? Смотри, до чего довела іудейскихъ книжниковъ зависть! Она помрачила ихъ умъ; они не узнали Господа славы, они подняли свои нечистыя руки на Спасителя и Бога своего.

Бойся зависти и нерасположенія къ ближнимъ, чтобы не уподобиться іудеямъ, чтобы не впасть въ подобное ихнему беззаконіе. Ты склоненъ къ сребролюбію, но не эта-ли гнусная страсть изъ ученика Христова содѣлала предателя? Не тридцатью-ли сребренниками оцѣнена жизнь Неоцѣнимаго? Исторгни изъ своего сердца сію низкую страсть, чтобы она не погубила тебя, подобно Іудѣ!—Ты склоненъ къ осужденію ближняго? Но не подобные-ли тебѣ люди,—люди, слѣпо осуждающіе другихъ, осудили Святѣйшаго? Гдѣ вины Его, гдѣ доказательства тѣхъ, которые нарицали Его злодѣемъ? Одно бездоказательное осужденіе предало казни Неповиннаго! Страшись осужденія ближнихъ, чтобы не сравняться съ осудившими Господа!—Ты скоръ на обиду ближняго, ты готовъ при случаѣ оскорбить, осмѣять его? Но какъ позорны поступки тѣхъ, которые издѣвались надъ Господомъ! Уважай въ ближнемъ себя самаго и ты не унизишься до студодѣяній іудеевъ!—Ты судія, ты правитель, въ рукахъ твоихъ судьба ближняго? Будь благоразуменъ и милостивъ, будь твердъ и не подчиняйся требованію зараженныхъ ненавистію, чтобы не уподобиться малодушному Пилату, чтобы не осудить неповиннаго!—Ты благочестивъ и богобоязливъ? Не хвались симъ, не мечтай о себѣ высоко: паденіе твое неизбѣжно при семъ! Похвалился Петръ приверженностію своею ко Господу и троекратно отрекся отъ него. Что-же твоя добродѣтель? Смирись и молись, чтобы Господь сохранилъ тебя отъ паденія!—Ты грѣшникъ тяжкій? О сколько для тебя поученій отъ сего гроба! Тутъ разбойникъ, мгновенно покаявшійся и получившій помилованіе; тутъ сотникъ-язычникъ, увѣровавшій въ Господа. И самая смерть Господа что есть, какъ не умилостивительная жертва за грѣхи міра? Слѣдовательно, молись, плачь, кайся у сего гроба, и примиреніе твое съ Богомъ несомнѣнно! Ты несчастенъ, бѣды и скорби окружаютъ тебя? Но ты кто? Грѣшникъ. А здѣсь, во гробѣ, Праведный и Святѣйшій! Ты по дѣламъ своимъ принимаешь злая, а Сей за что? И что твои скорби и напасти въ сравненіи съ претерпѣнными Имъ мученіями? *Обратись и виждь, аще есть бо-*

лъзнь, яко болъзнь моя, вѣщаетъ тебѣ изъ гроба Господь. Утѣшься-же, несчастный, терпи, благодушествуй и молись!

О, идите всѣ, поучайтесь отъ сего гроба; въ немъ сама Истина сокрыта, въ немъ наша жизнь, наше спасеніе, наша надежда, наша слава и похвала!

Господи, Спасителю нашъ! Да будетъ гробъ Твой спасительнымъ для насъ вразумленіемъ; да возсіяетъ изъ него божественная Твоя благодать, да осѣнитъ насъ, просвѣтитъ наши умы, освятитъ наши сердца, и мы умремъ грѣху и воскреснемъ въ жизнь новую, святую, угодную Тебѣ! Аминь.

7.

Когда Іисуса Христа вели на пропятіе, тогда еврейскія жены по своему любопытству вышли посмотрѣть на это шествіе. Пораженныя видомъ Господа, окровавленнаго, измученнаго и изъязвленнаго, онѣ не могли удержаться отъ слезъ и рыданій. Замѣтивъ это, Господь сказалъ имъ; *дщери Іерусалимскія, не плачитеся о мнѣ, обаче себе плачите и чадъ вашихъ: яко се дніе грядутъ, въ ня-же рекутъ, блажены неплоды и утробы яже не родиша, и сосцы яже не доиша* (Лук. 23, 28, 29).

Братія-христіане! При видѣ сего изображенія гроба Господня, при воспоминаніи Его ужасныхъ страданій, Его непостижимаго терпѣнія, Его умилительной кротости среди глумящихся мучителей, при воспоминаніи изреченій, произнесенныхъ Имъ въ минуты смертнаго томленія,—изреченій, исполненныхъ любви ко всѣмъ, даже къ мучителямъ Своимъ, можемъ-ли и мы, при всей своей духовной скудости, удержаться отъ слезъ, могутъ-ли и наши окаменѣлыя сердца не исполниться скорбію о претерпѣнныхъ Искупителемъ нашимъ мученіяхъ?!

Но проливая слезы въ память страданій Господа, должны-ли мы забыть, что здѣсь приличнѣе всего намъ плакать о себѣ и чадахъ нашихъ? Спаситель, совѣтуя женамъ еврейскимъ плакать о себѣ самихъ и чадахъ своихъ, указалъ на тѣ страшныя

событія, которыя должны были совершиться надъ богоубійственнымъ народомъ еврейскимъ. Почему-же намъ, христіанамъ, прилично плакать, при гробѣ Спасителя нашего, о себѣ и нашихъ чадахъ? О, какъ прилично, какъ должно!

Мы—христіане. Но много-ли между нами такихъ христіанъ, какими бы желалъ видѣть пострадавшій за насъ Христосъ? Обращая взоръ на себя и вокругъ себя, что мы видимъ? Находимъ-ли ясные признаки того, что мы принадлежимъ къ такому святому обществу, которое должно во всемъ руководствоваться духомъ Христовымъ, духомъ мира и любви, которое должно освѣщаться однимъ закономъ Божіимъ, которое должно одними устами и однимъ сердцемъ прославлять Всесвятаго Бога? Не непрестанно ли мы встрѣчаемъ—то надменныхъ своимъ образованіемъ ученыхъ мужей, силящихся затемнить свѣтъ откровенія Божія и, подобно древнимъ Саддукеямъ, проповѣдующихъ легковѣрнымъ—*не быти воскресенію;*—то холодныхъ, бездушныхъ исполнителей обрядоваго закона, подобныхъ древнимъ Фарисеямъ, которые, заботясь объ одной внѣшности и пренебрегая дѣлами милости и любви, по выраженію Спасителя, *оцѣждали комаровъ, а верблюдовъ пожирали?* А что сказать о тѣхъ необузданныхъ въ своихъ страстяхъ людяхъ, для которыхъ нѣтъ ничего святаго, для которыхъ закономъ служитъ не законъ Христовъ, а собственныя безумныя страсти? Что сказать о томъ растлѣніи правовъ между христіанами, по которому такъ размножились и размножаются мѣста для разгула, оргій и безумныхъ увеселеній? А дѣти? О, несчастные дѣти! Что они всасываютъ въ себя чуть не съ молокомъ матери? Тамъ мать и отецъ ссорами и сварами между собою портятъ ихъ природную душевную красоту. Здѣсь развратъ отца съ раннихъ лѣтъ вливаетъ въ нихъ ядъ растлѣнія. Тамъ невнимательность къ нимъ родителей допускаетъ развиваться ихъ наклонностямъ въ уродливомъ направленіи. Здѣсь грубость и неблагочинie среды оставляетъ въ нихъ навсегда печать строптивости и разнузданности. И вообще примѣръ родителей въ нарушеніи заповѣдей Божіихъ, въ неисполненіи установленій церкви, въ небреженіи о своихъ семейныхъ и общественныхъ обязанностяхъ,

не готовитъ ли въ дѣтяхъ достойныхъ наслѣдниковъ нравственнаго родительскаго растлѣнія?

Чего-же такимъ родителямъ и ихъ дѣтямъ ожидать? Не грозятъ-ли имъ такія-же бѣдствія, какія предсказаны Спасителемъ еврейскому народу въ лицѣ ихъ женъ? И виновнѣе-ли предъ Господомъ евреи, которые распинали Его, не зная сами, что творятъ,—виновнѣе-ли тѣхъ христіанъ, которые войдя въ стадо Христово, не слушаютъ гласа Пастыря, которые, называя себя сынами Господа, непрестанно оскорбляютъ Его, которые, проливая слезы при воспоминаніи о страданіяхъ Христовыхъ, своимъ маловѣріемъ, своимъ непослушаніемъ, своими грѣхами и беззаконіями наносятъ ему новыя глубочайшія язвы и поноснѣйшія поруганія?

О да плачемъ, братія, у святаго гроба сего о себѣ и о нашихъ чадахъ: плачемъ для того, чтобы предотвратить отъ себя и отъ чадъ нашихъ ожидающую насъ гибель; плачемъ, чтобы умилостивить къ себѣ пострадавшаго за насъ Господа, чтобы Онъ своею всемогущею силою воздвигъ насъ изъ мрака маловѣрія и изъ блата чувственности, совратилъ насъ съ путей суетности и неправды и поставилъ на путь евангельской вѣры и добродѣтели; плачемъ о своей умирающей для вѣчной жизни душѣ, какъ плакали Марфа и Марія надъ Лазаремъ; плачемъ, какъ плакала Марія Магдалина, приникши ко гробу Господа! — Господи, спаси насъ погибающихъ, спаси насъ и дѣтей нашихъ! Аминь.

8.

Какая цѣль, братія, этого торжественнаго священнослуженія, этого трогательнаго воспоминанія страданій, смерти и погребенія Христа, Спасителя нашего? О, конечно цѣль эта—высокая и спасительная для насъ! Св. Церковь, попечительнѣйшая мать наша, всегда заботящаяся о спасеніи чадъ своихъ, ежегоднымъ воспоминаніемъ высокой жертвы, принесенной на крестѣ правосудію Божію за грѣхи міра, напоминаетъ намъ все величіе всеобъемлющей любви Божіей къ роду человѣческому, любви, которая благоволила предать Сына Божія

на крестныя муки и смерть, чтобы избавить міръ отъ вѣчной смерти, напоминаетъ съ тѣмъ, чтобы христіане сохраняли въ своихъ сердцахъ твердую вѣру въ Бога, возгрѣвали взаимную къ Богу любовь и благодарность за Его неизреченное милосердіе, удерживали себя всегда на пути истины и спасенія и оберегались отъ соблазновъ и суеты міра.

Конечно, добрый благочестивый христіанинъ для сохраненія своей вѣры и любви къ Богу не нуждается въ особыхъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ и напоминаніяхъ. Ему достаточно взглянуть на св. икону, на церковь, или на другой какой либо священный предметъ, и его душа мгновенно дѣлается способною изливать предъ Богомъ свои святыя чувства. Онъ взглянетъ на солнце, на свѣтъ дневной, и его умъ поражается мыслями о всемогуществѣ и благости Божіей; посмотритъ на звѣзды ночныя, и величіе Божіе отражается въ его сердцѣ. Онъ увидитъ нечаянно суету міра, услышитъ слово праздности и злословія и уже считаетъ себя прикосновеннымъ ко грѣху, повергается въ прахъ предъ милосердымъ Господомъ и слезною предъ нимъ молитвою проситъ объ очищеніи.

Но много-ли таковыхъ, братія? Не большая ли часть христіанъ такихъ, у коихъ сердца окаменѣли, духовныя силы заняты одними земными предметами, все вниманіе обращено на суету? Для нихъ очищеніе себя отъ грѣховъ, усовершеніе въ вѣрѣ и добродѣтели суть предметы темно-понимаемые, какъ бы необязательные для нихъ, не требующіе отъ нихъ ничего другаго, кромѣ внѣшняго, холоднаго выполненія нѣкоторой обрядности, установленной Церковью.

Вотъ для такихъ-то немощныхъ христіанъ и необходимы особыя мѣры которыя употребляетъ св. Церковь. Чтобы возбудить спящую совѣсть заблудшагося христіанина, размягчить его окаменѣлое сердце, отвратить его отъ суеты житейской и устремить его духовныя силы къ тому, что доставляетъ спасеніе, св. Церковь назначаетъ продолжительный постъ, установляетъ особыя служенія въ храмѣ съ колѣнопреклоненными молепіями и покаянными канонами, предлагаетъ вниманію

всѣхъ изъ исторіи ветхозавѣтной и новозавѣтной церкви свѣдѣнія о подвигахъ праведныхъ и порокахъ грѣшниковъ, убѣждая подражать первымъ и избѣгать послѣднихъ; потомъ посвящаетъ особые дни воспоминанію страданій Господнихъ, излагая ихъ во всей подробности, наконецъ предлагаетъ зрѣнію всѣхъ изображеніе гроба Господня съ пречистою Его плотію. «Зрите», говоритъ всѣмъ намъ св. Церковь, «зрите, до чего довели Господа грѣхи человѣка; Его распяли не враги Его, а грѣхи наши; враги, не понимая сами, что дѣлали, были только исполнителями плановъ Божіихъ; Онъ, Господь, Самъ, по волѣ небеснаго Своего Отца, предалъ себя крестной смерти, чтобы избавить насъ отъ вѣчной смерти и открыть намъ путь къ вѣчному блаженству: оставьте же пути грѣха, ведущіе къ погибели; станьте на путь спасенія и идите неуклонно по оному».

Что-же, братія, достигается-ли цѣль св. Церкви въ отношеніи насъ? Производитъ ли на нашъ умъ, на наше сердце сей видъ гроба Господня такое дѣйствіе, какого ожидаетъ св. Церковь? Ужели наши сердца тверже тѣхъ камней, какіе распались въ минуту смерти Христовой? Ужели мы окажемся ожесточеннѣе тѣхъ іудеевъ, которые предъ Пилатомъ вопіяли— *возми, возми, распни Его... кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ*, а при смерти Христа, уже въ глубокомъ сокрушеніи, били въ перси свои? О, нѣтъ, нѣтъ! Наши сердца еще не дошли до совершеннаго окаменѣнія, и мы всѣ, по гласу Церкви, съ глубокимъ раскаяніемъ въ своей грѣховности, падемъ ницъ предъ симъ изображеніемъ святаго гроба. Здѣсь всеобъемлющая любовь; здѣсь не отринутъ насъ, какъ бы мы ни были нечисты; здѣсь отверзты объятія Отчи, какъ бы ни были мы грѣховны!

Милосердый Господи! Прости насъ, какъ Ты простилъ Своихъ мучителей и убійцъ; спаси, какъ спасъ разбойника на крестѣ; сними съ насъ тяжкое грѣховное бремя и Своею всемогущею силою облеки насъ въ ризу спасенія, да съ сей минуты до конца дней нашихъ неуклонно тецемъ по тому пути, которымъ всѣ избранные Твои достигли и достигаютъ небесныхъ обителей, уготованныхъ Тобою всѣмъ любящимъ Тебя! Аминь.

II. На праздники Господскіе:

На день Рождества Христова.

Таинство странное вижу и преславное: Небо—вертепъ, Престолъ Херувимскій — Дѣву, земли — вмѣстилище, въ нихъ-же возлеже невмѣстимый Христосъ Богъ.—(9 Ирм. на Р. Х.).

Такъ воспѣваетъ нынѣ св. Церковь, воспоминая рожденіе Спасителя нашего Господа на землѣ. Въ этомъ краткомъ но трогательномъ пѣснопѣніи выражается необъятная любовь Божія къ человѣку. Ибо что заставило Господа славы, Царя Небеснаго, сойти на землю, водвориться между человѣками—сею разумною, но непокорною, облагодѣтельствованною, но неблагодарною, тварію,—мало того, что водвориться, но уничижить себя паче всѣхъ человѣкъ? Любовь его къ роду человѣческому! Сія всеобъемлющая любовь выразилась при самомъ рожденіи Спасителя на землѣ въ такихъ дѣйствіяхъ и явленіяхъ, которыхъ не только не можетъ постигать умъ человѣческій, но недоумѣваетъ, взирая на нихъ и сонмъ ангельскій: Богъ и творецъ всего обрѣтаетъ убѣжище въ вертепѣ, служащемъ обиталищемъ животныхъ; Тотъ, Котораго превысшій небесъ престолъ окружаютъ сонмы херувимовъ, Котораго прославляютъ, Которому со страхомъ и трепетомъ служатъ небесныя силы, Тотъ на рукахъ Присно-Дѣвы находитъ пріютъ и нуждается въ Ея материнскихъ попеченіяхъ; Тотъ, Котораго не можетъ вмѣстить вся вселенная, Которому, по выраженію Св. Пророка Давида престоломъ служатъ небеса, земля же подножіемъ ногъ Его,—полагается въ ясляхъ; въ ясляхъ возлегаетъ Невмѣстимый! Какъ не воскликнуть: таинство странное вижу и преславное! Любовь невозможное содѣлала возможнымъ: она заставила Господа сокрыть Свое Божество, совлечься Своей славы и принять на Себя столь безславное, столь уничижен-

ное, столь немощное состояніе! Какая неизмѣримая глубина любви и благости Божіей!

Что мы принесемъ за такую любовь Божію? Чѣмъ возблагодаримъ за нее? Чѣмъ мы, созданіе слабое, бѣдное, возвышенное только любовію Божіею, чѣмъ можемъ воздать за любовь Всемогущаго? Одною любовію только, ибо одна любовь можетъ отвѣтствовать за любовь. Если Господь возлюбилъ насъ, то и наша любовь къ Нему пріятна Ему, какъ пріятна отцу любовь сыновняя. И какъ необъятна Божія любовь къ намъ, такъ безгранична должна быть наша любовь къ Богу. Слѣдовательно любить Бога выше всего, любить Его отъ всего сердца и отъ всей души есть долгъ нашъ, налагаемый на насъ любовію Божіею.

И такое блаженство для человѣка составляетъ любовь къ Богу! Спросите дѣтей, невинныхъ дѣтей, младенцевъ по плоти и по невинной душѣ: чѣмъ они такъ счастливы, чѣмъ такъ веселы и довольны? Они скажутъ, только не словами, но взорами, скажутъ вразумительно для внимательныхъ: мы счастливы безграничною любовію и привязанностію своею къ отцу и матери. Не большее ли счастіе бываетъ удѣломъ того, кто возлюбилъ Господа всѣми силами души своей? Любовь эта всегда, во всѣхъ обстоятельствахъ, какъ-бы они ни были скорбны, услаждаетъ жизнь его. Онъ также немощенъ, какъ и всѣ мы, онъ также, по сей немощи, можетъ возстенать отъ бурь житейскихъ; но его стенаніе бываетъ кратковременно, мірскія скорби неглубоко проникаютъ въ его душу, и онъ скоро утѣшается любовію къ Богу, утѣшается такъ скоро, какъ дитя, которое, бросившись въ объятія родителей, ту же минуту забываетъ прилучившуюся скорбь свою и слезы горести измѣняетъ въ улыбку счастія и радости.

О, братія, братія! Какое бездѣнное сокровище можетъ вмѣщать въ себѣ сердце наше! Оно можетъ дышать чистою святою любовію къ Богу. Въ немъ можетъ помѣщаться жертвенникъ, на которомъ любовь сія воскуряла бы непрестанно благовонный онміамъ благодаренія и славословія Господу. Оно

можетъ вмѣстить въ себѣ Того, Кто есть источникъ всякой свѣтлой радости и блаженства.

Но что наши сердца? Чѣмъ они дышатъ? Какой и кому куренія ѳиміамъ въ нихъ? Въ чемъ они ищутъ радости и блаженства?—О, какъ скорбно загляпуть въ наши сердца! Какой горькій плодъ попеченій Божіихъ о насъ приносимъ мы! — Чѣмъ мы отвѣчаемъ на любовь Божію къ намъ? Ледяною холодностію, неповиновеніемъ, оскорбленіемъ. А сердце наше (бѣдное сердце!) заставляемъ любить суетность, прахъ и тлѣніе, и утѣшаемъ его тѣмъ, что его безобразитъ, сквернитъ, унижаетъ!

А что сказать о той враждѣ человѣка къ Богу, которая нерѣдко усматривается въ сужденіяхъ суемудренныхъ умовъ нынѣшняго времени? Что сказать о такихъ мудрецахъ, которые, на погибель себѣ и другимъ, стремятся ослабить, подрыть самыя основанія вѣры, и тѣмъ порвать всякую связь человѣка съ Богомъ?—Господи! сколь необъятна любовь Твоя къ человѣку, столь же необъятно и долготерпѣніе Твое! Ничтожная тварь, взысканная и возвеличенная только милосердіемъ Божіимъ, дерзаетъ отвергать непреложную правду Божію, дерзаетъ возставать на Господа и на Христа Его и, въ основаніе всему, полагать суемыслія своего извращеннаго и развращеннаго ума. Это уже не блудный сынъ, своею распутною жизнію расточившій достояніе отца: это сынъ, отвергающій своего отца, вооружающійся противъ него, замышляющій погибель своего благодѣтеля.—Но могутъ ли вѣянія крилъ хищныхъ птицъ подвигнуть гранитную скалу? Могутъ-ли вѣчную правду Божію помрачить суемыслія обезумѣвшихъ чадъ мрака и нечестія? Потому оставимъ скорбныя размышленія о дѣйствіяхъ враговъ Бога и Его Святаго промысла и предоставимъ суду Божію: ихъ не вразумитъ слово Церкви, ихъ мѣсто присутствія не храмъ Божій, а храмы суеты и ликованій.

Мы же, братія,—воспоминая въ сей великій день, съ одной стороны, неизреченныя милости, излитыя на родъ человѣческій сошествіемъ Спасителя нашего на землю, съ другой, небесное покровительство нашему отечеству оказанное ему въ

1812 году, въ годину его испытанія,—воздохнемъ изъ глубины души о нашей собственной неблагодарности къ Богу, о нашей холодной, недѣятельной любви къ Нему, и этотъ вздохъ да не будетъ мимолетнымъ, скоро-забываемымъ, но да послужитъ началомъ, благимъ началомъ нашего полнаго обращенія къ Богу! О, если бы мы рѣшились! Господи! коснись Своею силою, и мы Твои, Твои на вѣки! Аминь.

На день Срѣтенія Господня.

1.

Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ (Лук. 2, 29).

Какая высокая радость и спокойствіе праведника, оставляющаго здѣшній міръ! Блачестивому старцу Сѵмеону еще за многіе годы до Р. Х. было обѣщано Духомъ Святымъ *невидѣти смерти, прежде даже не видитъ Христа Господня*, и послушный волѣ Божіей, не смотря на преклонность лѣтъ своихъ, на немощи тѣла, многіе годы съ терпѣніемъ ждетъ того благословеннаго часа, въ который исполнится обѣщанное ему; наконецъ тѣмъ-же Духомъ приведенный въ храмъ Господень, *пріемлетъ на руку своею* младенца—Господа и, видя исполненіе обѣтованія, въ святомъ восторгѣ восклицаетъ свою предсмертную радостную пѣснь: *нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, съ миромъ, яко видѣста очи мои спасеніе Твое!* И какъ было не радоваться Сѵмеону? Онъ узрѣлъ *чаяніе и утѣху Израилеву*, о которомъ предсказано было, что *Онъ упасетъ люди своя Израиля*, а вѣрою прозрѣлъ, что сей младенецъ есть Тотъ Ходатай человѣковъ, Который удовлетворитъ правосудію Божію и примиритъ Бога съ людьми,—есть Тотъ крѣпкій Вождь, Который побѣдитъ врага нашего спасенія и отверзетъ врата Царства Небеснаго!

Но если одно воззрѣніе очами на младенца Іисуса, одна вѣра въ будущее величіе и ходатайство Его за насъ могли старца Сумеона до того возрадовать, что въ предстоявшей ему смерти онъ видѣлъ одно блаженное успокоеніе, то отчего такъ спокойно не встрѣчаемъ своей смерти мы, уже видѣвшіе исполнившимся то, что Сумеонъ только вѣрою прозрѣвалъ? Онъ зрѣлъ тайну спасенія еще *якоже зерцаломъ въ гаданіи*, а мы зрѣли и подвиги Спасителя, и вражду противъ него міра и діавола, и Его побѣду надъ смертью и Его преславное вознесеніе на Небо и сѣденіе одесную Бога Отца. Отчего, повторяю, мы, видѣвшіе и знающіе, какъ совершилось наше спасеніе, не только въ такомъ спокойствіи, какъ Сумеонъ, не встрѣчаемъ своей смерти, но безъ содроганія не можемъ и помыслить о ней? Обратимся, слушатели, къ слову Божію и поищемъ въ немъ причины, которая заставляетъ насъ страшиться смерти. Нынѣшнее Евангеліе, приступая къ описанію принятія Спасителя Сумеономъ и его спокойной встрѣчи своей кончины, упоминаетъ прежде, что Сумеонъ былъ *праведенъ и благочестивъ*, а этими словами ясно показываетъ, что его праведность и благочестіе и были причиною такого хладнокровія къ здѣшней жизни и спокойнаго вхожденія въ будущую. Это подтверждаютъ и другія слова писанія: *честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ его.* Слѣдовательно, наша боязнь смерти, наше желаніе никогда не подвергаться оной проистекаютъ отъ недостатка праведности и благочестія. Мы знаемъ, что Спаситель отверзъ входъ въ Царство Небесное, но знаемъ вмѣстѣ и то, что благочестивою жизнію только достигается Царство Небесное, и потому наши грѣхи, наша порочная жизнь, безпрестанно напоминая, что смерть для насъ есть вѣчная погибель, и заставляютъ страшиться оной. И въ самомъ дѣлѣ, ничего страшнѣе для грѣшника не можетъ быть смерти. *Смерть грѣшниковъ люта*, говоритъ Слово Божіе. Праведника при смерти ничто не ужасаетъ и не безпокоитъ. Онъ оставляетъ міръ безъ сожалѣнія, потому что тѣломъ только жилъ въ мірѣ, а душею всегда возносился къ Богу; онъ не плачетъ, что оставляетъ блага міра, потому что нисколько къ

нимъ не былъ привязанъ; онъ не скучаетъ по удовольствіямъ міра, потому что удовольствія эти ему всегда были скучны и несвойственны; его не ужасаетъ вѣчность, потому что и жилъ онъ въ мірѣ только для вѣчности; не страшитъ и судъ Божій, потому что по силамъ своимъ жилъ добродѣтельно, а что свыше его силъ, въ томъ уповаетъ на милосердіе Божіе, чрезъ заслуги Христовы всегда готовое излиться на человѣка; словомъ ничто его не безпокоитъ, а все радуетъ и утѣшаетъ. Что-же для праведника смерть? Дверь, ведущая въ животъ вѣчный!— Напротивъ грѣшника при смерти все ужасаетъ и опечаливаетъ: привязанный къ міру и заботившійся единственно о томъ, какъ бы разнообразно—пріятнѣе проводить жизнь свою, онъ приходитъ въ отчаяніе, чувствуя конецъ ея; многія лѣта съ величайшими заботами собиравшій сокровища міра, онъ раздирается печалію, что все это долженъ оставить; всегда имѣя попеченіе о временной жизни, онъ въ вѣчности ничего иного не усматриваетъ кромѣ вѣчной погибели; трепещущій всегда, когда совѣсть его призываетъ на судъ, онъ боится и помыслить о судѣ Божіемъ; словомъ въ полномъ смыслѣ *смерть грѣшниковъ люта.*

Еще страхъ смерти нѣсколько уменьшается тѣмъ, что, по благости Божіей, многіе грѣшники встрѣчаютъ смерть въ недугахъ и страданіяхъ тѣла. Болѣзни тѣла имѣютъ самое благодѣтельное вліяніе на грѣшника. Онѣ уменьшаютъ въ немъ любовь къ жизни, опытомъ показывая, что жизнь сія сопряжена съ мученіями; приводятъ въ забвеніе блага міра, нисколько не утѣшающія его въ мучительномъ положеніи; заставляютъ обратиться къ Богу, въ рукѣ Коего и жизнь и смерть его; напоминаютъ ему его порочную жизнь, его недостоинство предъ Богомъ и тѣмъ приводятъ его въ раскаяніе и заставляютъ обратиться къ милосердію Божію; словомъ тѣлесные недуги иногда бываютъ такъ благодѣтельны, что грѣшникъ, придя въ себя и познавъ свою гибель, отъ всей души обращается къ Богу и не только перестаетъ страшиться смерти, но,—мы уповаемъ,—въ милосердіи Божіемъ онъ обрѣтаетъ блаженную вѣчность.—Но всѣ-ли грѣшники еще не дошли до такого ожесто-

ченія, что мученія тѣлесныя сильны будутъ совершенно истребить въ нихъ любовь къ міру и обратить ихъ къ Богу? Всѣ-ли въ долговременныхъ болѣзняхъ кончаютъ жизнь свою?—И горе грѣшнику, если при смерти не обратится къ Богу, или смерть застанетъ его среди здравія, пиршества и увеселеній! Его послѣднія минуты жизни будутъ подобны мученіямъ ада, а за гробомъ участь его никто никогда и не вообразитъ!

Потому, слушатели, обратимся къ добродѣтельной и благочестивой жизни, и смерть не будетъ насъ такъ ужасать, какъ теперь ужасаетъ; не будемъ отлагать своего исправленія до времени, ибо, отлагая далѣе и далѣе, мы или можемъ такъ увязнуть въ порокахъ, что уже невозможно будетъ для насъ исправленіе, или смерть предстанетъ предъ насъ такъ неожиданно, что и одного часа не дастъ намъ на покаяніе! Аминь.

2.

Вознесоста Его въ Іерусалимъ поставити Его предъ Господемъ. (Лук. 2, 22).

Св. Церковь воспоминаетъ нынѣ одно изъ событій земной жизни Спасителя нашего, именно то, когда Онъ, по исполненіи 40 дней отъ Его рожденія на землѣ, внесенъ былъ родителями во храмъ *поставити Его предъ Господомъ.* По примѣру Спасителя, въ тотъ же срокъ, всѣ родившіеся отъ Христіанскихъ родителей вносятся въ храмъ Божій и поставляются предъ видимымъ престоломъ Божіимъ.

Что знаменуетъ сей священный обрядъ? Знаменуетъ то, что всѣ родившіеся въ нѣдрахъ Св. Церкви съ самыхъ первыхъ дней своей жизни предназначены быть чадами Божіими и чрезъ врата видимой церкви Христовой на землѣ войти въ вѣчный чертогъ славы Божіей на небесахъ.

Св. Церковь съ самаго рожденія человѣка принимаетъ его подъ свой покровъ. Лишь только является на свѣтъ, какъ онъ освящается молитвою и нарицается христіанскимъ именемъ. Вскорѣ, въ святомъ крещеніи, онъ омывается водою и Духомъ отъ грѣховнаго зараженія человѣческаго естества и усынов-

ляется Богу; чрезъ таинство муропомазанія преподаются ему дары Св. Духа, возвращающіе и укрѣпляющіе духовныя силы, необходимыя для Богоугодной жизни; потомъ допускается до святѣйшаго таинства причащенія тѣла и крови Христовой и чрезъ то становится наслѣдникомъ жизни вѣчной. Наконецъ въ 40-й день своего рожденія, онъ вносится во храмъ, воцерковляется, т. е. соединяется съ Церковію, вносится въ святилище олтаря Господня, прикасается престола Божія и, по обходѣ онаго, износится изъ олтаря на церковь, гдѣ предъ глазами родителей, полагается на церковный помостъ, чѣмъ напоминается имъ и какъ бы говорится: «внимайте, родители, это дитя ваше, по милосердію Божію, поступило въ число чадъ Божіихъ, оно снабжено всѣми способами къ достиженію вѣчнаго блаженства, и какъ оно теперь прикасалось къ видимому престолу Господа, такъ, по скончаніи дней своей земной жизни, если не утратитъ даровъ Господа, если совершитъ земной путь свой въ вѣрѣ и благочестіи, сподобится приблизиться и на небесахъ къ престолу славы Божіей; если же отринетъ призваніе Божіе, не исполнитъ ожиданій св. Церкви и растратитъ въ суетѣ міра преподанные ему благодатные дары, извержется изъ чертога Божія въ преисподнюю; внимайте, родители, это дитя, вами рожденное, вамъ по крови любезное, вручается вамъ чистымъ, непорочнымъ и святымъ, вручается не для пропитанія и возращенія только, но, главнѣйшимъ образомъ, для развитія его ума и сердца въ духѣ вѣры и добродѣтели, для приготовленія его къ твердому и неуклонному служенію въ жизни на славу Божію и пользу ближнихъ; если же вы, по своему нерадѣнію и легкомыслію не будете заботиться о развитіи способностей вашего дитяти въ духѣ вѣры и добра, если допустите заразиться ему въ юныхъ его лѣтахъ невѣріемъ или порокомъ, то взыщетъ съ васъ Господь за погибель вашего дитяти».

Да, Св. Церковь налагаетъ на родителей великій и отвѣтственный долгъ въ отношеніи къ ихъ дѣтямъ! Но кто же можетъ и исполнить этотъ святой, хотя и многотрудный, долгъ съ такимъ удобствомъ, самоотверженіемъ и пользою для дѣтей?

Какая другая земная любовь можетъ сравниться съ родительскою любовію? Любовь родительская вытекаетъ изъ самыхъ чистыхъ источниковъ человѣческаго сердца, всегда пламенна и не остываетъ въ теченіи всей жизни. Она дѣлаетъ то, что счастіе и горе дѣтей бываетъ счастіемъ и горемъ родителей. Она заставляетъ мать до истощенія собственныхъ силъ бодрствовать у одра болящихъ дѣтей,—отца трудиться до полнаго изнеможенія, чтобъ доставить дѣтямъ необходимое. Она не измѣняется и тогда, когда дѣти наносятъ оскорбленія родителямъ, и объятія отчи всегда готовы къ принятію заблудшаго сына. О, поистинѣ, любовь родительская есть подобіе любви Божіей, и Самъ Господь это подтверждаетъ, когда для выраженія своей безграничной къ намъ любви, дозволяетъ намъ называть Его Отцемъ!

Какъ же съ такою любовію могутъ Христіанскіе родители тяготиться тѣми обязанностями въ отношеніи ихъ дѣтей, которыя наложила на нихъ Церковь и которыя клонятся къ вѣчному блаженству дѣтей? Какъ могутъ не напрячь всѣхъ силъ своей души, чтобъ возбудить въ дѣтяхъ любовь къ Богу и ко всему доброму?

А сердца дѣтей—какая удобренная почва для посѣянія всякаго добра сѣмени! Посмотрите въ глаза этихъ невинныхъ дѣтей: сколько въ нихъ выражается радости и любви при видѣ родителей, какъ они внимательны къ каждому ихъ слову, какъ они стараются все перенять, запомнить. Что было бы, если бы съ этихъ поръ, съ того времени, какъ они начинаютъ понимать и перенимать, постепенно и мало по малу они были направляемы отъ одного добраго понятія къ другому, и такъ далѣе продолжалось это до полнаго развитія ихъ способностей? О, такимъ образомъ воспитанные были бы украшеніемъ среди людей и радостію Неба! Но къ сожалѣнію, для такого воспитанія не всѣ родители способны.

Богатые родители, по своимъ занятіямъ, по своему образу жизни и положенію въ свѣтѣ, поручаютъ воспитаніе своихъ дѣтей и наблюденіе надъ ними людямъ наемнымъ, а сіи, не питая родительской любви къ дѣтямъ, заботятся болѣе о внѣш-

немъ выполированіи ихъ, нежели о внутреннемъ развитіи добрыхъ качествъ ума и сердца, заботятся о томъ, что ярче выказывается и больше производитъ впечатлѣнія на другихъ, и такимъ образомъ здѣсь часто насаждается то, что пріятно свѣту и суетности житейской, а не то, что способствуетъ вѣчному спасенію. Другіе изъ достаточныхъ родителей сами слѣдятъ за воспитаніемъ дѣтей, но, при невѣрномъ и поверхностномъ взглядѣ на воспитаніе, при шаткости своихъ убѣжденій въ вѣрѣ и нравственности, нерѣдко сами, не примѣтнымъ для себя образомъ, вливаютъ въ юныя сердца ядъ невѣрія и нравственной порчи. А что сказать о семействахъ недостаточныхъ и бѣдныхъ? Тамъ картина воспитанія дѣтей представляется еще мрачнѣе: тамъ нѣтъ воспитанія въ настоящемъ смыслѣ; тамъ все какъ бы устроено для нравственной порчи дѣтей: тамъ или необузданная свобода для нихъ, или крайняя жестокость съ ними, или то и другое попеременно: тамъ вмѣсто святыхъ истинъ вѣры, дѣти нерѣдко слышатъ нелѣпые суевѣрные толки; тамъ часто достоуважаемое имя матери при дѣтяхъ искажается самымъ гнуснымъ образомъ. О сколько зла для несчастныхъ дѣтей отъ такого положенія ихъ въ малолѣтствѣ! Сколько погибаетъ ихъ впослѣдствіи, въ жизни, въ которую вносятъ, съ дикими и неукротимыми нравами, общественное нестроеніе, и погибаетъ достойно, по закону правосудія! А будущая вѣчная жизнь? О, тамъ есть небесное правосудіе, отъ котораго нескроются и тѣ, которые были первоначальною причиною погибели сихъ несчастныхъ, т. е. ихъ родители!

Но, слава Богу! Не всѣ родители легко относятся къ воспитанію дѣтей, многіе и изъ богатыхъ и изъ бѣдныхъ знаютъ, чего требуютъ отъ нихъ и св. Церковь и собственная любовь къ дѣтямъ, знаютъ всю важность своихъ родительскихъ обязанностей, и со всѣмъ благоразуміемъ, со всѣмъ усердіемъ посвящаютъ свои силы и время на христіанское развитіе своихъ дѣтей, на внушеніе имъ всего добраго и прекраснаго, всего того, что дѣлаетъ человѣка и вѣрующимъ христіаниномъ и доблестнымъ гражданиномъ. Примѣровъ этому искать не долго. Посмотрите на ряды нашихъ юныхъ, но славныхъ воиновъ,

которые еще не долго были дѣтьми; посмотрите на тѣхъ обоего пола героевъ, которые посвятили себя служенію христіанской помощи страждующимъ, больнымъ и раненымъ. Тутъ не знаешь, что болѣе достойно удивленія? Тутъ невыразимая стойкость и мужество въ кровавой борьбѣ съ врагами креста Христова, безропотное перенесеніе стихійныхъ и другихъ бѣдствій войны, твердая и неустанная борьба съ преградами къ успѣху самой природы, спокойная встрѣча смерти за вѣру, Царя и отечество, наконецъ, свойственное только высокому христіанскому чувству, состраданіе къ положенію побѣжденнаго врага, врага, заявившаго себя злодѣйскими поступками съ христіанами; а здѣсь произвольное, вызванное однимъ глубокимъ чувствомъ христіанскаго милосердія, сопряженное съ многоразличными лишеніями и тягостями, съ непрестанною опасностію потерять здоровье и жизнь, служеніе страждущимъ больнымъ и раненымъ на полѣ брани, служеніе, примѣры которому мы находимъ только въ милосердномъ Самарянинѣ и въ Евангельскихъ женахъ.

Благословенъ Господь Богъ, тако милующій наше отечество и дающій ему доблестныхъ сыновъ и дочерей!

И такъ, христіанскіе родители! Если вы желаете своимъ дѣтямъ истиннаго добра въ сей жизни и вѣчнаго блаженства въ будущей, то употребляйте всѣ силы души своей на воспитаніе ихъ въ духѣ вѣры, въ страхѣ Божіемъ, на тѣхъ началахъ, которыя служатъ основаніемъ всему доброму и прекрасному! Тогда свято исполните возложенный на васъ долгъ, поставите Церкви Божіей вѣрныхъ чадъ, а отечеству доблестныхъ сыновъ, и, по скончаніи на землѣ дней своихъ, небоязненно предстанете предъ лицемъ Небеснаго Судіи—Бога! Аминь.

На день Вознесенія Господня.

1.

И бысть егда благословляше их, отступи от них и возношашеся на небо. И тіи поклонишася Ему и возвратишася въ Іерусалимъ съ радостію великою. (Лук. 24, 51, 52).

Разлучаясь съ своими наставниками, друзьями, благодѣтелями, мы, обыкновенно, предаемся сѣтованію и горести. Но въ разлукѣ Апостоловъ съ своимъ Небеснымъ Наставникомъ мы видимъ совсѣмъ противное: они поклонились возносившемуся Господу и возвратились въ Іерусалимъ съ радостію великою. И что можетъ быть выше ихъ радости? Они разлучались съ Господомъ, но вѣдали, что не надолго, и что Онъ и въ самой разлукѣ пребудетъ вѣчно неразлученъ. Они оставались безъ главы, безъ вождя, но несомнѣнно вѣрили, что, гдѣ глава, тамъ будутъ и члены, гдѣ начало—вождь, тамъ и послѣдователи, гдѣ воцарился Христосъ—Господь, тамъ водворятся и всѣ вѣрующіе во имя Его, уповающіе на благость Его, прилѣпляющіеся любовію къ Нему. О, братія! Радость Апостоловъ при Вознесеніи Господнемъ на небо должна быть общею радостію всѣмъ христіанамъ! Ибо для чего вознесся Господь? Для того, чтобы возсѣсть одесную Бога-Отца на престолѣ славы, отверзть для насъ небо неприступное, уготовить для каждаго изъ вѣрныхъ обители въ дому Отца Небеснаго и ходатайствовать всегда о насъ предъ Нимъ. Если бы Христосъ не вознесся на небо, то и не возсѣлъ бы, яко ходатай, на престолѣ славы; если бы не возсѣлъ на престолѣ славы, то не могъ бы ближайшимъ образомъ ходатайствовать у Отца Небеснаго о вѣрующихъ; если бы не могъ ходатайствовать о насъ, то не могъ бы уготовить и обителей славы во Царствіи Небесномъ. Но Христосъ ближайшій Спаситель нашъ во славѣ Божества!

Какое свѣтлое торжество для вѣрующихъ во имя Его! Какое подкрѣпленіе для вѣры, надежды и любви!

Вотъ, братія, неисчерпаемый источникъ истинной радости для всѣхъ вѣрныхъ: Христосъ, надежда и упованіе наше, на Небесахъ; Христосъ, ходатай нашъ, на престолѣ славы! Можетъ ли кто изъ вѣрующихъ усомниться въ своемъ блаженствѣ: можетъ-ли кто не радоваться небесною радостью о вознесеніи Господнемъ на Небо?

Но сія небесная радость не можетъ имѣть мѣста въ тѣхъ сердцахъ, кои ищутъ радости въ мутныхъ источникахъ мірскихъ благъ: *идѣ же сокровище ваше*, говоритъ Господь, *тутъ и сердце ваше будетъ*. Слѣдовательно, земныя сокровища, земныя радости и блага привязываютъ къ землѣ всѣ помыслы, всѣ желанія, все существо ищущихъ земныхъ утѣшеній. Для нихъ нѣтъ ничего общаго въ радости небесной. Они въ мірѣ и для міра, міръ свое любитъ и, напоя ихъ плотяныя сердца мутною влагою тлѣтворныхъ удовольствій, подавляетъ всякое пожеланіе чистой небесной радости. Не на землѣ радость для истинно вѣрующихъ. Христосъ, истинное сокровище ихъ, на небесахъ, тамъ и сердце ихъ со всѣми помышленіями, со всѣми желаніями и чувствами. Какъ ни тяжки оковы плоти, какъ ни привлекательны красоты міра, безсмертный духъ истинныхъ христіанъ не преклоняется долу—къ землѣ, не опутывается сѣтями чувствъ, но на крылѣхъ вѣры и любви возносится горѣ, идѣ же Господь одесную Бога сѣдитъ.

О, братіе, братіе! Когда престанемъ искать утѣшеніе себѣ въ тлѣтворныхъ благахъ? Когда духовныя очи наши просвѣтятся, и мы узримъ истинное благо наше? Когда вразумимся, что земля не есть страна вѣчнаго нашего пребыванія, что родина, отечество наше—небо, что вѣрующіе суть *странники и пришельцы* на земли, а на небеси—*сожители святыхъ и присніи Богу*?

Христе Боже нашъ, вознесыйся отъ насъ на небо и сѣдый одесную Бога! Ты самъ, по неизреченному Твоему милосердію, умягчи ожесточенныя наши сердца и содѣлай, да радуемся несуетною радостію, земною, плотскою, но истинною, небесною,

духовною, да возносимся выну и умомъ и сердцемъ на Небо, да уготовляемъ свѣтильники вѣры и любви во срѣтеніе Твое, егда пріидешь съ Небеси судить живыхъ и мертвыхъ! Аминь.

2.

И возвратившися во Іерусалимъ съ радостію великою: и бяху выну въ Церкви, хваляще и благословяще Бога. (Лук. 24, 52, 53).

Вотъ какъ и вотъ гдѣ торжествовали радостное событіе Вознесенія Господня первые послѣдователи Христовы! Вознесеніе Господа исполнило ихъ сердца великою радостію; радость эта увлекла ихъ въ церковь и выразилась въ хваленіяхъ и благословеніяхъ Бога.

Такъ-ли и тамъ-ли мы, братіе, выражаемъ свои радости? Нѣтъ. Въ скорби и несчастіи мы еще спѣшимъ въ храмъ Божій и просимъ, нерѣдко, усердно у Господа помилованія себѣ. Но въ радости... о, у насъ много другихъ мѣстъ, куда спѣшимъ выразить ее, много другихъ лицъ, къ коимъ обращаемъ хваленія и благодаренія! Мы, по своей суетности и неразумію, прибѣгаемъ къ Господу только въ одной необходимости, только тогда, когда взыдутъ бѣды на главу нашу, когда не находимъ въ мірѣ избавленія и утѣшенія. Какъ будто во власти Божіей однѣ бѣды и скорби; какъ будто радость и благоденствіе наше не отъ Господа исходятъ. О, братіе, какъ мы глубоко оскорбляемъ, Господа тѣмъ, что отчуждаемъ Его отъ радостей нашихъ: какъ гибельно вредимъ себѣ тѣмъ, что изливаемъ радости свои не въ союзѣ съ Господомъ. Не оскорбляется-ли тотъ отецъ, котораго сынъ только тогда къ нему приходитъ, только тогда къ нему почтителенъ и ласковъ, когда находится въ скорби и несчастіи, когда нуждается въ помощи и утѣшеніи, а когда онъ счастливъ и веселъ, тогда и не знаетъ дома отеческаго, а если и придетъ къ отцу, то съ видомъ холоднымъ и непочтительнымъ? О, конечно, сей отецъ не можетъ быть довольнымъ своимъ сыномъ и при будущихъ его несчастіяхъ онъ не будетъ скоръ на помощь къ нему, чтобы дать ему почувство-

вать неблагодарное его поведеніе. Не того-же ли и мы должны ожидать отъ Господа? Можетъ быть мы уже и навлекли на себя немилость Божію? Ибо отчего не всегда Господь исполняетъ прошенія наши? Отчего не всегда предотвращаетъ отъ насъ ожидаемыя бѣды и скорби? Конечно не всегда прошенія наши бываютъ усердны, бываютъ прошенія и неразумныя, суетныя. Но отчего не выполняетъ иногда Господь прошеній усердныхъ и несуетныхъ? Можетъ быть единственно оттого, что мы убѣгаемъ Господа въ дни счастія, удаляемся отъ Него въ часы радости, остаемся неблагодарными къ Нему при исполненіи желаній нашихъ.

О, братіе гибельно удаляться отъ Господа когда-бы то ни было, но удаляться въ радости и счастіи кромѣ того низко и неблагодарно! Господь *возводитъ и низводитъ, убожитъ и выситъ*. Отъ него зависитъ счастіе наше, отъ него истекаютъ радости наши, Онъ ими надѣляетъ тѣхъ, *ихъ-же восхощетъ*. Слѣдовательно, Его и должно благодарить за всякое благо, ниспосланное намъ, къ Нему и должно спѣшить во всякой радости нашей.

Спѣшите, спѣшите, братіе, во храмъ Божій при всякой радости вашей! Изливайте здѣсь свои благодарныя чувства предъ Господомъ въ теплыхъ хваленіяхъ и благословеніяхъ! Ваша радость будетъ выше, ваше счастіе удвоится, ибо вы будете въ союзѣ съ Богомъ, Подателемъ всѣхъ благъ. Засимъ если посѣтитъ васъ и скорбь какая, то вы съ большимъ дерзновеніемъ и съ большею надеждою прибѣгнете къ Небесному Утѣшителю, ибо кто близокъ къ Господу въ счастіи, къ тому близокъ Господь при несчастіи. Аминь.

3.

Описывая преславное Вознесеніе Господа на Небо, нынѣшнее Апостольское чтеніе говоритъ и о второмъ пришествіи Его на землю: *Сей Іисусъ, вознесыйся отъ васъ на небо, такожде пріидетъ, имже образомъ видисте Его идуща на небо*

(Дѣян. 1, 11) слова Ангеловъ. Для чего же пріидетъ Господь во второй разъ на землю? Онъ Самъ возвѣстилъ міру, что пріидетъ судить живыхъ и мертвыхъ, *и пріидетъ во славѣ Своей и вси святіи ангели съ Нимъ и тогда сядетъ на престолѣ славы Своея, и соберутся предъ нимъ вси языцы.* (Матв. 25, 31, 32).

И такъ будетъ судъ, который долженъ рѣшить нашу судьбу на всю вѣчность. Каковъ же будетъ этотъ судъ? О, онъ не можетъ не быть для насъ страшнымъ, братія! На немъ ничто не укроется, не утаится, обнаружится все тайное, забытое, обнажатся самыя помышленія и неисполненныя желанія. На немъ будетъ обличитель у насъ самый неумолимый, самый безпристрастный,—это совѣсть каждаго, не въ томъ состояніи совѣсть, въ какомъ она находится нынѣ — омраченная и извращенная грѣхами, ложно оправдывающая, утаевающая, а совѣсть очищенная, просвѣтлѣвшая, которая сознаетъ и откроетъ все нечистое и грѣховное во всемъ свѣтѣ и во всей правдѣ. Ко всему этому будетъ судить насъ Милосерднѣйшій Судья— Отецъ и Спаситель нашъ, Тотъ, Кто изъ любви къ намъ пострадалъ и умеръ за насъ, Кто излилъ на насъ величайшія благодѣянія и милости.

Представьте себѣ земной судъ, на которомъ былъ-бы судіею отецъ, а подсудимымъ сынъ. Представьте, что этотъ отецъ пламенно любитъ сына, хотя порочнаго и недостойнаго, и долженъ изречь ему грозное опредѣленіе; представьте, что этотъ несчастный сынъ, только-что познавшій всю глубину отеческой любви къ нему, долженъ предстать предъ нимъ, какъ предъ судіею, и выслушать отъ него смертный приговоръ. Каково положеніе такого сына предъ такимъ отцомъ? Здѣсь страхъ предстоящаго осужденія можетъ составлять для сына только малую часть мучительнаго состоянія, а самую большую — это стыдъ и позднее раскаяніе въ томъ, что онъ своими позорными дѣлами любящаго и любимаго имъ отца поставилъ въ такое тяжкое положеніе, что онъ презрѣлъ его любовь и за всѣ попеченія заплатилъ самою низкою, самою черною неблагодарностію.

Если здѣсь, на земномъ судѣ такъ, братія, то что тамъ? Тамъ, на судѣ предъ нашимъ Благодѣтелемъ, Отцемъ и Господомъ, что возчувствуетъ грѣшникъ?! О, нѣтъ словъ на человѣческомъ языкѣ, чтобъ сколько нибудь понятно выразить ужасное состояніе грѣшника на страшномъ судѣ! Вполнѣ понятая имъ, но поздно, благость Божія, вполнѣ сознанное имъ, но уже неисправимое, собственное окаянство не составятъ ли для него того невообразимаго мученія, которое мы называемъ муками ада?!

Не даромъ подвижники Божіи съ трепетомъ вспоминаютъ о страшномъ судѣ и при этомъ воспоминаніи заливаются горькими слезами. Они самыя малыя свои слабости, самые мелкіе порывы своей плоти, самое незначительное уклоненіе отъ добродѣтели считаютъ величайшимъ оскорбленіемъ любви Божіей и страшатся предстать предъ лице милосердаго Судіи и Господа.

А мы, братія, какъ? Страшенъ ли судъ Божій для насъ?

О Боже, Боже милосердый! Гдѣ нашъ умъ? Гдѣ тѣ свойства нашей души, кои должны составлять образъ и подобіе Божіе въ насъ?

Одни изъ насъ о страшномъ судѣ думаютъ, какъ о чемъ-то отдаленномъ, непонятномъ, не касающемся ихъ, и спокойно живутъ и дѣйствуютъ такъ, какъ можно было-бы жить, не ожидая вовсе никакого суда и возмездія за свои дѣла.

Другіе,—это мудрецы вѣка сего, которые въ умѣ своемъ сами творятъ Бога, и такого, какой имъ пригоденъ,—эти говорятъ: «если есть Богъ, то это всеобъемлющая любовь, а съ такою любовію совмѣстимы-ли страшный судъ и вѣчныя адскія муки? Нѣтъ, Богъ любви можетъ только миловать и надѣлять блаженствомъ».

Кажется, прекрасно сказано. Въ самомъ дѣлѣ: Богъ не есть-ли всеобъемлющая любовь?—Такъ. Но вопросимъ этихъ мудрецовъ: за чѣмъ же быть добрыми, терпѣть нужды, ограничивать свои желанія, не посягать на достояніе ближняго? Не лучше-ли быть татемъ, грабителемъ, злодѣемъ? Здѣсь, на землѣ, было-бы хорошо, да и за гробомъ не худо: Богъ только

милуетъ, и милуетъ всякаго, кто бы ни былъ, злодѣй или праведникъ.

О мудрость, посягающая на разумъ Божій, и между тѣмъ теряющая всякое здравомысліе!

Похвалили-бы мы такого земнаго властителя, который равно миловалъ-бы какъ добрыхъ, такъ и злыхъ, одинаково награждалъ какъ заслуги, такъ и злодѣянія? Сказали-ли бы мы, что такой властитель—добрый и мудрый? О конечно нѣтъ, мы назвали бы его потворщикомъ, распространителемъ зла. Какъ же можно подумать, чтобы Богъ могъ быть такимъ потворщикомъ, чтобъ у Него не было правды, чтобъ въ Его глазахъ добро и зло имѣли одну мѣру и одинъ вѣсъ?

Нѣтъ, братія, Богъ есть всеобъемлющая любовь, и это доказываютъ безчисленныя Его благодѣянія, милости и попеченія о насъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ есть и Правосуднѣйшій нашъ Судія, и правосудіе Его не оставитъ какъ добра безъ награды, такъ и зла безъ наказанія. Кто при жизни своею любовію не отвѣчаетъ на любовь Божію къ нему, тотъ самъ виною, что эта любовь не защититъ его на страшномъ судѣ.

Потому, братія, при воспоминаніи о страшномъ судѣ, да не внимаемъ внушеніямъ мудрователей: ихъ устами говоритъ не мудрость просвѣщеннаго ума, а мудрованіе плоти. Никакой умъ человѣческій, какъ-бы ни былъ высокъ, не можетъ проникнуть въ область Божественныхъ Тайнъ и о второмъ пришествіи Господа, о страшномъ судѣ Его мы можемъ знать только то, что открыло Слово Божіе, а оно открыло достаточно для того, чтобы намъ не надѣяться ложно на милосердіе и любовь Божію, чтобы знать, что эта любовь послужитъ къ нашему большему посрамленію и осужденію на судѣ, если мы съ своей стороны не окажемся достойными оной по силѣ нашей вѣры и любви и по чистотѣ своихъ дѣлъ. Будемъ же, доколѣ есть время, доколѣ течетъ наша земная жизнь, укрѣплять нашу вѣру, согрѣвать сердце наше любовію къ Богу, сообразовать наши дѣла съ закономъ Божіимъ. Тогда на будущемъ судѣ Божіемъ найдемъ себѣ надежную защиту и оправданіе въ любви и милосердіи Небеснаго Судіи и Господа.

Вознесыйся на небеса и непрестанно съ высоты престола славы Своея презирающій на землю Господь да укрѣпитъ всемощною Своею благодатію наши благія намѣренія и начинанія. Аминь.

На день Преображенія Господня.

1.

Господи, добро есть намъ здѣ бытіи.
(Матѳ. 17, 14).

Іисусъ Христосъ, проповѣдуя Евангеліе, говоритъ между прочимъ о грядущемъ царствіи Своемъ и славѣ: *пріити имать Сынъ Человѣческій во Славѣ Отца Своего* (Мато. 16, 27). Ученики Его, непроникнутые еще Духомъ Божіимъ, по понятію того вѣка думали, что царство Его должно устроиться на землѣ, почему двое изъ нихъ Іаковъ и Іоаннъ выразили и желаніе свое участвовать въ земной Его славѣ: *даждь намъ*, говорили они, *да единъ одесную Тебе и единъ ошую Тебе сядева во славѣ Твоей* (Марк, 10, 37). Спаситель, дабы показать, что царство Его нѣсть отъ міра сего, поемлетъ Петра, Іакова и Іоанна, восходитъ съ ними на гору Оаворъ, снимаетъ съ себя покровъ смиренія и уничиженія и облекается славою, яко Единородный Сынъ Предвѣчнаго Отца. Божественное сіяніе Учителя поражаетъ страхомъ сердца и ослѣпляетъ очи учениковъ Его; но тихій и мирный лучъ, проникнувъ въ души ихъ, производитъ въ нихъ то восхищеніе, которое изобразилъ одинъ изъ нихъ—Петръ словами: *Господи, добро есть намъ здѣ быти*. Минутное преображеніе Христа измѣнило и мысли учениковъ: здѣсь слава міра была ими забыта; свѣтъ небесный коснулся умственныхъ очей ихъ; малѣйшее внушеніе Божественной славы наполнило души ихъ пензъяснимымъ блаженствомъ.

Это, благочестивые слушатели, даетъ намъ случай побесѣдовать для нашего назиданія о томъ, что радость и удоволь-

ствіе, почерпаемыя изъ соединенія съ Богомъ, гораздо превосходнѣе радостей земныхъ.

Соединеніе съ Богомъ есть благодатное состояніе, въ которомъ человѣкъ, совершенно предая себя волѣ Божіей, всѣмъ сердцемъ къ нему прилѣпляется, и Богъ въ немъ, яко въ освященномъ храмѣ, присутствуя, исполняетъ его духовными дарами и содѣйствуетъ ему во всѣхъ праведныхъ дѣлахъ его О семъ благодатномъ состояніи человѣка такъ говоритъ свящ. писаніе: *Вы есте Церкви Бога жива, яко-же рече Богъ: яко вселюся въ нихъ и похожду, и буду имъ Богъ: и тіи мнѣ будутъ людіе* (2 Кор. 6, 16). Когда св. вѣра, просвѣщая разумъ человѣка истиннымъ свѣтомъ Богопознанія, исполняетъ сердце его сыновнимъ благоговѣніемъ къ Зиждителю; когда воля Божія есть единственная цѣль его желаній; когда Небесный Отецъ чрезъ благодатное содѣйствіе сообщаетъ себя ему: тогда что можетъ сравниться съ блаженствомъ сего избраннаго Божія? Для него нѣтъ тогда другого счастія, кромѣ того, коимъ онъ наслаждается, нѣтъ другого удовольствія, кромѣ того, которое вкушаетъ душа его! И это естественно. Если мѣра радости и удовольствія возвышается по качеству обладаемаго блага; если великій и преблагій Богъ единъ есть истинное, совершенное и естественное безсмертной души нашей благо: то чего недостаетъ для счастія человѣка, вмѣщающаго въ себѣ сіе высочайшее благо? Онъ все имѣетъ и купно съ Давидомъ въ восторгѣ сердца говоритъ: *Что ми есть на Небеси, и отъ тебѣ что восхотѣхъ на земли; Боже сердца моего и честь моя Боже во вѣкъ* (Псал. 72, 25, 26).

Богъ есть истинное благо для человѣка! Чѣмъ болѣе человѣкъ прилѣпляется къ Нему, тѣмъ болѣе онъ становится совершеннымъ. Воззрите на первобытное состояніе человѣка, когда Богъ *веселяшеся о сынѣхъ человѣческихъ* (Притч. 8, 31) или взгляните на новыя чада, рожденныя *духомъ* и *водою* (Іоан. 3, 5), на сихъ сыновъ благодати и вы увидите въ нихъ или первосозданную святость, сей образъ Творца, или новосозданную правду, сей плодъ любви Богочеловѣка. Непомраченный предразсудками умъ найдетъ человѣка, какъ въ томъ, такъ и въ

другомъ состояніи, превосходнѣйшимъ твореніемъ, котораго всемогущая благость Божія достойно дѣлаетъ царемъ міра и нарекаетъ наслѣдникомъ небесъ. Потому совершенства сына благодати, — подобіе совершенствъ Божіихъ, — могутъ-ли не произвести въ душѣ его той мирной субботы, въ которой человѣкъ ощущаетъ едину тишину, едино спокойствіе? Если-бы Богъ не прежде нашей любви къ Нему возлюбилъ насъ; если-бы каждую минуту благость Его не осыпала насъ безчисленными благодѣяніями; если-бы долгъ благодарности къ Нему не лежалъ вѣчно на совѣсти нашей: мы изъ одной-токмо любви къ самимъ себѣ, изъ одного желанія совершенства, изъ одной ревности къ истинному благу не должны-ли прилѣпляться къ Богу такъ, чтобы безбоязненно предъ цѣлымъ міромъ съ Апостоломъ сказать: *кто ны разлучитъ отъ любви Божіей* (Римл. 8, 35)?

Такъ, слушатели! Блаженъ, кто чрезъ вѣру и любовь *прилъпляяся Господеви, единъ духъ есть съ Господемъ*. Здѣсь—воображеніе, сей чувственными удовольствіями неопредѣляемый взоръ, находитъ свои предѣлы; желанія, сія жажда ничѣмъ въ мірѣ неудовлетворяемая, обрѣтаетъ свое довольство. Самыя узы бренной плоти не препятствуютъ душѣ, по мѣрѣ ея возможности, обладать высочайшимъ благомъ съ тѣмъ довольствомъ, котораго зависть не растворяетъ горестію, съ тѣмъ спокойствіемъ, котораго не тревожитъ ужасъ самой смерти. Мы, говоритъ одинъ изъ Апостоловъ, въ глазахъ неправеднаго свѣта *яко умирающе, и се живи есмы, яко нищи, а многи богатяще: яко ничто-же имуще, а вся содержаще* (2 Кор. 6, 9, 10).

Богъ есть единое и истинное благо для человѣка, а душа человѣка, какъ дщерь небесъ, кромѣ Бога, кромѣ небеснаго блаженства, ничѣмъ удовольствована быть не можетъ. Удаляясь отъ Бога, она лишается естественнаго ей блага и сроднаго желаніямъ его удовольствія. Всѣ пріятности земныя, все временное счастіе, не удовлетворяютъ ея желаній, а усугубляютъ жажду новыхъ пріятностей, ибо онѣ не суть высочайшее благо, сродное душѣ человѣка. Кто не обманулся наружностію благъ міра, утвердивъ зданіе счастія своего на семъ зыблящемся

пескѣ? кто пія изъ сего мутнаго источника, не восклицалъ послѣ: *ядохомъ и не въ сытостъ, пихомъ и не въ піянство* (Агг. 1, 6)? Кто когда предался любви ихъ, не поступивъ упорно противъ совѣсти своей, защищающей истинное достоинство души? — Но, каковы блага, таковы и удовольствія, отъ нихъ проистекающія. Онѣ льстятъ чувствамъ, дабы уловить сердца; уловляютъ сердце, дабы плѣнить душу; плѣняютъ душу, дабы, учинивъ ее рабою, удалить отъ добродѣтели. Онѣ кажутся великими, но для малаго духа; составляютъ цѣль желаній, но для низкаго сердца; почитаются блаженствомъ, но отъ тѣхъ, кои забыли, что они человѣки.— Не для земли, а для неба, не для тварей, а для Бога сотворенъ человѣкъ. Онъ одинъ долженъ быть и предметомъ его любви и цѣлію всѣхъ его желаній. Въ Немъ одномъ человѣкъ обрѣтаетъ и радость, и счастіе, и блаженство! Онъ одинъ доставляетъ ему то удовольствіе, которое есть предвкушеніе той безсмертной манны, которую собираютъ Серафимы вокругъ престола Господня;—доставляетъ то счастіе, которое, начинаясь во времени, не имѣетъ предѣловъ въ самой вѣчности, котораго никакія несчастія возмутить не могутъ, ибо въ душѣ, взыскавшей Господа, раждается та осторожность, которая предвидитъ паглость пороковъ и при помощи Божіей отражаетъ оные,—то терпѣніе, которое ни жаждою, ни гладомъ, не изнуряется,—то великодушіе, которое смотритъ на всѣ удары несчастій, какъ на младенческія стрѣлы.

Потому весьма погрѣшаютъ тѣ, кои состояніе сыновъ свѣта и благодати, ведущихъ жизнь по образу жизни Христовой, почитаютъ скучнымъ, лишеннымъ всякаго утѣшенія и удовольствія. Если по содѣланіи малой добродѣтели мы ощущаемъ въ совѣсти своей такую радость, такое удовольствіе, котораго и самыя великія блага міра не могутъ доставить, то что сказать о состояніи души тѣхъ, коихъ жизнь есть безпрерывная цѣпь добродѣтелей и высокихъ подвиговъ, неимѣющихъ другого побужденія кромѣ любви къ Богу, другого конца, кромѣ славы Божіей! Они—на землѣ, но вкушаютъ радости неземныя, недоступныя сынамъ міра!

И такъ, христіане, мы, торжественно отрекшіеся ходити по плоти и возрожденные водою и духомъ, да не обманываемъ самихъ себя ложнымъ блескомъ благъ міра и суетностью его удовольствій, но да стремится сердце наше къ соединенію съ Богомъ чрезъ вѣру и добрыя дѣла: въ Немъ одномъ оно обрѣтетъ истинную радость, совершенное довольство и ненарушимый покой. Аминь.

2.

И преобразися предъ ними, и просвѣтися лице Его, яко солнце, ризы-же Его быша бѣлы, яко свѣтъ (Матѳ. 17, 2).

Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ дабы совершить искупленіе наше, *зракъ раба пріимъ, въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ, смирилъ себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти-же крестныя* (Филип. 2, 7, 8). Но изъ подъ смиреннаго покрова какъ часто просіявала слава Божія! Здѣсь Онъ будитъ уснувшаго мертвымъ сномъ; тамъ воскрешаетъ четыредневнаго во гробѣ Лазаря; здѣсь изгоняетъ бѣсовъ изъ людей, одержимыхъ ими, а тамъ нѣсколькими хлѣбами насыщаетъ тысячи человѣкъ; здѣсь одно слово—*возстани* воздвигаетъ полумертваго съ одра, а тамъ одно прикосновеніе жены къ ризѣ Его исцѣляетъ ее отъ многолѣтняго недуга. Самые упорные и ожесточенные, видя дѣла Христовы, не могли не восклицать: *кто сей есть! николи-же тако видѣхомъ во Израили* (Марк. 2, 12). Но при всемъ этомъ, какъ враги Христовы, болѣе и болѣе разъяряемые дѣлами Его, стали предъ народомъ приписывать ихъ силѣ діавола, а не Божіей, и тѣмъ ослаблять вѣру ихъ въ Божественность Спасителя; какъ многіе даже изъ Его послѣдователей, слыша изъ устъ Его ученіе, противное ихъ чувственности, начали говорить: *жестоко есть слово сіе и кто можетъ исполнить его;* какъ, наконецъ, слово о близости креста и страданій начало поселять даже въ ближайшихъ Его ученикахъ недоумѣніе; словомъ, какъ вѣра и вѣрность сихъ избранныхъ сосудовъ могла подвергаться опасности и нуждалась въ сильнѣйшемъ доказательствѣ Божественности Его: то Спаситель долженъ былъ явить имъ славу Свою

славу небесную, чтобы они увидѣли, что Онъ несетъ крестъ по волѣ Отца Своего, а не по волѣ враговъ Его и, увидѣвъ это, какъ сами не сомнѣвались, такъ и другимъ проповѣдывали, что Онъ есть Христосъ, Сынъ Божій. Такимъ образомъ Петръ, Іаковъ и Іоаннъ дѣлаются очевидцами Его преславнаго Преображенія на горѣ Ѳаворѣ, и гласъ Небеснаго Отца свидѣтельствуетъ имъ, что преобразившійся есть Сынъ Его возлюбленный, Котораго они должны слушать съ совершенною довѣренностью къ Его Божественности.

Христіане-слушатели! Мы всѣ утверждены въ истинѣ Божественности Спасителя нашего и всѣ раздѣляемъ радость св. Церкви, которая въ сей день воспоминаетъ Его Божественное прославленіе. Но воспоминаніе это должно рождать въ насъ другую, особенную радость, ибо Преображеніе Господне не только укрѣпило Апостоловъ въ вѣрѣ въ Искупителя, но еще показало намъ образъ той славы, которою мы прославимся, когда тлѣнное и мертвенное наше тѣло облечется въ нетлѣніе и безсмертіе; оно есть залогъ нашего преображенія; Ѳаворская гора образуетъ небо, жилище Царя славы и Господа прославленныхъ Имъ людей. Сколь-же должно быть утѣшительно для истиннаго христіанина воспоминаніе о томъ событіи, которое увѣряетъ его въ его прославленіи въ его вѣчной жизни, въ его вѣчномъ блаженствѣ!

Если-бы жизнь наша ограничивалась здѣшнею жизнію, то христіане были-бы несчастнѣйшіе изъ людей, ибо христіанская вѣра учитъ насъ не заботиться объ утѣшеніяхъ здѣшней жизни, предписываетъ борьбу со страстями и похотями, ограничиваетъ всякое желаніе благъ міра и ублажаетъ терпящихъ скорби, лишенія, наготу и другія несчастія. Истинные послѣдователи Христовы самимъ Спасителемъ обречены, такъ сказать, на всѣ возможныя въ семъ мірѣ бѣдствія. *Въ мірѣ скорбни будете*, говоритъ Онъ. Конечно, времена гоненій на христіанъ прекратились теперь: Церковь Христова наслаждается миромъ, но гоненія и мученичества, хотя менѣе ужасныя и ощутительныя, и доселѣ продолжаются. Предсказаніе Апостольское—*хотящіе благочестно жити, гоними будутъ* (2 Тим. 3, 12), простирается

и на нашъ вѣкъ, какъ и на другіе. Поэтому нерѣдко случается видѣть, что, чѣмъ кто добродѣтельнѣе, тѣмъ большимъ подлежитъ озлобленіямъ и скорбямъ. Развратъ и нынѣ, какъ въ древнія времена, ополчается на добродѣтель; и нынѣ благочестивые Авели бываютъ жертвою убійцъ Каиновъ. Но положимъ, что въ наше время истинный чтитель Христовъ возможетъ избѣжать бѣдствій и угнетеній отъ порочныхъ людей и при всѣхъ соблазнахъ міра сохранять сердце свое невиннымъ, покорять чувства свои разсудку, всю жизнь видѣть въ себѣ одну борьбу между ветхимъ и новымъ человѣкомъ и не усматривать конца оной,—не есть-ли это мученичество, внутри насъ существующее? Такъ! Всякій истинный христіанинъ пьетъ здѣсь горькую чашу и имѣетъ причину говорить съ Апостоломъ Павломъ: *аще въ животѣ семъ точію уповающе есмы во Христа, окаяннѣйши всѣхъ человѣкъ есмы* (1 Кор. 15, 19). Что-жъ? Неужели человѣкъ, въ теченіе жизни своей любившій Господа всѣмъ сердцемъ своимъ, всею душею своею и всею мыслію своею, останется безъ награды и утѣшенія? Неужели сѣявшій здѣсь, на землѣ, кровію и слезами не пожнетъ радостію въ вѣчности? Нѣтъ, благочестивые слушатели, и разумъ и вѣра увѣряютъ насъ въ противномъ. Правосудный Богъ сказалъ: *Азъ славящія Мя прославлю и любящія Мя обрящутъ благодать* (1 Цар. 2, 30); *Вѣруяй въ Мя не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. 3, 15); *праведницы просвѣтятся, яко солнце, во Царствіи небесномъ* (Мато. 13, 43);—и подвижники Христовы въ семъ мірѣ уже не чувствуютъ того, что они окаяннѣйшіе всѣхъ человѣкъ. Лишая себя временныхъ благъ и чувственныхъ удовольствій, они не сожалѣютъ о нихъ, ибо знаютъ, что сіе лишеніе пріобрѣтетъ имъ удовольствія чистыя, блага вѣчныя. Терпя за Христа и гоненія, и скорби, и униженія, они не ропщутъ ни на судьбу, ни на людей, а среди всего этого радуются, ибо несомнѣнность будущей жизни ручается имъ за то, что временныя скорби ихъ источатъ имъ радость, униженія—славу, гоненіе—благоволеніе Божіе, несчастія—вѣчное блаженство. Одушевляемые таковою небесною надеждою Апостолы, среди величайшихъ бѣдствій и горестей

съ радостію восклицали: *недостойны страсти нынѣшняго вѣка къ хотящей славѣ явитися въ насъ* (Римл. 8, 18). Такъ и мы, среди бѣдствій, свойственныхъ каждому изъ насъ, утѣшаемся, воспоминая Преображеніе Господне, свидѣтельствующее, что и мы преобразимся нѣкогда *отъ славы въ славу* (2 Кор. 3, 18).

Впрочемъ не всѣ, носящіе имя христіанъ, могутъ надѣяться славнаго Преображенія Господня. Чтобы преобразиться, надобно съ Іисусомъ Христомъ взойти на гору, т. е. устремить сердце свое горѣ, день и ночь поучаться Божественной премудрости, расположить здѣшнюю жизнь свою по образу жизни Христовой, совлечься ветхой одежды и облещися въ новую; словомъ, чтобы сдѣлаться достойнымъ преславнаго преображенія на небеси, надобно преобразиться здѣсь, на землѣ. Всѣ-же мудрствующая земная, а не горняя, да не мечтаютъ о томъ высокомъ преображеніи, которое назначено однимъ вѣрнымъ чадамъ Божіимъ. Ихъ богъ—чрево, ихъ удовольствія—блага міра: имъ нѣтъ общенія съ Богомъ, какъ свѣту со тьмою: потому и вѣчная жизнь ихъ есть вѣчная смерть.

Царю и Господи нашъ! Сотвори, да достойно носимъ на себѣ святое имя Твое; даждь намъ поучатися во всѣхъ заповѣдяхъ Твоихъ день и ночь; храни насъ во всѣхъ путяхъ нашихъ, да и мы, какъ нынѣ, со гласомъ хваленія и воскликновенія, въ радости и веселіи духовномъ, празднуемъ преславное Преображеніе Твое, такъ и въ невечернемъ дни Царствія Твоего сподобимся праздновать свое преображеніе! Аминь.

3.

Взыде на гору помолитися. И бысть, егда молящеся, видѣніе лица Его ино, и одѣяніе Его было блистаяся (Луки 9, 28, 29).

Какая сила молитвы усматривается, слушатели, на Ѳаворѣ! Сынъ Божій молится Небесному Своему Отцу и молитвою своею преклоняетъ небо до земли. До молитвы восходитъ Онъ на гору въ зракѣ раба, во время молитвы небесная слава озаряетъ Его свѣтомъ неизреченнымъ. До молитвы едва призна-

вали въ Немъ Пророка, по молитвѣ-же Самъ Небесный Отецъ торжественно свидѣтельствуетъ міру, что Онъ возлюбленный Сынъ Его: *сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немъ-же благоволихъ, Того послушайте* (Лук. 9, 35). Но не думайте, слушатели, чтобы предъ Господомъ была сильна молитва одного Сына Божія.—Если Сынъ Божій *далъ власть всѣмъ вѣрующимъ во имя Его чадами Божіими быти* (Іоан. 1, 12), и за исполненіе Его святаго закона обѣщалъ, что *Онъ имъ будетъ во Отца, а они Ему будутъ въ сыны и дщери* (2 Кор. 6, 18), то можетъ-ли молитва сихъ *пріявшихъ духа сыноположенія* (Римл. 8, 15) оставаться недѣйствительною? Можетъ-ли молитва чадъ не быть услышанною Отцемъ ихъ? *Аще вы лукави суще*, говоритъ Христосъ, *умѣете даянія благая даяти чадомъ вашимъ, колѣми паче Отецъ вашъ небесный дастъ блага просящимъ у Него* (Мат. 7, 11). Потому, на что не можетъ преклонить любвеобильную благость Божію молитва праведнаго? Св. Исторія показываетъ множество примѣровъ даже чудодѣйственной силы молитвы. Молитвою Моисей спасъ отъ конечной гибели цѣлый народъ, раздражившій тяжкими преступленіями Господа. Уже праведная воля Его погубить сей народъ была изъявлена, когда является предъ Нимъ ходатай за преступниковъ, *Остави мя*, глаголетъ ему Вседержитель, *и возъярився гнѣвомъ на ня потреблю ихъ* (Исх. 32, 10). Но молитвенникъ, сильный только силою Божіею, не оставляетъ Бога, а усугубляетъ молитву свою, и гнѣвъ Непобѣдимаго уступаетъ силѣ молитвы брепнаго человѣка! *И умилостивися Господь о злѣ, еже рече сотворити людемъ своимъ* (Исх. 32, 14). Столь-же сильна была предъ Богомъ молитва и Иліи. Хотя слово Божіе называетъ его *подобострастнымъ намъ человѣкомъ* (Іоан. 5, 17), но сей, подобный намъ, силою молитвы затворяетъ и отверзаетъ небо для прекращенія и низведенія дождя, горсть муки и часть елея дѣлаетъ достаточными для пропитанія нѣсколькихъ человѣкъ на долгое время, дуетъ на мертваго и его воскрешаетъ и низводитъ огонь съ неба на жертвенникъ. Приведемъ-ли еще въ примѣръ Елисея, Давида и другихъ, во всѣхъ увидимъ истину словъ Св. Писанія, что *много можетъ молитва пра-*

веднаго поспѣшествуема (Іак. 5, 16). Но одна-ли молитва праведнаго сильна предъ Господомъ?—Какъ сила дѣйствія молитвы зависитъ отъ силы самой молитвы, то не рѣдко *сила Божія*, молитвою низводимая, и *въ немощахъ совершается* (2 Кор. 12, 9). Такъ грѣшный и беззаконный Манассія, въ несчастіи обратившійся ко Господу, молитвою не только испросилъ прощеніе себѣ, но и возвращенъ былъ паки на царство: *и послуша его и услыша вопль его, и возврати его во Іерусалимъ на царство его* (2 Парал. 33, 12, 13). Такъ Корнилій, сотникъ римскаго войска, по вѣрѣ язычникъ, постоянною молитвою къ Богу невѣдомому низвелъ съ неба въ помощь себѣ вышнія небесныя силы и среди самой молитвы явился ему ангелъ и сказалъ: *Корниліе, услышана бысть молитва твоя* (Дѣян. 10, 31). Такъ мытарь краткою, но изъ глубины души излитою, молитвою, получилъ оправданіе у Бога. Такъ разбойникъ единымъ исповѣданіемъ Христа получилъ соучастіе въ Царствѣ Божіемъ.

Но если и грѣшники чрезъ молитву обрѣтаютъ благодать у Бога, то отчего, спросите вы, наши моленія не всегда доставляютъ намъ помощь Божію, не низводятъ свыше просимаго? На сей вопросъ отвѣтствуетъ Апостолъ: *желаете и не имате*, говоритъ онъ, *зане не просите, просите и не пріемлете, зане злѣ просите, да въ сластѣхъ вашихъ иждивете*, (Іак. 4, 3), т. е. что наши молитвы безплодны или оттого, что онѣ не суть прошенія усердныя, которыя-бы исходили изъ глубины души, но только желанія, хладнымъ сердцемъ выраженныя, или оттого, что прошенія наши нечисты и своекорыстны, исполненіе которыхъ, удовлетворивъ нашимъ страстямъ, принесло бы вредъ нашей душѣ.

Истинная-же молитва, отъ чистаго сердца и съ вѣрою возносимая къ Богу, и въ наше время пріемлется Богомъ и низводитъ милость Его на насъ. Не испыталъ-ли силы молитвы всякій изъ насъ, слушатели, на себѣ, когда въ скорби обращался и взывалъ ко Господу? Какъ часто всѣ утѣшенія разума, увѣщанія друзей и ближнихъ не только не сильны облегчить нашей скорби въ несчастіяхъ и лишеніяхъ нашихъ, но еще

усугубляютъ оную; но коль скоро въ теплой молитвѣ обращаемся къ Богу, какое облегченіе, какое внутреннее утѣшеніе вдругъ, непримѣтно получаемъ! Не показываетъ ли это, что усердная молитва и нынѣ, при всемъ недостоинствѣ нашемъ, преклоняетъ къ намъ милость Божію? Не показываетъ-ли это, что Господь, обѣщавшій *успокоеніе всѣмъ труждающимся и обремененнымъ*, и нынѣ вѣренъ своему обѣщанію, когда мы съ усердною молитвою обращаемся къ Нему?

Такъ, слушатели, усердная молитва сильна предъ Господомъ. Отчего же мы такъ рѣдко прибѣгаемъ къ ней? Или нѣтъ побужденій молиться? Но развѣ то, что мы живемъ, имѣемъ разумъ, пользуемся здоровьемъ, наслаждаемся пріятностями жизни, не должно побуждать насъ молиться? А сколько у насъ нуждъ, скорбей, желаній? Будемъ-же непрестанно молиться Богу! Онъ самъ говоритъ: *просите и дастся вамъ* (Мат. 7, 7);—*призови Мя въ день скорби Твоея и изму тя* (Псал. 49, 15). Будемъ молиться молитвою чистою, крѣпкою, съ чувствомъ вѣры и упованія, и Богъ услышитъ гласъ моленія нашего. Если-же хладное сердце наше не можетъ изливать горячей молитвы, то будемъ молиться и о самой молитвѣ; тогда всемощная благодать Божія согрѣетъ сердце наше, исправитъ молитву нашу и даетъ ей силу досягать престола Царя Небеснаго и низводить Его милость на насъ. Аминь.

4.

Глаголаста исходъ Его, его-же хотяше скончати во Іерусалимѣ (Лук. 9, 31).

Какая нерадостная бесѣда на Ѳаворѣ среди высочайшаго проявленія Божественной Славы Господа! Апостолы въ первый разъ видятъ Учителя своего во славѣ, въ первый разъ получаютъ такое чудное и торжественное увѣреніе въ томъ, что Тотъ, Кому они всесовершенно посвятили себя, есть Единородный Сынъ Божій, видятъ притомъ явленіе изъ горняго міра славныхъ древнихъ Пророковъ Моисея и Иліи, слышатъ ихъ собесѣдованіе со Христомъ, и сердца ихъ исполняются неиз-

реченною радостію. Но сколь не соотвѣтствуетъ ихъ радости предметъ бесѣды Господа съ древними служителями Бога Израилева! Они бесѣдуютъ о послѣднихъ скорбныхъ дняхъ Спасителя на землѣ, въ которые надлежало Ему испить всю чашу страданій и заключить ихъ поносною смертію. Этого-ли ожидали исполненныя радости сердца Апостоловъ? Но еще не приспѣло время радости для нихъ, еще предстояли имъ труды и подвиги, еще духовныя силы ихъ требовали укрѣпленія. И вотъ причина, по которой, среди явленій Божественной Славы Господа, происходитъ бесѣда о Его страданіяхъ и смерти. Слава сія должна была увѣрить ихъ, что Онъ есть истинный Сынъ Божій, и оградить ихъ отъ соблазна и претыканія въ то время, когда наступятъ послѣдніе дни Его земной жизни, дни крайняго Его уничиженія.

Такова цѣль сочетанія съ Преображеніемъ Господнимъ указанія на Его страданія и смерть. Намъ-же, братія, такое сочетаніе даетъ случай привести себѣ на память истину, всѣми знаемую, но часто забываемую, что для человѣка, при всѣхъ обстоятельствахъ его жизни, какъ радостныхъ, такъ и скорбныхъ, нѣтъ ничего полезнѣе, какъ всегдашнее памятованіе своей смерти.

Нѣтъ ничего извѣстнѣе для насъ, какъ неминуемость смерти каждаго, ибо *нѣсть человѣкъ, иже поживетъ и не умретъ* (Псал. 88, 49); нѣтъ равно ничего достовѣрнѣе, что смерь не разбираетъ ни возраста, ни званія, ни состоянія: ея ударамъ подвергается какъ дряхлый старецъ, такъ и крѣпкій юноша, какъ знаменитый заслугами мужъ, такъ и безславный простолюдинъ, какъ богатый, такъ и бѣдный, и нѣтъ закона, нѣтъ признака, по которому можно было-бы заранѣе опредѣлить, что тотъ или другой человѣкъ, въ извѣстномъ періодѣ жизни, можетъ быть свободенъ отъ смерти. Не говоря объ особыхъ случаяхъ смертныхъ, происходящихъ то отъ огня, то отъ воды, то отъ разрушеній и паденій и отъ другихъ многоразличныхъ причинъ, отъ которыхъ никакая мудрость человѣческая не можетъ предохранить, сколько есть причинъ къ смерти въ самомъ организмѣ человѣческомъ, которыхъ предвидѣть и предотвратить

не въ состояніи вся опытность искуснѣйшаго врача. Но губительнѣйшимъ бичемъ для человѣческой жизни бываютъ страсти и не сообразная съ природою жизнь самого человѣка. Сколько преждевременно сходитъ въ могилу людей, которыхъ природа надѣлила всѣми дарами крѣпости и силы, но которые, предавшись во власть страстей, переполнили сердце свое различнаго рода суетными скорбями и печалями вѣка сего и тѣмъ произвольно приблизили себя ко гробу! Сколько людей во цвѣтѣ лѣтъ носятъ ясные признаки скораго разрушенія организма своего, признаки, ясно указующіе и на тѣ причины, отъ которыхъ произошли: тутъ не скрыты ни ночи, проведенныя безъ сна въ предосудительныхъ или суетныхъ занятіяхъ, ни дни, обращенные въ ночи; тутъ видимы и неумѣренность въ пищѣ и питіи, и пресыщеніе въ удовольствіяхъ, и все то, о чемъ непристойно и говорить, но что составляетъ извращенный и губительный образъ жизни сластолюбцевъ.

Среди такихъ опасностей отъ смерти, смерти нерѣдко мгновенной и большею частью преждевременной, какую неоцѣненную пользу можетъ принести человѣку всегдашнее помятованіе о ней! Что если-бы люди, такъ любящіе жизнь и такъ безразсудно сокращающіе ее, памятовали смерть? Ужели-бы они избрали себѣ такой смертоносный образъ жизни? Ужели-бы они рѣшились такъ неумѣренно пить ядъ сластолюбія и плотоугодія, несомнѣннымъ слѣдствіемъ котораго бываетъ преждевременная смерть? О, конечно, нѣтъ! Кому не случалось видѣть хотя одного изъ тѣхъ несчастныхъ, которые неумѣренностью въ удовольствіяхъ и превратнымъ образомъ жизни разстроили свое здоровье и которымъ отчаянное ихъ положеніе внушило памятованіе смерти? Можно-ли на нихъ смотрѣть безъ сожалѣнія, можно-ли видѣть безъ слезъ, какъ они раскаяваются въ прежнемъ своемъ поведеніи, какъ они заботливо ищутъ помощи и облегченія себѣ у врачей, какъ они, послѣ такой неумѣренной жизни, охотно исполняютъ всѣ строгія и тяжкія предписанія врача, какъ они даютъ обѣты, по выздоровленіи своемъ, начать новую, воздержную жизнь? Но, увы, немногіе изъ тако-

выхъ возвращаются къ жизни, немногіе имѣютъ время привести въ исполненіе свои обѣты! По крайней мѣрѣ ихъ раскаяніе и ихъ обѣты показываютъ, что если-бы они благовременно имѣли памятованіе смерти, то не довели бы до разстройства своего здоровья, не свели бы себя преждевременно въ могилу, а воздержаніемъ отъ страстей, умѣреннымъ употребленіемъ даровъ Божіихъ, правильнымъ препровожденіемъ времени и вообще добрымъ и благоразумнымъ поведеніемъ поддерживали бы свое цвѣтущее здоровье и легко могли бы достигнуть внушающей къ себѣ уваженіе глубокой старости, когда человѣкъ мирно исходитъ во гробъ, *яко-же пшеница созрѣлая, во время пожатая* (Іов. 5, 26).

Но памятованіе смерти обращаетъ заботу человѣка не столько на сохраненіе тѣлеснаго здоровья и продолженіе временной жизни, сколько на состояніе души, на ея приготовленіе къ вѣчности, ибо памятовать смерть не значитъ-ли непрестанно представлять себѣ, что она можетъ постигнуть насъ всякій день, всякій часъ? А такое представленіе не увлекаетъ-ли болѣе всего вниманіе за предѣлы сего міра,—туда, куда одна душа должна переселиться? О по истинѣ такъ! Памятующій смерть обращаетъ вниманіе на временную жизнь въ такой только степени, въ какой это полезно для вѣчной, заботится о продолженіи земнаго бытія своего для того только, чтобы имѣть время, благопотребное для приготовленія къ вѣчности, и потому всѣ дѣла его, всѣ мысли и намѣренія имѣютъ цѣлію будущую загробную жизнь. А съ такимъ расположеніемъ сердца какихъ спасительныхъ плодовъ достигаетъ христіанинъ! Не обуреваемый излишнею любовію къ міру и его благамъ,—тою любовію, которая дѣлаетъ человѣка игралищемъ низкихъ желаній и суетныхъ намѣреній, онъ пріобрѣтаетъ святое чувство истинной любви къ Богу и братіямъ своимъ ближнимъ и день отъ дня преуспѣваетъ въ дѣлахъ сей любви. А когда христіанская любовь руководитъ дѣлами человѣка, тогда земная жизнь его не есть-ли постоянное приготовленіе къ вѣчности, дѣла его не суть-ли сѣмена, произрастающія плоды безсмертія? Памятуя непрестанно смерть, христіанинъ памятуетъ и страшный Судъ

Божій и, чтобы непостыдно предстать на оный, чтобы не подпасть праведному гнѣву Всевѣдущаго Судіи, онъ не только убѣгаетъ грѣховъ, прогнѣвляющихъ Бога, не только отгоняетъ отъ себя всякую порочную мысль, но и ежечасно оплакиваетъ всѣ невольныя свои прегрѣшенія, всѣ непроизвольно находящіе на него нечистые помыслы и тѣмъ заранѣе привлекаетъ на себя милосердіе Божіе.

Когда постигнетъ такого человѣка смерть, то онъ, встрѣчая ее лицемъ къ лицу, не поражается страхомъ, не приходитъ въ унынie, но мирно, покойно готовится оставить міръ сей; съ теплою вѣрою, съ несомнѣнною надеждою на милосердіе Божіе принявъ послѣднія напутствія св. вѣры, благословляя всѣхъ и благославляемый отъ всѣхъ, онъ въ пламенной, невозмущаемой никакими мірскими сожалѣніями и пристрастіями, молитвѣ предаетъ духъ свой Богу. И можно-ли сомнѣваться, чтобы такая смерть не была преддверіемъ блаженной участи? О, *честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ Его* (Псал. 115, 6)!

Но какую противоположность представляетъ намъ смерть человѣка, который въ жизни своей ни мало не помышлялъ о смерти! Если въ обыкновенное время, при цвѣтущемъ здоровьѣ, одно простое напоминаніе о смерти раждаетъ въ душѣ его грустное чувство, то что сказать о состояніи души его тогда, когда смерть неожиданно, нечаянно приходитъ къ нему со всѣми признаками скораго и неумолимаго отъятія его жизни? Что сказать о томъ состояніи, когда помрачаютъ его умъ и раздираютъ сердце съ одной стороны жестокія и невыносимыя муки тѣла, а съ другой—мучительнѣйшая тоска о жизни, глубокая печаль о неустроѣствѣ мірскихъ своихъ дѣлъ и предначинаній, позднее раскаяніе въ своихъ дѣлахъ неправды и беззаконіяхъ и наконецъ страшная будущность? Что, говорю, сказать о семъ состояніи человѣка въ предсмертный часъ его жизни, о состояніи, въ которомъ онъ бываетъ неспособнымъ принять утѣшеніе св. вѣры и недостойнымъ ея благодатныхъ даровъ? Только то, что говоритъ Слово Божіе: *смерть грѣшниковъ люта* (Псал. 33, 22)!

Нѣкогда, благочестивые слушатели, подвижники Божіи непрестанное памятованіе смерти считали для своего спасенія столь полезнымъ, что имѣли всегда предъ глазами символя, или образы, смерти, чтобы ни на минуту не забыться и не впасть въ помыслъ суетный. Нынѣ мы удаляемъ отъ себя всякую мысль о своей смерти и, среди множества смертей подобныхъ себѣ людей, живемъ, какъ безсмертные. Но кто насъ увѣрилъ, что наша смерть еще далека отъ насъ? Что значатъ тѣ печальныя посѣщенія Божіи, которыя такъ учащаются въ послѣднее время? Не означаютъ-ли онѣ гнѣва Божія, ниспосылаемаго за нашу суетную жизнь! Усвоимъ-же себѣ душеспасительное памятованіе смерти! Оно не принесетъ намъ ея прежде того срока, который опредѣленъ для насъ начальникомъ нашей жизни— Господомъ, но приготовитъ насъ къ ней, въ какое-бы время она ни случилась. Аминь.

5.

И бысть егда разлучитася отъ Него, рече Петръ ко Іисусу: Наставниче, добро есть намъ здѣ быти: и сотворимъ сѣни три, едину тебѣ, и едину Моисѣови, и и едину Иліи: невѣдый еже глаголаше (Лук. 9, 33).

Какая потребна осторожность христіанину, не только въ дѣлахъ своихъ, но и въ самыхъ словахъ! Не рѣдко похвальныя, повидимому, дѣла и слова его заслуживаютъ осужденія, коль скоро не предваряются строгимъ размышленіемъ.

Св. Апостолъ Петръ, всюду сопутствовавшій Господу и видѣвшій Его въ уничиженномъ состояніи, среди всякаго рода лишеній и скорбей, въ первый разъ на Ѳаворѣ увидѣлъ возлюбленнаго своего Учителя въ Божественной славѣ, озарившей и явившихся съ горняго міра ветхозавѣтныхъ пророковъ Моисея и Илію, и пораженный величіемъ его славнаго видѣнія, по чувству пламенной любви своей къ Господу, пожелалъ, чтобы время Его Ѳаворской славы какъ можно болѣе продолжилось. *Наставниче,* сказалъ онъ, *добро есть намъ здѣ быти: и сотворимъ сѣни три, едину Тебѣ, и едину Моисѣови и едину*

Иліи (Лук. 9, 33)! Что, повидимому, было виновнаго въ семъ желаніи? Но замѣчаніе Евангелиста—*невѣдый еже глаголаше* — не могло не имѣть основанія.—И въ самомъ дѣлѣ, въ Оаворскихъ событіяхъ находимъ важную причину замѣчанія Евангелиста. *И се мужа два съ Нимъ глаголюща*, повѣствуетъ Евангеліе, *яже бѣста Моисей и Илія, являшася во славѣ, глаголаста-же исходъ Его, его-же хотяше скончати во Іерусалимѣ* (Лук. 9, 30, 31).

И такъ Іисусъ Христосъ, среди проявленія славы своей бесѣдовалъ съ Моисеемъ и Иліею о томъ, что приближается время Его страданій и крестной смерти. Апостолъ Петръ, какъ бы испуганный предметомъ ихъ бесѣды, не размыслилъ о томъ, что еще отъ вѣка предопредѣлено Спасителю пострадать и потомъ внити въ славу Свою, а руководимый одною любовію къ Іисусу Христу и *разумѣвая* еще учителя своего *по плоти* (2 Кор. 5, 16), предложилъ ему остаться на Оаворѣ и не возвращаться въ Іерусалимъ, гдѣ должны были совершиться Его страданія. Предложеніе, исполненное горячей любви къ Спасителю, но вмѣстѣ выражающее желаніе избѣжать предназначеннаго Богомъ скорбнаго жребія!

Если, благочестивые слушатели, пламенная любовь Апостола Петра къ Спасителю не оправдала несогласнаго съ предопредѣленіемъ Божіимъ желанія его, то тѣмъ менѣе могутъ быть оправданы дѣла и слова тѣхъ христіанъ, которые, по одной ложной любви къ самимъ себѣ, дерзаютъ противиться Промыслу Божію и, при встрѣчающихся скорбяхъ, роптать на Бога. Потому для своего назиданія обратимъ вниманіе на то, что христіанинъ долженъ располагать жизнь свою по волѣ Божіей, а не своей, и быть покорнымъ судьбамъ Божіимъ.

Христіане, по благодати чрезъ вѣру въ Іисуса Христа, суть чада и *присніи Богу* (Еф. 2, 19), слѣдовательно находятся подъ особеннымъ покровительствомъ и управленіемъ Господа. Къ таковому-ли Вождю и Покровителю не должно имѣть полной и совершенной довѣренности? Если воины царя земного безпрекословно повинуются распоряженіямъ испытаннаго предводителя, то приличпо-ли воинамъ Царя Небеснаго не имѣть

полнаго довѣрія къ Верховному Вождю своему? Премудрость-ли Его неизвѣстна? Небо и земля, облака и моря, человѣкъ и самомалѣйшее насѣкомое—все возвѣщаетъ о Немъ: *вся премудростію сотворилъ еси.*—Въ благости-ли Его можно усомниться? А сотвореніе человѣка для блаженства, обѣты по грѣхопаденію его, принятіе человѣчества Единороднымъ Сыномъ Божіимъ и наконецъ страданія и смерть Его за грѣхи наши—не свидѣтельствуетъ-ли о вѣчной и неизреченной любви Божіей къ намъ, а совершенное прощеніе грѣховъ нашихъ чрезъ таинства не увѣряетъ-ли, что Онъ *благъ и кротокъ, долготерпеливъ и многомилостивъ* (Псал. 85, 5, 15). Всемогуществу-ли Его не довѣряемъ? Въ такомъ недовѣріи обличатъ насъ и язычники, ибо всякому мыслящему существу нельзя не видѣть вездѣ и во всемъ всемогущества Божія.—Если-же премудрость, благость и всемогущество Божіи несомнѣнны, то не безразсудно-ли противиться волѣ Божіей и предпочитать водительству Божію расположеніе своей жизни по собственной волѣ? Ибо что нашъ слабый умъ можетъ устроить тамъ, гдѣ мудрость Божія устрояетъ? Что наша любовь къ самимъ себѣ можетъ дополнить къ тому, что совершаетъ благость Божія? Что наши силы возмогутъ тамъ, гдѣ сила Божія дѣйствуетъ? Въ исторіи народа, нѣкогда особенно покровительствуемаго Богомъ, видимъ ясныя доказательства того, сколь, безъ воли Божіей, безсиленъ человѣкъ въ устроеніи своего счастія. Всѣ попытки Евреевъ совершить что либо противное повелѣнію Божію или не имѣли успѣха, или, если Богъ попущалъ сдѣлать, обращались къ собственной ихъ гибели и несчастію. Что бываетъ съ цѣлымъ народомъ вообще, то-же бываетъ и съ каждымъ человѣкомъ въ частности. Кому и изъ насъ самихъ не случалось примѣчать въ жизни своей, что то, чего мы усиленно желали и чего всѣми средствами достигали, не рѣдко приносило намъ печаль и огорченіе, а то, что ниспосылалось намъ противно нашему желанію и ожиданію, доставляло впослѣдствіи радость и утѣшеніе? Не доказываетъ-ли все это, что человѣкъ, безъ помощи Божіей, не только лишенъ способовъ устроить собственное счастіе, но не всегда и понимаетъ, что именно можетъ

составить его счастіе. Конечно, иногда судьба человѣка бываетъ тяжка, и онъ, по естественной любви къ самому себѣ, изыскиваетъ способы къ облегченію своей участи. Но не увеличиваютъ-ли тяжести нашего положенія наша нетерпѣливость, наша непокорность судьбамъ Всевышняго? Самые способы, къ коимъ прибѣгаемъ, не болѣе-ли разрушаютъ, нежели созидаютъ наше счастіе? По ученію Слова Божія, несчастія наши суть тѣ благодѣтельныя средства, кои Богъ употребляетъ или для того, чтобы, временно наказавъ насъ за грѣхи наши, избавить насъ нѣкогда отъ вѣчныхъ мученій, или для того, чтобы исправить насъ, совратившихся среди постояннаго счастія съ пути праваго, или наконецъ чтобы исправить нашу твердость въ вѣрѣ и покорность волѣ Божіей.—Но такъ-ли мы понимаемъ свои несчастія? Они въ глазахъ многихъ не имѣютъ высшей, божественной цѣли, а просто суть слѣдствія неблагопріятствующихъ намъ обстоятельствъ. Уже это одно понятіе лишаетъ насъ всякаго душевнаго утѣшенія среди несчастія. А что сказать о средствахъ, къ коимъ прибѣгаемъ въ несчастіи? Сила своя, сила ближнихъ, мудрованіе своего ума,—вотъ средства! Но что они возмогутъ безъ помощи Божіей? Они суть слабыя трости, кои не только не могутъ остановить нашего паденія, но дѣлаютъ оное гораздо опаснѣйшимъ. Истинный-же христіанинъ, видя въ своихъ несчастіяхъ особенный о себѣ Промыселъ Божій, не только терпѣливо переноситъ ихъ, но съ благодарностью лобызаетъ десницу, временно наказующую его. Если-же слабость человѣческаго естества и возстенаетъ въ немъ подъ бременемъ несчастій, онъ не ищетъ облегченія въ силѣ и помощи людей, ибо знаетъ, что *Господь разоряетъ совѣты языковъ, отметаетъ-же мысли людей и отметаетъ совѣты князей* (Псал. 32, 10), а прибѣгаетъ ко Господу, который *одинъ* только *силенъ возставить его.* Съ силою Божіею христіанинъ не страшится никакихъ несчастій: самыя ужасныя событія въ природѣ, о которыхъ мы съ трепетомъ судимъ по ихъ остаткамъ, дошедшимъ до насъ, не страшатъ уповающихъ на Господа. *Богъ намъ прибѣжище и сила,* воспѣваютъ они, *помощникъ въ скорбехъ, обрѣтшихъ ны зѣло. Сего ради не*

убоимся, внегда смущается земля и прелагаются горы въ сердца морская (Псал. 45, 2, 3).

О если бы мы, христіане, смотрѣли на всѣ событія, на всѣ обстоятельства нашей жизни такъ, какъ прилично истиннымъ христіанамъ, и болѣе предавали себя въ волю Божію, то сколько жизнь наша сдѣлалась-бы святѣе, угоднѣе Богу и вмѣстѣ съ тѣмъ благополучнѣе! Счастливецъ тогда не осрамилъ-бы себя неблагодарностію предъ Богомъ, ибо все, что составляетъ его счастіе, приписалъ-бы не собственному достоинству и совершенствамъ, а всеблагой волѣ Божіей. Несчастный не возропталъ-бы на Бога или людей, ибо не сталъ-бы судить о несчастіи своемъ по видимымъ причинамъ, а отнесъ-бы все къ неиспытаннымъ судьбамъ Божіимъ. Зависть и злоба между нами не имѣли-бы мѣста, ибо ниспосланіе и отъятіе даровъ было-бы приписано Богу, а не благоволенію или недоброжелательству людей. Словомъ тогда, среди всякаго рода обстоятельствъ, мы не нашли-бы ничего такого, что нарушало-бы спокойствіе нашей души или ослабляло преданность къ Промыслителю и любовь къ своимъ собратіямъ.

«А несправедливости, усматриваемыя въ мірѣ, развѣ не нарушаютъ душевнаго спокойствія? Развѣ можно безъ оскорбленія смотрѣть, когда почести и богатства достаются людямъ недостойнымъ, достойнѣйшіе-же остаются въ пренебреженіи и бѣдности?» —Вотъ, благочестивые слушатели, вопросы, которые нерѣдко слышатся между нами и которыми иные хотятъ ослабить упованіе наше на Промыслъ Божій.

Конечно, нельзя не согласиться, чтобы въ мірѣ не было несправедливостей, хотя не въ такой степени, въ какой стараются представить люди корыстные и завистливые. Но есть-ли достаточная причина оскорбляться людямъ достойнымъ, хотя они и не были-бы оцѣнены въ мірѣ должнымъ образомъ? Какъ жалко было-бы человѣчество, если-бы всѣ способности, дарованныя Богомъ, всѣ труды и заслуги имѣли-бы цѣлію однѣ временныя награды. Не одна вѣра, самый разумъ внушаетъ намъ, что жизнь сія есть приготовленіе къ вѣчности. Слѣдовательно, не тѣ-ли награды, кои за предѣлами здѣшней жизни

уготованы избраннымъ, должны служить цѣлію всѣхъ нашихъ желаній и стремленій? Не къ достиженію-ли ихъ только должны мы напрягать всѣ способности свои и труды? А на временныя блага не должны-ли мы взирать, какъ на предметы суетныя, нимало несущественные для нашего счастія, а между тѣмъ опасные для спасенія?

Христіанинъ благомыслящій! помни всегда слова Спасителя, что власъ главы нашей не погибаетъ безъ воли Божіей, и отъ сего заключай, что все, что съ тобою совершается, есть дѣло Божіе; одни только грѣхи творятся противно волѣ Его; бойся и убѣгай только грѣховъ, а во всемъ прочемъ предай себя въ волю Божію и твердо уповай, что путь, коимъ поведетъ тебя Промыслъ Божій, можетъ быть и тернистъ, но непремѣнно приведетъ тебя къ блаженству въ вѣчной жизни. Нужны-ли примѣры тому, сколь благо для человѣка водительство Божіе, воззри на Ѳаворскую гору и тамъ, въ соучастникахъ славы Господа, увидишь высочайшіе примѣры сему. *Худогласенъ и косноязыченъ азъ есмь* (Исх. 4, 10), говорилъ нѣкогда Моисей ко Господу, взывавшему его на великое служеніе избавленія Израиля изъ рабства Египетскаго. *Возми убо отъ меня душу мою, Господи, яко нѣсмь азъ лучшій отецъ моихъ* (3 Цар. 19, 4), въ отчаяніи взывалъ Илія, устрашенный злобою Іезавели и огорченный всеобщимъ забвеніемъ истиннаго Бога. Но, покорные воли Божіей, они приняли на себя тяжкое бремя возложеннаго на нихъ Богомъ служенія и до конца дней своихъ ревностно несли оное, и вотъ нынѣ празднуемое явленіе славы Господа свидѣтельствуетъ намъ о ихъ предъ Богомъ славѣ.— *Господи Боже силъ, блаженъ человѣкъ, уповаяй на Тя!* (Псал. 83, 13)! Аминь.

6.

И се мужа два съ Нимъ глаголюща, яже бѣста Моисей и Илія, являшася во славѣ (Лук. 9, 30).

Преславное Преображеніе Господа нашего Іисуса Христа на Ѳаворѣ, утвердивъ свидѣтелей онаго св. Апостоловъ въ вѣрѣ о томъ, что Божественный ихъ Учитель есть воистинну Единородный Сынъ Божій, вмѣстѣ съ тѣмъ указало имъ и ту высоту славы на небесахъ, къ которой готовитъ ихъ самихъ Господь и Учитель ихъ. Они увидѣли здѣсь подобострастныхъ себѣ нѣкогда людей, вѣрныхъ руководителей древняго Израиля, Моисея и Илію, въ величіи небесной славы и не могли не познать, что такая-же слава предлежитъ и имъ самимъ, если они указанное имъ Спасителемъ назначеніе исполнятъ съ полнымъ самоотверженіемъ и всею ревностію. А познавъ это, могли-ли они устрашиться предлежащихъ имъ подвиговъ? Могли-ли не рѣшиться и на тѣ скорби, озлобленія, о которыхъ Спаситель заранѣе имъ предсказывалъ?

Братія христіане! Не однимъ Апостоламъ и ихъ преемникамъ указуется небесная награда. Она уготована всѣмъ истиновѣрующимъ за служеніе Богу и человѣчеству и удостоится оной всякій подвизающійся на пользу общую съ христіанскимъ самоотверженіемъ.

По ученію Господа земная жизнь наша есть ни что иное, какъ странствованіе въ вѣчность,—временное служеніе Богу для достиженія вѣчной жизни. Какъ странникамъ, находящимся въ далекомъ пути и подвергающимся различнымъ неудобствамъ, тягостямъ и опасностямъ, необходимы обоюдныя ихъ другъ другу услуги, и безъ оныхъ они не могли бы достигнуть цѣли своего странствованія, такъ и всѣмъ намъ, странникамъ въ семъ мірѣ, необходимо нести тягости общественныхъ обязанностей, чтобы устроить свою земную жизнь такъ, чтобы она могла служить для насъ приготовленіемъ къ вѣчности. Всякій можетъ себѣ представить тотъ хаосъ, въ какомъ мы находились-бы на землѣ,

тѣ опасности и ужасны, кои сопровождали-бы жизнь нашу, если бы всякій изъ насъ, пренебрегая общественными обязанностями, думалъ-бы только о самомъ себѣ, заботился бы только о личныхъ своихъ выгодахъ. О, тогда было-бы не до служенія Богу, не до спасенія своей души, не до подвиговъ добродѣтели! Тогда сохранить собственность, честь и жизнь свою отъ насилія другихъ было бы главнымъ, если не единственнымъ для каждаго подвигомъ. Истина сія доказана уже въ мірѣ кровавыми потоками. Потому еще праотецъ Адамъ чувствовалъ необходимость раздѣленія занятій между дѣтьми, поручивъ одному изъ сыновей воздѣлываніе земли, а другому смотрѣніе за стадами и оставивъ за собою главный надзоръ за всѣмъ. Потомъ, когда люди, размножившись, составили общества, самъ Богъ благословилъ союзъ людей, и вотъ мы видимъ Его не только Богомъ израильскаго народа, но и царемъ его, назначающимъ и раздѣляющимъ обязанности и занятія по управленію народомъ своимъ. Наконецъ, когда Сынъ Божій снизшелъ на землю, не смотря на то, что управляли тогда народомъ еврейскимъ слѣпые вожди, что пастыри и учители ихъ не отворяли, а затворяли входъ въ Царствіе Божіе, Онъ не возсталъ противъ правителей и учителей тѣхъ, не разрѣшилъ отъ повиновенія имъ народъ, а только, обличая злоупотребленія, поучалъ правильному исполненію возложенныхъ на каждаго обязанностей и этимъ ясно показалъ, что общественныя обязанности, устрояя удобства временной жизни, облегчаютъ путь къ достиженію вѣчнаго спасенія.

Слово Божіе истинную христіанскую любовь поставляетъ выше всѣхъ добродѣтелей, такъ что безъ любви сей ни даръ пророчества, ни вѣра, могущая творить чудеса, въ очахъ Божіихъ, не имѣютъ никакого достоинства. А гдѣ больше развиться можетъ любовь христіанская, какъ не въ служеніи человѣчеству, гдѣ больше способовъ дѣлать добро ближнему: какъ не на поприщѣ служенія обществу? Спаситель говоритъ *больше сея любве никто-же имать, да кто душу свою положитъ за други своя.* (Іоан. 15, 13). Посему тотъ, кто не щадитъ силъ своихъ для служенія на пользу ближнимъ, кто-

не заботясь о своемъ спокойствіи, всѣ способности свои направляетъ ко благу человѣчества, хотя бы это стоило ему потери собственнаго блага,—есть истинный герой въ очахъ Божіихъ, которому на небеси *соблюдается вѣнецъ правды* (2 Тим. 4, 8).

Но всякому-ли достаются въ удѣлъ такія обязанности, при исполненіи коихъ можно быть вполнѣ полезнымъ своимъ собратіямъ? вопроситъ кто нибудь.—Правда, обязанности людей различны: однѣ болѣе важны, другія менѣе и, по мѣрѣ важности, имѣютъ большее или меньшее вліяніе на судьбу другихъ. Но кто-же взыщетъ болѣе того, что можно сдѣлать для пользы другихъ? *Ему-же дано будетъ много, много и взыщется отъ него* (Лук. 12, 48), а кому въ удѣлъ досталась неважная должность, отъ того менѣе и взыщется. А что во всякой должности, какъ-бы она ни казалась малозначительною, можно быть полезнымъ другимъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Дождь по пичтожной каплѣ падаетъ, но милліоны каплей напояютъ и оплодотворяютъ землю: такъ и малыя должности многихъ, имѣя одну цѣль—общее благо, споспѣшествуетъ достиженію ея. Потому вполнѣ представя раздаяніе должностей Богу и властямъ, отъ Него поставленнымъ, мы должны заботиться не о томъ, чтобы получить высшія обязанности, а о томъ, чтобы ревностнымъ исполненіемъ возложенныхъ обязанностей доставлять обществу пользы столько, сколько возможно, и тогда награда отъ Бога несомнѣнна. Слово Божіе увѣряетъ, что какъ на тверди небесной *звѣзда отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ* (1 Кор. 15, 41) такъ и въ Царствіи Христовомъ, по различію подвиговъ, различныя уготованы награды. Не величайшая-ли награда быть и малою звѣздочкою въ великомъ вѣнцѣ, окружающемъ Царя славы! Никто не отчаявайся въ наградѣ за свои подвиги для блага человѣчества, ибо *въ дому Отца* Небеснаго *обители многи суть*. и всѣ тѣ удостоятся жить въ нихъ, кои несутъ свои обязанности какъ слѣдуетъ истиннымъ христіанамъ!

Конечно, никто изъ насъ, братія, не думаетъ, что общественныя обязанности увольняютъ насъ отъ обязанностей хри-

стіанина и потому должно быть увѣреннымъ всякому, что для того, чтобы быть полезнымъ служителемъ обществу, главное и необходимое условіе—быть чтителемъ и исполнителемъ Закона Божія. Христіанскій законъ есть единственный свѣтильникъ, указующій въ сей опасной пустынѣ путь людямъ на небо. Можетъ-ли-же тотъ руководить другихъ къ сей цѣли, чья собственная душа сидитъ во тмѣ и сѣни смертней?

О! если-бы мы всѣ, при исполненіи своихъ обязанностей, руководствовались свѣтомъ слова Божія! Какъ-бы тогда дѣла наши, наши подвиги для общаго блага были благоуспѣшны и велики предъ очами Божіими! Какъ бы странствованіе наше въ обѣтованную землю, въ царство Царя Славы было благополучно и достиженіе оной несомнѣнно! Какая-бы слава ожидала на небеси каждаго изъ насъ!

Трудно быть истиннымъ подвижникомъ для пользы общей, но трудность не должна устрашать насъ, ибо Господь готовъ всегда быть помощникомъ въ великомъ дѣлѣ служенія человѣчеству. Страшился нѣкогда Моисей принять на себя служеніе избавленію Израиля изъ рабства Египетскаго; приведенъ былъ и Илія въ отчаяніе богоотступниками, но подкрѣпленные силою Божіею, утѣшенные благодатію, они мужественно совершили свои подвиги и удостоились славы предъ Господомъ. Примѣръ ихъ да ободряетъ и насъ въ подвигахъ служенія нашего. Аминь.

7.

Въ земной жизни Спасителя, исполненной скорбей, лишеній и озлобленій, первымъ радостнымъ днемъ, первымъ праздникомъ былъ день Преображенія на Оаворской горѣ. Спутники и соучастники Господа въ Его уничиженіи, увидѣвши Его въ первый разъ во славѣ, въ радости сердца воскликнули: *Господи, добро есть намъ здѣ быти!*

И дѣйствительно, необыкновенно торжественъ былъ праздникъ на Оаворѣ. Тамъ проявилась въ первый разъ Божественная слава Господа; тамъ Самъ Богъ-Отецъ нарекъ Спасителя Сыномъ Своимъ возлюбленнымъ: тамъ величайшіе служители

Бога Израилева—Моисей и Илія явились съ горняго міра для свидѣтельства о Божествѣ Господа Іисуса.

Но чѣмъ тамъ, на этомъ праздникѣ, занимались? Въ чемъ состояла тамъ бесѣда празднующихъ?

Боже, Боже! Что Ты намъ являешь на Ѳаворѣ! Ты тамъ молишься Отцу небесному; Ты тамъ бесѣдуешь съ Моисеемъ и Иліею о послѣднихъ дняхъ Своей земной жизни, о Своихъ предстоящихъ крестныхъ страданіяхъ и смерти!

Это-ли праздничное удовольствіе? Это-ли соотвѣтственное случаю провожденіе времени?

Да, братія, такое провожденіе времени и есть самое приличное для праздниковъ христіанскихъ. Ибо, что такое Христосъ и что такое христіанинъ? Христосъ есть Сынъ Божій, Спаситель и Искупитель нашъ, только въ немъ Одномъ и чрезъ Него Одного наше спасеніе. А христіанинъ есть созданіе слабое, бренное, но взысканное милосердіемъ Божіимъ и предназначенное для вѣчныхъ, небесныхъ радостей. Слѣдовательно, какая связь между Христомъ и христіанами? Любовь, самая чистая, святая любовь! А эта любовь и не составляетъ-ли самой высшей ни съ чѣмъ несравнимой радости? Въ чемъ-же эта любовь можетъ выражаться со стороны христіанъ? О, единственно въ искренней молитвѣ! Въ ней одной онъ можетъ выразить всю свою любовь къ своему Спасителю и благодѣтелю; въ ней одной онъ и прославляетъ Его и благодаритъ Его, и проситъ Его, и эта молитва есть верхъ его счастія и радости. Спросите у благочестиваго христіанина, когда онъ бываетъ особенно счастливъ, и онъ, если вы достойны его довѣрія, откроетъ вамъ, что самое высокое счастіе онъ испытываетъ тогда, когда молитва его къ Богу бываетъ пламенна. Слѣдовательно, для праздниковъ христіанскихъ не есть-ли молитва самое приличное занятіе?

Другимъ занятіемъ на Ѳаворѣ была бесѣда о предстоящихъ страданіяхъ и смерти Спасителя: *глаголаста-же исходъ Его, его-же хотяше скончати во Іерусалимѣ.*

Какъ-же эта бесѣда можетъ приличествовать торжественному случаю или празднику?

Братія! Да развѣ мы не крестоносцы? Развѣ мы не во Христа и не въ смерть Его крестились? Развѣ крестъ Спасителя не символъ торжества и побѣды? Развѣ наши кресты, подъятые нами по заповѣди Господа, не суть необходимые признаки того, что мы воины Христовы? А какое торжество земныхъ воиновъ можетъ происходить безъ знаменій ихъ? Знамя необходимо при всѣхъ торжествахъ земныхъ воиновъ. Оно, напоминая имъ труды и бранные подвиги, свидѣтельствуетъ о ихъ побѣдахъ и торжествахъ. Знамя — гордость и слава земныхъ воиновъ. Не то-же ли знамя для христіанъ крестъ Христовъ? Нося его въ душѣ своей, размышляя о немъ, бесѣдуя, не укрѣпляются-ли они въ несеніи собственныхъ крестовъ, не услаждаются-ли въ злостраданіяхъ своихъ, не возвеселяютъ-ли себя надеждою въ томъ, что, съ Христомъ распинаяся, съ Нимъ и прославятся?

Такъ, братія, празднованіе на Ѳаворѣ было совершеннѣйшее и приличнѣйшее торжественному событію и должно служить какъ высшій образецъ и примѣръ для всѣхъ христіанскихъ празднованій.

Было время, когда христіане совершали свои праздники по образу Ѳаворскаго празднованія, и этимъ праздноваціемъ приводили язычниковъ и враговъ христіанскаго вѣрованія въ удивленіе, даже въ умиленіе. Но гдѣ нынѣ найдемъ такихъ христіанъ и такіе праздники? Конечно есть и нынѣ святыя души, но онѣ, по своей малочисленности, и ищущимъ ихъ едва примѣтны. Но что бросается въ глаза почти на каждомъ шагу во градѣ, внѣ града, во всѣхъ главныхъ путяхъ? Что означаютъ эти яркіе знаки, высоко и нахально возвышающіеся, эти непристойныя эмблемы изъ языческой миѳологіи, эти разноцвѣтные огни? Это мѣста для общественнаго празднованія христіанъ! О, какой врагъ разставилъ эти гибельныя сѣти для душъ христіанскихъ? — Боже, Боже! Сколько такихъ душъ уловляется! Сколько участниковъ въ этихъ дикихъ, безобразныхъ, нечеловѣческихъ праздникахъ! — Плачутъ благочестивыя матери о погибающихъ тамъ, и физически, и нравственно, своихъ любимыхъ сыновьяхъ; изнываютъ скорбію добрыя жены

о непостоянствѣ и легкомыслiи своихъ мужей, ищущихъ утѣхъ въ этихъ позорныхъ сборищахъ; съ отвращенiемъ отзываются объ этихъ мѣстахъ разнузданности человѣческой всѣ благомыслящiе люди. Но зло растетъ, растетъ болѣе и болѣе. Гдѣ спасенiе отъ него? Когда остановится этотъ стремительный потокъ гибели душъ христiанскихъ?

Скажутъ: «пусть юность испытавъ тщету суетныхъ удовольствiй, получитъ отвращенiе къ нимъ; собственный опытъ образумитъ ихъ и исправитъ на всю жизнь».—Страшное средство вразумленiя! Неужели для узнанiя того, сколь мучителенъ обжегъ отъ огня, нужно броситься въ пламя; или для предупрежденiя себя отъ потопленiя нужно броситься въ глубину морскую? Нѣтъ, не гораздо-ли вѣрнѣе, что предающiеся безобразнымъ удовольствiямъ теряютъ въ нихъ всѣ силы ума и воли и или погибаютъ преждевременно, или остаются жить, какъ безполезные ни къ какому добру неспособные члены общества.

Боже и Господи силъ! Вразуми и просвѣти ослѣпленныхъ; предохрани отъ сѣтей соблазна неопытныхъ: научи искать удовольствiй чистыхъ, святыхъ, свойственныхъ нашей безсмертной душѣ: да мы всѣ едиными устами и единымъ сердцемъ прославимъ и воспоемъ Пресвятое имя Твое! Аминь.

8.

Взыде на гору помолитеся (Лук. 9, 28).

Сколько чуднаго и непостижимаго совершается на Оаворской горѣ!

Принявшiй зракъ раба, носившiй покровъ смиренiя, Спаситель преобразуется на Оаворѣ, облекается небесною славою, такою, на которую земные жители, хотя совершеннѣйшiе, лучшiе ученики Господа, не могли и воззрѣть, а въ страхѣ пали ницъ; лице Господа, свѣтлѣйшее солнца, одежды Его, бѣлѣйшiя снѣга, были ослѣпительны для земныхъ глазъ! Здѣсь-же, на Оаворѣ, явились и небожители Моисей и Илiя, величiе и святость которыхъ нѣкогда наполняли мiръ, явились для служенiя и собесѣдованiя съ Господомъ! Мало этого, здѣсь самъ Отецъ Не-

бесный торжественнымъ гласомъ свидѣтельствуетъ міру, что это Сынъ Его возлюбленный, котораго должно слушать!

Тамъ-же, братія, тамъ на Ѳаворѣ, есть еще нѣчто болѣе чудное и непостижимое и для насъ болѣе свѣтлое, чѣмъ солнце, и болѣе бѣлое, чѣмъ снѣгъ: Онъ, Господь нашъ, тамъ молится: *взыде на гору помолитися*: Господи! о чемъ и кому Ты молишься? Ты и Отецъ Твой Небесный—едино: все въ Твоей власти и силѣ. Можешь-ли Ты въ чемъ нуждаться и о чемъ Тебѣ молиться? О, конечно, Ты молишься за грѣшный родъ человѣческій, молишься по той-же причинѣ, по которой Ты и сошелъ на землю и предалъ себя на пропятіе; молишься за тѣхъ, которые погубили себя чрезъ грѣхъ, но которыхъ Ты возлюбилъ, и молишься чтобы изъять ихъ изъ области тьмы въ область свѣта! О, какой языкъ можетъ, хотя сколько нибудь, изъяснить любовь Спасителя къ роду человѣческому, какой умъ можетъ обнять ее, какое сердце возчувствовать!

Любовь Божія! Какое обширное, какое утѣшительное понятіе! Какъ не надѣяться человѣку на такую любовь! Какъ не быть ему увѣреннымъ, что въ этой любви онъ найдетъ свое спасеніе!

Но любовь Господа спасительна для тѣхъ, кто на нее отвѣчаетъ любовію-же. Чтобы приблизиться къ любви Божіей, слиться съ нею, надобно самимъ намъ имѣть любовь къ Богу: только однородное сливается съ однороднымъ и сильнѣйшее притягиваетъ къ себѣ слабѣйшее.

Наша и слабая, но чистая, любовь къ Богу въ соединеніи своемъ съ необъятною любовію Божіею получаетъ и полноту, и крѣпость, и совершенство. Эту истину доказали намъ своимъ примѣромъ цѣлые сонмы святыхъ, которые своею личною жизнью показали, что немощная человѣческая любовь можетъ дойти до высокаго совершенства. Она утѣшала среди страшныхъ скорбей и напастей, укрѣпляла среди мучительныхъ страданій, воодушевляла среди безчисленныхъ искушеній, подвигала на великіе дѣла добродѣтели.

Какъ-же мы, братія отвѣчаемъ на любовь Божію? Какой

запасъ любви къ Богу мы носимъ въ душѣ своей для соединенія съ любовію Божіею?

Горькій вопросъ, потому что отвѣтъ на него долженъ заключаться въ указаніи на плоды любви; но гдѣ эти плоды? Гдѣ эти сочные, вкусные, райскіе плоды: искренняя любовь къ ближнему, выражающаяся не на словахъ, а на дѣлѣ и истинѣ, исполненіе заповѣдей Божіихъ, стремленіе духа и сердца нашего творить угодное и пріятное возлюбившему насъ Господу? Конечно, есть еще на землѣ такіе плоды, есть они, втайнѣ хранимые отъ взоровъ міра и суеты, но видимые Отцемъ Небеснымъ. Но какъ мало ихъ! Какъ много такихъ христіанъ, которые любви Божіей и не примѣчаютъ, о ней не думаютъ, какъ-бы ею пренебрегаютъ! Ужасное состояніе! Такое окаменѣніе сердца, котораго не можетъ смягчить и любовь Божія, объясняется словами Господа, которыя Онъ изрекъ черезъ Пророка Исаію къ погрязшему въ порокахъ и невѣріи народу Израильскому: *одебелѣ сердце людей сихъ, и ушима своима тяжко слышаша, и очи свои смежиша, да некогда узрятъ очима и ушима услышатъ, и сердцемъ уразумѣютъ, и обратятся, и исцѣлю я* (Ис. 6, 10). Какихъ-же плодовъ любви можно ожидать отъ тѣхъ, которые ожесточились до того, что сдѣлались безчувственными къ самой любви Божіей, которыхъ обращеніе и исправленіе Самъ Богъ признаетъ невозможнымъ?!

Да страшимся, братія, дойти до такого ожесточенія, да смягчаемъ сердце свое частымъ размышленіемъ о всеобъемлющей любви Божіей къ намъ недостойнымъ! Такое размышленіе мало по малу вольетъ и въ нашу душу чувство любви и благодарности къ Богу, а любовь всегда плодоносна, всегда спасительна, ибо сродственна съ любовію Божіею. Аминь.

9.

Имамы извѣстнѣйшее пророческое слово, ему же внимающе яко же свѣтилу сіяющу въ темномъ мѣстѣ, добрѣ творите. (2 Петр. 1, 19).

Такъ одинъ изъ *самовидцевъ* преславнаго Преображенія Господня восхвалялъ христіанъ, которые, среди окружавшаго ихъ мрака суевѣрія и нечестія, просвѣщали себя свѣтомъ слова Божія, и чрезъ то утверждались въ вѣрѣ и добродѣтели. Св. Церковь, для возбужденія и насъ къ подражанію симъ первымъ по времени и первымъ по святой ревности христіанамъ, повторила нынѣ сіе утѣшительное похваленіе Апостола Петра.

А для многихъ изъ насъ, братія, можетъ служить сіе похваленіе обличеніемъ, ибо хотя не многіе найдутся между нами такіе, которые дерзнули-бы усомниться въ Божественномъ происхожденіи евангельскаго ученія и въ его превосходствѣ предъ всякимъ другимъ ученіемъ; но, при всемъ томъ, какъ не много такихъ, которые-бы всегда упражнялись въ словѣ Божіемъ и руководствовались имъ во всѣхъ путяхъ своей жизни! Сей Божественный свѣтильникъ оставленъ, можно сказать, безъ употребленія нашею суетностью. Почти всегда у насъ найдется свободное время, чтобы посвятить его тому, что насъ или увеселяетъ, или утѣшаетъ, или разсѣеваетъ, только на упражненіе въ Словѣ Божіемъ недостаетъ времени. Отъ того удивительно-ли, что между христіанами нельзя узнать христіанъ! *Отъ плода познается древо* (Матѳ. 7, 20), сказалъ Господь. Но можно-ли ожидать плода вѣры и добродѣтели отъ тѣхъ, кои Слову Божію, основанію вѣры и источнику добродѣтели рѣдко внимаютъ? Нѣтъ, только частое и внимательное упражненіе въ словѣ Божіемъ можетъ содѣлать насъ плодоносными въ вертоградѣ Божіемъ—святой Церквѣ. Краткое разсужденіе о сей истинѣ да будетъ предметомъ настоящей нашей бесѣды.

Всякое упражненіе, которому человѣкъ часто себя посвящаетъ, имѣетъ важное вліяніе на его мысли, слова и дѣйствія

и вообще на всю жизнь. такъ что немного нужно проницательности, чтобы заключить изъ словъ и поступковъ его о родѣ его занятій. Такъ, занимающійся чтеніемъ писаній, порожденныхъ развратомъ, легко предается разврату; внимающій хитросплетеніямъ лжеименнаго разума, воюющаго на разумъ Божій, высказывается всегда въ вольнодумныхъ сужденіяхъ; бесѣдующій часто съ добрыми и благоразумными людьми всегда заимствуетъ ихъ образъ мыслей и дѣйствій; нерѣдко развратный человѣкъ, поставленный необходимостію въ близкое отношеніе съ людьми добродѣтельными, дѣлается самъ добродѣтельнымъ, а добродѣтельный отъ тѣснаго сообщества съ развратными помрачаетъ свою добродѣтель. Такое свойство воспріимчивости человѣческой даетъ ясно разумѣть, какое великое и благодѣтельное вліяніе можетъ имѣть на насъ частое упражненіе въ Словѣ Божіемъ и въ Писаніяхъ, основанныхъ на правомъ разумѣніи Слова Божія.

И во первыхъ можетъ-ли питать въ себѣ невѣріе или суевѣріе тотъ, кто прилежитъ Божественнымъ Писаніямъ? Глубина премудрости и разума Божія, съ какою возвѣщаетъ Слово Божіе непреложныя Божественныя истины, не заставитъ-ли его невольно откинуть всякое суемудріе и съ благоговѣніемъ признать, что здѣсь можетъ имѣть мѣсто одна только вѣра?—Не научитъ-ли его *немудрствовати паче, еже подобаетъ мудрствовати.* (Римл. 12, 3). Исторія Церкви представляетъ примѣры тому, что были люди, которые, въ надменіи своего ума, обращались къ Слову Божію съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы въ немъ самомъ найти какое-либо основаніе къ опроверженію Божественныхъ истинъ, но, пораженные небеснымъ величіемъ невѣдомыхъ ими дотолѣ глаголовъ живота вѣчнаго, сознали и оплакали свое суемудріе и сдѣлались высокими свѣтилами вѣры христіанской.

Да неподумаетъ кто въ опроверженіе сего, что на основаніи одного и того же Слова Божія родилось много разныхъ мнѣній объ однѣхъ и тѣхъ же истинахъ. Наша св. православная Церковь предвидѣла, что суетность человѣческая внесетъ расколъ въ самое святилище Слова Божія, и потому, въ предотвращеніе

соблазна и въ наученіе тѣхъ, кои не пріобрѣли еще небеснаго дара—духа разумѣнія, сохранила писанія Святыхъ и Богоносныхъ Отецъ, въ коихъ все, что возвѣщаетъ Слово Божіе, изъяснено и опредѣлено по чистому разуму Божію, ибо Св. Отцы писали и изъясняли, бывъ просвѣщены сами свыше, отъ Бога. Обращаясь всегда, братія, въ своихъ недоразумѣніяхъ при чтеніи Слова Божія къ писаніямъ св. Отецъ, мы при ихъ руководствѣ никогда не поткнемся, соблюдемъ вѣру свою во всей чистотѣ Апостольскаго ученія.

Одно Слово Божіе научаетъ истинной добродѣтели и истинному Богопочитанію. Мудрость человѣческая не только не можетъ, при всѣхъ усиліяхъ своихъ, научить ничему подобному, но всегда обезображиваетъ и то, чему научаетъ Слово Божіе. Сравните, какое имѣетъ понятіе мудрость человѣческая о чести, смиреніи, великодушіи, воздержаніи и о многомъ другомъ, и какъ учитъ понимать это Слово Божіе, и вы увѣритесь, что то, что въ глазахъ мудрости есть высокая добродѣтель, по разуму Божію есть пагубный порокъ. Живя между мудрецами вѣка сего, которыхъ такъ много, чѣмъ христіанинъ удержитъ себя на пути истинной добродѣтели, если не непрестаннымъ упражненіемъ въ Словѣ Божіемъ? Чѣмъ, какъ не симъ, онъ сохранитъ свои понятія объ истинномъ Богопочитаніи во всей чистотѣ отъ нечистыхъ мудрованій міра? Чѣмъ, какъ не симъ, онъ можетъ оградить себя отъ окружающихъ его соблазновъ, чтобы до конца дней своихъ неуклонно идти путемъ Господнимъ?

По истинѣ, братія, всегдашнее упражненіе въ Словѣ Божіемъ приноситъ благодѣтельнѣйшіе плоды. Оно настроиваетъ духъ къ Богомыслію, воскриляетъ его отъ земли къ міру горнему, просвѣщаетъ умъ въ познаніи истиннаго добра; согрѣваетъ сердце святою любовію къ добродѣтели, содѣлываетъ душу храмомъ Божіемъ, куда не можетъ быть доступна суета мірская. *Коль сладка гортани моему словеса Твоя, паче меда устомъ моимъ,* (Псал, 118, 103), взываетъ предъ Господомъ Богомудрый Давидъ въ благоговѣйномъ восторгѣ души своей, *отъ заповѣдей Твоихъ разумѣхъ: сего ради возненавидѣхъ всякъ*

путь неправды. Свѣтильникъ ногама моима законъ Твой и свѣтъ стезямъ моимъ. Положиша грѣшницы сѣть мнѣ: и отъ заповѣдей Твоихъ незаблудихъ (Псал. 118, 104, 105, 110). Потому тотъ же Святый Пророкъ, испытавшій на себѣ столь высокіе плоды благоговѣйнаго упражненія въ Словѣ Божіемъ, въ наученіе всѣхъ говоритъ: *Блаженъ мужъ, иже въ Законѣ Господни поучится день и ночь. И будетъ яко древо насажденное при исходящихъ водъ, еже плодъ свой дастъ во время свое, и листъ его не отпадетъ, и вся елика аще творитъ, успѣетъ.* (Псал. 1, 2, 3).

Но если примѣръ и свидѣтельство Давида для нашего омраченнаго суемыслiемъ взора кажутся слишкомъ высокими и непостигаемыми, то найдемъ достаточно убѣжденій и въ самихъ себѣ, если будемъ внимательны къ тому, что иногда бываетъ съ нами. При всей духовной скудости нашей, кому изъ насъ не случалось, по дѣйствію благодати Божіей, для утоленія своего душевнаго глада обращаться къ Слову Божію и провождать въ занятіи онымъ хотя нѣсколько дней?... Пусть припомнитъ всякій время своего духовнаго упражненія и вѣроятно припомнитъ и то, что въ это время душа его глубокими вздохами выражала свое грѣховное разслабленіе, что она располагалась уже къ своему духовному возстанію, показавъ начатокъ въ лучшихъ прежняго мысляхъ и менѣе грѣховныхъ дѣлахъ, но что сіи благія начинанія погибли, коль скоро суета міра опять увлекла его отъ Слова Божія. Если въ такое краткое время упражненіе въ Словѣ Божіемъ производитъ благодѣтельную перемѣну; то чѣмъ-бы мы могли сдѣлаться, если бы всѣ свободные отъ нашихъ обязанностей дни и часы, которые обыкновенно убиваемъ въ занятіяхъ, недостойныхъ христіанъ, посвящали занятію въ Словѣ Божіемъ и писаніяхъ Св. Отецъ?...

О! братія, какое мы имѣемъ безцѣнное сокровище въ Словѣ Божіемъ и какъ имъ пренебрегаемъ! Все, кромѣ Слова Божія, бываетъ предметомъ нашей дѣятельности и нашего вниманія. Всякая наука, какую-бы ни малозначительную пользу приносила, имѣетъ своихъ ревнителей; всякое произведеніе ума человѣческаго, чѣмъ-либо замѣчательное, находитъ многихъ по-

читателей, которые съ охотою посвящаютъ оному свои досуги. Но скажите, вы, исчерпавшіе всю мудрость человѣческую и прослѣдившіе все то, что породила изобрѣтательность ума человѣческаго, умудряютъ-ли васъ во спасеніе ваши занятія, укрѣпляютъ-ли вашу вѣру въ Творца и Промыслителя? Усовершаютъ-ли вашу добродѣтель, примиряютъ-ли вашу совѣсть съ Богомъ и подаютъ-ли вамъ несомнѣнную надежду на блаженную вѣчность? По крайней мѣрѣ дѣлаютъ-ли васъ довольнѣе и счастливѣе въ жизни? Утѣшаютъ-ли васъ въ скорбяхъ и несчастіяхъ? Научаютъ-ли терпѣнію въ бѣдствіяхъ, смиренію въ словѣ и счастіи? О, нѣтъ, нѣтъ: вы невольно должны сознаться, что вы убиваете время, нисколько не приближая себя къ вѣчному блаженству и нимало не доставляя себѣ истиннаго счастія и на землѣ, и только въ утѣшеніе себя скажете, что убиваете время пріятно. Но убійство, какое-бы ни было—чрезъ оружіе-ли, или чрезъ сладкій ядъ,—есть все убійство. О! если бы все это время было посвящено упражненію въ Словѣ Божіемъ, какихъ-бы обильныхъ плодовъ можно было ожидать: какой-бы твердости въ вѣрѣ, утѣшенія въ надеждѣ, совершенства въ любви! Ибо въ Словѣ Божіемъ сокрыта спасительная и вседѣйствующая сила Божія, которая, просвѣщая умъ человѣка, умягчая его сердце, освѣщая чувства, дѣлаетъ насъ не слышателями только глаголовъ жизни, возвѣщаемыхъ Словомъ Божіемъ, но творцами.

Что-же насъ, братія, отвлекаетъ отъ упражненія въ Словѣ Божіемъ? Ужели нашъ безсмертный духъ можетъ находить существенную пищу себѣ въ чемъ-либо другомъ, кромѣ Слова Божія? О, нѣтъ, онъ томится гладомъ и жаждою, находясь въ тяжкихъ оковахъ, которыя на него наложили плоть и кровь! Онъ требуетъ безсмертной пищи Слова Божія, но властелины его опасаются допустить его насытиться, зная, что онъ, подкрѣпленный свойственною ему пищею, сброситъ съ себя незаконное рабство и ихъ самихъ подчинитъ себѣ, какъ и должно быть, и потому стараются отвлечь его отъ Слова Божія то представленіемъ скуки, будто-бы соединенной съ чтеніемъ и слышаніемъ онаго, то надменіемъ въ знаніи всѣхъ правилъ и ис-

тинъ Слова Божія, будто пріобрѣтенномъ въ юности;—и нашъ безсмертный духъ, хладный и гладный, какъ жалкій невольникъ, творитъ волю своихъ рабовъ, которыхъ допустилъ быть властителями надъ собою!

О, братія, перестанемъ томить свой духъ во тьмѣ и сѣни смертнѣй; перестанемъ отвращать взоръ свой отъ свѣта—Слова Божія, который одинъ можетъ привести ко спасенію, а будемъ прилежать Божественнымъ Писаніямъ, посвятимъ сему всѣ свои досуги! Тогда чрезъ недолгое время сами устыдимся своего прежняго небреженія; сами увидимъ, что внушенія плоти были сколь гибельны, столь же и ложны, ибо на опытѣ узнаемъ, что упражненіе въ Словѣ Божіемъ не только спасительно, но и весьма пріятно и чуждо скуки, которой такъ страшились, узнаемъ и то, что для душевной пользы и вѣчнаго спасенія недостаточно одного изученія нѣкоторыхъ истинъ и правилъ Слова Божія, но для сего потребно упражненіе въ немъ во всю жизнь.

Преобразившійся на Ѳаворѣ Господь да озаритъ свѣтомъ препебесныя Своея Славы и благодати мракъ души нашей и да содѣлаетъ ее способною внимать и прилежать Слову Божію! Аминь.

10.

Наставниче, добро есть намъ здѣ быти: и сотворимъ сѣни три, едину Тебѣ, и едину Моисеови, и едину Иліи, невѣдый, еже глаголаше. (Лук. 9, 33).

Какъ было не возрадоваться отъ всей души свидѣтелямъ преславнаго Преображенія Господня на Ѳаворѣ? Какъ было имъ не послать себѣ и Господу долгаго пребыванія на святой горѣ?—Доселѣ они видѣли только уничтоженіе Господа; на Ѳаворѣ они узрѣли славу Его, славу яко единороднаго отъ Отца. Доселѣ ихъ Господь и Учитель, за неисчислимыя благодѣянія свои людямъ, подвергался зависти и злобѣ ихъ, а съ Учителемъ естественно подвергались тому же и ученики Его; здѣсь же, на Ѳаворѣ, явились съ горняго міра для благоговѣй-

наго служенія Господу величайшіе Пророки.—Какъ было не пожелать Апостоламъ продолженія такого состоянія?

Но это желаніе и забота ихъ объ устроеніи жилищъ на Ѳаворѣ не нашли одобренія въ Господѣ; напротивъ Евангельское благовѣстіе обличаетъ Апостола Петра, выразившаго ихъ. *Невѣдый, еже глаголаше*, говоритъ оно.—Чтожъ тутъ непозволительнаго? То, что Апостолы, по естественной и имъ тогда немощи человѣческой, пожелали жизни, бо́лѣе счастливой, нежели какую ве́ли доселѣ съ Господомъ, и потому, въ удаленіи отъ всѣхъ скорбей и бѣдствій, захотѣли на всегда оставаться на Ѳаворѣ.

Не ча́сто-ли и мы, братія, выражаемъ подобныя непозволительныя желанія? Какъ рѣдкіе изъ насъ умѣютъ великодушно переносить скорби, и какъ многіе всемѣрно стараются избѣжать ихъ? Но если бы исполнилъ Господь желаніе Ѳаворскихъ свидѣтелей, т. е. избавилъ ихъ отъ скорбей крестнаго пути, то какъ могли бы они быть просвѣтителями міра, какъ даже устроилось бы ихъ собственное спасеніе? Такъ равно, если бы Господь не ниспосылалъ на насъ скорбей, или мы, по своему суемыслію, успѣли бы избѣжать ихъ; то какъ мы,—не говорю устроили бы свое спасеніе, ибо еще чаемъ его отъ милосердія Божія,—какъ мы сохранили бы самую память о вѣчномъ спасеніи, какъ не уклонились бы всецѣло отъ Господа?

Кто изъ насъ можетъ похвалиться, что онъ всегда свободенъ отъ скорбей? Кого, время отъ времени, тѣмъ или другимъ наказаніемъ не посѣщаетъ Господь? Но если, при всемъ томъ, мы такъ любимъ возноситься умомъ своимъ, такъ любимъ мечтать о себѣ высоко, такъ часто дерзаемъ не покоряться Закону Божію: то что было бы съ нами, если бы мы не имѣли никогда и никакихъ горестей, если бы жизнь наша была исполнена одно́хъ утѣхъ и радостей? Золотой вѣкъ былъ бы тогда для человѣка—подумаетъ незрѣлый мечтатель земнаго блаженства. Нѣтъ! Тогда въ людяхъ нельзя было бы узнать созданія Божія; тогда нельзя было бы обрѣсти между нами ни покорности Богу, ни истинной добродѣтели и ничего такого, что соединяетъ Творца съ тварію. Тогда всякій, не испытавъ

на себѣ временнаго наказанія отъ отеческой руки Божіей, забылъ бы и о вѣчномъ правосудіи, потерялъ бы всякій страхъ будущаго Суда Божія, и, предавшись водительству своего не искуснаго ума и влеченію своихъ страстей и похотей, жилъ бы, доколѣ жизнь его текла, въ совершенномъ забвеніи Бога и своего спасенія, жилъ бы дотолѣ, пока смерть не прекратила бы его земнаго существованія для вѣчной несомнѣнной погибели.

Но не такъ благоволилъ милосердый Отецъ и Господь нашъ. Онъ далъ намъ свободу жить и поступать по своей волѣ; но при семъ употребляетъ всѣ средства вразумлять насъ и останавливать, дабы свобода наша не привела насъ къ погибели. Къ этимъ средствамъ милосерднаго Промысла относятся и скорби, такъ не рѣдко посѣщающія каждаго изъ насъ.

Не много нужно наблюдательности, чтобъ видѣть благодѣтельное вліяніе на насъ скорбей. Что исцѣляетъ насъ отъ возношеній и самонадѣянія человѣка, возвысившагося предъ другими и на верху почестей возмечтавшагося о себѣ высоко? Это-скорби. Низверженный съ высоты своего величія или пораженный другою какою либо скорбію, онъ теряетъ духъ возношенія и гордости, сознаетъ свою немощь, познаетъ, что одинъ только Господь возвышаетъ и унижаетъ, и повергается въ прахъ предъ величіемъ Божіимъ. Не порази его Господь своею десницею, оставь его на всегда въ его надменіи, и онъ, подобно денницѣ, возмечталъ бы поставить престолъ свой на небесахъ.— Что останавливаетъ человѣка на темномъ пути порока? Скорби. Душа его привыкшая питаться нечистыми удовольствіями плоти, при первой горести, приходитъ въ уныніе, но потомъ начинаетъ познавать гнусность и тщету вожделѣній плотскихъ и искать утѣшенія въ удовольствіяхъ ей свойственныхъ, удовольствіяхъ воздержанія и добродѣтели. Пусть сластолюбецъ останется на всегда свободнымъ отъ скорбей, и онъ, испивши весь ядъ тлетворныхъ благъ, не почувствовалъ бы своего гибельнаго состоянія до послѣдней минуты своей жизни.—Что облегчаетъ человѣку переходъ изъ здѣшней жизни въ будущую, напоминая ему, что онъ здѣсь, на землѣ, временный житель и

что отечество его на небесахъ? Скорби. Страданія души, и болѣзни тѣла ясно говорятъ ему о смерти, и, отравляя его земныя радости, заставляютъ его желать и искать небесныхъ радостей. Отнимите отъ человѣка всѣ скорби, и онъ не вспомнилъ бы благовременно о своей вѣчности; онъ, утѣшаясь настоящимъ, и не подумалъ бы о будущемъ, и такимъ образомъ съ чѣмъ предсталъ бы на судъ Божій временный счастливецъ?...— Не замѣчаетъ-ли за собою и всякій изъ насъ, что въ то время, когда какая либо скорбь поражаетъ насъ, жизнь наша бываетъ добродѣтельнѣе, молитва наша къ Богу бываетъ пламеннѣе, обращеніе наше къ ближнимъ благодушнѣе, мысли и чувства наши благочестивѣе и смиренномудрѣе?—Не неоцѣненная ли же польза для насъ отъ скорбей!

Такъ, братія, скорби суть благодѣтельныя средства, употребляемыя милосердіемъ Божіимъ для нашего спасенія. Потому да взираемъ на нихъ не яко немудри, но якоже премудри. Пусть невѣдущіе истиннаго Бога, неразумѣющіе Его святаго промысла, а судящіе обо всемъ по началамъ лжеумствованія своего, считаютъ временныя скорби великимъ зломъ; пусть они тщетно истощаютъ свои усилія, противоборствуя временнымъ напастямъ и стараясь предотвратить ихъ отъ себя. Мы же съ благоговѣніемъ и благодарностію да лобызаемъ карающую и милующую десницу Божію! Мы, просвѣщенные свѣтомъ Евангельской Истины, вѣдаемъ, что и власъ главы нашей не погибаетъ безъ воли Божіей, что Господь благъ и во гнѣвѣ, что Онъ, поражая, исцѣляетъ, наказуя, милуетъ, и потому да несмущаемся при поражающихъ насъ временныхъ скорбяхъ, но да пріемлемъ ихъ, какъ такое врачевство, которое горько на вкусъ, но цѣлительно для здравія, тяжко для временной жизни, но спасительно для вѣчной.

Господи! не просимъ Тебя—избавь насъ отъ скорбей, неразлучныхъ съ сею жизнію, но молимъ: подай намъ крѣпость благодушно принимать ихъ и мудрость устроять чрезъ нихъ свое спасеніе. Аминь.

11.

Взыде на гору помолитися. И бысть егда молящеся, видѣніе лица Его ино, и одѣяніе Его бѣло блистаяся (Лук. 9, 28, 29).

Какое высокое поученіе предлагаетъ намъ Собою молящійся на Ѳаворѣ Господь! Взирай на святую гору, христіанская душа, и поучайся! Твой Спаситель, твой Богъ и Творецъ молится и, среди молитвы, озаряется небесною славою! Не видишь-ли, чѣмъ и ты можешь достигнуть небеснаго озаренія? Не усматриваешь-ли, что чрезъ молитву, подобную молитвѣ Господа, и ты сподобишься нарещися благодатнымъ чадомъ Божіимъ, и на тебя проліется благоволеніе Божіе, и ты просвѣтишься, яко солнце, во царствіи небесномъ?

О какъ спасительна для насъ молитва, братія, молитва чистая, пламенная, постоянная! Если когда человѣкъ можетъ стать превыше своей растлѣнной природы, если когда здѣсь, на землѣ, въ брешной своей плоти, можетъ уподобляться небеснымъ чинамъ ангельскимъ: то это среди пламенной молитвы ко Господу. Когда онъ, проникнутый сознаніемъ своего убожества и пораженный величіемъ Бога, исполненный упованія на милосердіе Божіе и дышащій святою любовію къ Богу, *изливаетъ предъ Господемъ душу свою* (1 Цар. 1, 15), тогда отрѣшается всего житейскаго и суетнаго и, какъ на крилахъ, подъемлется къ самому престолу Господню. И кто усомнится въ спасительномъ дѣйствіи такой молитвы? Благодатное просвѣщеніе и успокоеніе души, или, по выраженію Апостола, *правда и миръ и радость о Дусѣ Святѣ* — вотъ плоды пламенной сердечной молитвы. О если бы мы, братія, чаще прибѣгали къ такой молитвѣ! Тогда не поражались бы такъ скорбями и треволненіями міра; тогда не были бы такъ скудны дарами духовными; тогда не ужасались бы такъ смертнаго часа!

«Но гдѣ намъ взять столько теплоты сердечной, чтобъ быть способными къ пламенной молитвѣ? Какъ расположить себя

къ оной и истребить въ себѣ ту холодность, которая останавливаетъ всѣ порывы нашей души къ Богу?» —вотъ затрудненія, которыя со вздохомъ скорби часто выражаются христіанами.— Но затрудненія сіи не суть-ли преграды, воздвигаемыя самимъ человѣкомъ для себя, не суть-ли горькіе плоды его неправильнаго образа жизни, и съ исправленіемъ жизни не устраняются ли они сами собою?

Премудрый и Премилосердый творецъ устроилъ сердце человѣческое такъ, что оно можетъ и должно быть богатою сокровищницею чувствъ возвышенныхъ и благородныхъ, и снабдилъ его такою теплотою, что въ немъ всегда можетъ сохраняться пламень святой любви къ Богу и совершаться достойное благохваленіе Бога и поклоненіе Ему. Но сія сокровищница сердца не расхищается ли самимъ человѣкомъ на предметы суетные и недостойные? Всѣ мы знаемъ и знаемъ не по-вразумленію только слова Божія, но и по собственному, нерѣдко очень горькому опыту, что всѣ удовольствія міра кратковременны и предосудительны и оставляютъ послѣ себя въ душѣ только пустоту и унынie, что всѣ временныя блага не доставляютъ человѣку счастія и довольства на землѣ. А между тѣмъ не большая ли часть нашихъ дѣйствій и помысловъ имѣютъ цѣлію одно временное благо наше? Не временному ли благу мы посвящаемъ всякій день, всякій часъ нашей жизни? Не въ пріобрѣтеніи ли его полагаемъ нашу радость, наше счастіе, и не потеря-ли его повергаетъ насъ въ неутѣшную печаль?—А при такой сердечной привязанности нашей къ міру и его благамъ, при такомъ стремленіи ко всему суетному, не естественно-ли, что мы не можемъ удѣлить ничего для Бога? Не естественно-ли, что для служенія Богу и для молитвы Ему въ нашемъ сердцѣ, въ нашихъ чувствахъ, ничего не остается, кромѣ холодности и разсѣянности? Но пусть человѣкъ отвратится отъ суетности, пусть онъ умѣритъ свою привязанность къ міру и его благамъ, и сердце его содѣлается способнымъ и къ благамъ чувствованіямъ и къ пламенной искренней молитвѣ!

А вмѣстѣ съ способностію къ искренней молитвѣ не является-ли и полное расположеніе къ ней? Когда міръ и его

блага перестаютъ расхищать наши мысли и чувства и понятіе наше освобождается отъ вліянія суетности мірской: тогда прежде всего обращается вниманіе наше на то, что всего ближе къ намъ, т. е. на самихъ себя. А воззрѣніе на себя не можетъ не поражать прямо и до глубины души собственнымъ нашимъ убожествомъ. Ибо что мы безъ Бога, безъ его благодатной помощи? Не существа-ли слабыя, бѣдныя, несчастныя, ничтожныя? Что наша мудрость? Не одно-ли шаткое стремленіе къ любомудрію, сопровождаемое непрестанными ошибками, противорѣчіями, уклоненіями отъ истины? Что наше счастіе? Не одно-ли краткое усыпленіе, среди всякаго рода опасностей, которому непрестанно угрожаютъ многоразличныя бѣды: *бѣды въ рѣкахъ*, (2 Кор. 11, 26), какъ говоритъ св. Апостолъ, *бѣды отъ разбойникъ, бѣды отъ сродникъ, бѣды отъ языкъ, бѣды во градѣхъ, бѣды въ пустыни, бѣды въ мори, бѣды въ лжебратіи*. Что наше здравіе? Не часто-ли разстраиваетъ его одно слабое дуновеніе вѣтра, и не тщетна-ли вся наша заботливость, чтобъ защитить его отъ враждебнаго дѣйствія всего насъ окружающаго?—Что наши добродѣтели и заслуги? Не отпечатлѣваются-ли на многихъ изъ нихъ рѣзкіе признаки своекорыстія, искательства, притворства и тщеславія? — Наконецъ, что мы можемъ успѣть въ дѣлѣ своего спасенія безъ благодатной помощи Божіей? Не рабы-ли мы плоти и грѣха, не ослабѣваемъ-ли мы на первомъ шагу къ подвигамъ спасенія, не вращаемся-ли ежедневно и по нѣскольку разъ съ пути къ оному? Самое желаніе наше спасенія себѣ не бываетъ-ли непостоянно и измѣнчиво? Не бываетъ ли съ нами такъ, что сегодня рѣшаемъ жить благочестиво, а завтра теряемъ и память о сей рѣшимости, утромъ вздыхаемъ о спасеніи, а вечеромъ кружимся въ вихрѣ мірскихъ удовольствій?—А сознаніе такой своей духовной скудости безъ Бога, сознаніе своего безсилія и ничтожества во всемъ можетъ-ли не повергнуть насъ въ прахъ предъ величествомъ Божіимъ, можетъ ли не заставить насъ искать у одного Милосердаго Небеснаго Отца всего, что потребно для вѣчной блаженной жизни и для временнаго благополучія, можетъ-ли не воспламенить всѣхъ нашихъ чувствъ и мыслей и не слить ихъ

въ одну искреннюю пламенную молитву къ Царю Царей и Господу Господей, въ рукѣ Котораго вся наша жизнь, и временная и вѣчная, и отъ котораго исходитъ всякое благо.

Такъ, братія, для искренней молитвы къ Богу намъ потребно сознаніе своего недостоинства и скудости духовной, а чтобъ получить сіе сознаніе, мы должны умѣрить свою привязанность къ благамъ міра и не развлекать своихъ мыслей суетою онаго. Не сему-ли поучаетъ насъ и молящійся на Ѳаворѣ Господь? Не для того-ли Онъ взошелъ для молитвы на высокую и уединенную гору, чтобъ показать намъ, что молитва наша можетъ быть чистою и Богопріятною только тогда, когда мы, отрѣшившись всѣхъ земныхъ пристрастій, возводимъ умъ и сердце горѣ, и въ уединеніи, помятуя только ничтожество свое и величіе Божіе, благоговѣйно изливаемъ душу свою предъ Отцемъ Небеснымъ!?

Блаженны тѣ, кои, познавъ суету міра и ничтожество свое безъ Бога, могутъ *всякою*, пріятною Богу, *молитвою* и теплымъ *моленіемъ молиться на всяко время духомъ* (Ефес. 6, 18)! Такая молитва низводитъ на нихъ вседѣйствующую благодать Божію, а благодать и вѣру ихъ укрѣпляетъ, и любовь къ Богу воспламеняетъ, и разумъ ихъ умудряетъ, и добродѣтели поучаетъ, и отъ грѣха удаляетъ, и скорби міра утоляетъ.

Возжелаемъ, братія, сего блаженства, пожертвуемъ суетою міра для того, чтобъ сдѣлаться способными и расположенными всегда возносить умъ и сердце въ пламенной молитвѣ ко Господу, и въ молитвѣ сей мы найдемъ столько утѣшеній, столько истиннаго сердечнаго радованія, что всѣ скорби міра не приведутъ насъ въ уныніе, и самая смерть, столь грозная для міролюбцевъ, будетъ встрѣчена нами, какъ предвѣстница нескончаемыхъ радостей. Аминь.

12.

Господи, добро есть намъ здѣ быти.
(Матѳ. 17, 4).

Земная жизнь Господа, какъ время Его уничиженія, сопровождалась многими скорбями и для Его учениковъ. Зависть и злоба развратнаго міра встрѣтили Іисуса Христа, при самомъ Его рожденіи на землѣ, и сопровождали во всю жизнь Его, доколѣ не возвели Его на крестъ. Апостолы, сопутствуя Господу, видѣли всѣ наносимыя Ему озлобленія, подвергались съ Нимъ сами лишеніямъ и напастямъ, скорбѣли духомъ, и только находили подкрѣпленіе въ примѣрѣ и ученіи Господа. Но, среди сего скорбнаго поприща жизни, были и для нихъ минуты истинной, невыразимой радости, минуты, когда проявлялась Божественная слава ихъ Небеснаго Учителя. Въ сіи минуты радость ихъ была столь велика, столько исполняла ихъ сердца сладостнѣйшими ощущеніями, что они забывали всѣ бѣдствія, не только ими претерпѣнныя, но и тѣ, которыя еще должны были, по непреложному предреченію Господа претерпѣть, и только услаждались зрѣніемъ славы ихъ учителя и Господа. Такую-то радость чувствовали Апостолы, когда узрѣли Преображеніе Господне на Ѳаворѣ; въ чувствѣ такой радости воскликнулъ одинъ изъ нихъ: *Господи, добро есть намъ здѣ быти.*

Возлюбленные братія о Христѣ! И нынѣ, какъ и всегда, однѣ-ли скорби бываютъ удѣломъ тѣхъ, кои пребываютъ въ спасительномъ соединеніи съ Господомъ? Не услаждается-ли ихъ жизнь радостями, хотя отличными отъ радостей міра, и утѣшеніями, какихъ недоставляютъ временныя блага? Такъ, хотя жизнь Богоугодная есть жизнь самоотверженія, жизнь произвольныхъ скорбей и лишеній; но сіе иго Христово облегчается благодатнымъ посѣщеніемъ Божіимъ, радостными ощущеніями сердца, и бремя, повидимому тяжкое, дѣлается легкимъ и удобоносимымъ.

Не понятно таковое состояніе сыновъ благодати чадамъ

міра и плоти. Они до того привыкли къ чувственнымъ наслажденіямъ, до того поработили умъ и сердце свое требованіямъ плоти, что не могутъ представить себѣ жизни христіанина во Христѣ иначе, какъ игомъ, невыносимо тяжкимъ; а дерзновеннѣйшіе изъ нихъ считаютъ ее даже противною природѣ человѣческой и несообразною будто съ волею Творца, создавшаго человѣка для блаженства. Но сіи сыны вѣка сего, считающіе себя мудрѣйшими изъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ, и своими сужденіями и своимъ образомъ жизни и дѣятельности, доказываютъ, что они только прикрываются одеждою мудрости, чтобы скрыть безобразіе своего плотоугодія; они по уму, по своей мудрости, подобятся, по выраженію Богопросвѣщенныхъ мужей, тѣмъ пустымъ, безплоднымъ колосьямъ на нивѣ, которыя воздымаютъ главу свою надъ прочими, полными плодовъ, колосьями, и колеблются отъ всякаго дуновенія вѣтра; хвалящіеся своею свободою мыслей и отвергающіе въ дѣлѣ сужденія всѣ авторитеты, даже авторитетъ Слова Божія, на самомъ дѣлѣ суть покорнѣйшіе рабы своихъ страстей. Чтожъ ихъ мнѣніе значитъ въ дѣлѣ подвижнической жизни христіанъ? Но если бы и они могли хотя на короткое время отрѣшиться отъ чувственныхъ привычекъ и взглядовъ, и безпристрастно посмотрѣли на собственное свое состояніе и вникли въ состояніе сыновъ благодати: то, чрезъ одно простое сличеніе того и другаго, познали бы, что они немного пріобрѣтаютъ выгодъ и во времени, теряя все въ вѣчности, а чада Божіи немного теряютъ на землѣ, а пріобрѣтаютъ все на небѣ. Посвятимъ нѣсколько минутъ на размышленіе о семъ.

Отчего христіанская Богоугодная жизнь кажется міролюбцамъ жизнію скучною, тягостною, несчастною? Конечно оттого, что она во первыхъ чужда радостей, доставляемыхъ благами міра, во-вторыхъ сопровождается умерщвленіемъ страстей, ограниченіемъ желаній и тяжкими для плоти подвигами.

Такъ, жизнь христіанъ, устрояющихъ свое спасеніе, чужда земныхъ радостей. Но гдѣ тѣ счастливцы, которые обитаютъ среди однѣхъ радостей? Гдѣ та обѣтованная земля, на которой

произрастаютъ одни утѣхи для обитателей ея? Какія на землѣ блага наполняютъ душу человѣка довольствомъ и постоянною радостію?—Кто отвѣтитъ на сіи вопросы утвердительно? Кто укажетъ на полнаго счастливца въ мірѣ, укажетъ на благо, доставляющее истинное счастіе? Неложныя свидѣтельства опытовъ въ противномъ увѣряютъ. Они увѣряютъ, что земля не производитъ ни истиннаго блага, ни истиннаго счастія, ни истинной радости; что блага міра дотолѣ привлекательны, доколѣ человѣкъ ихъ не имѣетъ, а когда получаетъ, тогда теряется вся ихъ прелесть; что счастіе и не примѣчается тѣмъ, кто имъ обладаетъ, и понимаетъ его человѣкъ только тогда, когда онъ несчастенъ; что радости суть кратковременные восторги, которые происходятъ отъ страстнаго опьяненія чувствъ человѣка и съ отрезвленіемъ ихъ раждаютъ скорбь и болѣзнь.—И можемъ-ли усомниться въ неложности сихъ свидѣтельствъ опыта? Не вся ли жизнь искателей земнаго счастія есть непрерывное стремленіе за благами и радостями міра, не вся ли ихъ дѣятельность и изобрѣтательность употребляются на то, чтобъ окружить себя всевозможными и разнородными утѣхами?—Но гдѣ плоды ихъ усилій? Гдѣ счастіе ихъ сердца?—О... счастливѣйшіе изъ нихъ, проведя всю жизнь въ мнимыхъ утѣхахъ міра и достигнувъ конца дней своихъ, съ горестію восклицаютъ: *ядохомъ и не въ сытость, пихомъ и не въ піянство;* (Агг. 1, 6); а каждый изъ менѣе счастливыхъ, изъ тѣхъ, которые въ исканіи тлѣнныхъ благъ имѣли мало успѣха, восклицаетъ словами Іонафана, сына Саулова: *вкусихъ мало меду, и се азъ умираю.* (1 Цар. 14, 43).

Но при всемъ томъ, что блага и радости міра не доставляютъ довольства и счастія, міръ не даетъ ихъ даромъ, требуетъ за нихъ жертвъ и часто поражаетъ горькими печалями. Чтобы угодить міру, снискать его расположеніе, сколько потребно исполнять суетныхъ его приличій и условій? Жизнь міролюбца должна быть точнымъ выраженіемъ всѣхъ обычаевъ міра: ни слова, ни дѣла, ни одежда, ни убранство жилищъ, ни что не изъято отъ рабскаго подчиненія условіямъ, установленнымъ суетностію. Сколько потребно вниманія, заботъ, средствъ,

чтобъ не преступить границъ, назначенныхъ духомъ вѣка? И горе неосторожному, горе тому, кто нарушитъ обычаи свѣта: его міръ подвергнетъ осмѣянію и презрѣнію; а это уже великое несчастіе для того, кто и питается одною любовію міра.— А что сказать о томъ, когда поражаетъ міролюбца какое важное несчастіе—тяжкая болѣзнь, потеря имущества и другое что подобное? Что тогда чувствуетъ сердце, исполненное любви къ міру, искавшее утѣшенія только въ благихъ его и внезапно отторгнутое отъ всего, столь для него любезнаго? Какое врачевство можетъ тогда излить міръ на раны его? О!.. міръ есть самый невѣрный и вмѣстѣ безсильный другъ: первый оставляетъ несчастнаго какъ потому, что не любитъ ничего печальнаго, такъ и потому, что не имѣетъ средствъ утѣшить въ страданіяхъ. Благо несчастному міролюбцу, если благодать Божія коснется его и заставитъ его искать утѣшенія въ Богѣ! Онъ— Единъ Милосердый и Всемогущій—не отвергаетъ прибѣгающихъ къ Нему и врачуетъ ихъ неисцѣльныя язвы. Въ противномъ случаѣ, горесть несчастнаго міролюбца доходитъ до отчаянія, а отчаяніе губитъ его и во времени и въ вѣчности.

Чтожъ, братія, теряютъ истинные христіане чрезъ то, что удаляются земныхъ радостей и удовольствій? Они не имѣютъ радостей суетныхъ, за то не имѣютъ и скорбей суетныхъ; не услаждаются благами временными, за то не привязываютъ и сердца своего къ нимъ; не пользуются любовію міра, за то небываютъ и рабами его суетныхъ условій. Зная истинную цѣну всему въ мірѣ, они не забываются среди богатства, а употребляютъ его на пользу ближнихъ, не унываютъ среди бѣдности, не скорбятъ при всѣхъ превратностяхъ судьбы. *Наше житіе на небесахъ есть* (Филиппис. 3, 20), говорятъ они, и при всѣхъ земныхъ несчастіяхъ бываютъ тверды и непоколебимы духомъ. Могутъ ли же они сожалѣть о мірскихъ радостяхъ? О, конечно нѣтъ! Всѣ радости міра ничтожны въ сравненіи съ ихъ внутреннимъ душевнымъ спокойствіемъ, съ миромъ ихъ совѣсти, который раждаетъ исполненіе закона Божія, съ тою сладостною надеждою на будущее блаженство, которую производитъ вѣра.

Но жизнь Богоугодная ужасаетъ чадъ міра и плоти болѣе всего тѣмъ, что имъ кажутся невыносимо тяжкими и скорбными подвиги, предписываемые закономъ Божіимъ, какъ-то: умерщвленіе страстей, ограниченіе желаній, молитвенныя бдѣнія и прочія многоразличныя благочестивыя упражненія духа и сердца. Такъ, жизнь христіанская должна быть образомъ жизни Самаго Іисуса Христа, и потому должна быть непрерывнымъ подвигомъ. *Многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе* (Дѣян. 14, 22), сказалъ св. Апостолъ Павелъ послѣдователямъ Христовымъ. Но, братія, подвиги, которые такъ пугаютъ міролюбцевъ, бываютъ превожделѣнны трудящимся ради царствія Божія. И въ обыкновенной нашей жизни усматривается, что награда дѣлаетъ легкими тяжкіе труды, и что чѣмъ значительнѣе вознагражденіе, тѣмъ легче бываетъ бремя. Земледѣлецъ не чувствуетъ истощенія силъ, когда тяжкіе его труды обильно вознаграждаются земными плодами; купецъ благословляетъ изнурительныя заботы и усилія свои, когда они доставляютъ ему прибытокъ. Если земныя блага увеличиваютъ силы и твердость въ перенесеніи трудовъ: то не паче ли небесныя, вѣчныя блага должны воодушевлять и укрѣплять среди подвиговъ христіанскихъ и заставить благословлять бремя, столь спасительное по своимъ несомнѣннымъ слѣдствіямъ?

А любовь къ Богу, которая должна быть душею всѣхъ дѣйствій и помышленій христіанина, развѣ не укрѣпляетъ его среди подвиговъ и не услаждаетъ его скорбей? Спросите нѣжную мать, лишающую себя покоя и сна въ постоянныхъ заботахъ и трудахъ вокругъ дѣтей: тяготится-ли она принятымъ на себя бременемъ, считаетъ-ли себя несчастною въ такой безпокойной жизни? Не услышите-ли вы въ отвѣтъ отъ нея, что она труды и заботы свои считаетъ пріятнымъ долгомъ, и что нимало не тяготится своимъ, по видимому, скучнымъ и многотруднымъ положеніемъ?—Если земная привязанность дѣлаетъ пріятными тяжкіе труды: то можетъ ли сего не дѣлать любовь къ Богу, любовь возвышенная, святая? О, она воодушевляетъ и укрѣпляетъ христіанина въ самыхъ многотрудныхъ

подвигахъ, услаждаетъ его въ самыхъ сильныхъ злостраданіяхъ, дѣлаетъ превожделѣнными ему всѣ скорби, встрѣчаемыя имъ, на тернистомъ пути спасенія! *Любы*, свидѣтельствуетъ Апост. Павелъ, *долготерпитъ, милосердствуетъ, не раздражается, не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ, вся любитъ, вся уповаетъ, вся терпитъ, николиже отпадаетъ* (1 Кор. 13, 4—7), а св. Іоаннъ Богословъ говоритъ, что для того, кто воодушевленъ любовію къ Богу, *заповѣди Его тяжки не суть* (1. Іоан. 5, 3),

Такъ, братія, иго Христово благо и бремя Его легко есть для всѣхъ тѣхъ, кои приняли его охотно и несутъ благодушно, кои, презрѣвъ временныя блага, возжелали небесныхъ, пренебрегши любовію міра, воспламенились любовію къ Богу, кои, преставъ быть чадами міра, содѣлались сынами благодати. Они сильны, при всей немощи человѣческаго естества, ибо сила Божія ихъ укрѣпляетъ; они радостны, при всѣхъ окружающихъ ихъ скорбяхъ, ибо *утѣшенія* благодатныя *возвеселяютъ ихъ душу* (Псал. 93, 19).

Да пострашимся же, братія, ига Христова, да не взираемъ на Него лукавымъ окомъ земнаго пристрастія; но да не боязненно тецемъ на предлежащій намъ подвигъ душеспасительной жизни! Пожертвуемъ суетнымъ и ложнымъ для истиннаго, временнымъ для вѣчнаго, невѣрнымъ и опаснымъ для несомнѣннаго. *Господи, наставн насъ правдою Твоею и ради нашихъ исправи предъ Тобою путь нашъ!* Аминь.

13.

Не ухищреннымъ баснемъ послѣдовавше сказахомъ вамъ силу и пришествіе Господа нашего Іисуса Христа, но самовидцы бывше величествія онаго. (2 Петр. 1, 16.).

Такъ св. Апостолъ Петръ, одинъ изъ свидѣтелей славнаго Преображенія Господня, утверждалъ христіанъ въ вѣрѣ во Христа и Евангеліе. *Я никогда не перестану напоминать вамъ о семъ*, говорилъ онъ здѣсь-же, *хотя вы то и знаете и утверждены въ настоящей истинѣ. Справедливымъ же почи-*

таю, доколѣ нахожусь въ семъ тѣлѣ, возбуждать васъ напоминаніемъ. (Петр. 1, 12, 13).

Какъ необходимы, братія, такое же увѣщаніе и такая же Апостольская ревность въ наши дни! Какъ необходимо непрестанное напоминаніе той общеизвѣстной истины, что вѣра во Христа и въ Евангеліе имѣетъ твердое несокрушимое основаніе!

Ибо что особенно поражаетъ въ настоящее время всякаго вѣрующаго христіанина? Поражаетъ то, что между нѣкоторыми христіанами является невѣріе во Христа, отрицаніе истинъ Евангельскихъ. И это невѣріе выражается не въ тѣсномъ только кругу единомысленныхъ, возглашается и за предѣлами его, проявляется даже въ печати и чрезъ то распространяется между тысячами людей. Были и во всѣ времена противники вѣры Христовой, враги Евангелія; но это были люди, или погрязшіе въ чувственности и порокахъ и для успокоенія своей совѣсти отвергавшіе нравственный законъ Христовъ, или тѣ мудрователи, которые по началамъ своего ума хотѣли изслѣдовать всѣ Божественныя установленія и въ безсиліи своемъ въ этихъ изслѣдованіяхъ дошли до безвѣрія. Нынѣ не много встрѣчается подобныхъ симъ несчастныхъ. Нынѣ напротивъ слышимъ большею частію невѣріе тамъ, гдѣ менѣе всего ожидать было можно, именно въ кругу немалаго числа юношей, которые, по самой юности своей, еще не могли успѣть ни упиться изъ чаши чувственныхъ наслажденій, ни впасть въ безсиліе отъ долговременныхъ безполезныхъ трудовъ въ объясненіи себѣ Божественныхъ установленій, что доказываютъ какъ ихъ сужденія такъ и писанія. Въ нихъ видимъ всю незрѣлость юношескихъ мечтаній, всю неосновательность въ сужденіяхъ, всю поверхность пониманія того, о чемъ судятъ и что отвергаютъ. Не доказываетъ ли все это того, что нынѣшніе противники Евангелія до своихъ убѣжденій дошли не путемъ труда, изученія, изслѣдованій и умозаключеній, а просто приняли убѣжденія по какой-то безсмысленной модѣ, по какому-то нравственному повѣтрію, а вѣроятно болѣе всего по довѣрію къ тѣмъ самозваннымъ учителямъ, которые, пользуясь

легкомыслiемъ юности, внушаютъ ей, по своимъ корыстнымъ политическимъ цѣлямъ, новыя, повидимому, блестящiя, а въ сущности ложныя и разрушительныя для всякаго порядка идеи.

«Такое увлеченiе юности не заслуживаетъ большаго вниманiя и не представляетъ обществу опасности», говорятъ нѣкоторые хладнокровные и повидимому опытные наблюдатели современнаго настроенiя; «съ перемѣною моды невѣрiе исчезнетъ и уступитъ мѣсто другимъ болѣе здравымъ воззрѣнiямъ, а развѣ оставитъ слѣды увѣчья только въ немногихъ умахъ». — Дай Богъ, чтобъ это было такъ, дай Богъ, чтобъ эта перемѣна нравственнаго, или лучше безнравственнаго повѣтрiя скорѣе послѣдовала! — Но развѣ можно быть спокойнымъ, когда вокругъ нашихъ жилищъ будутъ летать искры огня? Развѣ не заставитъ насъ и долгъ человѣколюбiя и долгъ самосохраненiя употребить всѣ стараniя, какъ къ потушенiю сихъ искръ, такъ и къ удаленiю тѣхъ причинъ, по коимъ эти искры являются? Не тоже-ли самое и здѣсь? Кто можетъ утвердительно сказать, что идеи невѣрiя, скользящiя сначала, такъ сказать, по поверхности ума юношей, современемъ, при общемъ къ сему равнодушiи, не овладѣютъ ими всесовершенно и не доведутъ ихъ до полнаго нравственнаго безобразiя и погибели, какъ временной, такъ и вѣчной? Кто можетъ начертать кругъ, далѣе котораго не разольется этотъ ядъ, разлагающiй весь организмъ человѣчества? Нѣтъ, истинный христiанинъ, которому дорого вѣчное спасенiе, и свое и ближняго, не можетъ хладнокровно, безъ глубокаго сокрушенiя, взирать на распространенiе идей погибельныхъ; самая польза общественная и временное благо каждаго изъ членовъ его заставляютъ желать, чтобъ разлитiю невѣрiя противопоставлены были препоны. И здѣсь потребны вся ревность и все усердiе лицъ, призванныхъ и Богомъ, и природою, и земною властiю, и собственнымъ влеченiемъ, на служенiе человѣчеству.

Пастыри Церкви, какъ стражи въ земномъ вертоградѣ Христовомъ, должны считать священнѣйшимъ для себя долгомъ противостать разлитiю потока невѣрiя. Они, помня высокое свое призваniе, должны съ Апостольскою ревностiю внушать

юнымъ умамъ, что христіанство совершенно чуждо вымышленныхъ событій и основано самимъ Спасителемъ и Господомъ нашимъ І. Христомъ, пришедшимъ въ міръ для нашего спасенія, что ученіе христіанское есть ученіе Божественное, что оно есть единственный свѣтильникъ разума человѣческаго, что сей послѣдній своимъ сомнѣніемъ въ истинахъ слова Божія только доказываетъ свое собственное несовершенство, свою неспособность возвыситься до познанія истинъ Божественнаго откровенія.—Правда, дѣятельность пастыря можетъ встрѣчать недовѣріе; невѣрующіе во Христа станутъ-ли довѣрять служителямъ Христовымъ? Давно сказалъ Господь Апостоламъ: *Ученикъ не выше учителя, и слуга не выше Господина своего. Довольно для ученика, чтобы онъ былъ, какъ учитель его, и для слуги, чтобы онъ былъ, какъ господинъ его. Если хозяина дома назвали веельзевуломъ; не тѣмъ ли болѣе домашнихъ его* (Матѳ. 10, 24, 25). И теперь это сбывается. Въ то время, когда благомыслящіе люди, и во главѣ ихъ само правительство, изыскиваютъ способы дать пастырямъ церкви болѣе способовъ къ дѣятельности на пастырскомъ поприщѣ, являются лица, которые изъ-за частыхъ случаевъ злоупотребленій, часто преувеличенныхъ, подвергаютъ позору публично въ печати все сословіе пастырей. Что объ этихъ строгихъ судіяхъ можно подумать, какъ не то, что противно имъ и самое то служеніе, на которое поставлены пастыри.—Но это не должно охлаждать ревности пастырей. Они *насаждаютъ* а самъ, *Богъ возращаетъ* (1 Кор. 3, 6). Въ устахъ немощныхъ пастырей Слово Божіе есть такое орудіе, которое можетъ успѣшно дѣйствовать на самыя ожесточенныя сердца. *Слово Божіе живо и дѣйственно*, говоритъ Апостолъ Павелъ, *и острѣе всякаго меча обоюду остраго, оно проникаетъ до раздѣленія души и духа, составовъ и мозговъ и судитъ чувствованія и помышленія сердечныя* (Евр. 4, 12).

Не менѣе священный долгъ лежитъ на родителяхъ и воспитателяхъ юношества предохранять юныхъ питомцевъ отъ увлеченій юношескихъ, направлять ихъ умъ къ подчиненію Божественному Откровенію, возбуждать въ нихъ благоговѣніе къ вѣрѣ и церковнымъ установленіямъ; собственнымъ примѣ-

ромъ доброй христіанской жизни внушать имъ уваженіе къ закону Божію, оберегать ихъ отъ внушеній, направленныхъ противъ вѣры и нравственности, и, при первомъ проявленіи въ нихъ павѣянныхъ извнѣ идей невѣрія, употреблять къ вразумленію ихъ всѣ тѣ средства, какія можетъ внушить святая любовь и благоразуміе.

Особенно наставники, призванные на высокое служеніе просвѣщенію юношества, должны всегда помнить, что истинное просвѣщеніе ума не должно противорѣчить образованію сердца, что первое безъ втораго опаснѣе невѣжества, и потому въ разъясненіи истинъ, вырабатываемыхъ умомъ, должны съ благоговѣніемъ остановиться тамъ, гдѣ несовершенство ума человѣческаго полагаетъ предѣлъ ихъ изслѣдованіямъ, и гдѣ начинается область Божественнаго вѣдепія, и внушать юношамъ, что идти далѣе умомъ своимъ за предѣлы его сферы значитъ идти ощупью, на угадъ, съ неизбѣжною опасностью отвергнуть то завтра, что принято за непреложное сегодня. Скажутъ: «если полагать границы дѣятельности нашего ума, то отъ этого наука пострадаетъ и никогда не дойдетъ до совершенства, возможнаго ей».—Но можно-ли думать, братія, чтобъ умъ человѣческій довелъ до совершенства науку въ той сферѣ, гдѣ, безъ свѣта Слова Божія, онъ ходитъ во тьмѣ, когда еще никакая отрасль человѣческаго знанія не можетъ похвалиться своимъ совершенствомъ? Потому и внѣ сферы Божественнаго вѣдепія велико и обширно поприще для науки; много предстоитъ труда уму человѣческому и въ подвластной ему стихіи; еще далеко не исчерпанъ, и едвали когда будетъ исчерпанъ, источникъ, какой представляетъ природа для любознательности человѣка. И здѣсь достойно всякой похвалы стремленіе науки къ усовершенствованію; здѣсь труженики ума на прямомъ пути къ познанію истины; здѣсь самыя уклопенія отъ оной не имѣютъ вредныхъ неисправимыхъ послѣдствій. Другое дѣло, когда умъ человѣческій, столь ограниченный по своей природѣ, дерзаетъ объяснять непостигаемое, подводить подъ свои начала тайны премудрости и благости Божіей. Тутъ можно-ль думать о пользѣ и совершенствѣ для науки? Нѣтъ,

тутъ одинъ исходъ такого дерзновенія: полное невѣріе и погибель вѣчная! Сколько было смѣлыхъ и нестѣснявшихся ничѣмъ поборниковъ науки ума, сколько было пышныхъ философскихъ системъ, составленныхъ безъ руководства Божественнаго Откровенія? Но гдѣ ихъ слава, гдѣ совершенство, коимъ дивились неразумные современники? Нынѣшнія-ли системы матеріализма, нигилизма, соціализма и другія имъ подобныя, или ихъ исчадія приближаются къ совершенству? О спаси насъ, Господи, отъ такого совершенства; спаси насъ Господи, отъ такого ученія и такихъ учителей! Противъ этихъ то системъ, противъ этого-то направленія многихъ современныхъ умовъ благомыслящіе наставники и должны дѣйствовать со всею ревностію, разоблачать химеры ихъ со всею мудростію, выяснять коварныя цѣли ихъ во всей наготѣ ихъ нравственнаго безобразія. Такими дѣйствіями наставники заслужатъ и благословеніе Неба и признательность человѣчества; напротивъ недѣятельность, или потворство современному вредному направленію навлекутъ на нихъ и проклятіе Неба и позоръ отъ людей.

Теперь остается, братія, сказать намъ о томъ обширномъ вмѣстилищѣ, куда стекаются всѣ произведенія ума человѣческаго и откуда почерпается умственная пища всѣми мыслящими людьми и преимущественно юношами,—сказать о литературѣ. Дѣйствительно это великое и могущественное учрежденіе новѣйшаго времени! Польза, извлекаемая изъ него, необъятна; но можно-ли не сознаться, что можетъ разливаться и вредъ отъ него въ обширныхъ размѣрахъ? Все зависитъ отъ дѣятелей на этомъ поприщѣ, отъ ихъ нравственнаго и умственнаго настроенія. Сюда стекаются и отсюда разливаются мысли, полезныя для вѣры, нравственности и благосостоянія людей; отсюда-же истекаетъ и распространяется страшная зараза невѣрія, безнравственности и всякаго рода смятеній.—Но если Спаситель съ одной стороны, нравственный соблазнъ поставляетъ гораздо важнѣе тѣлеснаго убійства, (Мато. 18, 6), а съ другой—одно напоеніе чашею воды нуждающагося считаетъ добродѣтелію, (Мато. 10, 42), достойною награды: то какой отвѣт-

ственности, какихъ наказаній отъ Всеправосуднаго Судіи должны ожидать тѣ дѣятели, которые, посредствомъ печатнаго слова, разливаютъ соблазнъ и гибель между тысячами людей,—какихъ наградъ тѣ, кои тѣмъ же путемъ распространяютъ благодѣтельныя вразумленія и наставленія? Потому, какъ не удивляться тѣмъ лицамъ, которые съ непостижимымъ легкомысліемъ предаютъ печати вредныя и разрушительныя идеи. Неужели они не представляютъ себѣ всѣхъ послѣдствій такого своего легкомыслія? Неужели они до такой степени убили въ себѣ все доброе, что желаютъ подобиться духу тьмы, поставившему для себя единственною цѣлію—погибель рода человѣческаго? О, страшно такое ожесточеніе вредныхъ для вѣры и нравственности писателей! Страшна и отвѣтственность ихъ предъ престоломъ Небеснаго Судіи!—Но не безъотвѣтны будутъ предъ Богомъ и тѣ писатели, которые безукоризненны по своимъ сочиненіямъ, но не опровергаютъ, не разоблачаютъ вредныхъ сочиненій другихъ. Они поставили себя учителями и руководителями общества и должны дѣйствовать въ пользу общества, какъ своими полезными трудами, такъ и указаніемъ на вредъ, производимый другими. Ихъ талантъ, ихъ значеніе въ обществѣ могутъ легко сглаживать впечатлѣнія вредныхъ сочиненій, выводить наружу тайныя коварныя цѣли и намѣренія, и тѣмъ предостерегать отъ соблазна неопытныхъ и легкомысленныхъ. Пусть вопіютъ противъ благонамѣренныхъ писателей всѣ ревнители современныхъ бредней: этотъ вопль будетъ высшею похвалою ихъ благонамѣренности; признательность общества прославитъ ихъ, какъ благотворителей человѣчества, и Всемилосердый Господь украситъ ихъ вѣнцемъ безсмертія!

Такъ, братія, священнѣйшій долгъ противодѣйствовать разлитію невѣрія лежитъ на всѣхъ призванныхъ, или призвавшихъ себя на великое служеніе человѣчеству. Даже всякій вѣрующій христіанинъ, всякій благомыслящій гражданинъ не должны быть холодными, безучастными слушателями безумныхъ разглагольствій незрѣлыхъ умовъ. И ихъ простое, задушевное слово, излившееся отъ вѣрующаго сердца, можетъ часто привести въ стыдъ и смятеніе кичливыхъ мудрователей вѣка сего. А такое

дружное общее противодѣйствіе можетъ быстро остановить современное, конечно не наше родное, а иноземное вѣяніе; можетъ въ самомъ началѣ потушить всѣ искры безвѣрія и уничтожить навсегда всякую возможность нравственнаго пожара въ нашемъ отечествѣ.

Преобразившійся на Ѳаворѣ во славѣ Господь! да возсіяетъ намъ грѣшнымъ свѣтъ Твой присносущный, да освятитъ онъ наши умы и сердца, да утвердитъ ихъ въ вѣрѣ и любви къ Тебѣ, нашему Создателю и Богу, да мы всѣ, старцы и юноши, образованные и необразованные, богатые и бѣдные, едиными устами и единымъ сердцемъ славимъ всегда пречестное и великолѣпое имя Твое со безначальнымъ Твоимъ Отцемъ и животворящимъ Духомъ! Аминь.

III. На дни воскресные:

Во 2-ю недѣлю по Пасхѣ, о Ѳомѣ.

Глаголя Ѳомѣ: принеси персть твой сюда и виждь руцѣ моя, и принеси руку твою, и вложи въ ребра моя: и не будь невѣренъ, но вѣренъ. (Іоан. 20, 27).

Еще въ самый день Воскресенія Своего явился Господь Апостоламъ Своимъ; но при семъ первомъ Его явленіи не было съ ними Ѳомы, единаго изъ двенадесяти. Когда же возвѣстили Ѳомѣ другіе ученики, что они видѣли Господа, онъ сказалъ имъ: *аще не вижу на руку его язвы гвоздинныя, и вложу перста моего въ язвы гвоздинныя, и вложу руку мою въ ребра его, не имъ вѣры.* (Іоан. 20, 25). Такое невѣріе въ Апостолѣ который отъ самого Спасителя слышалъ, что подобаетъ Сыну Человѣческому пропяту быти и въ третій день воскреснути, повидимому, весьма неизвинительно. Но пришедшій взыскать и спасти погибшихъ не оставилъ Своего ученика въ невѣріи: Онъ, при второмъ Своемъ явленіи Апостоламъ, между коими находился и Ѳома, показалъ ему и руцѣ, и нози, и ребра Своя, такъ что Ѳома воскликнулъ изъ глубины души своей: *Господь мой и Богъ мой* (Іоан. 20, 28)!

Такое милосердое искаше невѣрующихъ и обращеніе ихъ къ вѣрѣ и нынѣ продолжается: и нынѣ не одна Евангельская Исторія, не одни свидѣтельства Богодохновенныхъ мужей увѣряютъ насъ въ истинѣ Воскресенія Богочеловѣка, а съ симъ вмѣстѣ и въ истинѣ нашего искупленія. И чудеса, бывающая въ насъ, хотя, по маловѣрію нашему, не такъ часто, какъ въ первыя времена христіанства, и внутренній гласъ нашей души, и гласъ природы, и гласъ событій также располагаютъ насъ къ вѣрѣ, какъ показаніе Ѳомѣ рукъ и ногъ Спасителевыхъ. Откуда жъ такое маловѣріе, которое нерѣдко примѣчается въ наше время? Откуда у нѣкоторыхъ, именующихся христіанами, такая невнимательность къ тѣмъ гласамъ, которые въ насъ, внѣ насъ и во всемъ мірѣ проповѣдуютъ, да увѣруемъ въ Воскресшаго?— Много, братія, причинъ, которыя дѣлаютъ слышащихъ неслышащими и видящихъ невидящими. Припомнить нѣкоторыя главныя изъ причинъ невѣрія въ настоящее время и прилично и полезно.

Есть люди, которые, возгордясь дарованными Творцемъ способностями, возмнили, что они могутъ быть вѣрными истолкователями истинъ Божескихъ, и наравнѣ съ предметами чувственными, обыкновенными, подвергаютъ своему сужденію истины духовныя, Евангельскія. И вотъ одна изъ главнѣйшихъ причинъ маловѣрія, а можетъ быть и безвѣрія этихъ людей. Ибо, какъ необразованные люди, смотря на море и не видя ему предѣла, думаютъ, что оно безпредѣльно: такъ и тѣ, кои руководствуются въ изъясненіи истинъ откровенія однимъ своимъ умомъ, силясь по началамъ онаго познать то, что имѣетъ начало въ Богѣ, и видя тщетными всѣ свои усилія, заключаютъ, что не можетъ быть истиннымъ то, чего они изъяснить себѣ не могутъ. Пытливый умъ въ области откровенія ничего не разумѣетъ, и вмѣсто того, чтобы изъ сего познать безсиліе свое, онъ силится все опровергать; онъ слышитъ истину, открытую людямъ Богомъ, и вмѣсто того, чтобы благоговѣйно вѣровать въ оную, подвергаетъ ее сужденію своему, и, непостигая, отвергаетъ. — Такъ, братія, гибельна для вѣры безразсудная самоувѣренность человѣческаго ума! Потому да-

держимъ свой умъ, въ отношеніи къ тайнамъ Божіимъ, въ послушаніи вѣры. Ибо если Апостолъ Павелъ, просвѣщенный Духомъ Святымъ, восхищенный силою Божіею до третьяго небеси, не могъ постигать тайнъ Божіихъ, а только восклицалъ: *о! глубина премудрости и разума Божія* (Римл. 11, 33); если самые ангелы, всегда окружающіе престолъ Царя славы, не могутъ проникнуть въ нѣкоторыя тайны Божіи: то что нашъ умъ, безпрестанно заблуждающій въ обыкновенныхъ человѣческихъ сужденіяхъ, ежечасно претыкающійся въ обстоятельствахъ нашей жизни, можетъ познать тамъ, куда вознестись не можетъ?—При семъ да помнимъ, что непостижимость тайнъ Божественныхъ въ православной вѣрѣ и есть истинное и неоспоримое доказательство того, что она произошла отъ Бога. Тамъ, гдѣ все умъ нашъ постигаетъ, гдѣ все изъясняетъ по своимъ началамъ, тамъ нѣтъ ничего Божественнаго, тамъ одно человѣческое, ибо *Божія никто же вѣсть, точію Духъ Божій.*

Плотоугодіе, столь свойственное падшему человѣку, но столь противоположное строгости жизни, предписываемой христіанскою нравственностію, также весьма много ослабляетъ вѣру людей. Ибо какъ еще при земной жизни Іисуса Христа многіе послѣдователи Его отходили отъ него единственно потому, что жизнь, которой Онъ училъ ихъ, не согласовалась съ ихъ чувственными, наклонностями, — *жестоко есть Слово сіе,* (Іоан. 6, 60), говорили они, *и кто можетъ исполнить его*: такъ и нынѣ вѣра многихъ слабѣетъ, а можетъ быть, и гибнетъ отъ того, что они привыкли къ чувственности и, не испытавъ средствъ къ подчиненію своихъ страстей, думаютъ, что чѣловѣкъ, доколѣ, во плоти долженъ быть подъ властію ихъ, а отъ сего сама собою раждается мысль, общая всѣмъ сластолюбцамъ, что Евангеліе требуетъ отъ насъ невозможнаго, а это-то и есть маловѣріе. Но мало того, что въ сластолюбцахъ раждается сомнѣніе къ истинамъ Евангельскимъ; они въ успокоеніи своей совѣсти, и въ нихъ иногда пробуждающейся, даютъ многимъ изъ сихъ истинъ иной, свой собственный смыслъ противный истинному смыслу, но совершенно сходный съ ихъ

образомъ жизни, и такимъ образомъ все зданіе своей вѣры подрываютъ. Боясь правосудія Божія и второго страшнаго пришествія Христова, они силятся ложными умствованіями правосудіе Его сдѣлать нестрашнымъ въ отношеніи къ нимъ самимъ, а пришествіе Христово или отдалять на неопредѣленное время, или толковать объ этомъ такъ, что оно дѣлается столь же радостнымъ и для маловѣрныхъ, какъ и для истинно—вѣрующихъ. Не понимая благихъ цѣлей поста и молитвы, они въ оправданіе своего плотоугодія и невнимательности къ молитвѣ, доказываютъ, что первый, т. е. постъ, вредитъ нашему здоровью, а о молитвѣ не имѣя ни малѣйшаго понятія, считаютъ оную однимъ фарисейскимъ лицемѣріемъ. Сохраненіе непорочности тѣлесной, по ихъ мнѣнію, есть не добродѣтель, необходимая истинному христіанину, а на предразсудкахъ основанное воздержаніе. Словомъ все то, что не согласно съ ихъ образомъ жизни, получаетъ новое, собственное ихъ, толкованіе, или, если сего нельзя гдѣ сдѣлать, совсѣмъ или отвергается, и такимъ образомъ въ истинахъ откровенія, судіями и изъяснителями ихъ становятся человѣческія страсти. А отъ сего вѣра такихъ людей ничтожна, ибо въ самыхъ основаніяхъ своихъ ослаблена сомнѣніями, подрыта ложными толкованіями, попрана несообразными съ нею дѣлами.—Потому-то, братія, мы должны сообразовать жизнь свою съ закономъ Божіимъ и провождать ее въ чистотѣ и святости: тогда страсти, умерщвленныя нами, не будутъ вооружать насъ противъ истинъ Евангельскихъ; тогда собственный опытъ, доказавъ, сколь утѣшительно исполненіе предписываемыхъ Христіанствомъ обязанностей, заставитъ насъ благоговѣть предъ Насадителемъ Христіанства; тогда наша жизнь, наши дѣла не только не будутъ ослаблять нашей вѣры но подкрѣпятъ, согрѣютъ, оживятъ ее, и она во все земное наше странствованіе ни въ какихъ обстоятельствахъ не поколеблется.

Пристрастіе къ благамъ міра также ослабляетъ вѣру тѣхъ, кои по легкомыслію увлеклись обманчивою прелестью сихъ благъ. Посмотрите, какъ часто люди съ доброю нравственностію и получившіе воспитаніе въ правилахъ церкви, всту-

пивъ въ свѣтъ и увлекшись ложнымъ блескомъ благъ міра, совершенно измѣняются! Какъ часто родители, посѣявшіе въ дѣтяхъ своихъ сѣмена добродѣтели и надѣявшіеся видѣть въ нихъ истинныхъ чтителей Бога и Его Святаго закона, въ послѣдствіи видятъ въ нихъ презрителей уставовъ Божіихъ! Какъ не рѣдко наставники,—сообщившіе питомцамъ своимъ правила Божественной мудрости, укрѣпившіе ихъ въ вѣрѣ въ Бога, научившіе повиновенію Его Святой волѣ, открывшіе имъ опасность путей міра и ожидавшіе, что труды ихъ вскорѣ принесутъ обильный плодъ,—чрезъ нѣсколько времени узнаютъ, что ихъ питомцы въ вихрѣ міра, на поприщѣ славы мірской, не только забыли ихъ наставленія, но уже посмѣиваются надъ ними! И подлинно, чѣмъ болѣе блага міра дѣлаются пріятными человѣку и желаніе достигнуть ихъ растетъ и укрѣпляется, тѣмъ болѣе вѣра слабѣетъ. Вѣра требуетъ совершеннаго исполненія закона Божія, а законъ сей требуетъ исканія благъ не временныхъ, а вѣчныхъ. Отъ сего раждается борьба между вѣрою и желаніемъ мірскихъ благъ, и по той мѣрѣ, какъ послѣднее усиливается, первая слабѣетъ.—Правда, что человѣкъ, испытавъ ненадежность и обманчивость благъ міра, иногда, хотя это рѣдко бываетъ, раскаивается въ своемъ заблужденіи, перемѣняетъ свои мысли о сихъ благахъ, и вмѣстѣ съ Соломономъ нарицаетъ ихъ *суетою суетъ;* но это раскаяніе не всегда бываетъ полезно: душа его, привыкшая искать пищи не насыщающей и воды не уничтожающей жажды, не въ состояніи уже обратиться къ исканію сродныхъ ей благъ и не находитъ къ сему подпоры въ вѣрѣ, которая въ ней изсякла.—Конечно, многіе міролюбцы увѣряютъ другихъ и сами себя, что ихъ вѣра тверда и неизмѣнна. Но если желаніе благъ міра, сильно въ нихъ остановитъ исполненіе закона Божія; если блага міра, въ глазахъ ихъ имѣютъ большее достоинство, нежели блага, предлагаемыя Евангеліемъ: то сколь слаба, хладна, можно сказать ничтожна вѣра таковыхъ людей. Потому да бодрствуемъ, братія, и наблюдаемъ за чувствами нашей души; и если усмотримъ, что скрывается въ ней какая привязанность къ благамъ, міра, то немедленно да исторгнемъ эту пагубную привязан-

ность при самомъ ея началѣ, дабы она не возросла въ насъ и не ослабила нашей вѣры

Вотъ главнѣйшія причины ослабленія вѣры въ людяхъ! Когда же не станетъ человѣкъ мечтать о своемъ умѣ весьма высоко; когда страсти свои и чувственныя наклонности будетъ укрощать, а на мірскія блага будетъ взирать очами вѣры: тогда гибельное маловѣріе не найдетъ мѣста въ его сердцѣ, а напротивъ будетъ возрастать живая и дѣятельная вѣра.

Боже и Владыко нашъ! Ты своимъ явленіемъ и показаніемъ язвъ своихъ извелъ Ѳому изъ невѣрія въ вѣру; изведи и насъ, по своей благоутробной милости, изъ тьмы маловѣрія; насади, возрасти и укрѣпи вѣру въ насъ, — да нѣкогда содѣлаемся участниками въ Твоей Славѣ, какъ нынѣ участвуемъ въ радости Церкви о Твоемъ Воскресеніи. Аминь.

Въ недѣлю Мvроносицъ.

Минувшей субботѣ, Маріа Магдалина и Маріа Іаковля и Соломіа купиша ароматы, да пришедше помажутъ Іисуса. И зѣло заутра во едину отъ субботъ пріидоша на гробъ, возсіявшу солнцу (Марк. 16, 1, 2).

Смотрите, братія, какъ три святыя жены, забывъ страхъ, столь свойственный ихъ полу, оставили столь рано ночной покой и спѣшатъ за стѣны городскія. И для чего онѣ несутъ драгоцѣнные ароматы? Умащать свои лица? Напитать свое тѣло и одежды благовоніями? О нѣтъ, онѣ спѣшатъ умастить безцѣнное тѣло Господа, лежавшее во гробѣ! Ихъ святыя души проникнулись твердою вѣрою въ Господа, воспламенились любовію къ Нему, и ихъ вѣры и любви не поколебали ни что, ни всеобщая ненависть, посягнувшая на осужденіе Господа, ни его поносная казнь, ни самая смерть. Онѣ лили слезы у креста Господня, онѣ участвовали въ Его погребеніи и теперь спѣшатъ почтить тѣло Его умащеніемъ. Никто не показалъ

такой любви и приверженности къ умершему Господу: не предварилъ ихъ у гроба Петръ, столь всегда пламенный въ выраженіи своей привязанности ко Господу; не прежде притекъ и юный, но любимѣйшій Господомъ Іоаннъ. Онѣ первыя у гроба, онѣ прежде всѣхъ притекли туда. И какая награда имъ за сіе? Онѣ первыя узнали о воскресеніи Господа, первыя узрѣли Его, первыя услышали отъ Него слово *радуйтеся*, первыя *ястѣся за нозѣ Его и поклонистѣся Ему* (Матѳ. 28, 9).

Христіанскія жены! Сколько въ примѣрѣ воспоминаемыхъ св. женъ для васъ назиданія и вразумленія! Ихъ благочестивое усердіе ко Господу, ихъ непоколебимая вѣра въ Него, ихъ пламенная любовь къ Нему показываютъ, что и вы способны на все высокое и достохвальное, и вы можете соревновать имъ въ дѣлахъ благочестія.

И по истинѣ, на какую высокую добродѣтель не способна благочестивая христіанская жена!—Посмотрите на святыя мѣста, прославленныя или чудесами Божіими, или подвигами святыхъ, или нетлѣніемъ ихъ мощей. Тамъ сіяютъ злато, драгоцѣнныя ткани и камни. Чьи это жертвы? О, большая часть изъ нихъ суть дары благочестія и усердія христіанскихъ женъ! Наше время почитается скуднымъ въ благочестіи. Но и въ наше время не усматривается-ли отрадныхъ явленій, — явленій, говорящихъ ясно въ пользу женъ христіанскихъ? Кѣмъ наполняются храмы Божіи, какъ не ими преимущественно. Чьи молитвы, видимо для глазъ, бываютъ усерднѣе, какъ не ихъ? Къ кому бѣдные и неимущіе съ большимъ успѣхомъ прибѣгаютъ за помощію, какъ не къ нимъ? А посмотрите на тѣ учрежденія истиннаго благочестія, гдѣ воспитываются дѣти нищеты и убожества. Кому они обязаны своимъ существованіемъ? Благочестію и благотворительности христіанскихъ женъ. Онѣ учредили ихъ на свое иждивеніе, онѣ наблюдаютъ за ихъ процвѣтаніемъ, онѣ воодушевляютъ всѣхъ къ содѣйствію имъ въ семъ истинно христіанскомъ дѣлѣ.

Но главная заслуга благочестивой жены христіанской—это ея семейныя добродѣтели. У насъ нерѣдко слышится такая присловица: «женится, перемѣнится». Это говорится о тѣхъ

мужахъ, которые проводятъ молодость свою легкомысленно и совращаются съ пути добродѣтели. И дѣйствительно, нерѣдко бываетъ съ ними счастливая перемѣна, когда они вступаютъ въ бракъ съ супругами, исполненными христіанскаго благочестія. Добродѣтель жены, ея невинность и чистота сердца, ея благочестіе и кротость заставляютъ полюбить добродѣтель и такого мужа, который не зналъ ее. Онъ тутъ только познаетъ, что добродѣтель можетъ доставить человѣку счастіе и на землѣ, счастіе тихое, спокойное, но невозмутимое и незамѣнимое. Если-же испорченность мужа такъ велика, что добродѣтель жены бываетъ недѣйствительною для него, то и тутъ благочестіе ея не остается безъ добрыхъ послѣдствій. Она, какъ вѣрующая несомнѣнно, что все творится по волѣ Божіей, безропотно покоряется своей судьбѣ, несетъ ее какъ крестъ, Богомъ на нее возложенный, не ропщетъ, не жалуется предъ людьми, а предъ однимъ Создателемъ изливаетъ въ молитвѣ горести своего сердца и тѣмъ утѣшаетъ себя и соплетаетъ себѣ на небеси вѣнецъ безсмертія; между тѣмъ домъ ея, дѣти ея, порядокъ домашній—все руководится ею настолько, насколько оставлено ея волѣ и власти ея недостойнымъ мужемъ.—А что въ ея положеніи дѣлаетъ жена, чуждая благочестія? Упреки, ропотъ, жалобы разрываютъ всякую добрую связь между супругами; отсюда происходятъ всѣ, возмущающія душу, семейныя несчастія, отсюда безстыдныя хулы, низкія клеветы, позорное мщеніе, отсюда все, что прогнѣвляетъ небеса. И такимъ образомъ жена, имѣвшая несчастіе вступить въ супружество съ слабымъ мужемъ, сама дѣлается достойною своего несчастія и лишается послѣдняго утѣшенія—состраданія ближнихъ и надежды на Бога.

Но если благочестіе жены имѣетъ благотворное вліяніе на мужа, то что сказать о дѣтяхъ? О, тутъ заслуга добродѣтельной матери превыше всякой хвалы. Конечно, всякій, имѣвшій счастіе находиться въ юности подъ руководствомъ благочестивой матери, сознается, что онъ многое сохранилъ и доселѣ изъ ея добрыхъ наставленій, а другіе сознаются и въ томъ,

что въ нихъ только то и сохранилось, что внушено имъ матерями, а прочее все—то, что внушалось имъ при дальнѣйшемъ ихъ воспитаніи,—стерто ими изъ памяти, въ вихрѣ суеты и суемыслія.—Такъ, благочестивая мать заботится не объ одномъ физическомъ воспитаніи, она съ первыхъ понятій своего дитяти внушаетъ ему понятіе о Богѣ, научаетъ его почитать Бога, любить Его, молиться Ему, знакомитъ его съ обязанностями христіанина, словомъ со всѣмъ усердіемъ и заботливостію дѣлаетъ все, что возможно, чтобы вселить въ него вѣру въ Бога и любовь къ Его святому закону. Но она чувствуетъ немощь свою, вѣдаетъ, что всуе пребудутъ ея труды, если не Господь будетъ ей помощникомъ, и потому она часто и отъ всего сердца прибѣгаетъ къ Господу, прося Его излить свою милость и благодать на ея дѣтей.—Какъ умилительно видѣть мать, которая ночью, когда весь домъ покоится глубокимъ сномъ, забывъ иногда свои недуги, презирая усталостью, слѣдствіемъ ея дневныхъ усиленныхъ трудовъ, въ тиши ночной, становится на молитву и здѣсь, предъ святыми ликами Господа и Владычицы Небесной съ горячими слезами умиленія испрашиваетъ у Нихъ покровительства своимъ дѣтямъ и паче всего доброй христіанской нравственности! Но ее видитъ одинъ Господь и, конечно, благодатнымъ образомъ вѣщаетъ ей: *жено, буди тебѣ, яко-же хощеши.*

Таковы дѣйствія благочестивой христіанской жены! Какъ они утѣшительны, пріятны Богу и достойны подражанія! О, благочестіе есть лучшее, драгоцѣннѣйшее и полезнѣйшее украшеніе христіанскихъ женъ! Оно возбуждаетъ въ самыхъ порочныхъ людяхъ уваженіе къ нимъ, оно низводитъ на нихъ, а чрезъ нихъ и на всѣхъ ихъ окружающихъ — мужа, дѣтей, благодать Божію, которая, осѣняя такой домъ, предохраняетъ его отъ пороковъ, изливаетъ на него миръ и спокойствіе, дѣлаетъ его домомъ чадъ Божіихъ, между коими обитаетъ самъ Богъ.

Возлюбите-же, христіанскія жены, благочестіе, возлюбите силу, славу и украшеніе вашего пола! Съ благочестіемъ вы разливаете на всѣхъ окружающихъ васъ счастіе и радость;

безъ благочестія нѣтъ близь васъ мира и тишины, нѣтъ чистой, непорочной радости; безъ благочестія близь васъ мракъ, порокъ и суета. Аминь.

Въ недѣлю о разслабленномъ.

Се здравъ еси: ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ. (Іоанн. 5, 14).

Сіи слова, сказанныя Господомъ исцѣленному имъ страдальцу, показываютъ намъ, братія, во первыхъ то, что долговременная болѣзнь разслабленнаго была орудіемъ Всеблагаго Промысла Божія къ отвращенію его отъ грѣховъ и къ обращенію на путь добродѣтели,—во вторыхъ то, что, по исцѣленіи его, самъ Господь предвидѣлъ опасность новаго грѣхопаденія для него, и потому нужнымъ нашелъ дать ему предостерегательное наставленіе: *се здравъ еси: ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ.*

Не то же ли и съ нами бываетъ, братія? Не имѣютъ ли и на насъ спасительнаго вліянія тѣ различнаго рода скорби и несчастія, какія по временамъ ниспосылаетъ на насъ Господь. Не подвергаемся ли и мы особой опасности грѣхопаденія тогда, когда десница Божія оставляетъ насъ среди покоя и счастія? Истинно такъ: скорби имѣютъ весьма благодѣтельное вліяніе на насъ; какъ напротивъ, постоянное счастіе удаляетъ насъ отъ Бога и отъ собственнаго спасенія. Обратимъ на сіе вниманіе наше.

Если по растлѣнію своей природы, каждый человѣкъ любитъ возноситься предъ другими и находить въ себѣ большія достоинства, нежели какими обладаетъ: то что сказать о тѣхъ, которые наслаждаются постояннымъ счастіемъ? Пользуясь всѣми благами, достигая всего желаемаго легко и удобно, находя вездѣ и отъ всѣхъ уваженіе, можетъ ли самый мудрый изъ счастливцевъ сохранить себя отъ обаянія и не возмечтать, что все, чѣмъ онъ пользуется, есть должная дань его достоинствамъ? Истинно, ничто такъ не развиваетъ духа гордости и высоко-

мѣрія, какъ постоянное счастіе. Мечтая высоко о своихъ личныхъ достоинствахъ и считая ихъ единственною причиною своего благосостоянія, счастливецъ признаетъ въ другихъ, менѣе его счастливыхъ, одни недостатки и, не нуждаясь въ ихъ помощи, тѣхъ только изъ нихъ удостоиваетъ нѣкотораго вниманія, отъ коихъ получаетъ должную, по его мнѣнію, дань уваженія и удивленія къ его достоинствамъ, а прочихъ всѣхъ презираетъ. Такимъ образомъ постоянное счастіе, котораго такъ желаютъ многіе, о которомъ такъ мечтаютъ міролюбцы, не удаляетъ-ли людей отъ Бога, Который всегда противится гордымъ, однимъ смиреннымъ подавая Свою благодать;—не удаляетъ-ли ихъ отъ пути спасенія, который непремѣнно долженъ быть путемъ смиренія;—не затворяетъ-ли имъ входъ въ Царство Небесное, которое наслѣдятъ только кроткіе сердцемъ.

Что-жъ можетъ спасти счастливца отъ сего гибельнаго обаянія? Что можетъ измѣнить его превратный образъ мыслей и заставить посмотрѣть на себя и вокругъ себя очами истины?—Однѣ скорби, братія. Онѣ однѣ могутъ напомнить счастливцу, что его достоинства безсильны въ пріобрѣтеніи благъ, если этого не будетъ угодно Богу; что онъ, какъ и всѣ, подверженъ всѣмъ превратностямъ счастія, и потому возноситься своими достоинствами и презирать другихъ и несправедливо и постыдно. Безчисленные примѣры несомнѣнно доказываютъ, что скорби смиряютъ человѣка и поставляютъ его на путь истины. Потому порфироносный Пророкъ, испытавъ на себѣ благодѣтельное дѣйствіе скорбей, говоритъ: *Благо мнѣ, яко смирилъ мя еси, яко да научуся оправданіемъ Твоимъ.* (Псалм. 118 71).

При постоянномъ счастіи, не подвергаясь никакимъ скорбямъ и лишеніямъ, если бы это было возможно, человѣкъ могъ бы дойти до совершеннаго самозабвенія и потерялъ бы чувство необходимости быть благодарнымъ Богу за благодѣянія. Если бы какія родители вздумали окружить своихъ дѣтей всѣми попеченіями, такъ, чтобы все, чего бы дѣти не пожелали, находили бы вокругъ себя и никогда не имѣли бы нужды просить своихъ родителей о чемъ либо: думаете-ли, что дѣти сіи будутъ болѣе любить своихъ родителей, нежели тогда, когда

они не были бы окружены такимъ довольствомъ? полагаете-ли, что они будутъ чувствовать большую благодарность, нежели тогда, когда не такъ легко желанія ихъ удовлетворились-бы? Нѣтъ, напротивъ: таковые дѣти, привыкнувъ къ изобилію во всемъ, думали-бы, что такъ и должно быть; наслаждаясь довольствомъ во всемъ, и не примѣтили-бы, что этимъ обязаны особому попеченію своихъ родителей, попеченію, обязывающему дѣтей къ сугубой благодарности; имъ и на умъ не пришло бы, что безъ такого попеченія они могли бы терпѣть недостатокъ и лишенія. Но въ духовной жизни мы всѣ дѣти. Хотя, по Слову Божію, мы не имѣемъ ничего, чего бы не пріяли отъ Бога (1 Кор. 4, 7), но при продолжительномъ счастіи человѣкъ, такъ сказать, сроднился бы съ земными благами и сталъ бы считать ихъ не даромъ свыше, отъ Бога, а не отъемлемымъ своимъ достояніемъ, и потому не считалъ бы необходимымъ долга быть благодарнымъ Богу; а не имѣя нужды, онъ не чувствовалъ бы потребности обращаться съ прошеніемъ къ Богу, и потому болѣе и болѣе, по мѣрѣ продолжительности счастія, удалялся бы отъ Бога.

Напротивъ скорби и лишенія, которыми Господь посѣщаетъ насъ, напоминаютъ намъ, что всѣ блага въ рукѣ Божіей, что одинъ Богъ *богатитъ и убожитъ, смиряетъ и выситъ* (1 Цар. 2, 6); скорби заставляютъ искать въ Богѣ помощи и милости себѣ. Истину сію всякій можетъ повѣрить на себѣ. Вспомните то время, когда кто изъ васъ или лежалъ на болѣзненномъ одрѣ, или кто впалъ въ бѣдность, или подвергся другому какому несчастію; вспомните, говорю, время вашего какого несчастія: и вѣрно припомните, что вы тогда чаще и искреннѣе обращались къ Богу, что молитвенныя слезы ваши были тогда не минутнымъ ослабленіемъ нервъ, а искреннимъ изліяніемъ чувствъ вашихъ, что вы и при несчастіи были благодарнѣе Богу, нежели при счастіи.

Такъ, братія, скорби благодѣтельны для насъ, и особенно онѣ бываютъ спасительнымъ благодѣяніемъ Божіимъ въ томъ отношеніи, что ослабляютъ нашу привязанность къ міру и напоминаютъ намъ о будущей жизни. Если мы и теперь, когда

посѣщаютъ насъ скорби и несчастія, прельщаемся благами міра, если мы и теперь привязаны къ жизни и мало думаемъ о вѣчности, то что же было бы тогда, когда мы не испытывали бы непостоянства счастія, когда бы скорби и несчастія не напоминали бы о суетности здѣшней жизни?—О, тогда бы вовсе забыли, что есть будущая жизнь, что есть блага вѣчныя; тогда бы всѣ мысли и чувства наши были прикованы къ землѣ; тогда бы одно напоминаніе о смерти приводило бы всякаго въ трепетъ.—Но скорби много ослабляютъ нашу любовь къ міру и тѣмъ приготовляютъ насъ къ вѣчности. Болѣзни, убѣждая насъ, что тѣлесная наша храмина должна скоро разрушиться, какое бы о ней ни прилагали стараніе, пробуждаютъ заботу о душѣ нашей; несчастія и лишенія, показывая суетность и непостоянство земныхъ' благъ, заставляютъ подумать о пріобрѣтеніи небесныхъ и вѣчныхъ благъ; смерть близкихъ намъ указуетъ намъ истинное наше отечество на небесахъ и заранѣе возбуждаетъ желаніе переселиться туда и соединиться съ близкими намъ. Словомъ, всѣ несчастія, какого бы рода ни были, охлаждаютъ въ насъ привязанность къ міру и напоминаютъ намъ, что въ будущей жизни, если приготовимъ себя къ оной, нѣтъ ни болѣзней, ни печали, ни воздыханій.

Потому Св. Апостолъ Петръ, укрѣпляя христіанъ къ подвигамъ, повелѣваетъ только собственными пороками не навлекать не себя несчастій, за всѣ же другія бѣдствія убѣждаетъ прославлять Бога, поелику видитъ въ нихъ средства, употребляемыя Богомъ для доставленія спасенія и грѣшникамъ. *Да никто убо отъ васъ*, говоритъ онъ, *пострадаетъ яко убійца, или яко татъ, или яко злодѣй, или яко чуждопосѣститель: аще ли же яко христіанинъ, да не стыдится, да прославляетъ же Бога въ части сей. Аще праведникъ едва спасется, нечестивый и грѣшный гдѣ явится; тѣмъ же и страждущіи по волѣ Божіей, яко вѣрну Зиждителю да предадятъ души своя во благотвореніи* (1 Петр. 4, 15, 16, 18, 19).

Кто изъ насъ, братія, чуждъ скорбей въ мірѣ семъ? Кому счастіе не измѣняло? Кого горе не постигало? Но да не отчаяваемся. Ибо это значитъ, что Богъ имѣетъ особое попеченіе

о насъ и любитъ насъ. Наши несчастія—тѣже средства, какія и мы употребляемъ, чтобы исправить отъ непослушанія любимыхъ нами дѣтей. Мы ихъ наказываемъ, но любимъ, и наказываемъ потому, что любимъ и желаемъ имъ добра. Не то же ли и Богъ съ нами дѣлаетъ? Не для того ли и Онъ наказываетъ насъ, чтобы *пострадавъ плотію престали отъ грѣха?* (1 Петр. 4, 1).—Слово Божіе увѣряетъ, что тѣ, коихъ посѣщаетъ Богъ несчастіями, суть избранные. *Яко искушается сребро и злато въ пещи, тако избранная сердца у Господа.* (Притч. 17, 3). Будемъ же благодарить и прославлять Господа за то, что Онъ посѣщаетъ насъ Своими наказаніями; смиримъ себя, если вознеслись предъ другими; приблизимся ко Господу, если удалились отъ Него; приложимъ всю заботу о достиженіи царства небеснаго, если привязанность къ міру ослабила въ насъ сію заботу. Аминь.

Въ недѣлю о слѣпомъ.

Глаголаху убо отъ фарисей нѣцыи: нѣсть сей отъ Бога человѣкъ, яко субботу не хранитъ. (Іоанн. 9, 16).

Надобно удивляться, братія, сколь изобрѣтательна на обвиненіе невинности зависть человѣческая?—Іисусъ Христосъ исцѣленіемъ слѣпаго отъ рожденія ясно и торжественно показалъ Свою чудодѣйственную силу, такъ что многіе изъ самыхъ невѣрующихъ свидѣтелей сего чуда не могли не признать Его за праведника: како можетъ человѣкъ грѣшенъ, говорили они, сицева знаменія творити. Но завистливые не хотѣли согласиться съ симъ простымъ, но вѣрнымъ заключеніемъ; имъ непремѣнно хотѣлось доказать предъ народомъ, что прославляемый имъ Чудотворецъ есть человѣкъ грѣшный: ибо, доказавъ это, имъ легко было бы доказать, что и чудо, совершенное Христомъ, есть или обманъ, или чудо, произведенное не силою Божіею, но силою князя тьмы. Но какъ доказать, что Христосъ есть грѣшный человѣкъ, когда всѣмъ извѣстна

была его совершенно святая жизнь? И это вѣроятно, весьма затруднило фарисеевъ; но гдѣ злоба людей не найдетъ причинъ къ обвиненію? Іисусъ Христосъ исцѣлилъ слѣпаго въ субботу; и это показалось завистливымъ фарисеямъ достаточною причиною къ сему приговору: *нѣсть сей отъ Бога человѣкъ, яко субботу не хранитъ.* Какъ будто святость праздника можетъ нарушиться святостію дѣла!

Но зависть всегда такова. И нынѣ она также посягаетъ на осужденіе невинности; и нынѣ рѣдкій счастливецъ, какъ бы онъ ни былъ самъ въ себѣ добръ и невиненъ, избѣгаетъ ея ковъ и злословія. Сколько людей самаго незазорнаго поведенія отъ зависти другихъ лишаются добраго имени? Зависть умѣетъ всѣ добрыя качества человѣка представить въ превратномъ, худомъ видѣ: она безъ изъятія благочестіе приписываетъ суевѣрію, безкорыстіе—тщеславію, уваженіе къ заслугамъ и достоинствамъ другаго—искательности, усердіе къ должности—честолюбію, любовь къ воздержной жизни—тѣлесной слабостію; въ самой благотворительности, столько украшающей высокія христіанскія души, она видитъ одно средство къ достиженію дурныхъ цѣлей! Потому то, братія, зависть есть вреднѣйшая страсть въ обществахъ человѣческихъ и нимало неприлична христіанину, ибо она есть свойство діавола и была причиною паденія первыхъ человѣковъ. *Завистію же діаволею*, говоритъ премудрый Соломонъ, *смерть вниде въ міръ.* (Премуд. 2, 24). Она должна возбуждать къ себѣ тѣмъ болѣе отвращенія, что, подобно смертоносной язвѣ, отравляя счастіе и спокойствіе другихъ, болѣе всего вредитъ тому, кто питаетъ ее въ своемъ сердцѣ. Если бъ завистливый могъ откровенно говорить; то онъ признался бы, что онъ ни одного часа не проводитъ спокойно и въ довольствѣ, что всякое благополучіе ближняго для него мученіе, всякое объ другомъ доброе слово для него тяжкое оскорбленіе. И это состояніе весьма естественно. Всякая страсть, какъ бы сама въ себѣ низка ни была, доставляетъ хотя временное услажденіе человѣку; одна зависть никогда и никакого. Честолюбецъ, достигнувъ цѣли своихъ желаній, хотя на краткое время успокоивается; сребролюбецъ, видя прибытки свои, на-

ходитъ нѣкоторое утѣшеніе; плотоугодникъ въ удовлетвореніи плоти своей обрѣтаетъ хотя минутное наслажденіе. Но завистливый ни во времени ни въ вѣчности не находитъ ничего для себя утѣшительнаго. Пусть онъ будетъ знатенъ, богатъ и во всемъ счастливъ: но это его не сдѣлаетъ довольнымъ потому только, что сими благами пользуются и другіе, по мнѣнію его недостойные люди. Онъ могъ бы, кажется, только тогда успокоиться, когда бы всѣ люди, имѣющіе съ нимъ соотношенія, были и несчастные и сами въ себѣ недостойные, которымъ ни въ чемъ уже нельзя было бы завидовать. Но возможно ли это? А эта невозможность не предполагаетъ ли, что доколѣ обитаетъ въ человѣкѣ зависть, дотолѣ спокойствіе не будетъ имѣть мѣста въ его душѣ? Потому завистливый, по слову Священнаго Писанія, *умираетъ въ горести души, неядый ничтоже блага.* (Іов. 21, 25). А посему зависть есть такой порокъ, который самъ за себя караетъ грѣшника и караетъ не въ однихъ слѣдствіяхъ, но въ самомъ своемъ дѣйствіи: это внутренній огнь, никогда не обращающійся въ пламя всепожирающее, но непрестанно жгущее мучительнѣйшимъ образомъ сердце человѣка. Кому неизвѣстно изъ св. писанія, въ какое мучительное положеніе повергла Саула зависть его къ славѣ Давида? Кто не примѣчалъ въ подобномъ положеніи ближняго своего, терзаемаго завистію?

Мученія завистливаго еще тѣмъ увеличиваются, что онъ отгоняетъ отъ себя своею завистію всякаго. Находясь въ сообществѣ съ добрыми и благорасположенными къ нему людьми, онъ нашелъ бы, если не совершенное, то хотя нѣкоторое успокоеніе и облегченіе: ибо они, если бы и не могли мудрыми совѣтами истребить въ немъ зависти, по крайней мѣрѣ, изъ состраданія къ его положенію, старались бы разсѣевать его мрачныя мысли и тѣмъ хотя на время утишать его внутреннее волненіе. Но его всегдашнія порицанія другихъ, его злобныя мнѣнія обо всѣхъ кому долго могутъ быть пріятны? Потому, оставленный всѣми, завистливый еще болѣе злобствуетъ. Ему представляется, что и всѣ руководствуются тѣми же чувствами, какими онъ самъ, и потому его зависть обращается

въ совершенную ненависть ко всѣмъ, а съ симъ вмѣстѣ его мученія увеличиваются до крайней степени, или какъ выражается писаніе, *тогда болѣзни его обымутъ отъ гнѣва* (Іов. 21, 17). Тогда то онъ, по слову Давида, особенно *назираетъ праведнаго и скрежетъ на него зубы своими;* (Псал. 36 12,) *извлекаетъ мечъ, напрягаетъ лукъ свой, низложити и заклати правыя сердцемъ.* (Псал. 36, 14). *Но мечъ его,* по тому же слову, *входитъ въ его же сердце;* (Псал. 36, 15); ибо достигаетъ ли злоба его своей цѣли, т. е. уничиженія и погубленія братіи своей, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ терзанія его души не умепьшаются, но болѣе и болѣе усугубляются. Погубилъ ли онъ клеветою своею невиннаго? совѣсть его къ мученіямъ зависти присоединяетъ свои мученія; восторжествовала-ль невинность надъ его клеветою? тогда досада безуспѣшности умножаетъ муки зависти.

Подлинно, братія, состояніе завистливаго есть несчастнѣйшее и можетъ сравниться только съ состояніемъ падшаго духа. Какимъ бы несчастнымъ мы не представили человѣка, онъ все будетъ счастливѣе завистливаго, ибо найдетъ утѣшеніе или въ людяхъ, или въ Богѣ. Но въ чемъ обрѣтетъ миръ душѣ своей завистливый? Люди убѣгаютъ его, какъ змія, опасаясь, чтобъ зависть его не ужалила ихъ. А о Богѣ онъ боится и подумать и одно имя Божіе приводитъ его въ трепетъ: ибо Богъ есть *Богъ мира* и любви (1 Солун. 5, 22) и ненавидитъ сердце, исполненное злобы и недоброжелательства къ ближнему? Что жъ обрѣтетъ въ Богѣ завистливый? Онъ только познаетъ, сколь онъ недостоинъ любви Божіей, и увѣрится, что и за гробомъ, въ будущей жизни, вмѣсто вѣчнаго покоя, онъ найдетъ вѣчное мученіе.

И такъ зависть есть вреднѣйшая страсть, и ея вредоносныя дѣйствія особенно ощущаетъ тотъ, въ комъ она обитаетъ. Потому, братія, если христіанскій долгъ—*любить ближнихъ, какъ себя*, не силенъ истребить въ комъ зависти, то хотя любовь къ самому себѣ, любовь къ собственному своему благополучію и спокойствію, какъ временному такъ и вѣчному, да поселитъ въ томъ благое намѣреніе исторгнуть изъ себя всякое завист-

ливое помышленіе и никогда *не осуждать и неуничижать брата своего.* (Римл. 14, 10). Сіе намѣреніе можетъ привести и къ тому совершенству, что возможно будетъ, по ученію Апостола, *радоватися съ радующимися и плакати съ плачущими* Аминь. (Римл. 14, 12).

Въ недѣлю всѣхъ святыхъ.

И мы толикъ имуще облежащь насъ облакъ свидѣтелей, гордость всяку отложше и удобь обстоятельный грѣхъ, терпѣніемъ да течемъ на предлежащій намъ подвигъ: взирающе на Начальника вѣры и совершителя Іисуса (Дневн. Апост.).

Знаете ли, братія, что нынѣшній воскресный день долженъ быть для насъ однимъ изъ знаменательнѣйшихъ праздниковъ? Что-жъ это за праздникъ?

Св. Церковь, воспомянувъ по порядку всѣ спасительныя для насъ дѣла Господа изъ земной Его жизни, воспомянувъ Его страданія и смерть, Его преславное воскресеніе, вознесеніе на небо и наконецъ сошествіе Св. Духа на Апостоловъ и всѣхъ вѣрующихъ, первый за симъ воскресный день посвящаетъ памяти всѣхъ святыхъ, прославившихъ себя высокими подвигами вѣры и добродѣтели. Зрите, какъ-бы говоритъ намъ Св. Церковь, не безплодною осталась для людей земная жизнь Господа, не тщетны пребыли Его труды для вразумленія и наученія ихъ, не втунѣ осталось Его ходатайство предъ милосердіемъ Отца небеснаго за погибавшій родъ человѣческій; смотрите, какой облакъ святыхъ, свидѣтелей и участниковъ славы Божіей, исшелъ отъ васъ; взирая на нихъ, подражайте ихъ вѣрѣ и дѣламъ, чтобъ самимъ вамъ достигнуть той же славы и того же блаженства у Бога.

Да, братія, Св. Церковь возводитъ насъ сегодня, какъ бы, на гору и съ высоты ея указуетъ намъ спачала путь къ достиженію спасенія, указуетъ трудности его, не скрывая никакихъ опасностей для подвижниковъ, указуетъ, что имъ на этомъ

пути могутъ предлежать и скорби, и лишенія, и озлобленія, и раны и узы, и темницы, и мученія; а потомъ далѣе, за границею этого пути, открываетъ нашему зрѣнію новое царство, царство свѣта и славы, гдѣ прошедшіе путь скорбей наслаждаются неизреченною радостію, невыразимымъ блаженствомъ, блаженствомъ вѣчнымъ, неизмѣняемымъ, предъ лицемъ самаго милосерднѣйшаго Отца Небеснаго. Указуя все это, св. Церковь говоритъ намъ: труденъ путь спасенія, но его прошли такіе же люди, какъ и вы, съ такими же способностями, съ такою же немощію; труденъ этотъ путь, но онъ временный и приводитъ къ вѣчному счастію.

О! братія, сколько любви къ намъ, сколько попеченія о насъ въ семъ призывѣ св. Церкви! А мы все отвращаемся отъ ней, все бѣжимъ отъ ея заботъ о нашемъ спасеніи. Страшитъ насъ трудность спасенія, ужасаютъ насъ скорби на пути къ нему.

Но отвращаясь отъ пути спасенія, избавляемся-ли отъ скорбей? Достигаемъ-ли счастія, ничѣмъ невозмутимаго, хотя и временнаго? О гдѣ тѣ счастливцы, которые могли бы похвалиться такимъ счастіемъ? Нѣтъ ихъ на землѣ. Вездѣ видимъ недовольныя или скорбныя лица, вездѣ слышимъ воздыханія и жалобы. Значитъ здѣшняя жизнь для всѣхъ не есть жизнь счастія и радостей, а есть жизнь скорбей и воздыханій. Зачѣмъ же убѣгать такихъ скорбей и трудностей, которыя ведутъ къ вѣчному счастію и блаженству, а дѣлать себя игралищемъ такихъ скорбей и печалей, которыя удаляютъ всякую надежду на блаженную вѣчность и угрожаютъ вѣчными мученіями.

Немного мудрости нужно, требуется только наблюдательность и безпристрастіе, чтобы оцѣнить вѣрно, съ точки житейской, безъ всякаго отношенія къ будущей жизни, оцѣнить выгоды и невыгоды жизни какъ человѣка плотянаго, живущаго по духу вѣка сего, такъ и человѣка, живущаго по духу Христову.

Первый предается радостямъ міра съ увлеченіемъ. Но какъ скоро онѣ наскучиваютъ ему! Онъ переходитъ къ другимъ и тоже разочарованіе. Испытаетъ все, и что остается отъ всего?

Одна пустота въ душѣ и недовольство.—Но положимъ, что и эти ефемерныя радости занимаютъ его, нравятся ему. Но что подѣлаетъ онъ съ неизбѣжными въ сей жизни скорбями, такими скорбями, въ которыхъ не могутъ утѣшить его люди? Онъ мечталъ только о радостяхъ, о счастіи, а тутъ скорби, несчастія. Утѣшенія вѣры ему неизвѣстны, міръ помочь ему не въ силахъ. Куда ему обратиться? Что это за состояніе! И это-то состояніе промѣниваютъ на вѣчность!

Теперь посмотримъ на выгоды и невыгоды вѣрующаго христіанина, живущаго по духу Христову. Онъ не испытываетъ и даже чуждается радостей и удовольствій міра, жизнь его тиха и однообразна, но за то не испытываетъ онъ и разочарованій; онъ, обуздывая страсти, конечно выноситъ трудную борьбу, но за то находитъ утѣшеніе въ совѣсти; онъ подвергается скорбямъ, можетъ быть большимъ, нежели сыны вѣка сего, ибо міръ не любитъ того, кто живетъ несогласно съ обычаями міра, но скорби не имѣютъ на него такого разрушительнаго дѣйствія, онъ не приходитъ въ уныніе отъ нихъ, онъ считаетъ міръ жилищемъ скорби, онъ знаетъ, что въ этихъ скорбяхъ есть перстъ Божій, указующій ему Небо, и переноситъ ихъ терпѣливо, безъ ропота, прося у Господа подкрѣпленія своихъ духовныхъ силъ.

Скажите же, какую выгоду получаетъ въ сей жизни живущій въ удаленіи отъ Бога передъ тѣмъ, кто живетъ въ Богѣ, по Его волѣ и закону? Рѣшительно никакой. А что теряетъ? Ужасно вымолвить—теряетъ вѣчность!

О Боже, Боже милосердый! Когда возчувствуютъ люди всю любовь, всю благость Твою? Когда познаютъ, что все мнимое счастіе міра недостойно одного мгновенія небеснаго блаженства? Когда увѣрятся, что они гоняются за обманчивымъ призракомъ, а отъ существеннаго, главнаго и спасительнаго отвращаются? . . . . . .

Заключимъ, братія, нашу краткую бесѣду тѣмъ, чѣмъ начали, т. е. призывомъ св. Церкви, выраженнымъ словами Апостола: и мы, имѣя вокругъ себя такое облако свидѣтелей, свергнемъ съ себя всякое бремя и запинающій насъ грѣхъ и съ

терпѣніемъ будемъ проходить предлежащее намъ поприще, взирая на начальника и совершителя вѣры Іисуса. Аминь.

На 2-ю недѣлю по пятдесятницѣ.

Прохождаше всю Галилею Іисусъ, уча на сонмищахъ ихъ и проповѣдая Евангеліе царствія, исцѣляя всякъ недугъ и всяку язю въ людехъ. (Матѳ. 4, 23).

Эти слова нынѣшняго Евангелія, а равно и множество другихъ, столь же священныхъ свидѣтельствъ, показываютъ намъ, что проповѣдь Спасителя нашего на землѣ сопровождалась безчисленнымъ множествомъ чудесъ; а исторія первенствующей церкви Христовой свидѣтельствуетъ, что и Апостолы и другіе древніе проповѣдники слова Божія также облечены были даромъ чудотвореній. Все же это не указываетъ-ли на чудеса, какъ на причину необыкновенно быстраго и успѣшнаго распространенія по лицу земли слова Божія и водворенія между людьми высокой христіанской нравственности, хотя обстоятельства тогдашняго времени вовсе этому неспособствовали.

Нынѣ видимо умаленіе чудесъ: проповѣданія слова Божія, вразумленіе и обличеніе заблудшихъ рѣдко сопровождаются и и подкрѣпляются знаменіями Божественной силы, чудотвореніями. За то не примѣчается ли между христіанами холодности къ вѣрѣ Христовой, небреженія къ исполненію закона Божія, иногда невѣрія, нерѣдко маловѣрія и сомнѣнія въ истинахъ откровенія. Не выводится ли изъ этого такое заключеніе, что умаленіе чудесъ въ настоящее время на столько же служитъ причиною упадка вѣры и нравственности между христіанами, на сколько въ древней церкви обиліе чудесъ служило успѣху торжества вѣры и добродѣтели?

Нѣтъ, такое заключеніе не имѣетъ основанія: въ такомъ заключеніи усматривается только желаніе оправдать суетность людей настоящаго времени.

По самому естественному порядку вещей мы въ сношеніяхъ нашихъ съ людьми бываемъ неодинаковы и сообразуемся съ ус-

ловіями взаимныхъ нашихъ отношеній. Съ своими дѣтьми, съ своими близкими и друзьями обращаемся просто, обыкновенно, не употребляя особой предусмотрительности, вниманія и угодливости: насъ съ ними и ихъ съ нами соединяетъ взаимная любовь, и потому всякое отношеніе, выходящее изъ обыкновеннаго порядка, тутъ неумѣстно и совершенно излишне. Напротивъ, когда мы имѣемъ желаніе расположить къ себѣ людей, насъ не знающихъ и насъ чуждающихся, возбудить въ нихъ къ себѣ довѣріе, привязанность, любовь; тогда въ сношеніяхъ съ ними не требуется-ли отъ насъ и особаго вниманія и большей предупредительности и старанія оказать имъ возможную помощь въ ихъ нуждахъ.

Не тотъ-же ли естественный порядокъ усматривается и въ дѣйствіяхъ милосердія Божія въ отношеніи къ людямъ.

Что было на землѣ до пришествія Спасителя? Моисеевъ законъ былъ извращенъ ложными толкованіями, духъ закона попранъ мертвою буквою, ученіе о пришествіи Мессіи обезображено вымыслами, ученіе нравственное искажено, самые пастыри и учители народа, принадлежавшіе къ различнымъ нелѣпымъ сектамъ, способствовали не вразумленію, а отупѣнію людей въ дѣлѣ вѣры, и между избраннымъ народомъ Божіимъ едва, едва, и то между самымъ малымъ числомъ, сохранились истинная вѣра въ Бога и добродѣтель. А что сказать объ язычникахъ тогдашняго времени? О! язычество всюду господствовало: капища процвѣтали, жрецы искусно поддерживали суевѣріе народа: языческія празднества съ энтузіазмомъ совершались!

Среди такого порядка вещей явился на землю Спаситель. Кто бы Его позналъ, кто бы внялъ Его ученію, если бы Онъ не вооружился силою чудесъ? Вотъ причина, для чего необходимы были чудеса Спасителю и Его Апостоламъ. Упорство народа тогда только было побѣждено, когда онъ увидѣлъ, что его неизлечимо больные мгновенно, отъ слова или прикосновенія, исцѣлялись, мертвые воскресали; тогда только люди стали внимать съ довѣріемъ Слову Божію, и оно быстро разлилось по всему міру.

Теперь посмотримъ на себя, въ такихъ ли мы отношеніяхъ къ Евангельскому ученію въ какихъ находились древніе іудеи и язычники? Мы, родившіеся, взлелѣянные въ нѣдрахъ вѣры, напояемые отъ юности ученіемъ Спасителя, пріучаемые къ добродѣтели —какую нужду имѣемъ въ чудесахъ Его? Любить Бога? О стыдъ и поношеніе! Корыстная любовь въ дѣтяхъ нетерпима и земными родителями. Можетъ ли быть пріятна такая любовь Небесному Отцу? Развѣ неизвѣстны намъ Его благодѣянія? Развѣ не знаемъ, что Онъ сдѣлалъ для рода человѣческаго? Развѣ не величайшее благодѣяніе Его уже въ томъ, что мы живемъ въ вѣрѣ, что призваны быть чадами Божіими, наслѣдниками Царства Небеснаго? Развѣ забыли мы крестъ Господа. Его страданія, смерть и преславное Воскресеніе, и намъ все это нужно напоминать чудесами?

«Но скорби, болѣзни тяготятъ насъ», ропотно говорятъ многіе изъ насъ; мы просимъ помощи у Бога, но Онъ неподаетъ ее намъ, не слышитъ нашихъ моленій?

Братія! скорби суть врачевство для нашей больной грѣхами души. Мы безмѣрно любимъ своихъ дѣтей, но, при болѣзни ихъ, собственными руками налагаемъ на нихъ жгучій пластырь и, несмотря на слезы, стоны и страданія ихъ, не снимаемъ его рановременно. Не то же ли самое дѣлаетъ съ нами и любящій насъ Господь? Онъ слышитъ наши вопли къ Нему о помощи, но не избавляетъ отъ скорбей, потому что въ нихъ только и видитъ единственное исцѣленіе нашей души.

Потому, братія, суетно и недостойно христіанина требованіе чудесъ отъ Бога.

Что касается людей маловѣрныхъ или порочныхъ, то и для такихъ чудеса были бы безполезны. Кто могъ болѣе и лучше увѣриться въ чудесахъ Спасителя, какъ не книжники и фарисеи, имѣвшіе въ своихъ рукахъ всю власть? Но что они дѣлали? Все стараніе ихъ было только объ томъ, чтобъ скрыть отъ народа эти чудеса, или исказить ихъ своимъ толкованіемъ. Не то же ли мы и нынѣ видимъ? Иногда Господь и нынѣ, по вѣрѣ избранныхъ своихъ и по особому Своему милосердію къ нимъ, являетъ силу Свою въ чудесныхъ дѣйствіяхъ. Что-жъ?

Маловѣрные или порочные, услышавъ объ этомъ, постараются безпристрастно изслѣдовать такое чудо, чтобъ увѣриться? Нѣтъ, это имъ не приходитъ на мысль; для нихъ достаточно, чтобъ поглумиться издали, въ бесѣдѣ съ подобными себѣ, или ядъ своего невѣрія излить и въ народъ чрезъ извращенное изложеніе дѣла Божія, въ печатномъ словѣ. Такіе люди на все смотрятъ глазами собственныхъ страстей и все измѣряютъ своею измышленною мѣрою, и потому, видяще истину, не видятъ и, слышаще, не разумѣютъ.

И такъ, возлюбленные братія, не испытывайте Господа Бога, не требуйте отъ Него того, что внушается суетностію и неразумѣніемъ. Всего того, что Господь сдѣлалъ, слишкомъ достаточно для укрѣпленія нашего въ вѣрѣ, для утвержденія въ добрѣ, для достиженія нами спасенія. Аминь!

Въ 3-ю недѣлю по пятдесятницѣ.

Не печытеся душею вашею, что ясте, или что піете, ни тѣломъ вашимъ, во что облечетеся. (Матѳ. 6, 25).

Такъ говоритъ Спаситель въ нынѣшнемъ Евангеліи.

Но какъ не заботиться о пищѣ, питіи и объ одеждѣ, безъ которыхъ жить нельзя? Не много найдется счастливцевъ, которые по самому рожденію своему обезпечены во всемъ необходимомъ. А прочіе для того, чтобы имѣть необходимое для жизни, должны трудиться, а слѣдовательно и заботиться. *Въ поть лица твоего снеси хлѣбъ твой*—вотъ общій удѣлъ падшаго человѣка; *шесть дней* въ недѣлѣ *дѣлай дѣла твоя*—вотъ общая заповѣдь для человѣчества: *никто же бо когда возненавидѣ плоть свою, но питаетъ и грѣетъ ю*—вотъ законъ, прирожденный всякому человѣку. Слѣдовательно слова Спасителя не воспрещаютъ труда и заботы о необходимыхъ потребностяхъ жизни, а только ограничиваютъ эту заботу, чтобъ она не была излишня и не простиралась до забвенія главнѣйшей

заботы о душѣ, о спасеніи ея. *Не душа ли больши есть пищи*—говоритъ Онъ.

Всякій знаетъ, что тѣло наше временно и обращается въ прахъ, а душа безсмертна; а посмотрѣть жизнь нашу, вникнуть въ наши дѣла, въ наши разговоры, въ наши мысли, такъ покажется, что мы, напротивъ, признаемъ тѣло вѣчнымъ, а душу временною. Сколько тратится нами трудовъ, заботъ на питаніе, одѣяніе, удовольствія плоти, а въ тоже время душа наша гладствуетъ, жаждетъ, въ наготѣ, въ томленіи, и мы не обращаемъ на это никакого вниманія. Мало того, мы заставляемъ душу нашу питаться тѣмъ, чѣмъ питается тѣло, утѣшаться тѣмъ, что тѣшитъ плоть. Безсмертная душа наша требуетъ безсмертной духовной пищи, Слова Божія, благодати Божіей, а мы ее питаемъ словомъ суеты, словомъ похотѣній; она нуждается въ одѣяніи благочестія и добродѣтелей, а мы облачаемъ ее въ маску приличій и украшаемъ лоскомъ духа времени; она требуетъ наслажденій духовныхъ, святыхъ, молитвеннаго соединенія съ Богомъ, источникомъ истиннаго для нея наслажденія, а мы заставляемъ ее утѣшаться суетою, нечистыми удовольствіями и радостями; она стремится къ небу, какъ къ отечеству своему, а мы привязываемъ крѣпкими узами къ землѣ. Отъ такого несвойственнаго, противоестественнаго обращенія съ душею, какія вытекаютъ слѣдствія? Тѣ, что въ иномъ человѣкѣ нельзя узнать не только христіанина, но и человѣка, такого человѣка, какимъ онъ предназначенъ быть. Онъ временный здѣсь жилецъ, гость на землѣ, а живетъ, какъ вѣчный обитатель ея; его постоянное жилище небо, а объ немъ онъ и не думаетъ, къ нему онъ и не готовится.

Бѣдная душа, жалкая узница, горькая рабыня недостойнаго властителя—плоти! Ты спишь безпробуднымъ сномъ, спишь и не видишь пропасти, готовой пожрать тебя; спишь и не чувствуешь своего унизительнаго состоянія. Какъ ты предстанешь предъ Творцемъ своимъ? Чѣмъ прикроешь наготу свою предъ Нимъ? Чѣмъ оправдаешься въ постыдной твоей роли, которую ты носила, какъ рабыня рабовъ, страстей своей плоти? Что отвѣтишь, когда вопроситъ тебя Творецъ и Судія—гдѣ твои

высокія способности, выражавшія въ тебѣ образъ и подобіе Божіе? Гдѣ тѣ благодатные дары, которые ты воспріяла въ таинствахъ св. Церкви?—Все тобою или утрачено, или извращено и обезображено и ты отъ страха, стыда и угрызенія пребудешь безотвѣтна предъ Судіею-Богомъ.

Вотъ, братія, тѣ слѣдствія, какія происходятъ отъ излишней заботы о временныхъ, житейскихъ нуждахъ и отъ пренебреженія о спасеніи души.

А что отъ такой заботы пріобрѣтаемъ и въ здѣшней жизни? О какъ немного! Многаго мы, при всемъ стараніи, не достигаемъ и только понапрасну тратимъ труды и время; въ иномъ мы обманываемся и вмѣсто ожидаемаго счастія находимъ лишь печаль и непріятности; самое богатство, считаемое лучшимъ, или по крайней мѣрѣ болѣе прочнымъ изъ земныхъ благъ, нерѣдко служитъ лишь кратковременнымъ утѣшеніемъ для счастливаго искателя, а тамъ оно вноситъ въ семейство раздоръ, вражду, мотовство и нравственную гибель. Это-ли заслуживаетъ всего нашего вниманія, всей нашей заботы? Этому ли можемъ жертвовать душею нашею, вѣчностію, блаженною жизнію?

О встань душе моя, проснись отъ губительнаго сна, послушай гласа Спасителя твоего, который говоритъ тебѣ въ нынѣшнемъ Евангеліи: *ищи прежде царствія Божія и правды Его, а сія вся,* т. е. все необходимое для здѣшней жизни, *приложится тебѣ.* Аминь.

Въ 4-ю недѣлю по пятдесятницѣ.

Аминь глаголю вамъ, ни во Израилѣ толики вѣры обрѣтохъ. (Матѳ. 8, 10).

Сколько было попеченія у Господа о спасеніи іудеевъ, сколько излито благодѣяній за нихъ; а Господь, какъ повѣствуетъ нынѣшнее Евангеліе, не нашелъ между ними такой вѣры, какую случайно встрѣтилъ въ язычникѣ, сотникѣ Римскомъ. По этому случаю Онъ пророчески изрекъ: *Глаголю*

вамъ, яко мнози отъ востокъ и западъ пріидутъ, и возлягутъ со Авраамомъ и Исаакомъ и Іаковомъ во царствіи небеснѣмъ: Сынове же царствія изгнани будутъ во тму кромѣшную.

Все это исполнилось. Іудеи, отвергшіеся вѣры, отринуты милосердіемъ Божіимъ, язычники, увѣровавшіе во Христа, сдѣлались народомъ избраннымъ, царскимъ, священіемъ сынами и наслѣдниками царствія Божія.

Эти сыны, эти наслѣдники царствія Божія мы, братія, мы христіане, къ намъ обращена милость Божія; на насъ изливается вся любовь Божія.

Но ходимъ ли мы достойно нашего высокаго званія и призванія? Не гнѣвимъ ли чѣмъ нашего милосердаго Отца?

Онъ милосердъ, но Онъ и правосуденъ. *Милость и гнѣвъ у него, и на грѣшницѣхъ почіетъ ярость Его.* Слѣдовательно намъ нельзя быть покойными и равнодушными, касательно нашего спасенія, на томъ основаніи, что мы христіане. Мы близки Богу, но доколѣ не удаляемся Его, мы присные Его, но доколѣ живемъ по волѣ Его, мы подъ Его милосердіемъ, покровомъ и защитою, но доколѣ не прогнѣвляемъ Его.

Знаемъ мы все это и отъ юности нашей научены знать, чѣмъ мы дѣлаемся близкими Богу и чѣмъ отдаляемъ себя отъ Него. Но при всемъ томъ, какъ нерѣдко приходитъ на мысль вопросъ — какъ и по какимъ признакамъ обрѣсть вѣру между вѣрующими? Одинъ Св. Отецъ русской Церкви, въ своемъ Словѣ, искалъ вѣры между христіанами, искалъ во всѣхъ сословіяхъ, между богатыми и бѣдными, между знатными и простолюдинами, и не находилъ ее, искалъ даже въ монастыряхъ между иноками и инокинями и тамъ, съ горестію говоритъ онъ, нашелъ только смуты и пересуды.

Какъ опасно такое состояніе христіанъ! Они получили благодѣяній Божіихъ не менѣе, чѣмъ іудеи, христіанамъ даны большія средства ко спасенію. Іудеи отвержены Богомъ. Не должно ли это устрашить христіанъ?—Между христіанами было, а можетъ быть есть и нынѣ, множество угодниковъ Божіихъ и ходатаевъ за насъ? А развѣ между іудеями не было Авраамовъ, Моисеевъ, Давидовъ... Сама Божія Матерь развѣ изошла не

отъ іудеевъ, но не первая ли Она ходатаица и покровительница христіанъ, а не іудеевъ?

Есть предѣлъ долготерпѣнію Божію, есть граница Его милосердію. И потому никакое ходатайство не спасетъ недостойныхъ спасенія. Благость Божія не спасаетъ никого насильно. Она ищетъ, приглашаетъ, умоляетъ; но нѣтъ отзыва, нѣтъ желанія и она отвращается. А безъ благости Божіей нѣтъ спасенія. Она одна очищаетъ душу отъ скверны, безъ нея душа нечиста, грѣховна. А въ Царствіи Божіемъ не можетъ быть ничего нечистаго и грѣховнаго. Учители Церкви говорятъ, что если бы грѣшникъ, неочищенный благостію Божіею, и попалъ въ рай, то онъ тамъ не блаженствовалъ бы, но еще болѣе страдалъ бы, чѣмъ въ аду.

Да держимся, братія, вѣры Христовой, да соблюдаемъ себя подъ кровомъ благости Божіей: это единственный для насъ якорь спасенія; только при помощи его мы можемъ избавиться отъ опасности, среди страшнаго стремленія суеты мірской, влекущей въ бездну гибели. Аминь.

Въ 5-ю недѣлю по пятдесятницѣ.

Разумъ человѣка, непокоряющійся уму Божію, дерзостно вступая въ область, ему не подвластную, ему чуждую, въ область вѣры, легкомысленно относится ко всему тому, что составляетъ для него тайну. Бытія же духовъ, ихъ вліянія на человѣка онъ не допускаетъ. «Почему», говорятъ мудрователи такого закала, «бѣсноватыхъ въ нынѣшнее время между образованнымъ классомъ людей нѣтъ, а бываютъ только между необразованными? Люди же необразованные, по невѣжеству своему, обыкновенныя болѣзни,—горячки, сумасшествіе, падучую болѣзнь и проч. приписываютъ дѣйствію злыхъ духовъ; а что въ Евангеліи часто говорится о бѣсноватыхъ, то тутъ долженъ быть иной смыслъ и подъ бѣснованіемъ должны подразумѣваться нечистыя и дурныя страсти человѣка».

Вотъ мнѣнія о бѣснованіи, господствующія въ кругу тѣхъ, для которыхъ Слово Божіе не составляетъ святыни, и эти мы-

сли ихъ, къ сожалѣнію, перешли и къ нѣкоторымъ вѣрующимъ христіанамъ, но не твердо стоящимъ въ послушаніи вѣрѣ или неосновательно знающимъ истины вѣры.

Скажемъ нѣсколько словъ объ этихъ мысляхъ.

Что между образованными не бываетъ бѣсноватыхъ—это опровергается фактами. Что между ними рѣже встрѣчаются такіе—это естественно. Тамъ, гдѣ наука безсильна, а вѣры нѣтъ ни въ подвергшемся демонской власти, ни въ средѣ, его окружающей, тамъ діаволъ быстро совершаетъ свое обычное дѣло, погибель человѣка. Тамъ къ его услугамъ всякое смертоносное орудіе, яды и проч. и проч. Скажутъ: это сумасшедшіе! Какимъ же это образомъ! Человѣкъ, часто до послѣдняго часа исполняющій свои общественныя и семейныя обязанности, пишущій предсмертныя свои чувства и распоряженія, можетъ ли быть сумасшедшимъ? Скажутъ: онъ рѣшается на самоубійство произвольно, съ отчаянія. Но сохранившій умъ можетъ ли произвольно нарушить законъ естественный, врожденный, законъ природы, по которому никто не можетъ возненавидѣть свою плоть, и покушается на свою жизнь? Нѣтъ, здѣсь сила демонская, здѣсь діаволъ, овладѣвъ волею человѣка, губитъ его.

Другое дѣло, когда въ бѣсноватомъ, или по крайнѣй мѣрѣ, въ средѣ его окружающей, сохранилась искра вѣры: тамъ подвергшійся этому бѣдствію, при всей демонской силѣ и власти, стремится къ освобожденію своему отъ ноя, помогаютъ ему въ этомъ и другіе, и вотъ онъ у святыхъ мѣстъ, у мощей угодниковъ Божіихъ, у чудотворныхъ иконъ. Видятъ его многіе, и это причиною, почему явилась мысль, что бѣсноватые бываютъ только между простолюдинами. Вѣрнѣе было бы сказать: между вѣрующими.

Тамъ то у святыхъ мѣстъ, пусть отвергающій бытіе злыхъ духовъ посмотритъ безпристрастно на бѣсноватаго и увидитъ, что тутъ дѣйствуетъ не простая, обыкновенная болѣзнь, а дѣйствуетъ иная невидимая сила, сила злая, богохульная, дерзкая и вмѣстѣ съ тѣмъ страшащаяся иной болѣе крѣпкой силы, и по этому страху, чтобъ отдалить бѣсноватаго отъ прикосновенія къ святынѣ, повергающая его въ страшныя мученія; тамъ

услышитъ, что въ одержимомъ бѣснованіемъ, вмѣсто его ума, деспотически сжатаго, застращеннаго, говоритъ его языкомъ умъ хитрый, проникающій въ душу другаго, знающій и выражающій сокровенныя мысли другаго и дѣла, давно прошедшія. Какая же это болѣзнь обыкновенная? Нѣтъ, это та же сила, которая во времена Спасителя повергала несчастныхъ въ огнь и воду и которую Онъ своимъ словомъ изгонялъ изъ несчастныхъ.

Чтожъ касается того мнѣнія, что въ Евангеліи подъ бѣснованіемъ людей нужно понимать нечистыя страсти и пороки, то такое пониманіе было бы коверканіемъ Евангелія и безсмысленнымъ принаровленіемъ духа его къ ложнымъ понятіямъ лукаво мудрствующихъ. Евангельское ученіе есть ученіе самаго Бога и толковать его по произволу есть святотатство. есть безумное стремленіе подчинить умъ Божій уму человѣка. *Небо и земля*, говоритъ Спаситель, *мимо идутъ, словеса же моя не мимо идутъ*. А Св. Апостолъ Павелъ говоритъ: *если бы Ангелъ сшелъ съ небеси и возвѣстилъ вамъ не то, что возвѣщено, анаѳема да будетъ*. Вотъ какъ должно быть для насъ свято Евангельскее ученіе и съ какимъ благоговѣніемъ нужно къ нему относиться.

Памятуйте, братія, что истины вѣры, истины Евангельскія тѣсно связаны между собою, такъ тѣсно, что отрицаніемъ одной истины расторгается вся цѣпь вѣры. Отвергая бытіе злыхъ духовъ и ихъ дѣйствіе на человѣка, мы по необходимости должны были бы отвергнуть первородный грѣхъ адамовъ, а безъ этого грѣха не могло бы быть и искупленіе, не было бы и Спасителя. Такимъ образомъ мы отвергли бы все домостроительство Божіе на землѣ и остались бы безъ всякой вѣры.

Вотъ до чего доводитъ суемудренное и дерзкое отношеніе къ Слову Божію. Аминь.

Въ недѣлю 6-ти вселенскихъ соборовъ.

Св. Церковь воспоминаетъ нынѣ память св. шести вселенскихъ Соборовъ.

Благоговѣетъ мысль человѣка предъ этимъ дивнымъ установленіемъ св. христіанской древности, получившимъ начало въ примѣрѣ Апостоловъ.

Собираются старцы, святые по жизни, высокіе по священному сану, но смиренные, яко агнцы, яко истинные ученики Того, Кто слабой трости не преломилъ, льна курящагося не угасилъ, собираются съ глубокою скорбію, нося оную каждый въ своемъ сердцѣ. О чемъ же скорбь ихъ? Объ упадкѣ своего вліянія на людей? Объ оскудѣніи своихъ средствъ къ обильной жизни? О нѣтъ, они вся красная міра сего вмѣняли во уметы, всѣ блага временныя считали излишними для себя. Ихъ вся забота о вѣчномъ спасеніи, и не столько о своемъ спасеніи, сколько о спасеніи тѣхъ, кои поручены имъ Богомъ, о спасеніи своихъ пасомыхъ. Между этими то пасомыми ими явилось разномысліе, явилось неправильное превратное пониманіе Слова Божія, а отъ этого явилась и опасность для ихъ вѣчнаго спасенія. И вотъ причина ихъ глубокой скорби.

Для чего же они собираются? Чтобъ соединить свои пламенныя молитвы къ Небесному Отцу и Господу съ такими же молитвами другихъ, чтобъ соединить свою мудрость и знаніе Слова Божія съ мудростію и знаніемъ другихъ, и въ этомъ соединеніи найти вышнюю небесную помощь творить конецъ разномыслію и заблужденіямъ, возстановить истину, разогнать соблазнъ, и тѣмъ стаду Христову, сынамъ Церкви очистить и обновить путь къ вѣчному спасенію.—Совершивъ это святое дѣло, святые мужи и старцы съ радостію въ сердцѣ, съ благодарностію къ Богу, расходятся къ своимъ паствамъ, къ своимъ любимымъ чадамъ, возвѣщаютъ имъ истину и принимаются ими со слезами любви и благоговѣнія, какъ истинные пастыри, мудрые руководители ко спасенію.

Не было на этихъ собраніяхъ святыхъ мѣста суетѣ, не

унижался Христосъ, Глава Церкви, требованіями Его служителей себѣ земныхъ привиллегій, не смѣшивалось царство благодати съ царствомъ природы, не вторгалась духовная власть въ дѣла гражданскія, не покушались служители вѣры на права и власть правителей народа. И вотъ эта-то заслуга, этотъ то духъ, духъ Христовъ, дѣйствовавшій на древнихъ вселенскихъ Соборахъ, содѣлалъ память о нихъ священною во всѣхъ истинно вѣрующихъ, содѣлавъ то, что всякое рѣшеніе этихъ соборовъ признано всею Церковію рѣшеніемъ святымъ, непререкаемымъ.

Давно, болѣе тысячи лѣтъ, не было Вселенскихъ Соборовъ, и не было во первыхъ потому, что всѣ догматы вѣры, всѣ правила христіанской нравственности, весь чинъ Богослуженія и благочинія изложены были на семи Вселенскихъ Соборахъ, и изложены такъ обстоятельно и достаточно, что ничего не осталось не рѣшеннымъ такого, что препятствовало-бы вѣчному спасенію человѣка.

А нынѣшній Соборъ вселенскій на западѣ, въ Римѣ? подумаетъ кто. Но это во первыхъ не соборъ вселенскій, а папскій, ибо на немъ нѣтъ никого изъ непризнающихъ тщеславныхъ притязаній папы; во вторыхъ это соборъ и не христіанскій, потому что на немъ не примѣтно духа Христова, духа Его смиренія и любви, ни въ образѣ дѣйствій Собора, ни въ цѣли собора: вездѣ превозношеніе, притязанія, суетность, хитрость, политика. Мудрено ли, что и плоды его будутъ суетны, ничтожны для временной жизни, а для вѣчной и гибельны для многихъ.

Возблагодаримъ милосердіе Божіе за то, что наша православная Церковь строго держалась установленій древнихъ вселенскихъ Соборовъ и чрезъ то сохранила и въ нашихъ пастыряхъ, и въ пасомыхъ и во всѣхъ церковныхъ законоположеніяхъ духъ Апостольскій, духъ Христовъ, и вмѣстѣ со св. Церковью воспоемъ: *Препрославленъ Ты Христосъ Богъ нашъ, за то, что Ты поставилъ свѣтилами на земли отцовъ нашихъ и чрезъ нихъ всѣхъ насъ наставилъ въ истинной вѣрѣ многоблагоутробный, слава Тебѣ.* Аминь.

Въ 8-ю недѣлю по пятдесятницѣ.

Ядоша вси и насытишася. (Матѳ. 14, 20).

Цѣлый день, до вечера, провели массы народа въ пустомъ, удаленномъ отъ жилища, мѣстѣ, слушая Божественное ученіе Христа Спасителя; забыли при томъ и необходимую потребность въ пищѣ. Но Господь не забылъ ихъ за ихъ усердіе и вниманіе, не заставилъ возвращаться по домамъ утомленными и безъ пищи, а чудеснымъ образомъ насытилъ ихъ, обративъ самый малый запасъ оной, только пять хлѣбовъ и двѣ рыбы, въ болѣе нежели достаточный для насыщенія 5000 человѣкъ, кромѣ женъ и дѣтей. *Ядоша вси и насытишася.*

Не научаетъ ли насъ, братія, это Евангельское повѣствованіе тому, что для земныхъ нашихъ потребностей не надо пренебрегать потребностями души, потребностями для вѣчной жизни?

Не Господь ли и нынѣ, какъ и всегда, людямъ вѣрующимъ и чтущимъ Его Самъ помогаетъ и въ земныхъ ихъ нуждахъ? Не Онъ ли укрѣпляетъ ихъ здоровье и силы, вразумляетъ ихъ, устраиваетъ обстоятельства во благое имъ? Напротивъ тѣ, кои пренебрегаютъ своими обязанностями къ Богу для мірскихъ дѣлъ и заботъ, не предоставляются ли собственнымъ естественнымъ своимъ силамъ? А кто не знаетъ, сколь ничтоженъ человѣкъ при однѣхъ своихъ средствахъ?

Иной трудится цѣлый вѣкъ, не знаетъ покоя, не знаетъ праздниковъ Господнихъ, не имѣетъ времени, какъ говоритъ, сотворить краткую молитву, а все бѣденъ, во всемъ нуждается, во всемъ встрѣчаетъ неудачу. Другой не пропуститъ дня, чтобъ не освятить души своей теплою и искреннею молитвою къ Богу, а между тѣмъ и земныя его дѣла идутъ успѣшно, безостановочно и даютъ способы къ безбѣдной жизни.

Что это означаетъ, какъ не то, что самъ Богъ покровительствуетъ тѣмъ, кои чтутъ Его и прибѣгаютъ къ покрову Его?

Между тѣмъ, что мы видимъ? Нѣкоторые пренебрегаютъ

праздниками, пренебрегаютъ молитвою, и уже не для земныхъ своихъ дѣлъ, не по требованію обязанностей, какихъ бы то ни было, а по какой-то холодности, безпечности, по совершенному невниманію къ своей душѣ.

О человѣкъ, человѣкъ! Ты разумное существо, но кто можетъ быть не разумнѣе тебя, когда ты приходишь въ какое-то отупѣніе въ отношеніи къ высшимъ потребностямъ своей души! Все тебѣ говоритъ, что ты здѣсь, на землѣ, гость, что отечество твое тамъ, на небѣ, что твое вниманіе преимущественно должно быть направлено къ небу, къ приготовленію переселиться туда достойнымъ образомъ; а между тѣмъ мысль твоя туда и не заглядываетъ, а вращается, подобно червю, въ прахѣ и тлѣніи, умъ твой, эта высокая неземная способность, занимается такими вещами, которыя не заслуживаютъ и простаго взгляда.

Да памятуемъ, братія, слова Господа, сказанныя Имъ чрезъ Пророка всѣмъ тѣмъ, коихъ сердца не имѣютъ теплой любви къ Богу: *не студенъ еси, ни теплъ: имамы извергнути тя отъ устъ моихъ* (Апок. 3, 16). Аминь.

На 9-ю недѣлю по пятдесятницѣ.

Видя же вѣтръ крѣпокъ, убояся: и начатъ утопати (Матѳ. 14, 30).

Вотъ примѣръ тому, какъ человѣкъ бываетъ безсиленъ безъ вѣры и укрѣпляющей благодати Божіей.

Апостолъ Петръ, увидѣвъ Спасителя ходящимъ по водамъ, ощутилъ въ себѣ такую вѣру въ Его могущество, что не усомнился просить у Него повелѣнія самому къ Нему идти по водѣ и, получивъ его, онъ небоязненно пошелъ по опасной стихіѣ. Но вотъ сильный вѣтръ, колеблющаяся подъ его ногами влага, наведя на него свойственный человѣку страхъ, ослабили его вѣру, и Петръ сталъ утопать и конечно утонулъ бы, если бы Господь не извелъ бы его изъ бездны. Не мудрствуй Апостолъ Петръ, не обращай вниманія на опас-

ность потопленія, имѣй только вѣру въ могущество Господа, силу Котораго онъ уже испыталъ, и онъ также совершилъ бы свой водный путь, какъ и началъ. Но человѣческое размышленіе и соображеніе ослабили его вѣру, и онъ потерялъ духовную силу.

Не тоже ли бываетъ, братія, и въ дѣлѣ нашего спасенія? Иной и уменъ и образованъ и желаетъ спасенія, но непрестанно сворачиваетъ со спасительнаго пути. Гордость его ума, его размышленія и разсужденія о предметахъ вѣры, о дѣлахъ и вещахъ Божественныхъ безпрестанно наводятъ на него сомнѣніе, колеблютъ его вѣру, и онъ, подобно Петру, часто начинаетъ утопать въ волнахъ житейскихъ, а иногда и совсѣмъ гибнетъ для вѣчной жизни.

Другой и не мудрый и простой, но безъ размышленія покаряющійся водительству слова Божія и Св. Церкви, идетъ неуклонно по пути спасенія, постепенно укрѣпляется отъ силы въ силу и достигаетъ конца своей жизни съ полнымъ и конечно не постыднымъ упованіемъ на блаженную вѣчность.

Но скажутъ: «что же за вѣра безъ разсужденія? Что за дѣла и добродѣтели по указанію, можетъ быть не согласному съ пониманіемъ человѣка? Наука, размышленіе должны укрѣплять вѣру въ Бога».

Но, братія. Богъ отъ насъ повыше солнца, добраться до Бога уму нашему потруднѣе, чѣмъ добраться намъ до солнца. Пройдетъ много вѣковъ, будетъ жить и умирать множество мудрецовъ, а Богъ и Его тайны останутся все тайнами для ума человѣческаго. Мы не можемъ достигнуть солнца, неизслѣдовали вещества, изъ котораго оно состоитъ, однако же не отвращаемся отъ живительной солнечной теплоты, а пользуемся ею. Зачѣмъ же отвращаемся отъ спасительнаго слова Божія, отъ всеосвящающей и всеоживляющей благодати Божіей потому только, что нашъ умъ не постигаетъ всего открытаго Богомъ нашей вѣрѣ?

Братія! Въ дѣлѣ спасенія не то требуется, что въ дѣлахъ міра. Успѣхъ житейскихъ предпріятій дѣйствительно зависитъ отъ ума, образованія, соображенія, хотя и здѣсь не мѣшаетъ

помощь Божія, хотя и здѣсь нужно укрѣпленіе свыше и уму и соображенію, потому что все это дары Божіи, Его волею даруемые и Его же волею отъимаемые. Но успѣхъ въ дѣлахъ духовныхъ нимало не зависитъ отъ мудрости человѣческой. Если гдѣ нужно, то особенно въ дѣлѣ спасенія, по слову Апостола, *не мудрствовати паче, нежели подобаетъ мудрствовати*. Вся мудрость здѣсь должна состоять только въ томъ, чтобъ подчинить умъ свой уму Божію, волю свою волѣ Божіей, и это подчиненіе рождаетъ ту вѣру, для которой все возможно, которая побѣждаетъ естество человѣческое, дѣлаетъ не мудраго мудрѣйшимъ земныхъ мудрецовъ и доставляетъ ему наслѣдіе въ обителяхъ небесныхъ.

Господи! помози нашему невѣрію. Аминь.

Въ 11-ю недѣлю по пятдесятницѣ.

Тако и Отецъ мой небесный сотворитъ вамъ, аще не отпустите кійждо брату своему отъ сердецъ вашихъ прегрѣшенія ихъ. (Матѳ. 18, 35).

Нынѣшнее Евангеліе открываетъ намъ, какъ Господь смотритъ на тѣхъ людей, которые пользуются милосердіемъ Божіимъ, а сами бываютъ жестокосерды къ ближнимъ. — Кто милосердый господинъ, прощающій огромный долгъ должнику? Это Господь нашъ. Кто должникъ, получившій отпущеніе огромнаго долга, а за ничтожную сумму садящій своего должника въ темницу? Это грѣшникъ, получающій отъ Бога прощеніе въ тяжкихъ своихъ грѣхахъ, а за малую обиду, за неосторожное слово преслѣдующій ближняго. Но какое слѣдствіе его жестокости? Онъ преданъ былъ мучителямъ.

Итакъ по смыслу этого Евангелія надобно намъ быть милостивыми и снисходительными къ ближнимъ и не оскорбляться наносимыми ими намъ обидами. Высокая и святая истина! Ни одинъ мудрецъ, ни одинъ законодатель не достигалъ до такого совершенства, какое преподалъ Богочеловѣкъ въ ученіи своемъ.

Мы благоговѣемъ предъ нимъ, чувствуемъ и сознаемъ, что такъ христіанинъ долженъ жить и поступать.

Но какъ исполнить эту истину, эту Божественную заповѣдь? Какъ совладать съ своимъ сердцемъ, съ своими страстями, съ усвоенными обычаями? Въ исторіи подвижниковъ Божіихъ мы находимъ, что они были въ постоянной борьбѣ со своими страстями, постоянно покоряли ихъ въ послушаніе закона Божія, но самою упорною, самою непокорною и для нихъ была страсть гнѣва, или слабость оскорбляться на ближняго. Какъ же намъ, съ нашею немощію, исполнять эту заповѣдь Божію?

Св. Апостолъ разрѣшаетъ эту задачу. Онъ говоритъ, что если случится кому оскорбиться на ближняго, то *солнце да не зайдетъ во гнѣвѣ вашемъ*, т. е. этотъ гнѣвъ, отъ котораго мы воздержаться не могли, не долженъ имѣть никакихъ послѣдствій и долженъ пройти до заката солнечнаго въ тотъ же день.

Только въ минуту обиды и оскорбленія воздержись христіанинъ отвѣтить обидою и оскорбленіемъ, а тамъ онъ всегда найдетъ средства успокоить свой взволнованный гнѣвомъ духъ, всегда достигнетъ этого, коль скоро размыслитъ, что оскорбившій есть по вѣрѣ братъ и другъ, только неразумный, что обида отъ него, какъ отъ неразумнаго, не можетъ быть оскорбительна, что такая минута слабости и неразумія можетъ быть у всякаго, что Спаситель терпѣлъ и не такія обиды, будучи въ тоже время величайшимъ благодѣтелемъ обидѣвшихъ, что мы сами часто наносимъ милосердому Богу такія оскорбленія своими грѣхами, а между тѣмъ ждемъ отъ Него милости и спасенія. Такого рода размышленія и особенно молитва ко Господу, претерпѣвшему за насъ всевозможныя поруганія и озлобленія, непремѣнно успокоятъ встревоженный гнѣвомъ духъ и доведутъ его не только до забвенія нанесенной обиды, но и до ближайшаго дружественнаго общенія съ обидѣвшимъ. Въ жизни подвижниковъ мы часто встрѣчаемъ такіе случаи, что обиженный приходитъ къ обидѣвшему, кланяется ему и проситъ прощенія въ томъ, что былъ невольною причиною его гнѣва. И чтожъ? Конечно обидчикъ, пристыженный такимъ сми-

реніемъ, уже никогда не позволялъ себѣ наносить ему новыхъ обидъ.

О если бы мы, братія, поступали такъ, по Евангелію, то между нами царствовали бы всегда миръ, любовь, согласіе, не было бы раздоровъ и несогласій! Тогда и невѣрующіе познали бы, что мы ученики и послѣдователи Христа Спасителя, оказавшаго намъ столько любви!

А то, что мы видимъ? Суды и судьи завалены дѣлами, жалобами объ оскорбленіяхъ, и какихъ оскорбленіяхъ? Которыя могли бы рѣшаться дома однимъ словомъ не только Христова ученія, но и человѣческаго благоразумія. Въ семействахъ, между кровными вздоры, препирательства, брань и все отъ чего? Часто безъ причинъ, по одной неудержимости сердца и языка. А что часто слышимъ на улицахъ, между людьми, никогда другъ друга не знавшими и только что встрѣтившимися? О Боже, Боже! И это христіане, это тѣ, коимъ сказано: *аще хощете быти ученицы мои, любовь имате между собою!*

Заключимъ нашу краткую бѣсѣду, тѣми же словами нынѣшняго Евангелія, которыми начали: *Тако и Отецъ мой Небесный сотворитъ вамъ, аще не отпустите кійждо брату своему отъ сердецъ вашихъ прегрѣшенія ихъ.* Аминь.

Въ 12-ю недѣлю по пятдесятницѣ.

Вся сія сохранихъ отъ юности моея: что есмь еще недокончалъ (Матѳ. 19, 20).

Какой прекрасный богатый юноша представляется въ нынѣшнемъ Евангеліи!

Онъ приходитъ и спрашиваетъ Спасителя: что доброе нужно сдѣлать, чтобъ получить вѣчную жизнь? Когда Спаситель перечислилъ ему заповѣди, которыя онъ долженъ исполнять, онъ прямо объявилъ, что все это онъ сохранялъ отъ юныхъ дней своихъ, а что есть еще другаго, чего онъ не исполнилъ?

Много ли изъ нынѣшнихъ богатыхъ юношей могутъ дать такой отвѣтъ?

Богатство даетъ всю возможность воспитать человѣка въ правилахъ вѣры и доброй нравственности, развить его умъ образованіемъ, расположить его сердце къ благимъ чувствованіямъ и къ благотворительности, подчинить его волю волѣ Божіей, оградить его отъ всѣхъ соблазновъ и дурныхъ примѣровъ и внушить ему отвращеніе отъ всего порочнаго. Богатство даетъ всѣ средства человѣку сдѣлаться по самой внѣшности болѣе совершеннымъ: мягкимъ и пріятнымъ въ обращеніи, сдержаннымъ въ гнѣвѣ, неувлекающимся мелкими случайностями. Даже для удовольствій, развлеченія и пріятнаго препровожденія времени богатство даетъ способы болѣе чистые и нравственные, нежели тѣ зрѣлища и утѣхи, какія доступны людямъ недостаточнымъ и какія не безопасны для юности.

Но тоже богатство, столь повидимому благодѣтельное для усовершенствованія въ умственномъ, нравственномъ и даже физическомъ отношеніи, имѣетъ и такія неудобства, которыя производятъ отравляющее дѣйствіе на воспитаніе юношества. Богатство, столь привлекательное для неимѣющихъ онаго, служитъ приманкою для людей искательныхъ, хитрыхъ и вкрадчивыхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ нетвердыхъ въ правилахъ вѣры и добра, неразборчивыхъ въ средствахъ къ пріобрѣтенію и все это умѣющихъ скрыть подъ завѣсою угодливости и наружнаго благоприличія. Такіе люди нерѣдко втираются въ богатые дома, то въ видѣ воспитателей, то въ видѣ услужниковъ, умѣютъ привлечь къ себѣ сердца неопытныхъ юношей, расположить родителей, и подъ этими гарантіями вливаютъ скрытно, непримѣтно и ядъ невѣрія и ядъ нравственной порчи. Родители, постоянно занятые дѣлами, заботами, выполненіемъ условій богатой жизни и обстановки, не видятъ, не подозрѣваютъ того, что совершается съ ихъ дѣтьми; видимыя качества приставниковъ совершенно ихъ успокаиваютъ. Юноши выростаютъ, получаютъ нѣкоторую долю свободы, и первымъ долгомъ считаютъ испытать то, что такъ заманчиво преподано имъ въ теоріи; нерѣдко являются тутъ участниками и руководителями первые развратители. Нѣтъ денегъ? Они же найдутъ ихъ, въ надеждѣ щедрой поживы. И вотъ видишь иногда, что дѣти до-

стойныхъ всего уваженія родителей позорятъ ихъ своими дѣлами и поведеніемъ; доставшееся имъ богатство изчезаетъ въ рукахъ ихъ, какъ дымъ, и сами гибнутъ нравственно, часто и физически.

«Какъ же предохранить своихъ дѣтей отъ вреднаго вліянія? Гдѣ взять для надзора и воспитанія дѣтей людей вполнѣ способныхъ и вмѣстѣ нравственныхъ? Какъ проникнуть въ душу человѣка, вполнѣ оцѣнить его качества?» Вотъ вопросы, которые нерѣдко задаютъ себѣ попечительные родители.

Дѣйствительно трудно выбрать достойныхъ и вполнѣ надежныхъ блюстителей нравственнаго состоянія дѣтей. Но по крайней мѣрѣ не нужно въ этомъ важномъ дѣлѣ пренебрегать тѣми условіями, какія предписываетъ благоразуміе. Трудно и даже невозможно найти человѣка совершеннаго и по внутреннимъ и по внѣшнимъ достоинствамъ. Потому при выборѣ блюстителей для дѣтей, нужно обращать преимущественно вниманіе не на внѣшній лоскъ, не на безупречность въ обращеніи, а на внутреннія умственныя и нравственныя качества. Внѣшніе недостатки по времени сгладятся и менѣе вредны, а внутреннія гибельны. Рекомендацію такого рода людей надобно получать изъ того круга, къ которому принадлежатъ эти люди, изъ той среды, въ которой обращаются и живутъ, а не съ высоты, отъ лицъ высокихъ по положенію и далекихъ отъ той среды. Съ высоты всѣ предметы кажутся не вполнѣ согласными съ дѣйствительностью и многое скрывается.—А главное, сами родители должны быть какъ можно ближе къ своимъ дѣтямъ. Ихъ глазъ, ихъ любовь, ихъ теплота сердечная — самые лучшіе, самые способные блюстители воспитанія и образованія дѣтей.

Господь же Спаситель нашъ, оказавшій во время земной своей жизни столько ласки и любви къ дѣтямъ, есть совершеннѣйшій блюститель и воспитатель дѣтей. Пусть болѣе всего родители къ Нему прибѣгаютъ, пусть они научатъ своихъ дѣтей отъ самыхъ юныхъ дней любить Его, молиться Ему, безпрестанно думать о Немъ, и Онъ Преблагій сохранитъ ихъ отъ всѣхъ искушеній и преткновеній. Аминь.

Въ 17-ю недѣлю по пятдесятницѣ.

Онъ же не отвѣщa ей словесе. (Мато. 15, 23).

Хананейская жена, имѣя бѣсноватую дочь, вѣроятно, употребила всѣ обыкновенныя мѣры къ исцѣленію ея, но, ни откуда не получая ни малѣйшей пользы, наконецъ обращается съ моленіемъ ко Христу: *помилуй мя Господи сыне Давидовъ*, вопіетъ она, *дщи моя зѣло бѣснуется* (Мато. 15, 22).

Но что же милосердый Господь? Какъ будто не слышитъ вопля отчаянной матери. Даже ученикамъ своимъ начавшимъ умолять Его о несчастной, Онъ далъ прямой и несомнѣнный отказъ исполнить прошеніе ея. Но не отчаявается молитвенница мать. Она съ большимъ дерзновеніемъ припадаетъ ко Христу, такъ что, наконецъ, нетолько не была отвергнута, но еще восхвалена Господомъ и прошеніе ея немедленно было исполнено: *о жено, велія вѣра твоя, буди тебѣ яко же хощеши, и исцѣлѣ дщи ея отъ того часа* (Мато. 15, 29).

Сей примѣръ поучаетъ насъ, какъ должно просить Господа въ нашихъ бѣдствіяхъ и злоключеніяхъ, и вмѣстѣ указуетъ намъ причину, отъ чего многія прошенія наши не низводятъ свыше милости Божіей на насъ. Мы часто прибѣгаемъ къ Богу съ моленіемъ о помощи Божіей, но рѣдко моленія наши бываютъ усердныя, постоянныя, продолжительныя, отъ того рѣдко и получаемъ помощь Божію. Господь не слышитъ нашихъ хладныхъ и краткихъ молитвъ: ибо таковыя молитвы показываютъ или маловѣріе наше, или неукрѣпнее желаніе получить выпшюю помощь. Не внемлетъ и ходатайству за насъ предъ престоломъ Своимъ святыхъ угодниковъ Божіихъ, если не всѣми силами души своей молимся Ему. *Пѣстъ добро отъяти хлѣбъ чадомъ и повергши псомъ*, — вотъ отвѣтъ Господа на холодныя наши моленія. Не говорите, что мы молимся иногда въ напастяхъ своихъ со слезами, а лучше вникните въ себя прилежнѣе и поищите, не малодушность ли и разслабленіе чувствъ о потерянномъ благѣ и желаніе возвратить его исторгаютъ при мо-

литвѣ слезы? Нѣтъ, истинная молитва не однихъ слезъ требуетъ. Молитвенники и подвижники Божіи увѣряютъ насъ собственнымъ примѣромъ, что недостаточно иногда нѣсколько часовъ молитвы, чтобъ согрѣть сердце свое и сдѣлать способнымъ молиться; что прежде, нежели молиться о поданіи свыше помощи, надобно молиться о томъ, чтобъ Господь научилъ насъ молиться искренно; что къ молитвѣ надобно приготовляться воздержаніемъ себя не только отъ пищи и питія, отъ страстей и пороковъ, но и отъ обыкновенныхъ житейскихъ помысловъ. Кто же изъ насъ молится таковою молитвою? Не многіе! Отъ того немногіе и получаютъ отъ Бога просимое. Хананейская жена да научитъ насъ молиться милосердому Богу! Если молимся Богу и не получаемъ просимаго, да не отчаяваемся и, подобно ей, да усугубляемъ молитву свою болѣе и болѣе, и Господь непремѣнно услышитъ ее, и, чѣмъ болѣе труждаемся въ молитвѣ, тѣмъ большее получимъ утѣшеніе отъ Него. Ибо Онъ самъ сказалъ: *просите и дастся вамъ, толцыте и отверзятся; всякъ просяй пріемлетъ, и ищай обрѣтаетъ. Призови мя въ день скорби твоея и услышу я.*—Аминь.

Въ 19-ю недѣлю по пятдесятницѣ.

Любите враги ваша. (Лук. 6, 35).

Когда Іисусъ Христосъ возвѣщалъ міру *глаголы живота вѣчнаго* (Іоан. 6, 68), нѣкоторые, слыша ученіе, противное ихъ чувственности, и непостигая его своимъ помраченнымъ страстями умомъ, говорили: *жестоко есть слово сіе: и кто можетъ исполнить его* (Іоан. 6, 60). Не кажется ли кому и изъ насъ, братія, жестокою и неестественною возвѣщенная нынѣшнимъ Евангеліемъ заповѣдь любить враговъ нашихъ, любить тѣхъ людей, которые вредятъ нашему счастію, нашему спокойствію, нашимъ выгодамъ?.. Можетъ быть духъ міра, заразившій умы и сердца наши, не позволяетъ вполнѣ обнять высокаго Евангельскаго ученія о любви ко врагамъ: то располо-

жимъ себя къ оному краткимъ размышленіемъ, основаннымъ на истинномъ смыслѣ и разумѣніи Слова Божія, о томъ, наносятъ ли намъ истинный вредъ враги наши, и потому можемъ ли мы, не нарушая справедливости, питать къ нимъ ненависть?

Мы, какъ христіане, которыхъ образъ жизни не долженъ имѣть ничего общаго съ образомъ жизни людей, не слѣдующихъ закону Христову, которыхъ потому и взглядъ на дѣйствія людей долженъ быть иной, мы не должны взирать на враждующихъ противъ насъ собратій нашихъ, какъ на враговъ, достойныхъ ненависти. Ибо что такое врагъ въ полномъ значеніи слова? Истинный врагъ не тотъ, кто, питая ненависть къ намъ, основанную на ошибочномъ движеніи сердца, вредитъ нашимъ временнымъ выгодамъ, похищаетъ у насъ такія блага, лишеніе которыхъ не составляетъ для христіанина истиннаго несчастія: но врагъ тотъ, кто по самому свойству природы своей всегда и во всякое время ищетъ нашей гибели, гибели не временной, но вѣчной, кто лишаетъ насъ сокровищъ, ничѣмъ не вознаградимыхъ, безъ коихъ вся жизнь наша теряетъ цѣль свою, лишаетъ насъ вѣры и добродѣтели и тѣмъ навсегда преграждаетъ путь въ животъ вѣчный. Кто же такого рода враги? Это не люди, братія, ибо они вредятъ только земнымъ нашимъ выгодамъ и, имѣя возможность погубить наше тѣло, никакого зла не могутъ нанести нашей душѣ. Погубляютъ же душу нашу соблазны міра, плоть наша, а паче діаволъ. Соблазны міра, прельщая прелестями наши чувства, развращаютъ сердце; плоть наша, всегда стремясь къ порабощенію духа, при малѣйшемъ его ослабленіи дѣлаетъ его рабомъ своихъ вожделѣній; а діаволъ... *онъ человѣкоубійца искони*, потому возможно ли выразить всѣ тѣ средства, какія онъ употребляетъ къ погубленію христіанина? Совокупныя дѣйствія сихъ враговъ нашихъ наносятъ ужасный вредъ всему христіанству. Если между христіанами усматриваемъ или невѣріе, или развратъ, или охлажденіе къ обязанностямъ своимъ, или уныніе духа, или пристрастіе къ земнымъ благамъ и пренебреженіе къ небеснымъ, словомъ, если видимъ между христіанами недостойныхъ христіанъ: то

это плоды тѣхъ усилій, какія употребляютъ истинные враги наши, т. е. соблазны міра, плоть и діаволъ. Къ симъ то врагамъ не только не воспрещается, но повелѣвается питать ненависть и имѣть съ ними непрестанную брань, ибо этихъ враговъ ничѣмъ инымъ нельзя примирить, какъ совершенною покорностію, а покориться имъ значитъ творить ихъ волю, воля же ихъ есть наша вѣчная погибель, погибель нашей души. Потому Спаситель, зная силу и злобу сихъ нашихъ враговъ, а наше безсиліе въ духовной брани съ ними, указуетъ и орудія, коими можемъ разить и побѣждать ихъ (1 Петр. 5).

Но люди, враждущіе противъ насъ, братія, суть враги слабые и достойные болѣе сожалѣнія, нежели ненависти. По злобному расположенію своего сердца они стремятся отравить счастіе ближняго; но не примѣчаютъ сами, что зло, наносимое ими другимъ, обращается на главу ихъ, что, лишая другихъ радостей земныхъ, они затворяютъ для себя входъ въ вѣчное жилище радостей небесныхъ. Такіе враги *не вѣдятъ бо что творятъ* (Лук. 23, 34). Конечно они нерѣдко заставляютъ другихъ проливать горькія слезы; но эти слезы пагубны только для обидѣвшаго, ибо обращаютъ на него гнѣвъ Бога, Который есть отмститель злымъ, а для обиженнаго слезы суть вода, омывающая его душу отъ нечистотъ, суть бальзамъ, врачующій его язвы грѣховныя. Христіанинъ, который уповаетъ, что безъ воли Божій и власъ главы его не погибаетъ, видитъ во всѣхъ злоключеніяхъ своихъ руку Божію, или наказующую его за прегрѣшенія, или исцѣляющую его отъ пристрастій мірскихъ, а потому на тѣ скорби, какія напосятъ ему враги его, взираетъ не какъ на дѣйствія своихъ враговъ, но какъ на отеческія вразумленія Господа, Который, по непостижимому Своему промыслу, самое зло, произвольно человѣкомъ содѣваемое, обращаетъ на пользу своихъ избранныхъ. Потому должны ли мы питать ненависть къ тѣмъ, Которые въ Своемъ ослѣпленіи силятся нанести намъ зло, но напротивъ воли своей самымъ зломъ доставляютъ пользу? Нѣтъ, съ нашей стороны нѣтъ никакой причины ненавидѣть ихъ, напротивъ все побуждаетъ сожалѣть объ ожесточеніи ихъ сердецъ, столь пагубномъ для нихъ самихъ.

Такъ, несчастные брати наши, зараженные злобою къ намъ, достойны сожалѣнія христіанскихъ сердецъ. ибо они дѣти одного съ нами небеснаго Отца и чада Церкви Божіей, но по своему неразумію совратились съ истиннаго пути, преслушали святой законъ Христовъ, приписывающій милость, любовь и правду, и обратили свои сердца къ злобѣ, столь гибельной для нихъ самихъ. Но сожалѣніе наше къ нимъ не должно ограничиваться одними словами, ибо слова, не выражающіяся на дѣлѣ, суть *яко мѣдь звенящи или кимвалъ звяцаяй* (1 Кор. 13, 1); мы должны употреблять всѣ мѣры, чтобы смягчить ихъ сердца, умилить ихъ злобу и тѣмъ совратить ихъ съ гибельнаго пути. Какими же средствами можно достигнуть сего? Единое средство предписываетъ законъ Христовъ: любовь. *Благимъ побѣждай злое* (Рим. 12, 21), говоритъ слово Божіе, и мы должны на ненависть враговъ нашихъ отвѣчать любовію, на ихъ хуленія благословеніями, на ихъ оскорбленія благотвореніями. Не каменное сердце имѣетъ врагъ нашъ, и любовь наша къ нему рано или поздно смягчитъ его. Тогда какая будетъ радость для насъ, что избавили отъ вѣчной гибели брата своего! Какая благодарность будетъ отъ него, что своею любовію просвѣтили его очи, омраченныя злобою! Какая слава намъ отъ Бога, что своимъ самоотверженіемъ возвратили Ему овцу погибшую!

И такъ враги наши достойны не ненависти нашей, а сожалѣнія. Потому Евангельское ученіе любить враговъ нашихъ недолжно христіанину казаться ни жестокимъ, ни неестественнымъ, а напротивъ должно быть имъ исполняемо со всею ревностію, ибо оно предписываетъ такіе подвиги, которые болѣе всего приличествуютъ христіанину и доставляютъ ему вѣнецъ нетлѣнія. Слово Божіе научаетъ, что любовь есть основаніе нашего спасенія, что на любви *весь законъ и пророцы висятъ* (Матѳ. 22, 40), что безъ любви ни вѣра, ни дары пророчества и чудотворенія ничего не значатъ предъ очами Божіими (1 Кор. 13 2); что любовь къ Богу неиначе свидѣтельствуется какъ любовію къ ближнему (1 Іоан. 4, 20). Оно же увѣряетъ, что не ко всякому изъ ближнихъ оказываемая нами любовь

имѣетъ одинаковое достоинство: *аще любите любящыя вы*, (Лук. 6, 32). говоритъ Христосъ, какъ повѣствуетъ нынѣ чтенное Евангеліе, *кая вамъ благодать есть, ибо и грѣшницы ихъ любятъ, и аще благотворите благотворящимъ вамъ, кая вамъ благодать есть, ибо и грѣшницы тожде творятъ* (Лук. 6. 33), и далѣе продолжаетъ: *обаче любите враги ваша и благотворите ничесоже чающе, и будетъ мзда ваша многа и будете сынове Вышняго* (Лук. 6, 35). Не ясно ли изъ сего видимъ, что любовь ко врагамъ есть вѣнецъ любви. есть непремѣнный признакъ той чистой христіанской любви, которая поставляется Спасителемъ превыше всѣхъ добродѣтелей и которая есть образъ и подобіе всесовершеннѣйшей любви Того, Кто молился на крестѣ за Своихъ мучителей. Потому тѣ, которые питаютъ ее въ своемъ сердцѣ, по не ложному обѣщанію Божію, получатъ величайшую мзду на небесѣхъ и усыновятся Богу.

Будемъ же, по слову и примѣру Спасителя, *любить враговъ нашихъ, добро творить ненавидящимъ насъ, благословлять клянущихъ насъ и молиться за творящихъ намъ обиды* (Лук. 6, 28), и такимъ образомъ исполнимъ самую высочайшую и совершеннѣйшую заповѣдь Закона Христова! При семъ да не подумаетъ кто, что любовь наша ко врагамъ послужитъ причиною навсегда торжествовать злу надъ добромъ. Любовь наша или смягчитъ злобу враговъ и обратитъ ихъ миру и любви, или въ противномъ случаѣ низведетъ страшный гнѣвъ Божій на жестокосердыхъ: *аще алчетъ врагъ твой* (Прит. 25, 21), говоритъ слово Божіе, *ухльби его, аще-ли жаждетъ, напой его: сіе бо творя, угліе огненное собираеши на главу его, Господь же воздастъ тебѣ благая* (Прит. 25, 22). Аминь.

Въ 20-ю недѣлю по пятдесятницѣ.

Се изношаху умерша: сына единородна матери своей: и та бѣ вдова, и народъ отъ града многъ съ нею. (Лук. 7, 12).

Сколь было плачевно состояніе Наинской вдовы, погребавшей единороднаго сына своего, единственную утѣху и радость своей жизни! Конечно, многіе изъ сопутствовавшихъ ей соболѣзновали о ней и утѣшали ее; но, увы, что значатъ утѣшенія людей въ такого рода скорбяхъ? Но вотъ встрѣчаетъ ее Всемогущій Утѣшитель-Господь, Онъ милосердуетъ о ней, отираетъ ея слезы словомъ—*не плачи* (Лук. 7, 13) и воскрешаетъ ея сына: *юноше, тебѣ глаголю, востани* (Лук. 7, 14). И за минуту несчастнѣйшая изъ матерей становится счастливѣйшею; ея вопли отчаянія замѣняются радостными восторгами, ея плачь и стенанія смѣняются слезами благодаренія и славословія! Самые свидѣтели сего чуда восторженно славятъ величіе дѣлъ Божіихъ!

Сія, нынѣ чтенная, Евангельская исторія невольно возбуждаетъ, братія, въ насъ самихъ вопросъ: кто насъ утѣшитъ въ подобнаго рода скорбяхъ? Кто намъ возвратитъ умершихъ нашихъ дѣтей? Ибо не непрестанно-ли неумолимая смерть похищаетъ самыхъ добрыхъ, самыхъ кроткихъ дѣтей? Не непрестанно ли слышатся вопли и стенанія родителей, ввергнутыхъ въ горесть и отчаяніе смертною разлукою съ нѣжно любимыми дѣтьми? Кто отретъ ихъ слезы горести, кто утѣшитъ ихъ въ снѣдающей ихъ сердце скорби? О! Онъ же Спаситель и Господь нашъ! Хотя Онъ не присутствуетъ видимымъ образомъ между нами: но Онъ, Преблагій, Премилосердый, оставилъ намъ въ наслѣдіе духовное врачевство противу всякой скорби: Онъ просвѣтилъ насъ вѣрою, и вѣра наша, при смерти любезныхъ нашему сердцу,—отрадное утѣшеніе и величайшее успокоеніе!

Вѣра наша открываетъ намъ, что *Самъ Богъ даетъ всѣмъ животъ и дыханіе* (Дѣян. 17, 25), что *о Немъ живемъ и дви-*

жемся и есмы (Дѣян. 17, 28), что Онъ *мертвитъ и живитъ* (1 Цар. 2, 6), и что *ни едина отъ птицъ падетъ на земли безъ Отца нашего, намъ же и власи главніи вси изочтены суть* (Мато. 10, 29, 30).—А если таково промышленіе Божіе о насъ, если жизнь и смерть наша всесовершенно зависятъ отъ воли Божіей: то уже это одно не должно ли ослабить, утишить горесть родителей въ потерѣ дѣтей? Невѣрующій или маловѣрный, въ такой потерѣ, обыкновенно ропщетъ или на случай, подвергшій смертельной болѣзни, или на неискуство врача, непостигшаго болѣзни, и, тѣмъ поставляя горестную свою потерю въ зависимость отъ людей, растравляетъ болѣе и болѣе раны скорбнаго своего сердца. Вѣрующій христіанинъ твердо знаетъ, что никакой случай, никакая болѣзнь не повергли бы во гробъ близкаго его сердцу, если бы не было на это воли Божіей, и въ этой увѣренности находитъ отрадное утѣшеніе. Ибо Господь Богъ не милосердый ли Отецъ нашъ? Не любитъ ли Онъ насъ болѣе, нежели мы любимъ дѣтей своихъ, или любятъ насъ родители наши? Не *благъ ли* Онъ не только къ добрымъ и благопокорнымъ Ему, но и *къ неблагодарнымъ и злымъ* (Лук. 6, 35)? Слѣдовательно не все ли, что творится по Его волѣ, клонится къ нашему добру, къ нашей пользѣ? Мы часто не усматриваемъ мудрой и благодѣтельной цѣли, по которой Богъ отнимаетъ у насъ близкихъ намъ; но должно ли это смущать насъ? Ужели мы можемъ подумать, что Онъ взялъ отъ насъ драгоцѣнное намъ для того только, чтобъ нанесть рану нашему сердцу, чтобъ предать насъ въ жертву слезамъ и горести? Вѣра наша отвергаетъ такое суемысліе и располагаетъ насъ къ другимъ размышленіямъ о цѣляхъ, по которымъ посылаетъ Господь смерть на нашихъ дѣтей, размышленіямъ, сколько утѣшительнымъ для насъ, столько же и согласнымъ съ мудростью и благостью Божіею!

Есть въ мірѣ люди, которые хотя живутъ и долго, но что за жизнь ихъ? Однихъ поражаетъ тяжкая, но продолжительная болѣзнь. Что это за несчастнѣйшее состояніе! Другіе и пользуются здоровьемъ, но на каждомъ шагу своей дѣятельности испыты-

ваютъ неудачи, подвергаются всякаго рода бѣдствіямъ и лишеніямъ и всю жизнь влачатъ въ нищетѣ. Такая ли жизнь, какъ жизнь сихъ несчастныхъ, можетъ быть желательна? Не каждый ли новый день ихъ земнаго существованія ужасаетъ ихъ продолженіемъ страданія и скорбей? Не каждый ли прошедшій день благословляется ими за то, что приближаетъ ихъ къ смерти? Что если бы милосердый Богъ благоволилъ открыть кому либо изъ родителей, что умершіе сынъ его или дочь въ жизни имѣли бы плачевную участь, стѣная на одрѣ продолжительной мучительной болѣзни или претерпѣвая нищету при всѣхъ другихъ несчастіяхъ? Ужели и тогда продолжалъ бы родитель оплакивать смерть своего дитяти? Напротивъ, не сталъ ли бы благодарить Господа, какъ за особую милость, что Онъ избавилъ отъ такой несчастной жизни его усопшаго сына или дочь? А можетъ быть и многихъ изъ тѣхъ дѣтей, которые умерли, ожидали въ жизни горькія страданія, и потому Господь, преждевременною смертью ихъ, оказалъ неизрѣченное милосердіе Свое и къ дѣтямъ и къ родителямъ, избавивъ первыхъ отъ долговременныхъ бѣдствій, а послѣднихъ отъ тяжкихъ скорбей, которыя наводила бы на нихъ участь дѣтей!

Но не столько возможность временныхъ бѣдствій для дѣтей должна утѣшать родителей въ утратѣ ихъ, сколько возможность имъ, съ продолженіемъ жизни, потерять и вѣру, и добродѣтель, и надежду на вѣчное спасеніе. Не могло ли случиться, что тотъ, кого смерть мы оплакиваемъ, въ жизни впалъ бы въ тяжкія преступленія и сдѣлался позоромъ для своего семейства, а себѣ приготовилъ бы вѣчную погибель? Противъ такой возможности обыкновенно возстаетъ родительская любовь. «Какъ можетъ быть», возражаютъ родители, «чтобы, съ такими прекрасными способностями ума и качествами сердца, при данномъ нами направленіи, нашъ сынъ или дочь уклонились въ порочную жизнь?» О, кто можетъ поручиться за это! Иногда сама родительская любовь преступаетъ границы благоразумія и посѣваетъ въ юныя сердца дѣтей сѣмена нравственной порчи. А множество опытовъ не безпрестанно-ли доказы-

ваютъ слабость и непостоянство сердца человѣческаго? Соблазны міра, худые примѣры нерѣдко увлекаютъ на путь порока людей съ самыми прекрасными свойствами. Какимъ былъ Соломонъ въ юныхъ лѣтахъ? По мудрости, которую Богъ ему даровалъ, не было, ни прежде, ни послѣ его, равнаго ему. По благочестію своему онъ воздвигъ великолѣпный храмъ Господу Богу. Но чѣмъ сдѣлался тотъ же Соломонъ въ послѣдствіи? Сначала впалъ въ плотоугодіе, а потомъ въ идолопоклонство (3 Цар. 11, 2—5).—А если такъ могутъ падать лучшіе и умнѣйшіе люди: то можемъ ли мы утверждать, что сего не могло бы случиться съ тѣми дѣтьми, коихъ Господь воззвалъ къ Себѣ? О, какъ не утѣшиться родителямъ, вручившимъ дѣтей своихъ Богу чистыми по душѣ, дѣтей, кои немного жили въ семъ мірѣ, но зато сохранили сердце свое отъ грѣховной заразы, кои мало испытали земныхъ радостей, за то наслаждаются неизреченными небесными радостями! Какъ не утѣшиться и не возблагодарить Господа Бога, Который въ самомъ, по видимому, тяжкомъ испытаніи являетъ величайшее милосердіе!

Но кромѣ сихъ утѣшеній наша святая и спасительная вѣра доставляетъ скорбящимъ родителямъ новое утѣшеніе, возвѣщая: что ихъ разлука съ умершими дѣтьми не вѣчная, а временная, что они, по смерти своей, увидятся съ ними снова, и тогда уже будутъ неразлучны. *О умершихъ да не скорбите* (1 Солун. 4, 13), увѣщеваетъ св. Апостолъ, *якоже и прочіи неимущіи упованія* (1 Солун. 4, 13); *мертвіи о Христѣ* и *живущіи оставшіи купно восхищены будемъ на облацѣхъ въ срѣтеніе Господне на воздусѣ, и тако всегда съ Господемъ будемъ* (1 Солун. 4, 16 17).—О сколько утѣшенія въ семъ свидѣтельствѣ нашей вѣры для скорбящихъ о разлукѣ съ любезными ихъ сердцу! Наша жизнь скоро протечетъ, и тогда наступитъ свиданіе съ прежде отшедшими, свиданіе, тѣмъ болѣе радостное, чѣмъ больше была наша взаимная любовь, и чѣмъ сильнѣе поразила насъ временная разлука другъ съ другомъ! И свиданіе это будетъ не на краткое время, но на всю безконечную вѣчность. Какое отраднѣйшее утѣшеніе для родителей въ потерѣ ими дѣтей! Если они истинно любятъ ихъ,

то конечно отъ всей души желаютъ соединиться съ ними въ вѣчности, а въ этомъ несомнѣнно утверждаетъ ихъ спасительная вѣра.

Конечно вѣра говоритъ также, что въ будущей жизни между праведниками и грѣшниками воздвигнется вѣчное средостѣніе, и въ примѣръ представляетъ Лазаря на лонѣ Авраама и богатаго, который явился тамъ *сый въ мукахъ* (Лук. 16, 23). Но здѣсь-то родители и должны показать всю свою любовь къ умершимъ дѣтямъ, должны устремить всю волю свою, употребить всѣ средства, милосердіемъ Божіимъ намъ дарованныя, чтобы не быть разлученными въ вѣчности съ своими дѣтьми, коихъ наслѣдіе, по непреложному обѣщанію Господа, *есть царствіе Божіе* (Лук. 18, 16). Спаситель говоритъ: *аще не обратитеся и будете яко дѣти, не внидите въ царствіе Небесное* (Мато. 18, 3). Вотъ, сколь спасительное, столь же и пріятное, наставленіе родителямъ, потерявшимъ любезныхъ своихъ дѣтей! Пусть они усвоятъ себѣ тѣ свойства дѣтей, которыми такъ плѣнялись при ихъ жизни; пусть пріобрѣтутъ кротость, незлобіе и чистоту ихъ сердца, невинность ихъ помысловъ, безкорыстіе ихъ желаній, теплую не лестную любовь къ ближнимъ: и сіи свойства, при тѣхъ средствахъ, которыя дарованы намъ заслугами Спасителя нашего, на вѣки соединятъ ихъ съ милыми ихъ дѣтьми въ обителяхъ небесныхъ, въ сообществѣ святыхъ, при лицѣ Самаго Господа, среди нескончаемой радости!

Таковы, братія, утѣшенія нашей спасительной вѣры для тѣхъ, кои лишились любимыхъ дѣтей! Онѣ проливаютъ цѣлительный бальзамъ въ изъязвленное скорбію сердце, вдыхаютъ въ унылую душу отраду и успокоеніе и въ постигшемъ насъ несчастіи заставляютъ видѣть не гнѣвъ, а милосердіе и любовь Божію.—Возблагодаримъ же Всемилосердаго Господа, приведшаго насъ во свѣтъ святой и всеутѣшительной вѣры, которая всегда и во всѣхъ болѣзняхъ нашего сердца подаетъ намъ спасительное врачевство! Аминь.

Въ 21-ю недѣлю по пятдесятницѣ.

Сѣмя есть слово Божіе (Лук. 8, 11).

Въ нынѣшнемъ Евангеліи представлена притча о дѣйствіи слова Божія на сердце человѣческое, самимъ Спасителемъ нашимъ изложенная и изъясненная. По изъясненію сей притчи приводятся три причины недѣйствительности слова Божія на человѣка: во первыхъ разсѣянность наша, пользуясь которою, всегдашній нашъ врагъ-діаволъ погашаетъ всякое доброе наше начинаніе; во вторыхъ жестокость сердца нашего и безчувственность къ собственному спасенію не даютъ укорениться въ насъ ничему доброму; наконецъ въ третьихъ заботы наши о дѣлахъ житейскихъ заглушаютъ главнѣйшую заботу о вѣчномъ спасеніи. Въ сихъ трехъ причинахъ всякій изъ насъ непремѣнно найдетъ причину собственной своей малоплодности и скудости въ дѣлахъ благочестія. Ибо надобно сознаться, и сознаться не безъ укора для себя, что немногіхъ сердца, пріемля слово Божіе, возращаютъ и укрѣпляютъ его въ древо великое вѣры и добродѣтели, а большая часть серденъ, — какъ неудобренная, каменистая и тернистая земля, не доставляя нужнаго питанія сѣмени Слова Божія, не возращаютъ его и остаются безплодными.

Да обратитъ всякій изъ насъ, братія, вниманіе на безплодное состояніе своего сердца: состояніе это грозитъ гибелью. Но можетъ быть кто возразитъ на это, что сѣятель прежде, нежели посѣетъ сѣмя, удобряетъ землю и дѣлаетъ ее способною къ плодородію. Такъ. Но развѣ Сѣятель Слова Божія Іисусъ Христосъ оставилъ наши сердца безъ удобренія? Развѣ Онъ не употребилъ и не употребляетъ всѣхъ мудрыхъ и спасительныхъ средствъ къ оплодотворенію нашего падшаго естества? А для чего всѣ святѣйшія таинства, къ которымъ мы приступаемъ? Для чего въ Христовой Церкви совершилось и совершается столько чудесъ? Для чего посѣщаетъ Господь насъ по временамъ бѣдствіями и лишеніями? Для чего устроены са-

мые храмы и совершаются въ нихъ моленія и пѣснопѣнія? Самыя сіи святыя изображенія для чего? Все для того, чтобъ умягчить, удобрить, оплодотворить наши сердца, содѣлать ихъ способными къ принятію, возращенію и укрѣпленію Слова Божія! Ужели сего недостаточно со стороны Божественнаго Сѣятеля, Іисуса Христа? О весьма достаточно! Многія тысячи христіанскихъ подвижниковъ принесли обильнѣйшіе плоды посѣяннаго въ нихъ Слова Божія и за это удостоены высшихъ, небесныхъ вѣнцевъ! А если не на всѣ сердца равно дѣйствуютъ такія попеченія Божіи, и многіе остаются въ состояніи дикости и неудобопріемлемости, то этому сами люди причиною. Ихъ безумная разсѣянность, которой ничто не можетъ оправдать, ихъ ожесточенность, которой не умягчаетъ представленіе самой геенны, ихъ суетное исканіе благъ, котораго не можетъ истребить постоянная обманчивость, противятся всѣмъ спасительнымъ средствамъ Божіимъ и Его Святой Церкви къ оплодотворенію ихъ сердецъ. Потому состояніе таковыхъ людей-самое опасное, самое близкое къ вѣчной гибели. Вотъ что изрекаетъ къ нимъ премудрость Божія: *земля, пившая сходящій на ню многищею дождь, а раждающая терніе и волчецъ, непотребна есть и клятвы близъ, ея же кончина въ пожженіе* (Евр. 6, 7,8). Убоимся, братіе, такого гибельнаго состоянія! Престанемъ уподобляться дикой, безплодной землѣ! Съ нашей стороны потребуется только то, чтобъ не убѣгать водительства Божія и съ довѣренностью пользоваться всѣми средствами, предлагаемыми Богомъ къ нашему спасенію: остальное все совершитъ Господь Своею вседѣйствующею благодатію и содѣлаетъ наши сердца способными не только къ возращенію въ нихъ сѣмени Слова Божія, но и къ водворенію въ нихъ самаго Господа. А въ какомъ сердцѣ Господь обитаетъ, въ томъ обитаютъ и миръ, и радость, и счастіе, и блаженство! Аминь.

Въ 22-ю недѣлю по пятдесятницѣ.

Имамъ бо пять братій, яко да засвидѣтельствуетъ имъ, да не и тіи пріидутъ на мѣсто сіе мученія. (Лук. 16, 28).

Значитъ любовь къ ближнимъ и заботы о нихъ не кончаются съ нашею жизнію? Значитъ смерть не разрываетъ сердечныхъ нашихъ привязанностей къ нашимъ кровнымъ? Евангеліе, представляя несчастнѣйшее состояніе богача во адѣ, повѣствуетъ, что среди ужасныхъ адскихъ мученій, онъ мучился еще судьбою своихъ братьевъ, оставшихся въ живыхъ. Чтожъ увеличивало его муки? Не оставилъ ли онъ ихъ въ бѣдности и нищетѣ? Нѣтъ, напротивъ, безпокоился о томъ, что братья его, имѣя всю возможность, подобно ему, облачаться въ порфиру и виссонъ и веселиться на вся дни свѣтло, не помыслятъ о спасеніи души своей, и за это, подобно же ему, подвергнутся вѣчному мученію. Итакъ богачъ мучился въ аду мыслію о томъ что братья его погибнутъ отъ богатства.

Какой урокъ для тѣхъ родителей, кои всю жизнь свою проводятъ въ непрестанныхъ заботахъ о томъ, чтобъ оставить своимъ дѣтямъ богатое наслѣдство, и тѣмъ, кои думаютъ, какъ-бы осчастливить ихъ! Несчастные! они думаютъ умереть спокойно потому, что ихъ дѣти будутъ избавлены отъ бѣдности, думаютъ, что вполнѣ исполнили лежащій на нихъ долгъ въ отношеніи къ дѣтямъ; а нынѣшнее Евангеліе увѣряетъ, что спокойствіе ихъ ненадолго, что заботы ихъ были суетны, что только одинъ шагъ за предѣлы сего міра, какъ они будутъ раскаяваться въ томъ, что оставили дѣтямъ своимъ богатство, не пріучивъ ихъ чтить свято заповѣди Божіи и любить добро. Кому изъ насъ, братія, не дорого благополучіе дѣтей нашихъ? Потому, по указанію нынѣ чтеннаго Евангелія, напомнимъ себѣ кратко ту истину, что сколько бы кто ни оставилъ временныхъ благъ въ наслѣдство своимъ дѣтямъ, не доставитъ этимъ истинной имъ пользы, если они не будутъ утверждены въ правилахъ вѣры и добродѣтели.

Мы всѣ желаемъ отъ всего сердца своимъ дѣтямъ добра и во времени и въ вѣчности. Въ этомъ руководствуемся врожденною всякому отъ природы любовію къ своимъ дѣтямъ. Но будетъ ли истинною родительская любовь тѣхъ, которые малолѣтнимъ своимъ дѣтямъ даютъ для увеселенія орудія, коими сіи могутъ нанести себѣ смерть или увѣчье? Равнымъ образомъ, истинною ли любовью руководствуются и тѣ родители, кои, оставя на произволъ душевныя качества своихъ дѣтей, не заботясь о развитіи ихъ способностей по духу Христова ученія, всѣ средства употребляютъ, чтобъ приготовить имъ богатое наслѣдство? Нужно ли доказывать, что любовь таковыхъ родителей, по своимъ слѣдствіямъ, весьма сходна съ недоброжелательствомъ, когда непрестанные примѣры подтверждаютъ это? Какъ нерѣдко случается слышать, что такой-то богатый наслѣдникъ расточилъ все свое наслѣдство, что, обѣднѣвъ и непривыкнувъ къ честному труду, а между тѣмъ пріучивъ себя ко всѣмъ излишествамъ богатства, впалъ въ преступленія! Этого-ли желалъ несчастный отецъ своему сыну, оставляя ему съ такими трудами скопленное имѣніе? Но онъ самъ причиною его несчастія. Вмѣсто того, чтобы скоплять сыну богатое наслѣдство, онъ долженъ, былъ бы употребить все стараніе образовать его умъ и сердце, внушить ему любовь къ добродѣтели, пріучить его къ честному труду; тогда пусть бы остался сынъ его бѣднымъ, онъ пропиталъ бы себя трудами своими и пребылъ добрымъ христіаниномъ, а теперь богатое наслѣдство только его развратило и, пріучивъ къ роскоши, заставило для удовлетворенія ей обратиться къ недозволеннымъ средствамъ, а чрезъ то погубило и во времени и въ вѣчности.

Конечно, оставляя дѣтямъ своимъ наслѣдство, никто не предполагаетъ, что они расточатъ его. Но чего нельзя ожидать отъ тѣхъ дѣтей, воспитаніе коихъ не основано на законѣ Христовомъ? Притомъ, много ли существенной пользы для таковыхъ дѣтей, если они и сохраняютъ въ цѣлости отцовское наслѣдіе и даже увеличиваютъ оное? Имѣя сердце, чуждое христіанской благотворительности, они богатство свое дѣлаютъ непреодолимымъ препятствіемъ къ достиженію Царства Небес-

наго. Надъ ними вполнѣ исполняются слова Евангелія: *Удобѣе есть вельбуду сквозь иглинѣ уши проити, неже богату въ царствіе Божіе внити* (Лук. 18, 25); ибо попеченія о сохраненіи и увеличеніи богатства не допускаютъ имъ никакой заботы о своемъ вѣчномъ спасеніи. О, сколь ошибаются тѣ родители, кои, по слѣпой своей любви къ дѣтямъ, однимъ богатствомъ думаютъ осчастливить ихъ!

Не менѣе того ошибаются и тѣ родители, которые для счастія дѣтей, взамѣнъ богатства, стараются дать имъ блестящее по духу міра образованіе, не утвердивъ ихъ предварительно въ правилахъ вѣры и добродѣтели. Ибо въ какихъ умахъ рождаются софизмы, разливающіе вольномысліе, какъ не въ тѣхъ, кои, не бывъ освѣщены свѣтомъ Откровенія Божія, мнятъ быть сами свѣтильниками? Кто не находитъ ни въ чемъ довольства, не видитъ порядка, не чувствуетъ пользы, и такимъ образомъ отпечатлѣваетъ на всемъ его окружающемъ свой внутренній безпорядокъ, какъ не тотъ, кто въ надменіи своего ума мнитъ быть мудрѣйшимъ изъ людей? Кто дерзаетъ посмѣваться надъ чистотою христіанскихъ нравовъ, подвергать презрѣнію отеческія преданія, какъ не тотъ, кто почерпалъ мудрость не изъ чистаго источника Божественнаго закона, а изъ мутнаго кладезя лжеименнаго разума? Потому берегитесь, родители, давать высокое образованіе своимъ дѣтямъ, не вселивъ прежде въ сердца ихъ страха Божія и любви къ добродѣтели: высокое образованіе, безъ страха Божія и любви къ добру, есть гибельнѣйшее орудіе къ потрясенію благосостоянія цѣлыхъ обществъ.

Истинное наслѣдство для дѣтей есть ихъ христіанское воспитаніе. Если какіе родители поучаютъ своихъ дѣтей съ самыхъ младыхъ лѣтъ страху Божію, наставляютъ словомъ и примѣромъ въ законѣ Господнемъ, вселяютъ въ ихъ юныя и ко всему способныя сердца любовь къ добродѣтели, ненависть къ пороку, состраданіе къ бѣдности; пріучая ихъ къ трудолюбію, внушаютъ, что они болѣе всего обязаны работать Господу: тѣ родители оставляютъ своимъ дѣтямъ дра-

гоцѣннѣйшее наслѣдство. Такіе родители не должны ужасаться смерти: ихъ праха ничто не потревожитъ, и память ихъ для дѣтей останется навсегда священною, въ богатствѣ ли, или въ бѣдности они останутся, съ высокимъ-ли образованіемъ, или въ простотѣ христіанскаго наученія. Ибо богатство для нихъ не будетъ служить препятствіемъ къ достиженію Царства Небеснаго: наученные закону Господню, они и будутъ по оному поступать съ богатствомъ, какъ мудрые домоправители Господа, раздавая неимущимъ житомѣріе (Лук. 12, 42); бѣдность ихъ не приведетъ въ отчаяніе, ибо честный трудъ имъ не покажется тяжелымъ и низкимъ; съ высокимъ образованіемъ они не возмечтаютъ о себѣ излишне, но, подчиняясь уму Божію, будутъ употреблять свои способности къ славѣ Божіей и пользѣ ближнихъ; если же останутся и безъ образованія въ простотѣ вѣры и святости дѣлъ неуклонно достигнуть блаженной вѣчности. Вотъ неоцѣненная польза отъ того наслѣдства, которое должны стараться оставить своимъ дѣтямъ всѣ христіанскіе родители!

Потому, братія, если кто желаетъ истиннаго добра своимъ дѣтямъ, и не на короткое время, не на одну временную жизнь, но на цѣлую вѣчность: тотъ прилагай все усильное стараніе не о томъ, чтобы дѣтямъ оставить богатство, или дать высокое образованіе, но о томъ, чтобы воспитать ихъ, какъ христіанскихъ дѣтей, готовящихся для служенія не одному здѣшнему міру, но и самому Царю Царствующихъ и Господу Господствующихъ въ вѣчномъ Царствѣ Славы. Господь повелѣлъ всѣмъ христіанамъ искать прежде всего Царствія Божія и правды его, а о благахъ міра сказалъ, что они приложатся къ тому. Памятуя сію заповѣдь Господа, мы должны прилагать все стараніе, чтобъ наши дѣти были достойными наслѣдовать Царство Небесное, и дозволить себѣ заботу о доставленіи имъ временныхъ благъ тогда только, когда будемъ увѣрены, что дѣти наши будутъ идти неуклонно путемъ Господнимъ. Аминь.

Въ 23-ю недѣлю по пятдесятницѣ.

Ев. Лук., зач 38.

Нынѣшнее Евангеліе представляетъ намъ, что чудо, совершенное Господомъ въ Гадаринской странѣ, произвело два совершенно противоположныя одно другому чувствованія въ Гадаринцахъ. Исцѣленный отъ бѣснованія Господомъ умоляетъ Его, чтобы Онъ позволилъ ему всюду находиться при Немъ; напротивъ прочіе умоляютъ Его, чтобы Онъ скорѣе оставилъ ихъ страну.

Что было, братія, причиною того, что одно и тоже чудо родило такія противоположныя желанія? Ясно, что тяжкія мученія одного обратили его на путь истинный; напротивъ счастіе и здоровье другихъ удержали ихъ на прежнемъ пути суеты житейской.

Можетъ ли кто послѣ этого роптать на Господа за то, что онъ подвергается скорбямъ и несчастіямъ. Если бы не скорби, что мы были бы? Если и среди скорбей мы такъ любимъ суету и такъ часто предаемся ей, то безъ скорбей мы утратили бы всякое чувство добра. Если и при скорбяхъ мы такъ любимъ возноситься предъ другими и мечтать о себѣ высоко, то безъ скорбей мы дерзнули бы попирать погами всѣхъ и все. Если при скорбяхъ мы такъ лѣностны въ молитвѣ, такъ не спѣшны на славославіе Божіе, то безъ скорбей мы забыли бы Бога, забыли бы то, что счастіе, здоровье и другія блага суть дары Божіи.

Потому скорби, посылаемыя на насъ, суть тѣ благодѣтельныя средства, которыя употребляетъ Господь, какъ попечительнѣйшій Отецъ, для нашей душевной пользы, для нашего спасенія. Какой отецъ не любитъ своихъ дѣтей? Но не эта же ли любовь родительская употребляетъ наказанія, чтобы чувствомъ болѣзни и скорби исправить дѣтей отъ слабостей и пороковъ и направить ихъ на путь добродѣтели? Тотъ отецъ, который не наказываетъ дѣтей за слабости и пороки, не любитъ ихъ, или, употребивъ всѣ средства къ исправленію и не видя онаго, отчаялся въ успѣхѣ и оставилъ ихъ въ жертву собст-

венныхъ страстей. Это же должно устрашать и всякаго счастливца. Если кто чуждъ скорбей, тотъ съ опасеніемъ долженъ взирать, не оставилъ ли Господь его самому себѣ? Не исчезла ли всякая надежда въ его исправленіи?

Слово Божіе увѣряетъ, что тѣ, которые достойнѣе и добродѣтельнѣе, тѣ особенно и посѣщаются скорбями, потому что Господь ихъ любитъ и объ нихъ печется; напротивъ явные грѣшники нерѣдко проводятъ жизнь въ счастіи и веселіи, потому что Господь вѣдаетъ, что всѣ средства къ ихъ исправленію безполезны. Слѣдовательно за скорби не роптать должно на Господа, а радоваться и благодарить Его. Это ясный признакъ того, что грѣхи наши не совершенно Его отвратили отъ насъ, что Онъ еще любитъ насъ, что имѣетъ надежду исправить насъ и обратить на путь правды.

Итакъ, братія, скорби не должны насъ устрашать, напротивъ должны обращать все вниманіе наше на свое исправленіе. Это средство къ нашему исправленію. Слѣдовательно вся наша забота должна быть объ томъ, чтобъ эти средства не остались безъ успѣха, чтобъ Господь, оскорбленный неоднократною безуспѣшностью своихъ попеченій, не оставилъ насъ безъ Своей помощи, безъ чего мы несомнѣнно погибнемъ. Особенно въ скорбяхъ болѣе всего нужно прибѣгать къ молитвѣ. Молитва успокоитъ волнующійся духъ и низведетъ благодать Божію, а благодать укажетъ намъ слабости и грѣхи наши, отъ которыхъ мы должны исправиться, и вразумитъ насъ дѣлать то, что есть благоугодно предъ Богомъ. Аминь.

Въ 24-ю недѣлю по пятдесятницѣ.

И дивистася родителіе ея: онъ же повелѣ имъ никому же повѣдати бывшаго. (Лук. 8, 56).

Нынѣшнее Евангеліе повѣствуетъ о двухъ великихъ чудесахъ, совершенныхъ Спасителемъ нашимъ. Кровоточивая жена, потратившая все имущество свое на излѣченіе отъ своей бо-

лѣзни. исцѣляется мгновенно чрезъ одно прикосновеніе къ краю ризъ Спасителя. Умершая двѣнадцатилѣтняя дочь Іаира, князя Іудейскаго сонмища, воскрешается Спасителемъ двумя словами: *отроковице, востани*. Могли ли сіи великія дѣла Спасителя не возбудить удивленія во всѣхъ свидѣтеляхъ ихъ? Могли ли родители воскрешенной дочери быть хладными зрителями и не славословить открыто Господа, оказавшаго имъ такую необычайную милость? Но Господь строго повелѣваетъ *никому же повѣдати бывшаго*. Для чего же это, братія? Ужели дивиться великимъ дѣламъ Божіимъ предосудительно? Ужели благодарность за благодѣянія должна сокрываться въ глубинѣ души? Нѣтъ; но Господь, убѣгая прославленія, имѣлъ цѣлью то, чтобы собственнымъ примѣромъ научить насъ смиренію и всѣми мѣрами убѣгать прославленія отъ другихъ, поелику слава порождаетъ гордость, возбуждаетъ тщеславіе, привязываетъ сердце къ суетѣ міра.

Но поступаемъ ли мы по примѣру Спасителя? Сокрываемъ ли отъ другихъ свои дѣла похвальныя, чтобы не заразиться ядомъ хвалы и лести? О, братія, братія, далеко не такъ ведемъ себя, какъ научалъ насъ Спаситель. Рѣдко намъ удается что-либо доброе сдѣлать, но когда сдѣлаемъ, не только не стараемся сокрыть добрыхъ дѣлъ втайнѣ и сохранить отъ людскаго похваленія. но даже стараемся, если нашихъ дѣлъ не замѣтили, выставить ихъ на видъ предъ другими для того, чтобы собрать отъ нихъ дань уваженія къ себѣ. Бываетъ даже хуже сего: сдѣлавши что-либо доброе, не изъ любви къ добру, а или по необходимой обязанности, или по чувству приличія, или даже по одному только тщеславію, мы стараемся представить свои дѣла предъ другими въ высокомъ свѣтѣ благотворенія и самопожертвованія, и такимъ образомъ за малое дѣло, за обыкновенный поступокъ ищемъ большаго и необыкновеннаго вознагражденія. Внимательно вслушиваясь въ наши бесѣды, мы найдемъ какое-то постоянное стремленіе — выставить себя въ особомъ свѣтѣ. По своей злой наклонности осуждая поступки другихъ, мы не опустимъ случая, какъ будто мимоходомъ, а между тѣмъ всегда съ намѣреніемъ, упомянуть о своихъ поступкахъ, разумѣется,

въ благопріятномъ для себя видѣ, и какъ бы напомнить собесѣдникамъ слова Евангельскаго Фарисея: *нѣсмь, яко же прочіи человѣцы.* А когда случится намъ услышать невыгодный отзывъ о нашихъ дѣлахъ, или о нашей жизни, какъ мы огорчаемся, съ какимъ жаромъ выставляемъ свои, по нашему мнѣнію, высокія дѣла, съ какою обидою выражаемъ то, что насъ по заслугамъ не оцѣниваютъ и не понимаютъ. Скажите, свойственно ли это ученикамъ и послѣдователямъ Христа Спасителя нашего, Который всегда убѣгалъ славы, ища славы только Небеснаго Своего Отца, Который не оскорблялся даже тогда, когда Его чудеса приписывали силѣ бѣсовской? О нѣтъ, нѣтъ! Сознаніе собственнаго достоинства, сознаніе своихъ способностей и заслугъ — это выраженія, порожденныя суетою, облагороженныя духомъ міра, но всегда суетныя и противныя духу Христову. Христосъ учитъ насъ не только не искать славы и хвалы міра, но и всѣми мѣрами убѣгать и свои добрыя дѣла и все свое спасеніе сохранять втайнѣ. *Да не увѣсть шуйца твоя, что творитъ десница твоя* — вотъ духъ закона Христова въ отношеніи къ нашимъ дѣламъ. Слѣдовательно кто хвалится своими дѣлами или не сокрываетъ ихъ отъ хвалы другихъ, тотъ поступаетъ противъ воли Божіей, тотъ не устроиваетъ, а разрушаетъ свое спасеніе. Аминь.

Въ 25-ю недѣлю по пятдесятницѣ.

Рече же ему: право отвѣщалъ еси: сіе сотвори и живъ будеши. (Лук. 10, 28).

И мы, братіе, знаемъ, подобно законнику, что истинная любовь къ Богу и ближнимъ доставляетъ человѣку вѣчное блаженство. Но гдѣ искать-то истинной любви между нами? Мы любимъ Господа, говоримъ. Но не оскорбляемъ ли Его своими грѣхами? Не нарушаемъ ли Его святаго закона? Не пренебрегаемъ ли Его святыхъ уставовъ? Это ли истинная любовь къ Богу? Онъ говоритъ: *аще кто любитъ мя, слово мое соблюдетъ.* А какъ часто наши дѣла вовсе противорѣчатъ ученію

Его! А что сказать о любви къ ближнимъ въ пользу нашу? Немного избранниковъ, которые расположены сердцемъ и душею къ братіямъ своимъ о Христѣ. А большая часть имѣютъ любовь къ ближнимъ только на языкѣ. Но и языкъ ихъ часто противорѣчитъ сей любви. Злорѣчіе для многихъ сдѣлалось любимымъ препровожденіемъ времени; замѣчаніе чужихъ проступковъ—утѣшительнымъ занятіемъ. Это ли любовь? А брани, ссоры, разсѣяніе ложныхъ слуховъ, тайная ябеда, зависть, насмѣшки, оскорбленія — это ли плоды любви?

Чтожъ пользы въ томъ, что мы знаемъ, какъ достигается спасеніе? Не принесетъ ли намъ это знаніе большаго осужденія? Спаситель говоритъ, что вѣдущій волю господина и не поступающій по сей его волѣ біенъ будетъ много. Не обрекаютъ ли насъ эти слова Спасителя вѣчному осужденію?

Такъ, братія, любовь безъ дѣлъ любви есть одинъ пустой звукъ; знаніе своихъ обязанностей безъ исполненія ихъ только подвергаетъ насъ большей отвѣтственности предъ Господомъ. Когда мы, по окончаніи дней своихъ, а дни наши скоропреходящи и изчислены уже Господомъ, когда мы на страшномъ судищѣ Христовомъ предстанемъ предъ Господомъ: тогда вопроситъ насъ Господь: кто вы? Христіане, мы скажемъ. Но гдѣ ваши дѣла христіанской любви? скажетъ Онъ. Гдѣ плоды вашей любви къ Богу и ближнимъ? Мы обратимъ взоръ на протекшую жизнь, и чтожъ намъ представится? Наши смуты, наши нестроенія, наши обиды другихъ, наша непокорность Богу! Не устрашатъ ли онѣ насъ, какъ чудовища? Мы отвратимъ отъ нихъ свои смущенные глаза, но тутъ встрѣтимъ взоръ Правосуднаго Судіи, взоръ, уже выражающій грозное опредѣленіе наше! Что мы тогда почувствуемъ? Не обымутъ ли насъ тогда же болѣзни ада? Мы падемъ предъ престоломъ Всемогущаго и возопіимъ: Господи не въ Твое ли имя мы вѣровали? Не въ Твое ли имя мы крестились? Не въ Твоемъ ли храмѣ мы приносили Тебѣ молитвы? Не къ Твоимъ ли тайнамъ приступали? Спаси насъ! Но Онъ скажетъ: вы въ Меня вѣровали, но прославили ли своею вѣрою Мое имя? Не посрамили ли Его противными вѣрѣ дѣлами? Вы крестились въ Мое имя, но не оскверн-

или ли своими дѣлами тѣхъ благодатныхъ даровъ, которые Я преподалъ вамъ въ крещеніи? Вы молились въ Моемъ храмѣ; но не вносили ли въ Мой храмъ сквернихъ помысловъ, суетныхъ желаній, злобныхъ намѣреній? Вы приступали къ тайнамъ; но имѣя сердца, хладныя любовью, не судъ ли себѣ и осужденіе вкушали? Отъидите отъ меня вси дѣлающіе беззаконіе!

Вотъ, братія, какой конецъ ожидаетъ тѣхъ, которые знаютъ свои обязанности, но не исполняютъ ихъ. Престанемъ же быть только слушателями закона Божія: ибо Спаситель говоритъ, что *не слышатели, но только творцы закона оправдятся.* Доколѣ еще время благопріятно, доколѣ хранитъ Господь нашу жизнь, исправимъ ее по духу ученія Христова, возлюбимъ Господа и ближнихъ своихъ, не словомъ только, но паче дѣломъ, возлюбимъ всѣмъ сердцемъ, всею душею, и тогда небоязненно предстанемъ на судъ Божій, увидимъ кроткій и любвеобильный взоръ Господа и услышимъ сладкій гласъ Его, призывающій къ наслѣдію жизни вѣчной. Аминь.

Въ 26-ю недѣлю по пятдесятницѣ.

И мыслящe въ себѣ, глаголя: что сотворю, яко не имамъ, гдѣ собрати плодовъ моихъ. (Лук. 12, 17).

Нынѣшняя Евангельская притча доказываетъ, что человѣкъ чѣмъ большимъ обладаетъ обиліемъ благъ міра, тѣмъ больше привязывается къ міру и тѣмъ менѣе имѣетъ заботы о вѣчномъ спасеніи. Человѣкъ бѣдный заботится, какъ бы ему имѣть насущное пропитаніе и потомъ успокоиться; обезпечивъ себя въ необходимомъ пропитаніи, онъ уже желаетъ обилія, думая, что когда онъ не будетъ имѣть ни въ чемъ недостатка, тогда непремѣнно будетъ убѣгать излишнихъ заботъ; достигнувъ и обильнаго состоянія, онъ всетаки не успокоивается, но уже воспаляется желаніемъ богатства, полагая, что онъ и его семейство только при богатствѣ будутъ вполнѣ обезпечены и что только тогда не будутъ имѣть никакихъ причинъ къ заботамъ

о своемъ временномъ состояніи. Но съ пріобрѣтеніемъ богатства раждаются другія, большія заботы,—то сохранить богатство, то распорядиться имъ благоразумно, и только что богачъ приступитъ къ этимъ распоряженіямъ, въ твердой увѣренности, что онѣ уже послѣднія для міра, что онъ послѣ ихъ посвятитъ себя вполнѣ заботамъ о своемъ спасеніи и весь предастся Богу и дѣламъ Богоугоднымъ, какъ смерть, сей неумолимый и грозный судія, прекращаетъ его жизнь, и онъ, проведя долговременную и дѣятельную, исполненную заботъ и попеченій, жизнь, является на судъ Божій, не принеся съ собою ничего пріятнаго Богу, ничего, могущаго умилостивить правосудіе Божіе. Явно послѣ сего, какова судьба его за гробомъ.

Вотъ, братія, исторія жизни человѣка, мало заботящагося о своемъ спасеніи, а всю заботу обращающаго на удобство и довольство жизни. Не думайте, что мы не подходимъ къ разряду такихъ, что мы мудрѣе, благочестивѣе, что потому не дадимъ душѣ своей увлечься потребностями міра до забвенія своего спасенія. Не думайте сего. Если мы теперь, когда по собственному сознанію чувствуемъ крайнюю потребность въ дѣлахъ Богоугодныхъ, въ занятіяхъ благочестивыхъ и только къ нимъ не обращаемся потому, что скудость состоянія отвлекаетъ нашу дѣятельность на другія заботы къ улучшенію нашего благосостоянія; если мы теперь, когда желаніе спасенія въ насъ не истребилось, ни во что вмѣняемъ въ праздничный и воскресный день время Божественной службы употребить на дѣла мірскія; если мы теперь такъ горячо любимъ міръ, который такъ мало награждаетъ насъ своими благами, и для него жертвуемъ всею любовью къ Богу: то что будетъ, если міръ насъ возлюбитъ и обильно надѣлитъ благами? Не истребится ли въ насъ тогда всякая забота о спасеніи, не пожертвуемъ ли мы для міра всѣмъ священнымъ, сохранимъ ли самую память о томъ, что есть Богъ, есть другая вѣчная жизнь, будетъ страшный судъ? А этого непремѣнно должно ожидать тому, кто, среди нуждъ и недостатковъ, предается заботамъ мірскимъ до забвенія своего спасенія, до нарушенія священнѣйшихъ своихъ обязанностей. Кто пьетъ питіе горькое и невкусное, переста-

нетъ ли тотъ употреблять его тогда, когда оно сдѣлается вкуснымъ и сладкимъ? Не съ большею ли алчбою будетъ обращаться къ нему тогда? Равнымъ образомъ и тотъ, кто все вниманіе свое привязываетъ къ благамъ міра тогда, когда они ему доступны съ великимъ трудомъ и въ малой степени, истребитъ ли въ себѣ привязанность къ нимъ тогда, когда они обильно польются на него? Не вѣрнѣе ли, что онъ всею душею прилѣпится къ нимъ?

Такъ, братія, кто бѣденъ и неблагочестивъ, кто нуждается часто въ необходимомъ, а рѣдко молится Богу, кто мало надѣленъ отъ міра, а много любитъ міръ, кто имѣетъ немного, а непрестанно желаетъ большаго: тотъ, достигнувъ счастія, довольства и богатства, вовсе удалитъ отъ себя спасеніе. Потому наше состояніе, состояніе не безъ нуждъ и лишеній, есть самое благопріятное, чтобы имѣть главною заботою заботу о своей душѣ, о ея вѣчномъ спасеніи. Намъ немного нужно усилій, чтобы исторгнуть изъ своего сердца лишнюю и препятствующую спасенію привязанность къ міру, ибо міръ не успѣлъ насъ опутать крѣпкими сѣтями своихъ прелестей. Если мы не сдѣлаемъ этого теперь, то уже гораздо труднѣе будетъ сдѣлать тогда, когда будемъ имѣть больше благъ міра. Если же и никогда не улучшится наше внѣшнее состояніе, то уже одна долговременная привычка пребывать внѣ жизни Божіей представитъ непреодолимыя препятствія къ обращенію къ Богу. Одинъ день благопріятнаго времени часто не вознаграждается цѣлыми годами неблагопріятнаго. Молодое дерево удобно и легко исправляется, а дерево старое и твердое скорѣе можно переломить, нежели исправить. Имѣяй уши слышати, да слышитъ. Аминь.

Въ 27-ю недѣлю по пятдесятницѣ.

Отвѣщавъ же старѣйшина собору, негодуя, зане въ субботу исцѣли Іисусъ, глаголаше народу: шесть дній есть, въ няже достоитъ дѣлати: въ тыя убо приходяще цѣлитеся, а не въ день субботный (Лук. 13, 14).

Такъ-то дѣйствуетъ зависть. Іисусъ Христосъ, Небесный Врачъ душъ и тѣлесъ, Божественнымъ словомъ Своимъ и прикосновеніемъ исцѣляетъ женщину, 18 лѣтъ находившуюся въ тяжкомъ недугѣ, а начальникъ синагоги іудейской, свидѣтель сего чуда, вмѣсто того, чтобы удивиться сему чуду, чтобы самому увѣровать и другихъ руководить въ вѣрѣ, негодуетъ и обличаетъ народъ въ томъ, что онъ въ субботу прибѣгаетъ къ Господу для исцѣленій. Зависть закрыла ему очи умственныя. Онъ видѣлъ чудо, но не понялъ его Божественности, потому что это чудо возбуждало удивленіе и уваженіе въ народѣ къ совершившему его, а это ему было нестерпимо. Онъ исполненъ былъ весь негодованія. Тоже самое бываетъ съ завистливыми и въ наше время. Какимъ озлобленіямъ и порицаніямъ подвергаются люди, которые своими способностями и трудами поставили себя выше другихъ? Они находятъ въ своихъ завистникахъ строгихъ и пристрастныхъ судей. Всѣ ихъ дѣла и поступки взвѣшиваются на самыхъ неправильныхъ вѣсахъ и рѣдко избѣгаютъ порицаній. Но если поступки ихъ такъ совершенны, что никакъ нельзя порицать ихъ безъ явной всѣмъ несправедливости, то завистливые обращаются къ причинамъ и побужденіямъ ихъ дѣлъ. А тутъ обширное поприще къ злословію и злобѣ. Сердце человѣческое закрыто. Ихъ никто не можетъ обличить явно во лжи. Какая имъ нужда до того, что отъ дурнаго сердца, какъ изъ нечистаго истока, истекаютъ и дурныя дѣла, и что напротивъ добрыя дѣла свидѣтельствуютъ о качествѣ ихъ источника—сердца. Они этого не желаютъ знать и видѣть. Они хотятъ видѣть одни недостатки, хотятъ имѣть причины къ порицанію, какія бы онѣ ни были. А что

если они подмѣтятъ какую либо въ людяхъ возвысившихся слабость? Такая слабость въ другихъ бываетъ непримѣтна и ничтожна, такъ что на оную никто не обращаетъ вниманія. А въ людяхъ, возбудившихъ къ себѣ зависть, она становится страшнымъ преступленіемъ, которое завистливыми передается изъ устъ въ уста съ непомѣрною скоростью. Находятся легковѣрные и легкомысленные, которые внимаютъ симъ злобнымъ навѣтамъ. и вотъ человѣкъ достойный, человѣкъ, заслуживающій уваженіе, по милости своихъ завистниковъ, становится предметомъ порицаній безсмысленной толпы. Какое торжество для зависти! Этому торжеству конечно вторитъ адъ.

Берегитесь, братія, зависти. Она, какъ ядъ, умерщвляетъ въ человѣкѣ всѣ добрыя качества; умерщвляетъ любовь ко всему доброму и благородному; напротивъ возбуждаетъ любовь ко всему недостойному и постыдному. По зависти къ блаженству прародителей нашихъ въ раю, діаволъ погубилъ ихъ, введя въ грѣхъ. Не подобится ли сему человѣкоубійцѣ и всякій тотъ, кто питаетъ зависть къ ближнему своему?

И какую пользу доставляетъ зависть завистливому? Единственное утѣшеніе—видѣть ближняго своего въ униженіи. Какое постыдное утѣшеніе! И за это демонское утѣшеніе чему подвергаетъ себя завистливый? Всегдашнему внутреннему мученію; ибо можно ли не назвать мученіемъ того безпокойства и недовольства, которыя возбуждаетъ въ завистливомъ счастіе ближняго? Презрѣнію всѣхъ благомыслящихъ людей; ибо чего иного заслуживаетъ завистливый, какъ не презрѣнія? Страшной отвѣтственности предъ Богомъ; ибо оставитъ ли Правосудіе Божіе безъ строгаго суда того, кто препебрегъ основаніемъ всѣхъ добродѣтелей—любовью.

Постыдна и гибельна зависть. Убоимся ее! Наша жизнь зависитъ отъ воли Божіей. Благами своими награждаетъ Богъ, ихъ же хощетъ. Мы перемѣнить воли Божіей не можемъ. Будемъ же довольствоваться тѣмъ, что Господь каждому даровалъ. Ближній нашъ счастливѣе насъ? Не завидуй: Господь ему даровалъ. Онъ недостойнѣе тебя? Господь воленъ въ своихъ благахъ. Какая тебѣ нужда въ другомъ? Онъ ближній

твой, хотя и счастливѣе тебя; онъ братъ тебѣ по Христѣ и по Церкви. Онъ гордится предъ тобою? За гордость онъ Богу дастъ отвѣтъ, а ты смирись и люби его. За это тебя самъ Господь возвыситъ и возлюбитъ. Аминь.

Въ 28-ю недѣлю по пятдесятницѣ.

Глаголю бо вамъ, яко ни единъ мужей тѣхъ званныхъ вкуситъ моея вечери (Лук. 14, 24).

Будетъ предѣлъ и милосердію Божію. Сколько ни возлюбилъ Богъ міръ, сколько не совершалъ и не совершаетъ Онъ для того, чтобы спасти насъ, сколько не долготерпитъ намъ ожидая нашего къ Нему обращенія; но наконецъ настанетъ день и часъ, когда речетъ тѣмъ, кои убѣгали Его: не вѣмъ васъ. Это доказываетъ нынѣ чтенная притча Господа нашего.

Кто сотворившій вечерю велію, какъ не Милосердый Господь нашъ? Кто суть званные на сію вечерю, какъ не христіане? Кто отрекшіеся отъ вечери по житейскимъ заботамъ, какъ не мы, братія? Всякая забота, какъ бы ни была суетна, занимаетъ насъ болѣе, нежели забота о своемъ спасеніи. Всякое дѣло, какъ бы ни было малозначительно даже для выгодъ житейскихъ, предпочитается нами дѣлу Божію. Слѣдовательно не относятся ли къ намъ слова Господа: *глаголю бо вамъ, яко ни единъ мужей тѣхъ званныхъ вкуситъ моея вечери.*

Но если мы недостойны Царствія Божія, великой вечери Господней, то кто же достоинъ? Много ли лучше насъ? Не останется ли домъ Божій ненаполненнымъ? Вотъ вопросы, которыми иногда неразуміе наше хочетъ успокоить себя. Но если мало достойныхъ Царствія Божія, то на этомъ основаніи никогда Господь не допуститъ до участія въ ономъ недостойныхъ. Онъ давно сказалъ, что избранные суть *малое стадо*, которымъ *благоизволи Богъ дать царство*. Грѣхи, неомытые истиннымъ покаяніемъ, и жизнь по духу міра сего, а не по духу Божію суть такія препятствія къ наслѣдію живота вѣчнаго, что и самъ Богъ не можетъ устранить оныхъ. Не можетъ быть

мѣста ничему скверному и грѣховному въ жилищѣ свѣта и блаженства.

Но не останется вечеря Господня неисполненною возлежащихъ. Въ этомъ свидѣтельствуетъ притча нынѣшняго Евангелія. Когда отказались отъ приглашенія на вечерю званные, что сказалъ Господинъ вечери? *Званіи не быша достойніи, изыдите на распутія и стогны града, введите сюмо бѣдныя, нищія и хромыя, да наполнится домъ мой.* Да не помышляемъ и мы, что безъ насъ нѣкому наполнить дома Божія! Правда, мы призваны къ Царствію Божію паче всѣхъ человѣкъ, ибо находимся въ нѣдрахъ св. Апостольской православной Церкви, и не только мы находимся, но находились и наши отцы и отцы отцовъ, но это безъ дѣлъ нашего званія не спасетъ насъ. Гордились нѣкогда Іудеи своимъ происхожденіемъ отъ Авраама, отца вѣрующихъ, и думали на этомъ основаніи восхитить Царствіе Божіе; но, не видя ихъ вѣры и дѣлъ, подобныхъ дѣламъ и вѣрѣ Авраама, Господь сказалъ имъ, что Богъ можетъ сотворить изъ камней чадъ Аврааму, и въ другое время сказалъ имъ: *отъимется отъ васъ Царствіе Божіе и дастся языку творящему плоды его* (Мато. 21, 43). Не видимъ ли въ семъ опредѣленіи Божіемъ и нашего опредѣленія? Ибо гдѣ плоды наши, безъ коихъ нельзя получить Царствія? О, братія! мы призванные къ Царствію Божію отъ самаго рожденія, многократно получившіе благодать Божію въ св. таинствахъ, поучающіеся отъ самой юности познанію пути Господня, все еще стоимъ на распутіяхъ міра и черпаемъ изъ мутнаго источника благъ житейскихъ нечистое питіе, отвращая мысли и взоры отъ пути Божія, а между тѣмъ нищіе, бѣдные и хромые предвосхищаютъ наши, уготованныя намъ, мѣста въ Царствіи Божіемъ! Куда нынѣ не проникла Евангельская проповѣдь? Страны, нѣсколько лѣтъ назадъ неизвѣстныя міру, нынѣ оглашаются словомъ Божіимъ! Люди, едва отличавшіеся своимъ понятіемъ отъ безсловесныхъ тварей, не знавшіе никогда истиннаго Бога, а почитавшіе за Бога или солнце и огонь, или камень и воду, нынѣ на невѣдомыхъ намъ языкахъ славословятъ имя Божіе и съ чистымъ сердцемъ приносятъ въ

даръ Богу святыя и богоугодныя дѣла. Не суть ли это тѣ нищіе, бѣдные и хромые, которые занимаютъ наши мѣста въ Царствіи Божіемъ и наполняютъ домъ Божій?!

О, братія, братія, когда наступитъ конецъ нашему суемыслію, когда обратимся всѣмъ сердцемъ къ Животодавцу Христу и будемъ почитать дѣло своего спасенія важнѣйшимъ изъ всѣхъ дѣлъ? Но да помнимъ, что доколѣ не послѣдовало всесовершенство нашего обращенія къ Богу, дотолѣ мы не можемъ питать ни малѣйшей недежды на блаженную вѣчность въ Царствіи Божіемъ; поелику или продолжится наше отлагательство дотолѣ, когда готовые внидутъ на вечерю Господню и затворятся за ними двери дома Божія, или, продолжая суемудренно удаляться отъ Бога, будемъ болѣе и болѣе день ото дня опутывать себя заботами и пристрастіями міра и наконецъ дойдемъ до такого ожесточеннаго состоянія, что уже не возможемъ обратиться на путь Господень, хотя бы и осталось еще время на это. Аминь.

Въ 29-ю недѣлю по пятдесятницѣ.

Не десять ли очистишася, да девять гдѣ (Лук. 17, 17).

Десять человѣкъ, одержимыхъ страшною болѣзнью, которая отдѣляла ихъ и отъ Церкви и отъ общества людей, узнавъ о милосердіи и чудотворной силѣ Спасителя, встрѣтили Его на пути, но не смѣя приблизиться, издали громкимъ голосомъ взывали: *Іисусе Наставниче, помилуй ны.* Господь умилосердился надъ ними: Онъ повелѣлъ имъ явиться къ священникамъ, и съ симъ вмѣстѣ исцѣлилъ отъ проказы. Но между изцѣлившимися одинъ только остался благодарнымъ предъ Господомъ: онъ одинъ только, *видѣвъ, яко исцѣлѣ, возвратися, со гласомъ великимъ славя Бога и паде ницъ при ногу его, хвалу ему воздая,* а прочіе прямо отъ священниковъ разошлись по своимъ мѣстамъ. Милосердый Господь не покаралъ

неблагодарныхъ, не возвратилъ на нихъ проказы, а только замѣтилъ: *не десять ли очистишася да девять гдѣ; како не обрѣташася возвращшеся дати славу Богу, токмо иноплеменникъ сей.* Но и это кроткое замѣчаніе есть уже осужденіе, неблагодарныхъ Господь долготерпитъ, но нѣкогда воспомянетъ неблагодарность.

Братія! Если бы Христосъ видимымъ образомъ предсталъ здѣсь между нами, не сказалъ ли бы намъ: *не десять ли очистишася, да девять гдѣ?* Въ чьей волѣ наше здравіе, наша жизнь, наше пропитаніе? Не въ Божіей ли? Но мы всѣ въ теченіи недѣли наслаждались и жизнью, и здравіемъ, и имѣли пропитаніе. Отчего же не всѣ, а едва ли и десятый изъ насъ пришелъ въ воскресный день въ храмъ возблагодарить нашего Благодѣтеля—Бога? *Да девять гдѣ?* Знаетъ Сердцевѣдецъ, гдѣ эти девять; невидимо присутствуя здѣсь, невидимо слѣдитъ и за тѣми, кои должны быть здѣсь и не обрѣтаются. Передъ Нимъ никто не оправдается тѣми благовидными предлогами, которыми себя успокоиваютъ.

Можетъ быть на это возразятъ нѣкоторые умы, привыкшіе возражать всему тому, что относится къ нашимъ христіанскимъ обязанностямъ, возразятъ, что здравіе наше и необходимое пропитаніе не суть особое благодѣяніе Божіе, требующее особой благодарности предъ Богомъ. Правда, что есть дары Божіи выше даровъ здравія и пропитанія, это: великое дѣло—спасеніе рода человѣческаго заслугами Іисуса Христа, непрестанное Божіе о мірѣ промышленіе, сохраненіе на землѣ Церкви Божіей и прочія величайшія благодѣянія Божіи, за которыя, благодаря всѣми силами души своей во всю свою жизнь, мы не возможемъ ничтоже достойное сего принести; но важность сихъ благодѣяній тѣмъ менѣе понимаютъ тѣ, кои не видятъ въ здравіи и пропитаніи даровъ Божіихъ, требующихъ благодаренія Богу. Такіе люди мыслятъ не о духовныхъ дарахъ, а о временныхъ, житейскихъ. Чтожъ для жизни дороже здравія и пропитанія? Богатство, почести, слава? О! мутное питіе изъ нечистаго источника! Свыкается богачъ съ богатствомъ и также не чувствуетъ своего положенія; вкуситъ че-

столюбецъ славы и уже не доволенъ ею. Ни тотъ, ни другой не только не чувствуютъ благодѣяній Божіихъ въ своемъ положеніи, но желаютъ большаго и лучшаго, и получивъ, также бываютъ не благодарны предъ Богомъ. Если здравіе и необходимое пропитаніе не сильны кого заставить быть предъ Богомъ благодарнымъ, то всѣ блага міра не въ состояніи сдѣлать его таковымъ. О братія, много людей которые бѣднѣе насъ, и то, что мы считаемъ бѣдностью и недостаткомъ, для нихъ кажется богатствомъ и роскошью! Возблагодаримъ же Господа за то, что имѣемъ и чѣмъ наслаждаемся! Не допустимъ своею неблагодарностью того, чтобъ Господь испыталъ насъ болѣзнью и крайнею бѣдностью. Тогда познаемъ цѣну тѣхъ даровъ, коими наслаждались; но своимъ неразумiемъ и неблагодарностью утративъ ихъ, можетъ быть и не возвратимъ никогда. Но приличнѣе нигдѣ не можетъ быть приносимо благодареніе Богу, какъ въ Его храмѣ, гдѣ приносится величайшая жертва благодаренія Господу—Пречистое Тѣло и Кровь Его, гдѣ самъ Господь таинственно присутствуетъ. Наши молитвы слабы, но молитвы святыхъ, которыя здѣсь же невидимо приносятся, велики и доступны Богу; ради сихъ молитвъ и наши Господь пріемлетъ. Наше славославіе недостойно Бога; но здѣсь же славословятъ Его Ангели, Архангели, Херувими и Серафими; когда соединится съ симъ небеснымъ хоромъ и наше посильное благохваленіе Господа, можетъ ли Онъ—Премилосердный не обратить и на насъ Свое око. О, братія, братія, перестанемъ убѣгать матери своей—Св. Церкви и дни и часы Господни посвящать на суетность! Довольно у насъ для суеты дней, а день воскресный, день праздничный, должны быть днями нашего славословія и благодаренія Господу въ святомъ Его храмѣ. Аминь.

Въ 30-ю недѣлю по пятдесятницѣ.

Слышавше же ученицы его, дивляхуся зѣло, глаголюще: кто убо можетъ спасенъ быти (Матѳ. 19, 25).

Апостолы удивлялись и недоумѣвали, слышавъ отъ Господа, сколь богатому невозможно спасеніе. Невозможности этой они не предполагали, ибо отъ Господа же узнали, что богатство есть даръ Неба и дается человѣку для того. чтобы онъ, имѣя въ немъ средство творить дѣла милосердія, тѣмъ облегчалъ для себя путь къ достиженію Царства Небеснаго. Хотя нерѣдко Господь при нихъ утѣшалъ бѣдныхъ и нищихъ обѣщаніемъ имъ Царства Небеснаго, но это утѣшеніе ясно выражало трудность ихъ скорбнаго пути ко спасенію и показывало, что богатые ихъ братія менѣе подвержены симъ трудностямъ при добромъ употребленіи богатства. Потому Апостоловъ, полагавшихъ въ богатствѣ легчайшій способъ къ достиженію Царства Небеснаго, не могли не удивить и не привести въ недоумѣніе слова Спасителя: *удобѣе бо есть вельбуду сквозѣ иглиныя уши проити, неже богату въ Царствіе Божіе внити* (Лук. 18, 25); и въ недоумѣніи своемъ Апостолы не могли не воскликнуть: *то кто можетъ спасенъ быти* (Лук. 18, 26)? Но недоумѣніе ихъ разрѣшилъ Іисусъ Христосъ сими краткими словами: *невозможная у человѣкъ, возможна суть у Бога* (Лук. 18, 27). Теперь Апостолы ясно уразумѣли, что спасеніе богатому невозможно въ такомъ только случаѣ, когда надѣется онъ достигнуть онаго собственными силами, а уразумѣвъ это, они также не могли не уразумѣть и того, что такая же невозможность къ достиженію Царства Небеснаго предстоитъ и всякому человѣку, не одному богатому, но и бѣдному, если онъ въ своихъ силахъ и въ своей бѣдности будетъ искать средствъ къ достиженію блаженства.

Потому нынѣшнее Евангеліе, повидимому столь грозное для богатыхъ, не должно приводить ихъ въ отчаяніе; оно не должно вселять и бѣднымъ той ложной надежды, что они одни

суть наслѣдники Царствія Небеснаго: Евангеліе это должно только вразумить, какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ, чтобы они въ дѣлѣ спасенія не возлагали своей надежды на собственныя силы и дѣла, но искали бы помощи Божіей, ибо спасеніе *у человѣкъ невозможно, у Бога же вся суть возможна.*

Чтобы болѣе убѣдиться въ томъ, сколь наши силы недостаточны для доставленія намъ спасенія и сколько необходима для сего помощь Божія, посвятимъ, братія, нѣсколько минутъ на краткое о семъ разсужденіе.

Земная жизнь наша есть приготовленіе къ будущей небесной жизни; она есть нива, на которой человѣкъ, по ученію Апостола, что *посѣетъ, то* въ будущей жизни *пожнетъ; сѣяй въ плоть Свою, отъ плоти пожнетъ истлѣніе: а сѣяй въ духъ, отъ духа пожнетъ животъ вѣчный* (Галат. 6, 7, 8). Потому всѣ наши силы и способности должны быть направлены къ тому, чтобы достойно приготовить себя къ наслѣдованію жизни вѣчной. Но какъ естественныя наши силы грѣхомъ ослаблены, страсти наши часто омрачаютъ нашъ умъ, а духъ міра сего увлекаетъ насъ своею суетностью, такъ что надобно не человѣческую мудрость для того, чтобы во всѣхъ дѣлахъ нашихъ суетность эта не имѣла мѣста: то силы наши и недостаточны къ тому, чтобы доставить намъ блаженство въ будущей жизни. Чтобы быть достойнымъ блаженства, для сего необходимы добродѣтели, а добродѣтели наши, содѣланныя нами безъ помощи Божіей, малозначительны и ничтожны предъ Богомъ, поелику мы безъ Бога не можемъ творить ничего добраго. *Якоже рожа не можетъ плода сотворити о себѣ, аще не будетъ на лозѣ: такъ и вы, аще во мнѣ не пребудете* (Іоан. 15, 4), говоритъ Христосъ. Посему, если разсмотримъ въ духѣ Христовомъ всѣ свои дѣла, повидимому столь великія, всѣ свои добродѣтели, повидимому столь высокія; то необинуяся скажемъ съ Пророкомъ, что вся *правда наша якоже портъ нечистыя* (Исаіи 64, 6). И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ человѣкъ безъ помощи Божіей сдѣлать достойнаго Царства Небеснаго? Онъ ведетъ умѣренную жизнь, воздержепъ въ пищѣ и питіи? Но для Бога-ли это? Для умерщвленія-ли своихъ стра-

стей? Нѣтъ, умѣренность ему необходима для поддержанія своего здравія, для продолженія своей временной жизни. Онъ не знаетъ покоя и сна, онъ несетъ тягости служенія человѣчеству? Похвальное въ мірѣ служеніе! Но оно похвально предъ Богомъ тогда, когда не имѣетъ иной цѣли, кромѣ общаго блага, не имѣетъ другихъ побужденій, кромѣ служенія своего Господу чрезъ служеніе своимъ братіямъ—ближнимъ. Но кто похвалится, что тягости свои несетъ единственно для Бога безъ всякихъ своекорыстныхъ видовъ? Да это и невозможно человѣку безъ содѣйствія благодати Божіей. Внѣ благодати человѣкъ всегда болѣе или менѣе своекорыстенъ, болѣе или менѣе подверженъ вліянію суетности мірской, и потому дѣла его болѣе или менѣе порочны и нечисты, а потому и недостойны Царствія Божія. Самыя дѣла благотворительности, самыя приношенія отъ избытковъ своихъ на пользу общую, или на украшеніе храмовъ Господнихъ, имѣютъ предъ Богомъ надлежащую цѣну и облегчаютъ путь къ достиженію Царства Небеснаго тогда только, когда исходятъ отъ искренности сердца безъ всякихъ видовъ и ожиданій на земное вознагражденіе: въ такомъ только случаѣ приношенія сіи составляютъ пріятнѣйшую жертву Богу и таковымъ приносителямъ Спаситель обѣщаетъ *воздаяніе въ воскрешеніе праведныхъ* (Лук. 14, 14). Но здѣсь замѣтить надобно, что искреннія и безкорыстныя приношенія возможны только тѣмъ людямъ, которые, предавъ волю свою волѣ Божіей, руководятся помощію и благодатію Божіею. *Не можетъ древо зло, плоды добры творити:* такъ и человѣкъ, дѣйствующій внѣ Бога, по наклонной ко злу волѣ, не можетъ вознестись до дѣлъ праведныхъ.

Человѣкъ тогда только въ своихъ дѣлахъ усовершается, когда помощь Божія ему содѣйствуетъ. Тогда и малыя его дѣла, даже добрыя мысли и намѣренія имѣютъ великую цѣну предъ Богомъ, поелику они чужды суетности мірской; тогда самое малое его служеніе человѣчеству пріятно Богу, потому что имѣетъ цѣль безкорыстную, святую. Всѣ недостатки человѣка благодать Божія восполняетъ, всѣ дѣйствія его освящаетъ, всѣ силы и способности его укрѣпляетъ, и потому добродѣтели

человѣка благодатнаго имѣютъ всю цѣну предъ очами Божіими и бываютъ достойны Царства Небеснаго. *Азъ есмь лоза*, говоритъ Спаситель, *вы же рождіе, и иже будетъ во мнѣ, и азъ въ немъ, той сотворитъ плодъ многъ, яко безъ мене не можете творити ничесоже* (Іоан. 15, 5).

Но для достиженія Царства Небеснаго отъ христіанина требуются не одни добродѣтели; ему необходимы другаго рода подвиги. Онъ на пути спасенія окруженъ врагами, которые на каждомъ шагу силятся остановить его и совратить съ предлежащаго пути: кромѣ діавола, человѣкоубійцы искони, вооружаются противъ человѣка міръ съ своими соблазнами, плоть съ своими страстями и похотями. Посему человѣкъ, чтобы достигнуть Царства Небеснаго, долженъ вести брань съ страшными врагами. Но какое оружіе найдетъ онъ въ собственныхъ силахъ противъ такихъ враговъ? Если Адамъ, столь совершенный, столь святой въ своемъ первобытномъ состояніи, не могъ воспротивиться внушеніямъ духа лестча и среди самого рая нарушилъ единственную заповѣдь Божію: то какой мужъ, какой подвижникъ, зачатый и рожденный въ прѣхахъ, слабый по тѣлу, нетвердый по душѣ, можетъ выдержать такую брань и и остаться побѣдителемъ въ ней? Нѣтъ, братія, духовная брань съ міромъ, плотію и діаволомъ не по силамъ человѣку. Если мы видимъ несчастные примѣры тому, что человѣкъ иногда не можетъ терпѣливо перенесть своихъ земныхъ несчастій и впадаетъ въ отчаяніе: то какъ же можетъ противостать такимъ врагамъ, которые для пораженія его употребляютъ все? Обстоятельства міра, счастіе и несчастіе, богатство и бѣдность, добродѣтели и пороки, слава и безславіе, честь и безчестіе, любовь и ненависть, дружба и вражда, здравіе и болѣзни, все, все безъ изъятія, въ рукахъ враговъ нашего спасенія сдѣлается орудіями къ погубленію нашему. Самый умъ человѣка нерѣдко дѣйствуетъ согласно видамъ враговъ его. Человѣкъ думаетъ своимъ умомъ предузнать и испровергнуть всѣ враждебныя покушенія противъ себя, а враги въ этомъ самомъ умѣ поселяютъ невѣріе и ложныя убѣжденія, и тѣмъ главнаго защитника человѣческаго дѣлаютъ себѣ союзникомъ. Какой же по-

бѣды можно ожидать тому, кого поражаютъ собственныя оружія?

По истиннѣ, побѣда надъ врагами нашего спасенія невозможна человѣку въ естественномъ его состояніи; а безъ побѣды надъ діаволомъ, міромъ и плотію Царствія Божія достигнуть нельзя, поелику *блаженъ* только тотъ *мужъ, иже претерпитъ искушеніе: зане искусенъ бывъ пріиметъ вѣнецъ жизни, его же обѣща Богъ любящимъ Его* (Іаков. 1, 12).

Но то, что невозможно человѣку по его естественнымъ силамъ, бываетъ возможно ему тогда, когда помощь Божія способствуетъ ему. Сподобившійся благодати и помощи Божіей человѣкъ уже не есть тотъ слабый воинъ, который при первой встрѣчѣ съ непріятелемъ или бѣжитъ отъ него, или отдается въ плѣнъ: вспомоществуемый Богомъ онъ есть тотъ крѣпкій и искусный въ браняхъ воинъ, котораго никакія силы вражескія устрашить не могутъ, никакія коварства и прельщенія не приведутъ къ погибели. Зная, что *брань* его *не къ крови и плоти, но къ началомъ и ко властемъ и къ міродержителемъ тмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ*, (Ефес. 6, 12), онъ бросаетъ тѣ орудія, которыми мнятъ самонадѣянные люди побѣдить враговъ своего спасенія и которыя, какъ слабыя трости, сокрушаются отъ перваго удара вражія, а *облекается во вся оружія Божія* (Ефес. 6, 11), *препоясуетъ чресла свои истиною* (Ефес. 6, 14), надѣваетъ *броню правды*, пріемлетъ *щитъ вѣры*, могущій *всѣ стрѣлы лукаваго разженыя угасити* (Ефес. 6, 16), принимаетъ *шлемъ спасенія и мечь духовный, иже есть глаголъ Божій* (Ефес. 6, 17). Облеченный такимъ образомъ силою Божіею, христіанинъ не токмо побѣждаетъ плоть свою и остается невредимымъ среди всѣхъ соблазновъ міра, но и торжествуетъ надъ всѣми *козньми діаволъскими* (Ефес. 6, 11), и симъ торжествомъ, столь несвойственнымъ слабой человѣческой природѣ, ясно доказываетъ, что *невозможное отъ человѣка возможно отъ Бога.*

И такъ, братія, изъ сказаннаго хотя нѣсколько мы могли увидѣть, сколь наши силы ничтожны въ дѣлѣ нашего спасенія и сколь для сего необходима помощь Божія. Потому, оставивъ

всякую самонадѣянность, всякій горделивый помыслъ обратимся съ теплою молитвою къ тому, *о немже подобаетъ спастися намъ* (Дѣян. 4, 12) и безъ котораго *нѣсть ни о единомъ же инѣмъ спасенія* (Дѣян. 4, 11), дабы Онъ ниспославъ намъ свыше помощь и благодать и тѣмъ далъ намъ возможность достигнуть Царства Небеснаго, поелику тогда не мы будемъ дѣйствовать, но будетъ *дѣйствовати* въ насъ самъ *Богъ и еже хотѣти и еже дѣяти* (Филипп. 2, 13), Который и *да совершитъ* насъ *во всякомъ дѣлѣ благѣ, сотворити волю Его, творя* въ насъ *благоугодное предъ нимъ* (Евр. 13, 21). Аминь.

Въ 32-ю недѣлю по пятдесятницѣ.

Пріиде сынъ человѣчь взыскати и спасти погибшаго (Лук. 19, 10.).

Какую радость грѣшникамъ, желающимъ спасенія, и какое милосердіе Божіе возвѣщаетъ нынѣ чтенное Евангеліе! И не просто возвѣщаетъ, но и примѣромъ подтверждаетъ!—Закхей, старѣйшина мытарей, признанный всѣми окружавшими Христа грѣшникомъ, удостоился въ домѣ своемъ посѣщенія Спасителя. Который, услышавъ Закхеево раскаяніе въ своихъ грѣхахъ и обѣщаніе исправиться, объявилъ спасеніе всему его дому и самого Закхея нарекъ сыномъ Авраама, т. е. сыномъ спасенія (Лук. 19, 7—9)!

Сей примѣръ милосердія Божія къ кающимся грѣшникамъ долженъ во всѣхъ насъ, отягченныхъ грѣхами, истребить отчаяніе и вселить упованіе на Бога, ибо Христосъ—тотъ-же во вѣки и, увидѣвъ расположеніе наше къ покаянію, также впидетъ въ домъ души нашея и наречетъ насъ также чадами спасенія.

Подлинно, братія, ничто не препятствуетъ намъ уповать на милосердіе Божіе. Размыслимъ и увѣримся.

Во 1-хъ истребляетъ въ людяхъ слабыхъ упованіе на Бога и приводитъ ихъ въ отчаяніе понятіе о правосудіи Божіемъ: но неправильно такое понятіе о правосудіи Бога.

Богъ правосуденъ: но правосудіе Его непреклонно для

однихъ нераскаянныхъ грѣшниковъ, для кающихся-же оно превращается въ милосердіе. Раздраженный грѣхами человѣка, Богъ, по правосудію Своему, или требуетъ отъ него умилостивительной жертвы, или, не получивъ оной, предаетъ его достойному наказанію. Посему не кающійся грѣшникъ, не ищущій умилостивленія Божія и противляющійся призыванію его къ исправленію самъ себя обрекаетъ на наказаніе, требуемое правосудіемъ, и погибаетъ; напротивъ кающійся обѣщаніемъ исправиться и теплыми молитвами возвращаетъ благоволеніе Божіе, умилостивляетъ правосудіе Его и дѣлается любимѣйшимъ дѣтищемъ Небеснаго Отца. Если-бы правосудіе Божіе равно дѣйствовало какъ на кающихся грѣшниковъ, такъ и на нераскаянныхъ, то сдѣлался ли бы Давидъ главою св. племени Спасителя? Остался-ли бы Петръ величайшимъ изъ проповѣдниковъ спасительнаго ученія, троекратно отрекшись отъ своего Божественнаго Учителя?—Удостоился-ли бы, чрезъ одно краткое покаяніе и исповѣданіе распятаго Христа, Царствія Божія величайшій изъ грѣшниковъ разбойникъ? Если всѣ они не только получили прощеніе отъ Бога, но даже удостоились послѣ и особеннаго благоволенія Божія, то правосудіе не дѣйствуетъ на кающихся грѣшниковъ, — надъ ними дѣйствуетъ благость милосердіе и любовь Божія.—Развращенные Ниневитяне должны были по правосудію Божію погибнуть и уже опредѣленіе это имъ было объявлено, но коль скоро покаялись, то и наказаніе было отмѣнено Богомъ. Конечно по правосудію Божію погибли древній міръ и Содомъ, но причиною сего была ихъ упорнѣйшая нераскаянность, а не правосудіе Божіе. Если-бы люди древняго міра и жители Содома принесли покаяніе, подобно Ниневитянамъ, то правосудный Богъ, по милосердію Своему къ кающимся, помиловалъ бы такъ же и ихъ.—И такъ правосудіе Божіе не можетъ препятствовать упованію на Бога грѣшниковъ, желающихъ спасенія. Потому мы, возъимѣя твердое упованіе на милосердіе Божіе, должны начать свое покаяніе и исправленіе своей жизни и не отлагать его, всего болѣе опасаясь того, чтобы мѣра долготерпѣнія Божія не исполнилась надъ нами и не подвергла насъ правосудію Божію.

Во 2-хъ удаляютъ людей отъ упованія на милосердіе Божіе тяжесть и множество грѣховъ и безнадежность получить прощеніе за нихъ отъ Бога.—Но сіе происходитъ отъ совершеннаго незнанія милосердія Божія, которое имѣетъ Онъ къ слабому человѣчеству.

Богъ, какъ Святѣйшее Существо, ненавидитъ грѣхъ, и малѣйшее преступленіе закона Его, есть оскорбленіе святости Божіей. Но не смотря на то, Онъ не перестаетъ любить грѣшниковъ и хотя они безпрестанно своими величайшими беззаконіями оскорбляютъ Его, хотя каждодневно прилагаютъ грѣхи на грѣхи, однако предъ очами Божіими они все таки суть созданія Его рукъ, заблудшія овцы, могущія сдѣлаться любимыми Его чадами.—Здѣсь-то несмысленніи могутъ усомниться и возразить: какъ Богъ можетъ питать любовь къ тѣмъ, которые беззаконіями, превосходящими главу ихъ, сами удаляютъ себя отъ Него?—Но не видимъ-ли мы подобнаго и между человѣками? Сію нѣжнѣйшую любовь Небеснаго Отца къ неблагодарнымъ своимъ земнымъ чадамъ изображаетъ нѣжность того св. Царя, который, будучи приведенъ въ опасность лишиться престола и самой жизни неистовымъ своимъ сыномъ, еще питалъ отеческую любовь къ нему, хотя наконецъ принужденъ былъ вооружиться противъ него и преслѣдовать его, какъ мятежника. Но преслѣдованіе это клонилось не къ тому, чтобы погубить возмутителя, ибо предъ симъ дано было войску повелѣніе—*соблюдите ми отроча Авессалома* (2 Цар. 18, 12), но для того, чтобы силою усмиривъ его, послѣ добрыми мѣрами вывести изъ заблужденія. Но когда принесли къ нему вѣсть о смерти возмутительнаго сына, то онъ возопилъ въ горести: *сыне мой Авессаломе, сыне мой, сыне мой Авессаломе, кто дастъ смерть мнѣ, вмѣсто тебе, азъ вмѣсто тебе. Авессаломе, сынъ мой, сынъ мой, сынъ мой Авессаломе* (2 Цар. 18, 33). Если Давидъ въ возмутительномъ сынѣ своемъ видѣлъ сына только, а не возмутителя, то кольми паче Богъ, исполненный величайшей любви къ роду человѣческому, видитъ въ грѣшникахъ, оскорбляющихъ Его святость, заблудшихъ сыновъ, къ которомъ при первомъ ихъ намѣреніи покаяться, прости-

раетъ Свои отеческія объятія. Притча о блудномъ сынѣ есть ясное очертаніе Его любви къ грѣшникамъ, пришедшимъ въ раскаяніе. Посему Самъ Спаситель говоритъ, что вяшая радость бываетъ на небеси *о единомъ грѣшникѣ кающемся, нежели о девятидесятихъ и девяти праведникахъ, иже не требуютъ покаянія* (Лук. 15, 7), а Апостолъ Павелъ объясняетъ тайну спасенія грѣшниковъ слѣдующими словами: *идѣ-же умножися грѣхъ*, тамъ *преизбыточествова благодать* (Римл. 5, 20).—И такъ тяжесть и множество грѣховъ не препятствуютъ упованію на Бога и чѣмъ большій преступникъ обратится къ Богу, тѣмъ большая радость будетъ на Небеси. Само собою разумѣется, что если грѣшникъ, пренебрегши всѣми призываніями Божіими къ покаянію, превзойдетъ мѣру ожиданія Божія, то погибнетъ ужасно и на вѣки, но уже погибнетъ не по причинѣ своихъ тяжкихъ грѣховъ, но по причинѣ жестокости и нераскаянности своей.

Но если ни провосудіе Божіе, ни множество грѣховъ нашихъ не должны приводить насъ къ отчаянію въ своемъ спасеніи и препятствовать уповать на Бога, и одна упорная нераскаянность должна ужасать насъ, то, не откладывая, обратимся къ Богу, съ чувствомъ искренняго раскаянія во грѣхахъ нашихъ, возложимъ все упованіе на милосердіе Его и сіе самое упованіе будетъ ходатаемъ о нашемъ спасеніи и залогомъ онаго! Поелику человѣкъ, уповая на Бога, симъ прославляетъ Его, ибо онъ купно съ Давидомъ вопіетъ—*щедръ и милостивъ Господь, долготерпѣливъ и многомилостивъ* (Псал. 102, 8); уповая на Бога, онъ показываетъ симъ усердную любовь къ Нему, ибо нѣтъ мѣста упованія, гдѣ нѣтъ любви, а прославленіе Бога и любовь къ Нему не суть-ли ходатаи наши о милосердіи Божіемъ и надежнѣйшія средства къ достиженію спасенія. Но упованіе на Бога, ходатайствуя о насъ предъ Нимъ о вѣчномъ спасеніи, доставляетъ намъ и здѣсь, на землѣ, многія блага, могущія назваться предвкушеніемъ вѣчныхъ благъ. Оно есть вѣрный щитъ и могущественнѣйшее оружіе противъ искушеній и бѣдствій міра, ибо вотъ что говоритъ одинъ изъ уповающихъ на Господа: *на тя уповаша Отцы наши: упо-*

ваша и избавилъ еси я, къ тебѣ воззваша и спасошася: на тя уповаша и не постыдѣшася (Псал. 21, 5, 6). Сіе и Апостолъ Павелъ подтверждаетъ, когда говоритъ: *упованіе-же не посрамитъ* (Римл. 5, 5). Оно служитъ намъ постояннымъ утѣшеніемъ во всѣхъ нашихъ скорбяхъ: *въ день скорби моея*, глаголетъ Давидъ, *Бога взыскахъ рукама моима, нощію предъ Нимъ и не прельщенъ быхъ; отвержеся утѣшитися душа моя: помянухъ Бога и возвеселихся* (Псал. 76, 3, 4). Упованіе на Бога вселяетъ въ насъ духовную радость,—зарю небесныхъ радостей: *блаженъ*, взываетъ тотъ-же Пророкъ, *ему-же Богъ Іаковль помощникъ его, упованіе его на Господа Бога своего* (Псал. 145, 5), и въ другомъ мѣстѣ: *Господи Боже силъ, блаженъ человѣкъ, уповаяй на тя* (Псал. 83, 13).—Потому св. Писаніе одушевленнаго упованіемъ на Бога уподобляетъ орлу, парящему на высотѣ и безпрепятственно разсѣкающему воздухъ: *терпящіи Господа измѣнятъ крѣпость, окрылотѣютъ, яко орли, потекутъ и не утрудятся, пойдутъ и не взалчутъ* (Исаіи 40, 31).

И такъ, христіане, если насъ удерживаютъ въ обращеніи къ Богу и приводятъ къ отчаянію въ своемъ спасеніи правосудіе Божіе и безчисленность грѣховъ нашихъ, то да утѣшимся, ибо Господь милосердъ, и милосердіе его столь велико, что нѣсть грѣхъ, побѣждающъ человѣколюбіе Его. Покаемся предъ Нимъ и исправимъ жизнь свою, да пріобрѣтемъ упованіе на Бога, и Онъ, не смотря на всю нечистоту, на всю мерзость запустѣнія нашей души, внидетъ въ нее, подобно тому, какъ вошелъ въ домъ Закхея мытаря и, благодатію своею очистивъ и освятивъ, содѣлаетъ ее чистымъ жилищемъ своимъ, ибо *пріиде Сынъ человѣчь взыскати и спасти насъ погибающихъ*. Аминь.

Въ 35-ю недѣлю по пятдесятницѣ.

Удобѣе бо есть вельбуду сквозѣ иглинѣ уши пройти, неже богату въ Царствіе Божіе внити (Лук. 18, 25).

Дѣйствительно весьма трудно для богатаго спасеніе. Сколько надо ему мудрости, чтобы не привязать сердца своего къ богатству, любовь къ коему препятствуетъ спасенію, какъ и показываетъ примѣръ упоминаемаго въ нынѣшнемъ Евангеліи князя! Сколько надо имѣть доброй воли и нравственности, чтобы, имѣя всю возможность предаться всѣмъ обольстительнымъ удовольствіямъ плоти, удержать себя въ границахъ умѣренности и воздержанія! А безъ воздержанія отъ суетныхъ удовольствій также невозможно спасеніе. Сколько надо благоразумія, чтобы среди безчисленнаго количества приличій и обязанностей, налагаемыхъ свѣтомъ на богатаго, не забыть своихъ христіанскихъ обязанностей и исполнять ихъ постоянно и съ любовію? А безъ христіанскихъ дѣлъ нельзя угодить Господу. Сколько надо просвѣщенія свыше, отъ Бога, богатому, чтобы сохранить умъ свой отъ омраченія среди блеска, его окружающаго, чтобы не возгордиться предъ другими своими преимуществами, чтобы не забыть, что и онъ такой-же человѣкъ, какъ и послѣдній бѣднякъ? А безъ смиренія нѣтъ спасенія.

Но при сей трудности спасенія для богатаго, какъ утѣшительно видѣть, сколь многіе богатые ревностно устрояютъ свое спасеніе. Сколько богатыхъ изъ любви къ Богу и ближнимъ посвящаютъ себя на служеніе человѣчеству? Сколько богатыхъ, которые служатъ образцемъ воздержанія и благонравія? Сколько богатыхъ, которые изъ своего достоянія пропитываетъ множество сирыхъ, больныхъ и увѣчныхъ? Сколько богатыхъ, которые пламенными молитвами своими ко Господу наравнѣ съ подвижниками и отшельниками, низводятъ на міръ благословеніе Божіе? Но можно-ли знать и исчислить всѣ дѣла уготовляющихъ свое спасеніе, тѣ дѣла, достоинство которыхъ тре-

будетъ, чтобы они были неизвѣстны, чтобъ о нихъ вѣдалъ одинъ Господь—Всевѣдецъ. Довольно намъ знать, что многіе богатые, при всей трудности для нихъ спасенія, устрояютъ оное неусыпно и ревностно.

Теперь обратимъ вниманіе на небогатыхъ, на скудныхъ временными благами.

Слово Божіе не говоритъ объ особенной трудности спасенія для бѣднаго такъ, какъ для богатаго. Напротивъ, оно на бѣдныхъ часто указуетъ, какъ на чадъ спасенія. Самъ Спаситель нарицаетъ ихъ братіями своими меньшими и обѣщаетъ имъ утѣшеніе за всѣ временно претерпѣнныя скорби.

И дѣйствительно, что можетъ отвлекать бѣдняка отъ жизни Богоугодной и отклонять его отъ пути спасенія? Недостатокъ средствъ удовлетворять удовольствіямъ плоти, всегда сопряженнымъ съ издержками, не облегчаютъ-ли бѣдняка въ исполненіи заповѣди Божіей обуздывать свои страсти и похоти? Его малозначительное положеніе въ свѣтѣ, его всегдашняя зависимость отъ другихъ, не располагаютъ-ли къ смиренію, столь нужному христіанину? Его частыя нужды въ необходимомъ не заставляютъ-ли его прибѣгать часто къ Богу и въ Немъ единомъ искать помощи и утѣшенія себѣ? Его всѣ невзгоды и неудобства жизни не исторгаютъ-ли въ немъ привязанности къ міру и не заставляютъ-ли часто обращать взоръ свой туда, на небо, въ предѣлы невидимые, гдѣ для избранныхъ нѣтъ ни бѣдности, ни нужды, ни скорби, гдѣ для нихъ уготованы вѣчныя радости и удовольствіе? А этотъ частый взоръ на будущую жизнь не располагаетъ ли бѣднаго къ добродѣтели, къ жизни благочестивой и доброй, могущей поставить его предъ Небеснымъ Судіею одесную Его, на странѣ избранныхъ? О, по истинѣ, сколько богатство удаляетъ человѣка отъ спасенія, столько бѣдность приближаетъ къ оному!

Не допустимъ-же, братія, посмѣваться надъ нами врагу нашего спасенія—діаволу. Это его злоухищреніями мы отдаляемся отъ пути спасенія. Это отъ его коварства мы не видимъ, что спасеніе близь насъ. При обременяющихъ насъ нуждахъ и неудобствахъ обратимся къ милосердому Господу, и Онъ насъ

успокоитъ, не только отъ временныхъ нуждъ, но и утѣшитъ несомнѣнною надеждою будущаго блаженства, ибо Онъ Самъ сказалъ: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы!* Аминь.

Въ 36-ю недѣлю по пятдесятницѣ.

Іисусъ-же рече ему: прозри, вѣра твоя спасе тя (Лук. 18, 42).

Откуда почерпнулъ слѣпой такую вѣру, которая доставила ему чудесное исцѣленіе и которую восхвалилъ Спаситель? Онъ не слѣдовалъ, подобно многимъ другимъ, за Учителемъ вѣры и истины, ибо по слѣпотѣ своей сидѣлъ на одномъ мѣстѣ и просилъ себѣ у проходящихъ милостыню, а чудесъ, которыя творилъ Господь вокругъ себя и которыя могли-бы расположить его къ вѣрѣ, не видѣлъ. Откуда-же пріобрѣлъ онъ такую вѣру? Конечно слѣпота его, одно изъ несчастнѣйшихъ состояній въ семъ мірѣ, могла обратить сердце его къ Богу и возбудить въ немъ вѣру.

И всякаго рода несчастія и скорби имѣютъ самое благодѣтельное вліяніе на духовную жизнь человѣка. Что, если-бы Господь не посѣщалъ насъ скорбями, нуждами и несчастіями? Если и при нихъ мы такъ склонны ко грѣху, такъ падки на увеселенія суетныя, то безъ нихъ, быть можетъ, и вовсе забыли-бы Бога и совершенно погрязли-бы въ нечестіи. Постоянное счастіе какъ усыпительное питіе для души, всегда содержитъ человѣка въ неестественномъ обаяніи: онъ спокоенъ, но спокойствіе его подобится стоячей и зловонной безднѣ; онъ обладаетъ многими благами, но не знаетъ цѣны имъ, ибо привыкъ къ нимъ; не испытавъ потери ихъ, онъ забываетъ Раздаятеля ихъ, не помнитъ обязанности благодарить Его, ибо считаетъ блага своимъ неотъемленнымъ достояніемъ; онъ иногда творитъ дѣла милосердія, но не Господь—источникъ сихъ дѣлъ: ихъ раждаетъ или тщеславіе, или тайное своекорыстіе, или

другія какія суетныя причины; онъ ходитъ и въ храмъ и молится Богу, но въ то-же время сохраняетъ холодность въ сердцѣ, безжизненность на лицѣ, небрежность въ движеніи руки, спѣсь въ наклоненіяхъ головы. Душу счастливца полнаго можно вѣрно уподобить тѣлу, утучненному вкусною и обильною пищею и крѣпкимъ питіемъ. Какъ такое тѣло неспособно ни къ какому усердному труду: такъ душа счастливца не способна къ подвигамъ христіанскимъ, къ дѣламъ вѣры и добродѣтели.

Не то бываетъ съ человѣкомъ, подвергающимся скорбямъ и несчастіямъ. Скорби часто исправляютъ людей самыхъ закоснѣлыхъ въ невѣріи и нечестіи. Это подтверждаютъ безчисленные примѣры. Сколько явныхъ безбожниковъ несчастія сдѣлали самыми усердными христіанами? Сколько открытыхъ развратниковъ они сдѣлали добродѣтельными? Кто съ жаждою спѣшитъ въ храмъ Божій, молится тамъ съ пламеннымъ чувствомъ, омочаетъ помостъ церковный слезами умиленія? Кто посѣщаетъ отдаленныя святыя мѣста, гробы мучениковъ, святителей и другихъ святыхъ? Кто тайно приноситъ свои избытки или въ даръ церкви, или на многоразличныя вспоможенія бѣднымъ и безпріютнымъ? Это все дѣлаютъ не счастливцы, а люди, которыхъ Господь посѣтилъ несчастіями и скорбями. Эти-же люди безъ скорбей ничего подобнаго не дѣлали-бы.

Что-же для насъ скорби, братія? Не суть-ли онѣ для насъ тѣ благодѣтельныя средства, которыя посылаетъ Господь для нашей пользы, для нашего спасенія? По истинѣ такъ. Былъ нѣкогда избранный Богомъ народъ Еврейскій. Но чѣмъ Господь сей любимый народъ отклонялъ отъ нечестія и идолослуженія? Скорбями и несчастіями. Онъ учащалъ наказанія имъ, возлагалъ раны на раны и этимъ только могъ сохранить въ нихъ познаніе истиннаго Бога. Всѣ высочайшія благодѣянія Божіи, всѣ чудеса его не могли этого сдѣлать. — Не для того-ли и намъ, братія, посылаются скорби?

Потому, сколь неразуменъ тотъ, кто, при постигшихъ его скорбяхъ, жалуется и ропщетъ! Не роптать должно тогда, но

благодарно лобызать десницу Божію, временно наказующую насъ для вѣчнаго нашего спасенія.

Но, скажетъ кто либо: часто приходитъ на насъ несчастіе отъ злобы и нерасположенія людей, а не отъ Бога, Что-же? Ужели это можетъ затруднять христіанина? Не самъ-ли Господь сказалъ, что и *волосъ главы вашея не погибнетъ безъ воли Божіей?* Слѣдовательно всякое несчастіе, откуда-бы оно ни приходило, не по соизволенію ли Божію бываетъ? Злобный человѣкъ наноситъ несчастіе другому по злобѣ своей и за это строго отвѣтитъ предъ Господомъ, но Господь, по непостижимому своему промыслу, устрояетъ такъ, что злоба человѣческая, наносящая видимый вредъ, этимъ самымъ обращается въ пользу подвергшихся сей злобѣ. Господь самую злобу человѣка направляетъ къ пользѣ другихъ, и злобный, самъ того не вѣдая, исполняетъ премудрые планы Божіи. Слѣдовательно, и за тѣ несчастія, которыя наносятъ намъ другіе, надо благодарить Господа, ибо и онѣ суть орудія Его милосердія и отеческой любви къ намъ.

Но,—скажутъ еще,—несчастія и скорби бываютъ не по силамъ нашимъ. И это мнѣніе происходитъ также отъ неразумія. Мы часто видимъ, что съ другими бываютъ страшныя несчастія, но они ихъ переносятъ. А развѣ они не люди? По непреложному слову Божію, *со искушеніемъ человѣка посылается ему и избытіе*, т. е. помощь Божія. Не будь только малодушенъ при несчастіи, обратись къ Богу, и Онъ укрѣпитъ твои силы, и всякое несчастіе не будетъ свыше ихъ.

И такъ, братія, да переноситъ терпѣливо всякій изъ насъ тѣ скорби, на кого какія Богъ послалъ, да благодаритъ за нихъ Господа, ибо это знакъ Его отеческаго милосердія къ намъ; паче же всего да стараемся, чтобы эти скорби достигали той цѣли, для которой онѣ посылаются, т. е. чтобы содѣлывали насъ лучше, добродѣтельнѣе, чтобы приближали насъ къ спасенію. Аминь.

Въ 37-ю недѣлю по пятдесятницѣ.

И видѣвше вси роптаху, глаголюще, яко ко. грѣшну мужу внидe витати. (Лук. 19, 7).

Изъ многихъ примѣровъ неосновательности и легкомысленности людей, склонныхъ къ осужденію другихъ, нынѣшнее Евангеліе представляетъ одинъ. Іисусъ Христосъ, *пришедшій* въ міръ *взыскати и спасти погибшаго*, увидя мытаря Закхея, идетъ въ домъ его. И вотъ важный поводъ злосердечныхъ къ злорѣчію.—«Зачѣмъ Онъ пошелъ въ домъ такого человѣка?»—думаютъ и говорятъ осудители. «Онъ угадываетъ помышленія другихъ, какъ же не знаетъ, что Закхей—мытарь, ростовщикъ, что онъ великій грѣшникъ, что онъ раззореніемъ и обидою многихъ нажилъ себѣ богатство. Какое Ему общеніе съ такимъ человѣкомъ?»—Но мы знаемъ, какъ неосновательно было такое злорѣчіе: Іисусъ Христосъ вошелъ въ домъ погибшаго грѣшника. а вышелъ изъ дома покаявшагося и вѣрующаго ученика; до входа Христова домъ сей былъ домомъ погибели и проклятія, а по выходѣ Его домомъ спасенія и благословенія Божія.

Не такъ-ли бываютъ неосновательны и легкомысленны и всѣ осужденія, которыя такъ обыкновенны между нами, которыя такъ любимы людьми праздными и, конечно, или неразумными, или злосердечными? Только послушай довѣрчиво людей злорѣчивыхъ, только дай волю ихъ языку, какъ бритвѣ изощренному, и ты потеряешь всякую вѣру въ добродѣтель человѣка, потеряешь всякое уваженіе, быть можетъ, и къ тѣмъ, кого ранѣе уважалъ, придешь даже къ той мысли, что нѣтъ въ мірѣ добродѣтели, что добродѣтель на землѣ—одна личина, одинъ призракъ. Но, тщательно повѣривъ сообщенныя о другихъ свѣдѣнія, нелѣностно изслѣдовавъ всѣ поводы и причины къ этимъ свѣдѣніямъ, увидишь, что преступленій, о коихъ передавали, не бывало, что обыкновенную слабость человѣка, какой либо неосторожный поступокъ облекли въ великое пре-

ступленіе, что самыя добрыя и благонамѣренныя дѣйствія другихъ выставили дѣлами пронырства и своекорыстія, и что самыя нелѣпыя и дурныя свѣдѣнія сообщены преимущественно о тѣхъ людяхъ, которые лучше, достойнѣе другихъ.

И можетъ-ли быть иначе, потому что ложныя и нелѣпыя свѣдѣнія изобрѣтаютъ злобные и коварные люди, а распространяютъ люди праздные, легкомысленные и слабые по уму. Можно-ли же довѣрять такимъ людямъ? Одни, по какимъ либо коварнымъ и корыстнымъ видамъ, или просто по зависти и недоброжелательству, изыскиваютъ способы очернить достойныхъ людей и для сего изобрѣтаютъ на нихъ клеветы; другіе, по недостатку своего ума, принимаютъ клеветы за истину, сами вѣрятъ имъ, увѣряютъ другихъ и, чтобы заставить одного почитать себя за занимательность сообщаемыхъ ими новостей, а иного—бояться ихъ, какъ все знающихъ, сообщаютъ всякому встрѣчному неблаговидныя свѣдѣнія о другихъ, сообщаютъ съ прикрасами, добавленіями, а, чтобы ясно не показать своего злоязычія, сообщаютъ со вздохомъ, какъ бы съ сожалѣніемъ о заблудшихъ, со скорбію о нихъ. И вотъ является въ глазахъ многихъ страшный человѣкъ, человѣкъ обвиняемый въ небывалыхъ преступленіяхъ, осуждаемый въ такихъ поступкахъ, за которые, быть можетъ, чаялъ благодарности и уваженія, — человѣкъ, виновный только тѣмъ, что имѣлъ несчастіе заслужить (почти всегда самъ не вѣдая чѣмъ) нерасположеніе злобнаго человѣка. А кто можетъ угодить злобнымъ и спасти себя отъ ихъ преслѣдованій? Пусть сойдетъ на землю ангелъ и приметъ на себя какую угодно обязанность, злобные и имъ будутъ недовольны и въ немъ найдутъ недостатки, потому что разсудокъ злобнаго омраченъ злобою и посему все свѣтлое, прекрасное, достойное уваженія кажется ему темнымъ, мрачнымъ, дурнымъ.

Можно-ли представить жизнь выше, святѣе, совершеннѣе жизни Спасителя нашего Іисуса Христа? Но что мы видимъ? Онъ воздержаніемъ своимъ удивляетъ ангеловъ, а находятся люди, которые называютъ Его *ядцею и пійцею;* Онъ бесѣдуетъ съ мытарями и грѣшниками для обращенія ихъ на путь вѣры и добродѣтели, а злобные называютъ Его другомъ мытарей и

грѣшниковъ; Онъ проповѣдуетъ слово живота и блаженства, такъ что *вси въ сладость Его слушаютъ*, а находятся нѣкоторые, которые говорятъ: *жестоко есть слово Его и неудобоисполнимо;* Онъ творитъ чудеса, которыя удивляютъ всѣхъ и заставляютъ славословить въ Немъ всемогущество Божіе, а злоба говоритъ, что Онъ творитъ чудеса *о силѣ бѣсовстей.*— Что же можетъ быть ниже, неосновательнѣе, лживѣе тѣхъ осужденій, тѣхъ слуховъ, которые выдумываютъ злые люди и распространяютъ люди праздные и легкомысленные?

А если такъ неосновательны и лживы осужденія другихъ, если источникомъ ихъ бываетъ злоба, а распространяетъ ихъ легкомысліе, глупость и праздность, то какъ погрѣшаютъ тѣ, которые даютъ вѣру этимъ слухамъ и осужденіямъ и на нихъ основываютъ свое мнѣніе о другихъ? Не походятъ ли они на тѣхъ, которые, увидя на поверхности рѣки нанесенный вѣтромъ и несущійся по водѣ соръ, сказали бы: какая мутная рѣка, какая нечистая вода? Отнимаетъ ли достоинство воды то, что по ней пронесется вѣтромъ нанесенная нечистота? Равнымъ образомъ, можно ли поставить человѣку въ вину то, что злобному вздумалось взвести на него клевету, а праздным—распространить ее?

Но скажутъ: бываютъ слухи и справедливые. Что же изъ этого? Какая польза отъ того будетъ, что мы узнаемъ о справедливомъ проступкѣ другого? Обличить его, наставить? Но на это есть начальники, есть пастыри и учители. А у нихъ много другихъ благороднѣйшихъ способовъ къ исправленію и назиданію проступившихся и согрѣшившихъ. Лучше, безгрѣшнѣе вовсе не вѣрить этимъ слухамъ, даже лучше вовсе не внимать имъ. Этимъ мы не только избавимъ себя отъ тяжкаго грѣха-осужденія, но и отучимъ отъ наклонности осуждать тѣхъ, которые любятъ злословить другихъ. Ихъ злорѣчіе въ нашей къ нимъ невнимательности найдетъ явное обличеніе. Они будутъ переходить отъ одного къ другому съ своими вѣстями, но не найдя нигдѣ сочувствія, не встрѣтивъ одобренія и вниманія, сами устыдятся своей наклонности, сами почувствуютъ

низость своихъ дѣйствій и будутъ мало-по-малу отставать отъ своей неблаговидной привычки.

Всѣ осуждающіе другихъ да памятуютъ сіе наставленіе Спасителя: *не судите, да не судими будете. Имже бо судомъ судите, судятъ вамъ: и въ ню же мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ* (Мато. 7, 1, 2). Всѣ внимающіе и довѣряющіе осужденіямъ другихъ да удержатся отъ сего сими словами Господа: *вся убо, елика аще хощете, да творятъ вамъ человѣцы, тако и вы творите имъ* (Мато. 7, 12), т. е. если желаете, чтобы другіе не довѣряли и не внимали слухамъ и осужденіямъ, распространяемымъ о васъ, то не довѣряйте и не внимайте и тѣмъ слухамъ, которые о другихъ распространяются. Аминь.

Въ недѣлю по Воздвиженіи.

Иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе и возметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ (Марк. 8, 34).

Несеніе креста есть необходимая обязанность христіанина. *Елицы во Христа Іисуса крестихомся, въ смерть Его крестихомся* (Римл. 6, 3). Но не прошло ли время для христіанскаго терпѣнія? Не углаженъ ли путь тернистый прежними крестоносными подвижниками? Слово крестное не есть ли для насъ нынѣ одно напоминаніе тѣхъ ужасныхъ временъ для христіанъ, въ которыя они ежечасно должны были быть готовы положить души свои за исповѣданіе Христа? Нѣтъ, таковыя мысли о крестѣ весьма пагубны: во всякое время слово крестное только погибающимъ юродство есть, а спасаемымъ сила Божія есть. Ибо хотя въ настоящее время за исповѣданіе имени Христова не подвергаютъ мученіямъ, не лишаютъ благъ міра, а во всемъ мірѣ церковь наслаждается наружнымъ миромъ незыблемымъ; но тѣмъ болѣе опасности для христіанина, тѣмъ необходимѣе для него слово крестное. Когда были явные враги Христа, тогда послѣдователи Христовы всегда были на стражѣ, и подъ знаменіемъ

Креста Христова воинствуя противъ внѣшнихъ враговъ, они въ тоже время были готовы на отраженіе внутреннихъ своихъ враговъ. Нынѣ же, когда мы не видимъ открытыхъ враговъ нашей вѣры и явной опасности для нея, скорѣе успокоиваемся и перестаемъ бодрствовать, а этимъ даемъ всю возможность вредить намъ тайнымъ нашимъ врагамъ. не тѣмъ врагамъ, кои убиваютъ тѣло и не могутъ лишшаго что сотворить, а тѣмъ, которые причиняютъ погибель душѣ. Да, братія, если мы вникнемъ въ дѣйствія нашихъ враговъ, непрестанно насъ окружающихъ. раскроемъ ихъ средства, къ коимъ они прибѣгаютъ для нашего погубленія, разсудимъ, какая нужна намъ бдительность, дабы не подвергнуться нечаянному нападенію, а при нападеніи какая нужна твердость, то увидимъ, что крестъ христіанина и въ настоящее время столько же необходимъ для насъ, сколько былъ необходимъ въ первыя времена церкви Христовой. Кто-же враги нашего спасенія? Міръ, плоть и діаволъ,—вотъ страшные враги нашей души. Кто хотя нѣсколько подвизался на стези спасенія, тотъ имѣетъ понятіе объ ихъ дѣйствіяхъ. Міръ со своими сокровищами и соблазнительными удовольствіями, плоть съ нечистыми желаніями и похотями, діаволъ съ злыми намѣреніями и богопротивными мыслями непрестанно вооружаются противъ человѣка—христіанина и стараются отвлечь его отъ жизни Божіей и тѣмъ удалить его отъ вѣчнаго спасенія. Какая опасность подвижнику Божію! Какое трудное бореніе со столь трудными врагами! Но опасность еще увеличивается тѣмъ, что враги наши не всегда ведутъ открытую войну съ нами, а часто подъ видомъ блага нашего вредятъ намъ тайнымъ образомъ. Само слово Божіе говоритъ, что сатана нерѣдко преобразуется въ ангела свѣтла, а міръ и плоть всегда дѣйствуютъ, какъ ложные друзья наши. Всѣ страсти наши, столь неприличныя христіанамъ, льстивымъ міромъ наименованы громкими именами добродѣтелей: честолюбіе огнь, пожирающій всѣ способности человѣка, наименовано геніальнымъ стремленіемъ къ великому и прекрасному; самолюбіе,—идолъ суетности человѣческой, наречено благороднымъ сознаніемъ собственнаго достоинства; безумная расточи-

тельность названа христіанскимъ пренебреженіемъ благъ міра; скупость—благородною предусмотрительностію. Самыя низкія похоти и гнусныя желанія оправдываются мнимою необходимостію природы человѣческой. А что сказать о льстивыхъ дѣйствіяхъ діавола? обращающагося на путь добродѣтели грѣшника онъ пугаетъ невозможностію исправленія; начавшаго только исправленіе онъ убиваетъ представленіемъ уже великой святости. Дерзость и хитрость его касаются самаго Слова Божія и стараются ложнымъ истолкованіемъ онаго вселить въ христіанина богопротивныя и пагубныя мысли. О христіане! враги наши льстивы и опасность отъ нихъ велика! Потому сколько надобно прозорливости, чтобы всегда видѣть дѣйствія духа лестча, сколько нужно самоотверженія, чтобы пренебречь всѣ лукавыя обаянія міра и умертвить въ себѣ похотныя желанія. А это самое, христіане, и есть тотъ крестъ, который предлагаетъ намъ Спаситель пріять на рамена свои и послѣдовать Ему: *иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себѣ и возметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ.*

Но какъ нѣкогда самый крестъ Христовъ для однихъ служилъ соблазномъ, а для другихъ безуміемъ, такъ и нынѣ нашъ крестъ, т. е. духовная борьба наша съ врагами нашего спасенія возбуждаетъ посмѣяніе въ заблудшихъ нашихъ братіяхъ. *Почему мы*, говорятъ они, *не испытываемъ внутреннихъ бореній съ міромъ, плотію и діаволомъ; почему козни ихъ намъ неизвѣстны?* Заблужденіе! Страшенъ ли непріятелю и стоитъ ли его нападенія тотъ воинъ, который прежде брани бросилъ свое оружіе и отдался въ плѣнъ ему. Равнымъ образомъ, какихъ вы ожидаете нападеній, когда находитесь во власти вражей. За что будетъ враждовать противъ васъ міръ, когда вы чада міра; станетъ ли воевать противъ васъ плоть, когда она пресыщена даже до изможденія страстями вашими; къ чему вооружаться противъ васъ діаволу, когда вы его похоти творите. Духовная жизнь ваша уже умерщвлена и духъ вашъ мертвъ: какой же духовной борьбы ожидать отъ васъ?—А чтобы видѣть, сколько тяжка брань съ врагами нашего спасенія, надобно посмотрѣть на тѣхъ, кои ведутъ духовную жизнь. Тамъ уви-

димъ, что льстивый міръ съ своими соблазнами проходитъ даже во внутреннія клѣти, что сила поста и молитвы едва можетъ удержать въ предѣлахъ бунтующую плоть, что дѣйствія діавола проникаютъ всюду, въ самое святилище храма Божія. Когда все это увидимъ, тогда узнаемъ, что величайшіе подвиги, труднѣйшіе всякой кровопролитной брани, составляютъ крестъ христіанина.

Но трудность несенія креста нашего не должна насъ устрашать и удалять отъ того служенія, безъ котораго невозможно спасеніе. Все, что было сказано о бремени креста, должно только истреблять въ насъ безпечность и удалять слухъ нашъ отъ тѣхъ мудрованій враговъ креста, которые хотятъ судить по своей плотской жизни о духовной жизни христіанина. Какъ ни сильны враги наши, мы имѣемъ вѣрныя средства къ побѣдѣ надъ ними: противъ міра—вѣра наша, противъ плоти—постъ, противъ діавола—молитва. Вѣруйте несомнѣнно, поститесь и молитесь и враги наши обезоружены. При томъ сила Божія не умедлитъ явиться тамъ, гдѣ ослабѣваетъ сила человѣческая. *Вѣренъ Богъ*, говоритъ Апостолъ, *иже не оставитъ васъ искуситися паче, еже можете, но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе, яко возмощи вамъ понести* (1 Кор. 10, 13).

Господи! просвѣти наши умныя очи, укрѣпи наши духовныя силы, да небоязненно подъявъ на рамена крестъ свой, послѣдуемъ Тебѣ и Тебѣ сраспинаяся, съ Тобою нѣкогда и прославимся во царствіи Твоемъ. Аминь.

Въ недѣлю по просвѣщеніи.

1.

Покайтеся, приближися бо царство небесное (Матѳ. 4, 17).

Такъ началась проповѣдь Спасителя нашего Іисуса Христа на землѣ! Пришедши въ міръ грѣшныя спасти, Онъ самыя первыя минуты Своего земнаго служенія посвятилъ грѣшни-

камъ, которые, по выраженію св. писанія, *сѣдятъ во тмѣ и сѣни смертнѣй* (Мато. 4, 16) и самою первою своею проповѣдію старается обратить ихъ на путь истинный. И что же употребляетъ для ихъ обращенія? Угрозы-ли? Наказанія-ли? Нѣтъ, предлагаетъ одно покаяніе, требуетъ одного сознанія своей виновности и исправленія своей жизни; а въ награду за сіе обѣщаетъ царство небесное: *Покайтеся, приближися бо Царство Небесное.*

Повидимому кто бы могъ противиться сему кроткому гласу, призывающему на покаяніе? Кто-бы за столь малую жертву не возжелалъ получить Царства Небеснаго? Но и между нами, братія, есть такіе, которыхъ проповѣдь о покаяніи не всегда приводитъ къ раскаянію въ своихъ грѣхахъ. Какъ часто наши молитвы вмѣсто того, чтобы всегда начинаться слезнымъ прошеніемъ о помилованіи насъ и объ очищеніи отъ беззаконій нашихъ, начинаются прошеніемъ благъ міра? Какъ нерѣдко послѣ проповѣди о покаяніи, вмѣсто того, чтобы выйти изъ храма съ сокрушеніемъ сердца, со слезами на глазахъ, выходятъ съ веселымъ видомъ, съ спокойнымъ духомъ? Отчего это? Оттого, что многіе изъ насъ, конечно по внушенію *духа лестча* (1 Тим. 4, 1), привыкли думать о себѣ, какъ о христіанахъ, уже довольно совершенныхъ, довольно опытныхъ въ дѣлѣ своего спасенія, и потому на проповѣдь о покаяніи взираютъ какъ на поученіе, полезное только явнымъ грѣшникамъ и великимъ преступникамъ, а не имъ. Но таковые мечтатели о своихъ заслугахъ предъ Богомъ не уподобятся ли тому тщеславному фарисею, который дерзнулъ во храмѣ, предъ лицемъ самого Бога говорить: *нѣсмъ яко-же прочіи человѣцы* (Лук. 18, 11), и не всуе ли они, подобно тому же фарисею, ожидаютъ оправданія у Бога? Если св. Отцы, столпы и свѣтила Церкви Божіей, всю жизнь свою подвизавшіеся въ добродѣтели, непрестанно молились Богу и намъ предали молиться о томъ, чтобы Богъ даровалъ *зрѣти своя прегрѣшенія*, мы ли дерзнемъ видѣть въ своихъ хладныхъ исполненіяхъ уставовъ церкви и ничтожныхъ добродѣтеляхъ одну праведность, наши ли суетныя заботы, нечистыя желанія и скверныя разглагольст-

вія не требуютъ чистосердечнаго раскаянія? Нѣтъ, братія, жизнь христіанина, какъ бы она ни была повидимому малопогрѣшительна, непремѣнно должна сопровождаться частымъ и искреннимъ покаяніемъ, и покаяніе равно спасительно какъ малому, такъ и великому грѣшнику.

Ибо что такое великій и малый грѣшникъ? Предъ Богомъ, какъ тотъ, такъ и другой суть преступники Его святаго Закона. Предъ правосудіемъ Божіимъ, какъ малый, такъ и великій грѣхъ суть дѣла, достойныя вѣчнаго проклятія; предъ милосердіемъ же Божіимъ *нѣсть грѣхъ, побѣждающій человѣколюбіе Его*. Богъ говоритъ намъ, что мы о всякомъ праздномъ словѣ должны дать отвѣтъ въ день судный (Матѳ 12, 37). Онъ же говоритъ: *пріидите исправимся, и аще будутъ грѣси ваши яко багряное, яко снѣгъ убѣлю, аще же будутъ яко червленое, яко волну убѣлю* (Ис. 1, 18). Какое же преимущество имѣетъ малый грѣшникъ предъ судомъ Божіимъ? Никакого, если не покаяніе привлечетъ его на сей судъ; ибо и Давидъ воспѣвалъ: *аще беззаконія назриши Господи, Господи. кто постоитъ*. Что же избавитъ насъ отъ осужденія предъ Богомъ? Покаяніе! Оно разрѣшаетъ всякъ союзъ неправды; оно и малаго и великаго грѣшника очищаетъ и дѣлаетъ достойными милосердія Божія.

Конечно, не на лица наши зритъ Господь, когда судитъ насъ, но на наши дѣла и потому взѣшиваетъ тяжесть нашихъ преступленій и взыскиваетъ съ насъ по мѣрѣ нашей вины. Но развѣ Господь открылъ намъ сокровенныя свои мысли о нашихъ дѣлахъ, когда мы столь положительно судимъ о малопогрѣшительности своей? Нѣтъ, братія, *неиспытани судове Господни и неизслѣдовани путіе Его, кто бо совѣтникъ Ему бысть* (Рим. 11, 33, 34); только наша суетность силится разгадать судьбы Божіи, и, разумѣется, въ гаданіяхъ своихъ погрѣшаетъ и противъ Бога и противъ себя. Можетъ быть тотъ, кого мы считаемъ величайшимъ грѣшникомъ, окажется предъ судомъ Божіимъ менѣе виновнымъ, нежели тотъ, кого мы считали, по своему соображенію, праведнымъ. Можетъ быть и наши, столь умаляемые нами, проступки будутъ строго взыс-

каны всевѣдущимъ Судіею. Если и гражданскій судъ взвѣшиваетъ преступленія не по одной важности ихъ, но принимаетъ въ разсмотрѣніе обстоятельства, предшествующія преступленію, предъ судомъ же Божіимъ можетъ ли быть что опущено?.. Если, по собственному нашему разсужденію, оказывается болѣе виновнымъ тотъ, кто будучи воспитанъ въ страхѣ и наказаніи Господнемъ, впалъ въ преступленіе, нежели тотъ, кто, отъ юности своей окруженный всякаго рода соблазнами, введенъ былъ въ тоже преступленіе: то можемъ ли мы предъузнать слѣдствія суда Божія о нашихъ грѣхахъ, когда на немъ самыя сокровеннѣйшія наши помышленія предстанутъ на сужденіе; можемъ ли мы извинять свои нечистые помыслы и праздныя слова и считать ихъ незаслуживающими раскаянія предъ Богомъ, когда съ ними предстанетъ на судъ то, что мы съ млекомъ матери всосали Божественныя истины религіи, что отъ юности своей поучались страху Божію? Нѣтъ, братія, страшно впасть въ руцѣ Бога живаго безъ покаянія: на судъ Его и самый малый грѣхъ предстанетъ чудовищемъ. Потому будемъ молить Бога, чтобы Онъ даровалъ намъ зрѣть наши согрѣшенія во всей ихъ важности и послалъ намъ искреннее въ нихъ раскаяніе.

Но положимъ, что наши проступки были бы предъ Богомъ точно малы и незначительны. Но развѣ это даетъ поводъ къ спокойному въ нихъ пребыванію? Развѣ это состояніе близко къ спасенію? Нѣтъ, если по собственному своему сознанію стоя не на отдаленной чертѣ своего спасенія, не хотимъ и и перстомъ двигнуть для полнаго чрезъ покаяніе соединенія съ Богомъ, не хотимъ усилить старанія для такого дѣла, которое требуетъ всѣхъ жертвъ, то таковое состояніе столько опасно, сколько мы и не воображаемъ. Посмотрите на Іуду, разсмотрите его жизнь! Могъ ли быть онъ порочнымъ, когда всюду слѣдовалъ за Учителемъ всякаго добра? Могъ ли быть нарушителемъ уставовъ Церкви, когда всюду находился при Главѣ Церкви? Одна въ немъ страсть таилась, одно желаніе сребра въ немъ сокрывалось; въ одной сей страсти онъ не принесъ заблаговременно чистосердечнаго раскаянія и эта

страсть вовлекла его въ ужаснѣйшее преступленіе и навѣки погубила. Подобнымъ образомъ и всякое въ насъ нечистое пожеланіе, всякій, повидимому маловажный, навыкъ можетъ со временемъ ввести въ величайшій порокъ и ввергнуть въ вѣчную погибель, если будемъ лелѣять свои пожеланія, пребывать въ своихъ навыкахъ, если не очистимъ себя отъ нихъ искреннимъ покаяніемъ. Потому то св. Апостолъ Павелъ, избѣгая грѣха, какъ геенскаго огня, самую наклонность ко грѣху человѣческой природы считалъ уже грѣхомъ и сознавался въ ней, какъ величайшій преступникъ: *окаянень азъ человѣкъ*, говоритъ онъ, *кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея* (Рим. 7, 24).

Да, братія, покаяніе необходимо, какъ бы мы не умаляли грѣхи свои. Самое это умаленіе доказываетъ необходимость для насъ покаянія и то, сколь на низкой степени стоимъ мы въ Церкви Христовой. Мы говоримъ, что ведемъ жизнь свою довольно добродѣтельно, но не подобимся ли въ этомъ случаѣ тѣмъ убогимъ жителямъ отдаленныхъ весей, кои, никогда не видя благоустроенныхъ градовъ и, слѣдовательно, не имѣя объ нихъ никакого понятія, думаютъ, что ихъ жилища и великолѣпны и удобны и красивы. Пусть убогій селянинъ посмотритъ на благоустроенный градъ, и онъ узнаетъ и бѣдность, и неудобство, и неблагообразность своего дома. Равнымъ образомъ пусть всякій изъ насъ обратитъ взоръ свой на тотъ градъ Божій, который составляетъ на землѣ истинную Церковь Христову, вникнетъ въ исторіи св. Отцевъ, и мы всѣ увидимъ, что добродѣтели наши, коими мы хвалимся, весьма маловажны, а проступки наши, кои мы считаемъ столь ничтожными, весьма велики и гибельны. Если св. Отцы, считая всякое праздное слово великимъ грѣхомъ, налагали на себя всегдашнее молчаніе; если всякое поползновеніе плоти почитая осквернѣніемъ внутренняго храма души своей, истощали тѣло свое тяжкими подвигами; если заслуженную своею святою жизнью отъ другихъ славу считая орудіемъ діавола для водворенія въ нихъ духовной гордости, удалялись отъ почитающихъ ихъ людей въ отдаленнѣйшія пустынныя мѣста, и если, наконецъ, когда имъ

по попущенію Божію случалось впасть въ какое либо согрѣшеніе, какими горькими слезами раскаянія омывали свой проступокъ, то можемъ ли думать, что наши празднословіе, обиды, осужденіе, зависть, съ коими свыклись, такъ сказать сроднились, суть маловажные ничего не значущіе грѣхи, можемъ ли еще при томъ хвалиться своею доброю жизнію; можемъ ли полагать, что покаяніе для насъ не необходимо? Нѣтъ, мы спимъ грѣховнымъ, гибельнымъ сномъ, и изъ сего сна можетъ пробудить насъ только покаяніе. Одно оно можетъ предъ очами Божіими грѣхи наши умалить, а добродѣтелямъ дать настоящую цѣну. оно одно можетъ приблизить къ намъ Царство Небесное. отъ коего мы теперь безмѣрно удалены.

Потому, братія, истребимъ въ себѣ всякое вредное мечтаніе о своей малопогрѣшительности, или о своихъ заслугахъ въ духовной жизни, а подобно всѣмъ подвижникамъ Христовымъ, будемъ самое праздное слово считать грѣхомъ гибельнымъ, достойнымъ вѣчнаго осужденія, и въ такомъ расположеніи души своей будемъ молиться Небесному Отцу, столь Милосердому къ кающимся, чтобы Онъ умягчилъ наши сердца, возбудилъ въ нашей душѣ сознаніе своей грѣховности и слезное раскаяніе. Тогда поистинѣ Царствіе Божіе къ намъ приблизится и дверь милосердія для насъ отверзется. Аминь.

2.

Покайтеся, приближися бо Царство Небесное. (Матѳ, 4, 17).

Такъ началъ Свою проповѣдь на землѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. *Покайтеся*—было Его первымъ словомъ къ людямъ. Онъ, какъ свѣтъ небесный, возсіявшій въ странѣ и сѣни смертнѣй, при первомъ появленіи Своемъ, озарилъ людей, сѣдящихъ во тьмѣ грѣховной и прямо указалъ имъ на покаяніе, какъ на истинный путь къ достиженію Царства Небеснаго. *Покайтеся, приближися бо царство Небесное.*

Чему Христосъ училъ, тому же поучаетъ и Церковь Хри-

стова. Она, какъ наслѣдница любви, власти и силы Христовой, и вмѣстѣ какъ попечительнѣйшая мать, заботящаяся о нашемъ спасеніи, непрестанно предлагаетъ намъ покаяніе, какъ надежнѣйшее средство ко спасенію, предлагаетъ не только тѣмъ, кои вступаютъ въ нѣдра церкви, но предлагаетъ и всѣмъ, давно обрѣтающимся въ ней. «Покайтеся», говоритъ она намъ; «грѣхи ваши отдаляютъ васъ отъ Господа, грѣхи вамъ застѣняютъ Царство Небесное: омыйтеся отъ нихъ, принесите плоды достойные покаянія, и вы—съ Господомъ и Царство Небесное къ вамъ приблизится».

И вступѣ ли остаются заботы ея о насъ? О, съ какимъ утѣшеніемъ взираетъ она на то, какъ по призыву ея христіане во дни св. четыредесятницы, а нѣкоторые избранные и во всѣ установленные ею посты, спѣшатъ во храмы Божіи, чтобы тамъ въ сокрушеніи духа, предъ лицемъ всевидящаго Бога, чрезъ посредство служителя Его, принести искреннее раскаяніе во грѣхахъ своихъ и получить отпущеніе въ нихъ! Съ какою радостію взираетъ она, какъ благочестивыя ея чада, примиренныя чрезъ покаяніе съ Богомъ и самими собою, благодарственно повергаются предъ Милосердымъ Господомъ, благодатно уврачевавшимъ, утѣшившимъ ихъ! Но умолчимъ ли, братія, что между христіанами находятся и такіе, которые покаяніе считаютъ бременемъ, тягостнымъ, по ихъ мнѣнію, для немощнаго человѣческаго естества. «Хорошо каяться», говорятъ они, «чтобы послѣ уже не грѣшить. Но какъ невозможно не согрѣшать, то къ чему пользуетъ частое повтореніе покаянія? Не значитъ ли покаяніемъ болѣе раздражать Господа?» Колеблемые такими сомнѣніями, нѣкоторые изъ христіанъ или рѣдко прибѣгаютъ къ покаянію, или приносятъ покаяніе холодно, какъ бы только для того, чтобы не показать явнаго разрыва съ Церковію. Конечно, кто возлюбилъ сладость грѣха, кто подавилъ въ себѣ естественное чувство скорби, раждаемой грѣхомъ; того трудно увѣрить, что нѣтъ бремени тягостнѣе, какъ бремя грѣха, что покаяніе не есть бремя, но спасительное избавленіе отъ бремени, и что частое повтореніе истиннаго покаянія не раздражаетъ, но умилостивляетъ Бога. Но для тѣхъ, кои рѣдко прибѣгаютъ

къ покаянію, или прибѣгаютъ съ колебаніемъ, единственно потому, что не имѣютъ твердаго понятія о милосердіи Божіемъ, для тѣхъ предлагаемъ краткую бесѣду о томъ, что Господь всегда пріемлетъ искреннее покаяніе и что чѣмъ чаще повторяется оно, тѣмъ вѣрнѣе спасаетъ грѣшника. Кто изъ насъ, братія, не постигаетъ важности тѣхъ обѣтовъ, которые мы даемъ при вступленіи въ христіанство? Божественной силы тѣхъ даровъ, которыхъ при томъ сподобляемся? Мы чрезъ крещеніе вступаемъ въ тѣснѣйшій союзъ съ Господомъ, давъ клятвенное обѣщаніе предъ всею церковію хранить сей союзъ, скрѣплять его болѣе и болѣе: чрезъ муропомазаніе сподобляемся вседѣйствующей и всеукрѣпляющей благодати Св. Духа, и наконецъ въ Таинствѣ Причащенія соединяемся съ Господомъ и становимся причастными жизни вѣчной. И чтожъ? Мы, присніи Богу, мы сыны и наслѣдники Его сами разрушаемъ сей союзъ, сами поползновеніемъ ко грѣху отторгаемъ себя отъ любви Божіей и повергаемъ въ погибель. Но оставляетъ ли насъ Господь? Дастъ ли намъ погибнуть? О, нѣтъ. Онъ съ тѣмъ же милосердіемъ, съ тою же любовію, съ какими вознесъ Себя на крестъ за грѣхи наши, предлагаетъ новое средство къ примиренію съ Собою, къ нашему спасенію предлагаетъ покаяніе. Мы принимаемъ оное съ благодарностію, оплакиваемъ свое поведеніе, исповѣдуемъ свои грѣхи предъ получившимъ власть отъ Господа вязать и рѣшить и получаемъ прощеніе. Мы снова въ союзѣ съ Господомъ, мы снова пользуемся Его благодатію. Но, увлеченные соблазнами, немощію естества, мы опять удаляемся на страну далече. опять лишаемся любви отчей. Ужели нѣтъ средства снова войти въ союзъ съ Господомъ? Ужели милосердіе Божіе истощилось? Ужели любовь Божія, та любовь, которая преклонила небо до земли, которая предала Единороднаго Сына Божія въ руки беззаконниковъ, изсякла? О, нѣтъ! Любовь Божія неистощима, двери милосердія всегда отверзаются по гласу покаянія, только покаяніе было бы искренно, только исповѣданіе грѣховъ было бы свободно, только намѣреніе исправиться было-бы нельстиво. Потому Церковь Христова, основанная на любви Божіей, руководствующаяся ми-

лосердіемъ Божіимъ, никогда не отвергаетъ покаянія грѣшника; напротивъ она требуетъ частаго покаянія, и только отъ слабыхъ, маломощныхъ въ духовныхъ подвигахъ христіанъ снисходительно ожидаетъ ежегоднаго исповѣданія грѣховъ, всѣхъ прочихъ увѣщеваетъ прибѣгать, какъ можно чаще, къ очищенію себя отъ грѣховъ чрезъ покаяніе.

Чтобы видѣть, что такое попеченіе церкви совершенно согласно съ ученіемъ Спасителя, стоитъ только раскрыть слово Божіе. Что означаютъ притчи Христовы: о заблудшей овцѣ, о потерянной драхмѣ, о блудномъ сынѣ? Не значатъ ли онѣ, что любовь Божія не только всегда готова простить грѣшника, но и заботливо искать его и, найдя, радостно принимать? А слова Спасителя, что *радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшникѣ кающемся* болѣе *нежели о девятидесятихъ и девяти праведникахъ, иже не требуютъ покаянія,* не доказываетъ ли, что любовь Божія къ кающимся грѣшникамъ не имѣетъ границъ? Усомнится ли кто послѣ сего въ милосердіи Божіемъ къ грѣшнику? Подумаетъ ли кто, что частыя уклоненія его отъ закона Господня дѣлаютъ безполезными самыя искреннія покаянія?... Если еще колеблются сомнѣнія, приведемъ на память отвѣтъ Спасителя на вопросъ Апостола Петра. Св. Апостолъ вопрошаетъ: *Господи, колъ краты, аще согрѣшитъ въ мя братъ мой, и отпущу ли ему до седмь кратъ.* Что же ему отвѣчаетъ Господь? *Не глаголю тебѣ до седмь кратъ, но до семдесятъ кратъ седмерицею* (Матѳ. 18, 21, 22). Если Господь повелѣваетъ человѣку быть столь милосердымъ, не ясно-ли симъ даетъ уразумѣть, что милосердіе Божіе гораздо обширнѣе, безграничнѣе, что Онъ, желая возвратить человѣку потерянный имъ образъ Божій, внушаетъ ему подражать свойствамъ Божіимъ, подражать конечно въ той степени, въ какой возможно человѣку? А если возможно для человѣка быть такъ милосердымъ, чтобы прощать другаго до семдесятъ кратъ седмерицею, то можно ли не увѣриться въ необъятности милосердія Божія? Можно ли колебаться сомнѣніемъ въ томъ, что Господь не проститъ насъ, при искреннемъ раскаяніи, за наши много-

кратныя оскорбленія Его. за наши многократныя нарушенія обѣщанія исправиться?

О, да разсѣется таковое сомнѣніе наше. Господь милосердъ и милосердію Его нѣсть конца. Потому да приступаемъ съ дерзновеніемъ къ покаянію, къ исповѣданію грѣховъ такъ часто, какъ предписываетъ Церковь, приступаемъ чаще, какъ когда требуетъ тяжесть грѣховная. Этимъ мы не только не оскорбимъ Господа, только бы покаянія наше было искреннее, сердечное, напротивъ приблизимся къ Нему. Онъ вѣдаетъ немощь нашего естества, Онъ вѣдаетъ, что нѣсть человѣка, иже поживетъ и не согрѣшитъ, вѣдаетъ, что и праведникъ нерѣдко падаетъ; потому и приглашаетъ къ покаянію, приглашаетъ часто, чтобы болѣзнь грѣховная не усилилась въ насъ, не поработила всѣхъ способностей нашихъ, не истребила въ насъ самого чувства потребности покаянія.

Пусть всякій уподобитъ себя сосуду, часто употребляемому, и онъ увидитъ, сколько полезно частое покаяніе. Для чего сосудъ, послѣ каждаго употребленія, обмывается и очищается? Не для того ли, чтобы оставшаяся нечистота не окрѣпла, не въѣлась въ самое вещество сосуда и не сдѣлала его негоднымъ къ употребленію? Равнымъ образомъ не для того ли и намъ предписывается частое покаяніе, чтобы грѣховная нечистота, такъ сказать, не въѣлась въ наше сердце и не сдѣлала насъ вовсе неспособными къ жизни духовной, къ подвигамъ добра? И какъ сосудъ, рѣдко обмываемый, съ трудомъ очищается, а иногда и вовсе теряетъ свое достоинство, и напротивъ, часто обмываемый сосудъ легко и удобно очищается и не теряетъ своей первобытной красоты; такъ и грѣшникъ, рѣдко приступающій къ таинству покаянія, бываетъ хладенъ въ обѣщаніяхъ исправленія нерѣшителенъ, въ упованіи на милосердіе Божіе непостояненъ, и потому нерѣдко и послѣ покаянія остается въ прежней грѣховной нечистотѣ; напротивъ, часто кающійся грѣшникъ пламенно умоляетъ Господа о помилованіи, совершенно уповаетъ на милосердіе Божіе, съ утѣшеніемъ отходитъ отъ исповѣди и годъ отъ году становится чище, лучше, совершеннѣе

И поистинѣ частое и искреннее раскаяніе въ грѣхахъ, частое воздыханіе о немощи плоти и крови могутъ ли не удерживать человѣка отъ грѣховъ, могутъ ли не очищать его постепенно, не усовершать въ добродѣтели? Посмотрите на тѣхъ, кои свѣтятъ въ Церкви Божіей, какъ звѣзды на тверди небесной, и кои между тѣмъ называютъ себя окаяннѣйшими изъ людей. Они велики по добродѣтелямъ своимъ, высоки по дарамъ благодатнымъ; но они непрестанно плачутъ о грѣхахъ своихъ, непрестанно исповѣдаются въ нихъ: потому что всякій невольный помыслъ, всякое слово не о Господѣ, всякій ненамѣренный взоръ на суету считаютъ тяжкими грѣхами. Что ихъ сдѣлало столь совершенными? Безпрестанное вниманіе къ себѣ, непрестанное раскаяніе. И кто усомнится въ близости ихъ ко Господу? Объ нихъ и сказалъ Спаситель: *блажени плачущіе, яко тіи утѣшатся* (Мато. 5, 4). Они плачутъ здѣсь непрестанно о грѣхахъ своихъ, за то тамъ, въ царствіи Божіемъ, насладятся вѣчнымъ блаженствомъ.

И какъ нужно намъ, братія, частое покаяніе! Кто можетъ быть увѣренъ, что его жизнь продлится? Не ежедневные ли опыты надъ окружающими насъ увѣряютъ, что Господь требуетъ къ Себѣ тогда, когда менѣе всего ожидаютъ, и требуетъ часто такъ внезапно, что недостаетъ времени не только приготовиться, какъ должно, къ покаянію, но даже на простое, торопливое исповѣданіе грѣховъ? Что, если постигнетъ такой часъ рѣдко прибѣгающаго къ покаянію? Что, если воззоветъ его Господь съ душею, обезображенною грѣхами?.. Но не грозенъ страшный часъ тому, чья жизнь была постояннымъ сѣтованіемъ о грѣхахъ, чьи дни и мѣсяцы сопровождались исповѣданіемъ грѣховъ. Пусть воззоветъ его Господь въ какой угодно часъ дня и нощи, пусть воззоветъ его къ Себѣ во мгновеніе ока; онъ, усовершившій себя частымъ покаяніемъ, немного уже носитъ нечистотъ грѣховныхъ, свойственныхъ немощи человѣческой, но и о тѣхъ его вздохъ покаянный, тотъ вздохъ, который сопровождалъ каждую минуту его жизни, понесется къ престолу милосердія Господа, какъ жертва умилостивленія, и очиститъ его отъ заразы грѣховной.

Не будемъ, братія, уклоняться отъ покаянія, не будемъ колебаться, приступая къ оному. Мы немощны, мы слабы и непостоянны. Но потому-то и предлагается частое покаяніе. Оно есть плодъ особаго милосердія и любви Божіей къ слабому человѣчеству; оно необходимо для нашего усовершенія, оно спасительно при грозномъ смертномъ часѣ, потому оно есть вѣрное средство достигнуть Царства Небеснаго. Будемъ же чаще, съ истиннымъ сокрушеніемъ, прибѣгать къ сему животворному источнику для омытія своихъ язвъ грѣховныхъ, и милосердіе Божіе пребудетъ всегда съ нами и управитъ насъ въ Царство Небесное. Аминь.

Въ недѣлю мытаря и фарисея.

Глаголю вамъ: яко сниде сей оправданъ въ домъ свой паче онаго: яко всякъ возносяйся, смирится: смиряяй же себе, вознесется. (Лук. 18 14).

Какъ ясно нынѣшняя Евангельская притча говоритъ намъ, что никакія добродѣтели не приближаютъ человѣка ко спасенію, если въ немъ не обрѣтается смиреннаго сердца, что самая молитва его не приноситъ ему ни малѣйшей пользы.

Фарисей по дѣламъ своимъ былъ гораздо достойнѣе Мытаря. Онъ самъ говоритъ о себѣ, и говоритъ предъ Богомъ, слѣдовательно говоритъ не ложно, что онъ не былъ ни хищникомъ, ни прелюбодѣемъ. не подобился ни въ чемъ людямъ развратнымъ, ни самому мытарю, соблюдалъ уставы Церкви и каждогодно удѣлялъ изъ имущества своего на богоугодныя дѣла. Но въ очахъ Божіихъ всѣ сіи заслуги и добродѣтели оказались ничтожными: поелику сердце фарисея было исполнено гордости и высокомѣрія.

Послѣ сей притчи, намъ спасительно, братія, посмотрѣть въ собственное сердце! Какую опасность раскрываетъ она для того, кто чуждъ христіанскаго смиренія!

Св. Отцы, прошедшіе всѣ степени искушеній, встрѣчающихся

на пути спасенія, собственнымъ опытомъ увѣряютъ, что исконный врагъ нашъ діаволъ, ищущій всякую минуту погибели человѣка, сначала старается совратить его съ пути добродѣтели и ввергнуть въ пороки. Но когда не успѣетъ въ этомъ, когда человѣкъ найдетъ довольно силъ и способовъ избѣгнуть разврата,—тогда діаволъ употребляетъ другое средство къ погибели человѣка: онъ старается вселить въ него увѣренность въ собственной святости и преимуществахъ духовныхъ предъ другими. И горе тому, кто поддался сему адскому внушенію, кто возмечталъ о себѣ высоко. Въ этомъ состояніи человѣкъ совершенно находится въ крайней опасности погибели. Онъ не распутствуетъ, но гордость въ немъ преобладаетъ надъ всѣмъ; онъ дѣлаетъ и добро другимъ, но не изъ любви къ добру, а для собственнаго прославленія, онъ ходитъ въ храмъ, но не поражается тамъ благоговѣніемъ и страхомъ, а присутствуетъ въ немъ, по его мнѣнію, какъ одинъ изъ достойнѣйшихъ членовъ дома Божія; молится, но не видно въ глазахъ его слезы раскаянія, на лицѣ черты умиленія и страха, ибо раскаиваться, по его мнѣнію, не въ чемъ, умиляться и страшиться должно грѣшнику, а не ему. О какая дерзость и безуміе! Ничтожная тварь смѣетъ возноситься ничего незначущими дѣлами; сынъ персти не поражается страхомъ присутствія Того, на Кого не смѣютъ и Ангелы взирать!

Чего же добраго можно ожидать отъ такой безумной самоувѣренности, кромѣ вѣчной гибели? Да, братія, погибшій тотъ, кто дерзаетъ мечтать о себѣ высоко. Потому-то Слово Божіе сильно и многократно говоритъ противъ самонадѣянія. Что яснѣе сихъ словъ: *мнящій быти нѣчто, ничтоже есть* или *всякъ возносяйся смирится.* Потому кто страждетъ болѣе или менѣе недугомъ возношенія, тотъ да *смирится*, по слову Спасителя, *яко отроча*, и по Его же обѣщанію *великій наречется во Царствіи Небесномъ.* А что такое смиреніе возможно человѣку, то доказываютъ высочайшіе образцы. Кто въ духовной жизни былъ выше Апостоловъ? Ихъ Самъ Спаситель назвалъ свѣтомъ міра, обѣщалъ посадить на престолахъ, чтобы судить колѣна израилевы. Но они не только не превозносились такими

духовными дарами и преимуществами, но парицали себя отребіемъ міра, т. е. самымъ нечистымъ и негоднымъ вѣществомъ. Кто имѣлъ болѣе Давида преимуществъ и духовныхъ и мірскихъ! Самимъ Богомъ за святость поставленный въ царя, сподобившійся принять обѣтованіе о рожденіи въ своемъ потомствѣ Спасителя, онъ въ духѣ смиренія такъ отзывался о себѣ: *азъ есмь червь, а не человѣкъ, поношеніе и уничиженіе людей.* Можемъ ли мы послѣ сего чѣмъ похвалиться, когда тѣ, въ комъ въ величайшей степени проявилась сила и слава Божія, не дерзали видѣть въ себѣ ничего иного, кромѣ слабостей и несовершенствъ? Что мы сами въ себѣ? Наше тѣло есть земная персть, назначаемая на снѣденіе червей! Нашъ умъ, слабая искра, тлѣющая, но не освѣщающая! Наше сердце—вмѣстилище низкихъ чувствъ и безстыдныхъ пожеланій! Наша воля раба плоти и грѣха! Чтожъ мы? Чѣмъ превознесемся, чѣмъ похвалимся?—Если что либо и есть доброе въ насъ, все это отъ Бога; слѣдовательно одному Богу слава во всѣ роды вѣковъ, а намъ всегдашнее стыдѣніе и уничиженіе.

Боже! милостивъ буде мнѣ тяжкому грѣшнику. Аминь.

Въ недѣлю о блудномъ сынѣ.

Еще же ему далече сущу, узрѣ его отецъ его, и милъ ему бысть, и текъ нападе на выю его и облобыза его. (Лук. 15, 20).

Что можетъ прибавить слово человѣческое къ сему столь трогательному изображенію любви Божіей къ покаявшемуся грѣшнику? Имѣя одну искру благихъ чувствованій въ сердцѣ, можно ли безъ слезъ читать или слушать нынѣшнюю Евангельскую притчу? Господи! Ужели такова любовь Твоя къ намъ недостойнымъ? Ужели всѣ наши студодѣянія не укрываютъ насъ отъ Твоего отеческаго взора? Ужели при самомъ началѣ нашего къ Тебѣ обращенія Ты поспѣшаешь отверсть Свои объятія и не поражаешь насъ даже укоромъ Своимъ? О, можно-

ли въ семъ сомнѣваться? Онъ Самъ такъ изобразилъ любовь Свою къ намъ; Онъ Самъ подтвердилъ это, сказавъ: *тако радость бываетъ предъ Ангелы Божіими о единомъ грѣшникѣ кающемся.*

Спѣши же, христіанская душа, на призывъ любви Небеснаго твоего Отца, оставь грѣховный путь, столь легкомысленно тобою избранный, обратись изъ страны далекой къ долгу отеческому, и ты встрѣтишь объятія Отча, и твое обращеніе исполнитъ чертогъ Господень радостію и веселіемъ.

Но не всякая заблудшая овца спѣшитъ на призывъ Господа, не всякая душа поражается всеобъемлющею любовію Божіею. Иная только воздохнетъ и спѣшитъ раждающуюся въ себѣ такую благодатную искру потушить житейскими попеченіями; иная и вздохомъ не отвѣтитъ на зовъ Господа: такъ она занята суетою міра. Это ли тѣ души, къ которымъ Господь питаетъ такую пламенную, отеческую любовь? Это ли тѣ души, которыя омыты безцѣнною кровію Сына Божія, искуплены Его поносною смертію, прославлены Его преславнымъ воскресеніемъ? Да, братія, это онѣ, для спасенія которыхъ Богъ не пощадилъ Единороднаго Сына Своего; это онѣ, спасенія которыхъ Господь ищетъ всякій часъ, всякую минуту. Откуда же такая жестокость въ отвѣтъ на такую любовь? Откуда такая неблагодарность (въ отвѣтъ) на такія неизреченныя благодѣянія? Откуда такая безпечность твари при всѣхъ попеченіяхъ о ней Творца? О, всему этому причиною тлѣтворная любовь къ міру. Она ожесточаетъ чувства человѣка, она помрачаетъ умъ его, она налагаетъ рабскія оковы на волю его. Міролюбецъ нерѣдко самъ понимаетъ опасность своего положенія, самъ усматриваетъ бездну, къ которой стремится, но не имѣетъ силъ не только разорвать цѣпь, связующую его съ міромъ, но даже пожелать сего отъ всей души: такъ любовь міра опутываетъ его своими тенетами. Хотя за такую любовь не всегда міръ вознаграждаетъ своими благами, хотя и самыя блага скоро наскучиваютъ и теряютъ свою прелесть въ глазахъ міролюбцевъ; но и сіе не въ состояніи отторгнуть ихъ отъ міра. О, неисчислимы тѣ слѣдствія для будущей нашей жизни, которыя происходятъ отъ любви къ міру.

Любовь міра вражда Богу есть, говоритъ Божественное слово, и эта истина выражается на всякомъ міролюбцѣ.

Спаси насъ Господи отъ такой гибельной любви къ міру. Аминь.

Въ недѣлю мясопустную.

Егда пріидетъ Сынъ Человѣческій, въ славѣ своей и вси святіи Ангели съ Нимъ, тогда сядетъ на престолѣ Славы Своея и соберутся предъ Нимъ вси языцы. (Матѳ. 25, 31, 32).

Такъ сказалъ Господь о будущемъ Своемъ пришествіи на землю. Второе пришествіе Его не будетъ таково, каково было первое. Спасти насъ приходилъ Онъ въ смиреніи и уничиженіи, а судить насъ пріидетъ во славѣ и величіи, свойственныхъ Ему, какъ Творцу, Судіи и Богу. Время перваго Его пришествія на землю было многимъ открыто и всѣ праведные радовались наступленію онаго; время второго пришествія никому не открыто,—его не знаютъ ни святые, ни Ангелы: Христосъ придетъ неожиданно, нечаянно: *яко же бо молнія исходитъ отъ востокъ и является до западъ, тако будетъ пришествіе Сына Человѣческаго* (Мато. 24, 27). Тогда одна кроткая звѣзда указала нѣкоторымъ избраннымъ мѣсто рожденія Его на землѣ, а второе явленіе Его ознаменуется тѣмъ, что *солнце померкнетъ, луна не дастъ свѣта своего, звѣзды спадутъ съ небесе и силы небесныя подвигнутся.* (Мато. 24, 29). Тамъ хвалебный гласъ ангельскій возвѣстилъ смиреннымъ пастырямъ явленіе Христово, а здѣсь посланы *Ангелы съ трубнымъ гласомъ великимъ и соберутъ избранныя его отъ четырехъ вѣтръ, отъ конецъ небесъ до конецъ ихъ* (Мато. 24, 31). Тамъ одинъ злочестивый Иродъ смутился и затрепеталъ, а здѣсь *восплачутся вся колѣна земная, когда явится знаменіе Сына Человѣческаго на небеси* (Мато. 24, 30).

Слѣдовательно второе пришествіе Господа будетъ сколько

славно, столько и грозно.—О какъ мы встрѣтимъ, братія, этотъ великій день явленія Господня? А мы встрѣтимъ его всѣ, ибо Онъ придетъ судить всѣхъ безъ изъятія—живыхъ и мертвыхъ. Какъ приближимся къ велелѣпному престолу Славы Божіей? Какъ поднимемъ взоръ Свой на пресвѣтлое лице нашего Владыки? Что возчувствуемъ, когда разгнутся книги и откроются всѣ наши тайныя и явныя дѣла и помышленія? Что возчувствуемъ, когда Господь отдѣлитъ праведныхъ отъ грѣшныхъ и мы узримъ себя ошую Его, въ числѣ послѣднихъ? Что возчувствуемъ, когда услышимъ не сладостный гласъ, призывающій къ блаженству, но грозное отверженіе Божіе отъ лица Его? Осмѣлимся ли тогда умолять о милосердіи? О, не будетъ милосердія тѣмъ, кои въ сей жизни пренебрегали милосердіемъ. Дерзнемъ ли оправдываться немоію своего естества? Но сонмы Святыхъ Божіихъ, имѣвшихъ такое же естество, обличатъ насъ во лжи. Да и допуститъ ли насъ неподкупная совѣсть до какого либо оправданія? Не обличитъ ли она насъ еще прежде обличенія Божія? Что же тогда мы станемъ дѣлать? Куда обратимся? Всюду гнѣвъ и судъ, всюду обличеніе и погибель. Не возстенаемъ ли тогда въ горести и отчаяніи. Не воскликнемъ ли тогда въ безумномъ ужасѣ: камни! падите на насъ; горы! покройте насъ? Но на нашъ стонъ, на наше отчаяніе одинъ адъ отвѣтитъ скрежетомъ зубовъ.—О, страшно, братія, страшно предстать на судъ Божій безъ дѣлъ праведныхъ, съ омраченною грѣхами душею! Даже одно воспоминаніе о немъ наводитъ страхъ!

Но какъ бы этотъ страхъ былъ спасителенъ для насъ, если бы мы какъ можно чаще приводили себѣ на память будущее пришествіе Божіе и судъ Его! Какъ бы этотъ страхъ могъ приготовить насъ къ суду Божію, доколѣ еще есть время и возможность приготовиться. Ибо можно ли непрестанно памятовать о судѣ, о томъ судѣ, на которомъ должно отдать строгій отчетъ нетолько за содѣянные грѣхи и беззаконія, но и за нечистыя мысли и намѣренія, нетолько за всякое суетное дѣло, но и за праздное слово, можно ли памятовать о такомъ судѣ и не поражаться страхомъ? А поражаясь страхомъ.

можно-ли оставаться невнимательнымъ къ самому себѣ, къ своимъ дѣламъ, мыслямъ и словамъ? Потому Слово Божіе и говоритъ: *помни послѣдняя твоя*, т. е. послѣдній судъ, который тебѣ предстоитъ, *и во вѣки не согрѣшиши*.

И поистинѣ, не отъ того ли мы такъ скоры и падки на грѣхъ, что разсѣяны, что отдаляемъ отъ себя всякую мысль объ отвѣтственности предъ Богомъ, о будущемъ судѣ Его? Пусть сластолюбецъ вспомнитъ, что за вожделѣнія плоти, за временную сладость грѣха ему предлежатъ вѣчныя, нескончаемыя мученія въ огнѣ и жупелѣ, и его похоти утихнутъ, его поползновенія ко грѣху ослабнутъ. Пусть неправедный судія въ минуту суда надъ другими обратитъ мысли свои на судъ Божій, на тѣ истязанія, которыя предлежатъ ему за нарушеніе правды и истины, и его судъ будетъ справедливѣе. Пусть завистливый и жестокій памятуетъ, что на судѣ болѣе всего взыщетъ Господь за нарушеніе любви и ихъ чувства къ ближнимъ будутъ мягче, ихъ отношенія снисходительнѣе. Пусть сквернословъ и празднословъ начнутъ всегда держать въ памяти, что на судѣ Божіемъ за всякое праздное слово они дадутъ строгій отвѣтъ, и изъ ихъ устъ перестанетъ исходить всякое слово гнило. Пусть всякій грѣшникъ, при мысли о грѣхѣ, вспомнитъ о судѣ, и страхъ суда удержитъ его отъ грѣха.

Братія! да памятуемъ всегда будущее славное пришествіе Господа и грозный судъ Его, да размышляемъ объ нихъ со всякимъ вниманіемъ; и эта память и это размышленіе, возродивъ въ насъ страхъ, удержатъ насъ отъ грѣховъ и обратятъ на путь истины и добродѣтели. Аминь.

Въ недѣлю сыропустную.

Аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ Небесный. Аще ли не отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ (Матѳ. 6, 14. 15).

Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ нынѣ чтеннымъ Евангеліемъ открываетъ намъ, что человѣкъ, прощая обиды другимъ, симъ приноситъ Богу какъ-бы умилостивительную жертву за свои грѣхи, а не прощая другимъ ихъ оскорбленій, симъ подвергаетъ себя строгой отвѣтственности за свои прегрѣшенія предъ престоломъ Правосуднаго Судіи всѣхъ человѣковъ. Если вы, говоритъ онъ, обиды, нанесенныя вамъ, прощаете, то и Отецъ вашъ Небесный проститъ вамъ ваши согрѣшенія; если же не прощаете обидъ другимъ, то и вашихъ согрѣшеній не отпуститъ вамъ Богъ.

Важность сихъ словъ Спасителя требуетъ, чтобы мы всегда помнили оныя; а паче они должны быть начертаны на сердцахъ нашихъ нынѣ, когда едва ли кто изъ насъ въ предлежащій намъ св. постъ не постарается своимъ искреннимъ покаяніемъ предъ Спасителемъ нашимъ очистить себя отъ грѣховъ. Потому св. Церковь въ сей день, какъ въ преддверіе поста, установила чтеніе сей спасительной истины, дабы напомнить намъ, что прежде, нежели встрѣтимъ дни нашего покаянія, прежде, нежели приступимъ къ сердцевѣдцу Богу съ прошеніемъ объ отпущеніи нашихъ грѣховъ, мы должны простить ближнимъ нашимъ ихъ грѣхи противъ насъ, забыть ихъ оскорбленія, иначе Отецъ Небесный не проститъ намъ нашихъ грѣховъ, и никакой постъ, никакая молитва не преклонятъ Его на милость. Дабы намъ сіе яснѣе видѣть и въ чемъ внутренно убѣдиться, разсмотримъ, братія, какимъ образомъ, не прощая обидъ другимъ, нельзя получить и отъ Бога отпущенія своихъ грѣховъ.

Въ жизни человѣческой бываетъ много случаевъ къ взаимному раздору, и заповѣдь о любви къ ближнимъ весьма часто

нарушается. Трудно сыскать человѣка, который бы не имѣлъ никакого неудовольствія съ другими. Потому Спаситель, снисходя къ слабости людей, заповѣдалъ по крайней мѣрѣ не имѣть жестокосердія и нанесшимъ намъ обиды не мстить, но съ снисхожденіемъ ихъ прощать. — Но какъ мало людей, которые бы прощали другимъ обиды! Сколько несчастныхъ, которые, имѣвъ неосторожность оскорбить какимъ либо образомъ другихъ и симъ навлекши на себя гоненіе ихъ, влачатъ горькую свою жизнь и не могутъ преклонить ихъ на милость и прощеніе! Сколько такихъ жестокихъ людей, которые не стыдятся явно за одно справедливое, но обидное для нихъ слово, мстить! Сколько и тѣхъ хитрыхъ, но болѣе опасныхъ людей, которые, скрывая въ глубинѣ сердца свою ненависть и прикрываясь личиною дружбы, въ дружбѣ же разставляютъ сѣти, дабы удобнѣе изрыть для другихъ яму и ввергнуть ихъ въ оную!—О сихъ-то людяхъ Спаситель и говоритъ, что они не будутъ прощены Богомъ въ ихъ согрѣшеніяхъ, если не оставятъ злобы сердца и не будутъ равнодушно и съ снисхожденіемъ взирать на нанесенныя имъ обиды. *Аще не отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ.*

И можетъ ли Богъ простить сихъ жестокихъ людей! Подвигнетъ ли Его къ милосердію то сердце, которое исполнено ненависти и мщенія, которое не имѣетъ снисхожденія къ слабостямъ другихъ? Притча Іисуса Христа о двухъ должникахъ показываетъ какимъ образомъ Богъ поступитъ съ людьми памятозлобивыми и немилосердыми. Вотъ краткій смыслъ сей притчи: нѣкоему царю нѣкто долженъ былъ тмою талантъ (количество чрезвычайное!) Но когда сей должникъ, не имѣя возможности уплатить свой долгъ, сталъ просить царя о снисхожденіи и долготерпѣніи, то царь, по своему милосердію, простилъ ему весь сей долгъ. Сей же напротивъ, получивъ прощеніе столь чрезвычайнаго долга, своего должника, должнаго ему только сто пѣнязь и неимѣющаго возможности тотчасъ возвратить ихъ ему, посадилъ въ темницу. Царь, узнавши о семъ жестокомъ поступкѣ своего должника, коему онъ простилъ столь

великую сумму, сказалъ ему: рабъ лукавый, я тебѣ простилъ весь твой долгъ; не слѣдовало ли бы и тебѣ помиловать должника твоего, какъ я тебя помиловалъ;—и послѣ сихъ словъ отдалъ его мучителямъ. Но что же далѣе говоритъ Іисусъ Христосъ?—*Тако и Отецъ Мой Небесный сотворитъ вамъ, аще не отпустите кійждо брату своему отъ сердецъ вашихъ прегрѣшенія ихъ* (Мато. 18, 23—35). Вотъ чего долженъ ожидать памятозлобивый, а не отпущенія своихъ грѣховъ!

Памятозлобивый ничего не можетъ противопоставить гнѣву Божію и ничѣмъ не можетъ преклонить Его къ милосердію и къ прощенію своихъ грѣховъ.

Хотя Богъ по любви своей къ роду человѣческому и одно расположеніе человѣка къ добродѣтели считаетъ за великое достоинство; хотя на вѣсахъ Его правосудія и малыя наши добродѣтели не мало значатъ: однако памятозлобивый не можетъ употребить для себя въ пользу сего снисхожденія Божія. Пусть Онъ для умилостивленія Бога представитъ Ему, подобно фарисею, множество своихъ добродѣтелей. Но его добродѣтели предъ очами Божіими ничего не значатъ; одно смиренное признаніе мытаря въ своихъ беззаконіяхъ гораздо пріятнѣе Богу. Ибо истинная добродѣтель происходитъ отъ любви, а памятозлобивый не имѣетъ и капли сего единственнаго источника добродѣтелей; слѣдовательно его добродѣтели не суть истинныя, суть виды добродѣтелей безъ всякаго внутренняго достоинства; и потому Богъ, взирающій не на лицо человѣка, не на внѣшній видъ его добродѣтелей, но на сокровенные изгибы сердца, изъ коего исходитъ каждая добродѣтель, отвратитъ свое лицо отъ добродѣтелей памятозлобиваго и отвергнетъ его прошеніе объ отпущеніи грѣховъ.—Какая самая трудная добродѣтель? Безъ сомнѣнія всякій сознается, что нѣтъ для нашей плоти непріятнѣе, какъ раздать все свое имѣніе нищимъ. Какой самый важный и вмѣстѣ самый рѣдкій подвигъ христіанина? Безъ сомнѣнія тотъ, когда христіанинъ повергаетъ себя мученіямъ за вѣру. Но пусть все это исполнитъ памятозлобивый; пусть онъ раздастъ имѣніе свое нищимъ и приметъ мученіе за исповѣданіе Іисуса Христа.—и тогда онъ никакой жертвы не прине-

сетъ Богу. Вотъ что о семъ говоритъ Апостолъ Павелъ: *аще раздамъ вся имѣнія моя, и аще предамъ тѣло свое во еже сжещи е, любве же немамъ, никая польза ми есть.* Почему же? Поелику *любы*, продолжаетъ онъ, *долготерпитъ, милосердствуетъ* (1 Кор. 13, 3, 4). Слѣдовательно безъ любви, отъ коей раждаются долготерпѣніе и милосердіе, самыя важнѣйшія добродѣтели не имѣютъ вѣса предъ очами Божіими, а слѣдовательно памятозлобивый, чуждый любви и вмѣстѣ чуждый долготерпѣнія и милосердія, не можетъ никакою добродѣтелію подвигнуть Бога къ долготерпѣнію его грѣховъ и къ прощенію ихъ.

Самые духовные дары не могутъ памятозлобивому доставить отпущенія грѣховъ. Хотя бы онъ имѣлъ вѣру, подобную вѣрѣ Авраама, хотя бы имѣлъ даръ пророчества и знанія тайнъ Божіихъ: то и сіе недоставило бы ему отпущенія его грѣховъ, если онъ не оставилъ бы злобы сердца и не отпустилъ бы другимъ ихъ согрѣшеній противъ него. *Аще имамъ пророчество*, говоритъ тотъ же Апостолъ, *и вѣмъ тайна вся и весь разумъ, и аще имамъ всю вѣру: яко и горы преставляти, любве же не имамъ, ничтоже есмь* (1 Кор. 13, 2).

Но искреннее покаяніе не очиститъ ли памятозлобиваго отъ его грѣховъ? Нѣтъ, братія, только «милостивіи помиловани бываютъ» Богомъ. Хотя покаяніе умилостивляетъ Бога, но покаяніе безъ злобы сердца. Пусть памятозлобивый оплакиваетъ свои грѣхи, пусть онъ приноситъ умилостивительныя жертвы Богу, но если не прощаетъ обидъ другимъ, то все сіе будетъ не дѣйствительно. *Аще убо принесеши даръ твой ко алтарю*, говоритъ Спаситель, *и ту помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя: остави ту даръ твой предъ алтаремъ и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ, и тогда пришедъ принеси даръ твой* (Матѳ. 5, 23, 24). Но если Спаситель не пріемлетъ покаянія отъ того, который чѣмъ либо оскорбилъ другаго, то тѣмъ болѣе не приметъ отъ того, который питаетъ ненависть къ другому. Потому онъ въ молитвѣ, данной Апостоламъ, а съ ними и всѣмъ христіанамъ, и употребилъ слова: *и остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ на-*

ими. Не видимъ ли изъ сего, что Богъ не только не пріемлетъ покаянія отъ тѣхъ, кои питаютъ ненависть къ оскорбившимъ ихъ, но и запрещаетъ приносить имъ ежедневную молитву Ему, употребивши въ ней сіи слова, смыслъ коихъ вовсе несогласенъ съ ихъ мыслями и дѣлами.

Такъ, братія, если мы не преклонимъ сердца своего къ милосердію, если по жестокости своей не будемъ прощать другимъ ихъ оскорбленій, то должны навсегда отказаться отъ надежды на прощеніе Богомъ нашихъ грѣховъ. Потому если тяжко и пагубно для насъ бремя нашихъ грѣховъ, если вѣчная погибель для насъ страшна, если желаемъ лучше явиться предъ судомъ Милосерднаго, нежели Правосуднаго Судіи, и наконецъ если есть еще возможность умягчить наше ожесточенное сердце: то непремѣнно должны отложить всякую злобу сердца, должны смотрѣть на всѣ нанесенныя намъ обиды не какъ на обиды, но какъ на слабость людей, творящихъ оныя, и безъ оскорбленія, но съ сожалѣніемъ о нихъ же прощать имъ сіи обиды.

Но, можетъ быть, кто изъ насъ скажетъ: «есть обиды, которыя не будучи весьма важны, могутъ быть нами прощены; но есть обиды столь важныя, что было бы весьма неестественно простить ихъ, какъ, напримѣръ, можно ли равнодушно смотрѣть, когда насъ безъ всякой вины лишаютъ имѣнія, а иногда, что еще болѣе, чести». Такъ, братія, такія обиды весьма важны! Но есть возможность и весьма естественная простить и сіи обиды. Въ первыя минуты оскорбленія, въ первыя минуты возгаравшагося въ душѣ нашей мщенія, мы должны обратиться къ Богу, должны со слезами испросить у Него утѣшенія. Когда молитвенныя слезы ослабятъ нашу горесть, мы должны размыслить, какую пользу принесетъ наше мщеніе: возвратитъ ли оно намъ потерянное, не болѣе ли повредитъ намъ, не отмститъ ли гораздо болѣе за насъ Богъ, какъ Самъ Онъ говоритъ: *Мнѣ отмщеніе, азъ воздамъ* (Рим. 12, 19). Размысли такимъ образомъ, христіанинъ, и твое мщеніе притупитъ свое остріе; а послѣ сего воззри на Распятаго Христа и разсуди, подобна ли обида, тебѣ нанесенная, той, какой подвергался Спаситель, имѣетъ ли твое униженіе хотя малое сравненіе съ

уничиженнымъ состояніемъ Спасителя и, увидѣвъ, сколь ничтожно твое несчастіе въ сравненіи съ поносною казнію Его, вспомни, что Онъ не мстилъ Своимъ мучителямъ, но молился за нихъ къ Отцу Своему и просилъ имъ прощенія; — и тогда невозможно, чтобы ты не простилъ нанесшимъ тебѣ потерю. Но если примѣръ Іисуса Христа высокъ для тебя, если тебѣ нуженъ примѣръ въ равномъ тебѣ человѣкѣ: то посмотри на первомученика Стефана, который, будучи побиваемъ камнями, такъ молился за своихъ мучителей: *Господи! не постави имъ грѣха сего* (Дѣян. 7, 60). Но если и сей примѣръ высокъ для тебя: то обрати взоръ свой на времена ветхозавѣтныя, когда еще заповѣдь о любви ко врагамъ, о прощеніи другимъ обидъ, была неизвѣстна, посмотри на Іосифа, какъ онъ поступилъ съ братьями своими, продавшими его изъ отеческаго дома, въ чуждую землю, и даже покушавшимися на его жизнь, и увидишь, что прощать обиды другимъ весьма естественно. Но не должны ли тебя заставить прощать обиды другимъ одни упоминаемые нами слова Спасителя: *аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный*. Ты говоришь: обида мнѣ нанесенная весьма важна, ее не могу забыть и простить обидѣвшему меня: но неужели думаешь, что твои пороки весьма малозначущи, неужели полагаешь, что они не весьма оскорбляютъ твоего Спасителя. Нѣтъ, христіанинъ, твой и малый порокъ весьма оскорбляетъ всесвятѣйшаго Бога, твое и малое преступленіе раздражаетъ Его, а кольми паче твое великое преступленіе отвращаетъ отъ тебя Бога. Потому пользуйся тою милостію, которую Богъ тебѣ дѣлаетъ, обѣщая тебѣ прощеніе твоихъ грѣховъ, если ты простишь обиды другимъ; пользуйся, говорю, сею милостію и не говори, что твои обиды велики: твой малый грѣхъ тысячекратно превышаетъ всякую нанесенную тебѣ обиду; тебя оскорбили, какъ человѣка, но ты оскорбляешь своими грѣхами—Бога.

И такъ, братія, не прощая обидъ, нанесенныхъ намъ, мы удаляемъ себя отъ Бога и дѣлаемся недостойными Его помилованія и отпущенія нашихъ грѣховъ. Потому будемъ прощать обиды, намъ нанесенныя, будемъ поступать по слову Апо-

стола, который говоритъ: *солнце да не зайдетъ въ гнѣвѣ вашемъ* (Еф. 4, 26), дабы не только безъ всякой злобы сердца вступать въ предлежащій намъ св. постъ и явиться предъ Спасителемъ нашимъ съ прошеніемъ объ отпущеніи нашихъ грѣховъ, но и въ ежедневной нашей молитвѣ не одними словами, но и сердцемъ произносить сіи слова: *остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.* Аминь.

Въ недѣлю православія.

Въ настоящій день св. православная Церковь воспоминаетъ торжество свое надъ всѣми своими внутренними и внѣшними врагами. Вражда противъ Церкви Божіей, начавшаяся съ самаго основанія, продолжалась чрезъ многія столѣтія. Враги ея были многочисленны, сильны, хитры и злобны. Сначала противъ малаго стада Христова вооружались съ неистовствомъ и злобою цѣлые народы; потомъ возстали противъ Церкви Божіей могущественные цари и владыки земли; далѣе явились въ самыхъ нѣдрахъ Церкви еще опаснѣйшіе враги—еретики, извращавшіе чистое ученіе Христово, наконецъ присоединились къ нимъ мудрецы міра и со всѣмъ искусствомъ и хитростію старались святое ученіе христіанское ослабить, подкопать, осмѣять, уничтожить. Не было казни, которая не была бы употреблена для погибели христіанъ; не было лести и обмана, которые не были бы употреблены для совращенія христіанъ; не было софизма и хитросплетенія, которыми бы не совращали христіанъ; не осталось догмата христіанской вѣры, котораго не старались бы или отвергнуть, или извратить, или ослабить, не осталось обряда, котораго не силились бы осмѣять. Все было употреблено къ потрясенію и уничтоженію Православія. Но наконецъ вражда противъ истины истощилась въ своихъ средствахъ, а св. Церковь при вышней Небесной помощи, при ревности своихъ пастырей, при святой жизни чадъ своихъ, не только не ослабла, не оскудѣла отъ столь долговременной и страшной противъ нея вражды, но, напротивъ, болѣе окрѣпла,

украсилась и предстала міру въ торжественномъ благолѣпіи, какъ чистая и непорочная невѣста Небеснаго своего Жениха—Христа. Это то торжество Церкви православной и вспоминается нынѣ.

Какую мысль извлечемъ, братія, изъ воспоминанія о сей дивной судьбѣ Церкви, какъ не ту, что православная Церковь Христова истинна, непоколебима, и что и *врата адовы*, какъ сказалъ Господь, *не одолѣютъ ей?* А эта мысль не приводитъ-ли къ той, сколь жалки вольнодумцы, которые и нынѣ дерзаютъ смотрѣть на догматы вѣры съ сомнѣніемъ и находить уставы Церкви излишнимъ бременемъ. Ужели свидѣтельства столькихъ вѣковъ недостаточно имъ, чтобы убѣдить, что нѣтъ возможности поколебать истину православія? Долговременность гоненій Церкви не доказываетъ ли постоянства бывшихъ враговъ ея? Кровь безчисленнаго числа мучениковъ не доказываетъ-ли злобы гонителей Церкви? Оставшіеся намъ памятники искуствъ и наукъ того времени не доказываютъ ли, что враги Христовы были люди ученые и мудрые? А это все не доказываетъ ли, что Церковь Христова Самимъ Богомъ насаждена и возращена, и что потому никакой умъ, никакая сила, ни поколебать, ни уничтожить ее, не могутъ?

Жалки вольнодумцы, жалки потому, что они считаютъ себя мудрыми, но вольнодумство обличаетъ ихъ въ невѣжествѣ. Они дѣлаютъ возраженія противъ истинъ вѣры, вооружаются противъ уставовъ Церкви, думая, что основываются въ этомъ на началахъ твердыхъ, непоколебимыхъ, новыхъ, до нихъ никому неизвѣстныхъ, но не знаютъ, что были люди, которые съ большею дерзостію вооружались противъ Церкви, съ большею хитростію возражали, но силою Слова Божія, голосомъ истины и святой мудрости были всегда посрамляемы. Православная Церковь не скрыла дѣйствій враговъ вѣры, а, во свидѣтельство и въ наученіе всѣхъ вѣковъ, сохранила въ подробности всѣ средства, всѣ обороты дерзостнаго ума, употребленные противъ истинъ Божественныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранила и то, какимъ образомъ она защитила себя отъ враждебныхъ нападеній. Пусть вольнодумецъ обратится въ сокровищницу бытописаній Церкви, и онъ увидитъ, что все, что онъ находитъ въ непо-

корномъ своемъ умѣ противорѣчащаго уставамъ и ученію Церкви, давно и многократно было употреблено къ низложенію оной, увидитъ и больше того, по вмѣстѣ съ тѣмъ увидитъ, что все это предъ чистымъ и святымъ ученіемъ вѣры всегда разлеталось въ прахъ.

Но оставимъ вольнодумцевъ: по милости и благости Божіей въ нашемъ маломъ стадѣ не обрѣтается таковыхъ. А къ воспоминанію о торжествѣ православія присоединимъ напоминаніе себѣ о томъ, что намъ должно преуспѣвать въ дѣлахъ, предписываемыхъ православною вѣрою. У насъ нынѣ постъ. Этимъ мы отличаемся отъ другихъ. Отличимъ же себя и дѣлами богоугодными. Православная Церковь наша повелѣваетъ съ постомъ тѣлеснымъ непремѣнно соединять и постъ духовный, т. е. обузданіе своея плоти, укрощеніе страстей, прекращеніе злобы и лукавства, преуспѣяніе въ дѣлахъ любви и милосердія. Послѣдуемъ велѣнію матери нашея св. Церкви съ сыновнею преданностію и покорностію, и тогда сугубое будетъ для насъ торжество: торжество нашей Церкви надъ врагами, и торжество нашего духа надъ плотію. А отъ сего двоякаго торжества зависитъ наше вѣчное торжество въ селеніяхъ святыхъ. Аминь.

Въ 1-ю недѣлю великаго поста.

Ей Господи Царю, даруй ми зрѣти моя погрѣшенія. (Мол. св. Ефрема Сирина).

Отчего, братія, нужна намъ высшая помощь, что бы видѣть свои грѣхи и чувствовать тяжесть ихъ? Разстройства тѣлеснаго здравія не узнаемъ ли мы скоро и безошибочно, хотя не всегда бываемъ сами причиною онаго? Какъ же можемъ не знать болѣзней души своей, когда всегда сами и произвольно наносимъ ей грѣховныя раны? Увы, это происходитъ отъ совершеннаго невниманія нашего къ своей душѣ! Забывъ безсмертное ея назначеніе, мы не только о ней заботимся менѣе, нежели о тѣлѣ, но едвали не менѣе, нежели о послѣдней изъ одеждъ, прикрывающихъ тѣло. Всякій знаетъ въ подробности всѣ части своей одежды и, замѣтивъ ветхость, старается во-

зобновить, или замѣнить новою, а о болѣзни тѣла и говорить нечего: всѣ средства немедленно употребляются къ возстановленію здоровья. Одна душа, бѣдная и убогая, обнаженная отъ добрыхъ дѣлъ и поверженная въ бездну порока, смертельно болѣзнуетъ, часъ отъ часу приближается къ вѣчной погибели и человѣкъ не понимаетъ ея смертельной болѣзни! А это состояніе ужасно, и горе человѣку тому, который пребудетъ въ немъ до конца своихъ дней, котораго благодать Божія не вразумитъ благовременно, не просвѣтитъ его духовныхъ очей, чтобы онъ узрѣлъ свои согрѣшенія! Но теперь ли, повидимому, говорить о невѣдѣніи и забвеніи нашего грѣховнаго состоянія, когда въ сіи святые дни многіе уже успѣли принести покаяніе въ своихъ грѣхахъ, а другіе готовятся къ этому? О, теперь, теперь, и болѣе нежели когда либо! Если и теперь, когда все должно насъ расположить къ самопознанію, когда и послѣдній изъ насъ болѣе воздерживается отъ пороковъ, нежели въ другое время, признавая св. постъ временемъ приличнымъ для воздержанія отъ страстей, когда все, и пища, и прекращеніе общественныхъ увеселеній, и примѣръ другихъ благочестивыхъ, должно располагать насъ къ истинному сокрушенію о грѣхахъ своихъ, не говоря уже о слезномъ матернемъ гласѣ Св. Церкви, призывающемъ всѣхъ и каждаго къ покаянію; если и въ сіе святое время многіе и очень многіе не проникаютъ въ глубину своей души, не постигаютъ мрачнаго ея состоянія, то когда же они познаютъ самихъ себя? Только за гробомъ, когда самопознаніе будетъ поздно и произведетъ раскаяніе только для увеличенія адскихъ мученій! Потому теперь-то, когда Господь хранитъ насъ, когда предлагаетъ намъ Свое милосердіе къ покрытію нашихъ грѣховъ, врачество къ исцѣленію нашей душевной немощи, мы должны познать себя, проникнуть внутрь нашей души, разсмотрѣть всѣ грѣховныя язвы ея. Если же наши духовные очи ослѣплены суетою и мертвыми помыслами до того, что не могутъ видѣть своего положенія, мы должны обратиться по гласу Церкви съ слезною молитвою къ Небесному Просвѣтителю нашему Богу, чтобы Онъ снялъ слѣпоту съ очей нашихъ и даровалъ намъ познать согрѣшенія свои во всемъ

ихъ безобразіи. Тогда увидимъ и ужаснемся самихъ себя; забудемъ гордость, когда познаемъ, что мы, поставленные царями надъ всею земною тварью, грѣхами своими содѣлали себя ниже и презрѣннѣе всякой послѣдней твари; тогда возчувствуемъ гнусность плотоугодія и любодѣянія, когда узнаемъ, что плотоугодіемъ мы довели себя хуже, нежели до скотскаго состоянія, а любодѣйствомъ изъ храма Божія, изъ жилища Всесвятѣйшаго Бога, содѣлали себя жилищемъ всякой гнусности и мерзости; тогда очнемся отъ всѣхъ дѣлъ злобы и лукавства, когда увидимъ, что злоба и лукавство поставили насъ въ сродство съ діаволомъ; тогда все наше поведеніе найдемъ неприличнымъ, гнуснымъ и богомерзкимъ, когда познаемъ, что каждое наше дѣло—грѣховно, каждое наше слово—суетно, каждый нашъ шагъ приближаетъ къ гибели. А это то и нужно человѣку, это то и есть главное условіе истиннаго покаянія, котораго недостаетъ въ насъ. Когда всякій изъ насъ узритъ себя и увѣрится во всей неизмѣримой глубинѣ своего, грѣховнаго состоянія, будетъ ли такъ хладенъ въ молитвѣ какъ хладны мы нынѣ, будетъ ли такъ сухъ и не словоохотливъ на исповѣди, какъ мы нынѣ, такъ что безъ спроса духовнаго Отца мы не знали бы что и сказать о своихъ грѣхахъ; будетъ ли такъ маловнимателенъ ко всѣмъ увѣщаніямъ перемѣнить свою грѣховную жизнь, какъ мы нынѣ, силясь немощію естества оправдать всѣ свои гнусные пороки? О, нѣтъ, нѣтъ! Тогда всякій изъ насъ не только не будетъ хладенъ въ молитвѣ, но проліетъ токи слезъ о своемъ гибельномъ состояніи; тогда не только во храмѣ будетъ пламенно молиться, но и дома омочитъ слезами постелю свою; тогда на исповѣди не будетъ забывать своихъ грѣховъ, стыдиться ихъ, но будетъ съ плачемъ и воплемъ изрекать ихъ, моля избавить его отъ нихъ, какъ отъ чудовищъ, вгнѣздившихся въ немъ; тогда не оправдывать себя будетъ, но обвинять, хулить и проклинать и просить возложить на него эпитимію, какъ средство выказать предъ Богомъ свою готовность, все свое расположеніе убѣгать всего того, что повергло его въ такое грѣховное состояніе!

О, братія, братія! Когда мы въ такомъ расположеніи духа будемъ приступать къ покаянію? Когда мы познаемъ себя и узримъ свои согрѣшенія во всемъ ихъ смертоносномъ видѣ? А безъ сего, братія, страшно выразить, пріемлетъ ли Богъ наше покаяніе? О, Боже, Боже! не болѣе ли гнѣвимъ Тебя своимъ покаяніемъ, нежели умилостивляемъ?... Ей Господи Царю, даруй ми зрѣти моя погрѣшенія! Аминь.

Въ 2-ю недѣлю великаго поста.

1.

Ей Господи Царю, даруй ми не осуждати брата моего. (Мол. св. Ефр. Сир.).

Вѣрно, братія, не малъ грѣхъ—осужденіе ближняго, что св. Церковь не только воспрещаетъ оный, но и ежедневно въ сей великій постъ приглашаетъ насъ молить Господа, чтобы Онъ вседѣйствующею Своею благодатію сохранилъ насъ отъ осужденія ближнихъ. И подлинно, не только не малъ, но и очень великъ грѣхъ осужденія! Ибо что насъ располагаетъ къ осужденію ближняго? Пороки и слабости ближняго? Но мы сами развѣ безъ грѣховъ и слабостей? А въ такомъ случаѣ, осуждая другихъ, не произносятъ ли суда и надъ собою. Но мы бережемъ свою честь, хранимъ свою добрую славу; не должны ли посему не обнаруживать и слабостей ближняго? Но взоръ нашъ такъ внимателенъ къ недостаткамъ ближняго, что ничто отъ него не укроется; языкъ нашъ такъ оборотливъ въ выраженіи сихъ недостатковъ, что не только не уменьшитъ оныхъ, но всегда увеличитъ. Что-же насъ поставляетъ въ такое, вредное для насъ самихъ, для нашей чести, положеніе къ ближнимъ? Недостатокъ любви, братія, любви христіанской. Ибо если мы узнаемъ, что о нашемъ искреннемъ другѣ распространилась молва непріятная объ его нехорошихъ поступкахъ, не стараемся ли мы всѣми силами возстановить доброе мнѣніе о своемъ другѣ, разсѣявъ невыгодную молву о немъ, изъясненіями добрыхъ его качествъ, а если въ этомъ не ус-

нѣмъ, не сожалѣемъ ли отъ всей души? А къ этому что насъ побуждаетъ, какъ не искренняя любовь? Но если худое мнѣніе о ближнемъ не только не безпокоитъ насъ, но мы даже сами готовы всегда осудить его и стараемся сообщить свое невыгодное о немъ сужденіе и другимъ; то есть ли у насъ искренняя любовь къ ближнимъ? О, нѣтъ; нѣтъ той любви, которая должна быть отличительнымъ свойствомъ христіанъ! Христосъ Спаситель говоритъ: *аще хощете быти мои ученицы, любовь имате между собою.* А есть ли любовь въ нашихъ поступкахъ съ ближними? Вмѣсто того, чтобы замѣтя слабость ближняго, исправить его средствами дружбы и искренняго участія. или по крайней мѣрѣ, если на то не имѣемъ никакой возможности, отвратить очи свои отъ недостатковъ его, чтобы избѣгнуть всякой мысли, противной любви; вмѣсто того мы изъ устъ въ уста стараемся передать эту слабость, и на основанномъ нами дурномъ мнѣніи о ближнемъ находитъ богопротивное утѣшеніе. О, братія, осужденіе ближняго не такъ малъ грѣхъ, какъ многіе о немъ думаютъ! Онъ показываетъ, что въ насъ нѣтъ любви христіанской, а безъ нея мы только по имени христіане и не можемъ пользоваться никакими плодами Искупленія насъ Іисусомъ Христомъ. Апостолъ Павелъ говоритъ: *Аще имамъ пророчество и вѣмъ тайны вся и весь разумъ, и аще имамъ всю вѣру, яко и горы преставляти, любви же не имамъ, ничто же есмь. И аще раздамъ вся имѣнія моя, и аще предамъ тѣло мое воеже сжещи е, любве же не имамъ, никая польза ми есть* (1 Кор. 13, 2, 3). Что же мы то, братія? Если всѣ высокія добродѣтели, всѣ дары духовные безъ любви ничего не значатъ: то что же мы предъ Богомъ съ своими порочными склонностями и дѣлами, съ своею суетою и суемудріемъ, съ своимъ грѣховнымъ разслабленіемъ тѣла и души и, въ добавокъ, съ своимъ злобнымъ расположеніемъ къ ближнимъ? О, братія, братія! намъ едино только во спасеніе: плакать о своихъ собственныхъ грѣхахъ; оставя слабости другихъ въ покоѣ, молить премилосердаго Господа, чтобы Онъ покрылъ множество беззаконій нашихъ милостивымъ Своимъ покровомъ и спасъ насъ заслугами Своими отъ вѣчной смерти!

Но если мы будемъ продолжать осуждать ближнихъ и не постараемся пріобрѣсти той христіанской любви, по которой всѣ ближніе наши содѣлаются нашими искреннѣйшими друзьями и братіями, то и слезы наши о своихъ грѣхахъ, самая пламенная молитва наша къ Богу не обратятъ милосердія Божія къ намъ, ибо, по слову Спасителя, только *милостивіи помилованы будутъ.*

Потому, братія, не считайте малозначительнымъ грѣхомъ осужденіе ближняго: онъ важенъ потому, что противенъ любви христіанской и есть выраженіе злобнаго сердца; важенъ потому, что уничтожаетъ все доброе въ насъ, если оно есть, и особенно важенъ потому, что дѣлаетъ насъ недостойными милосердія Божія Трудно, скажете, удержаться отъ него. Да, трудно, но оттого, что мы привыкли къ тому, что не обращаемъ на него вниманія, а главное отъ того, что забываемъ нашу христіанскую обязанность, по которой всѣ наши ближніе, самые порочные, суть братія наши, которыхъ должно любить какъ самихъ себя. А когда будемъ внимательны къ самимъ себѣ, будемъ взирать на ближнихъ по заповѣди Христовой, а главное, будемъ молить вседѣйствующую благодать Божію объ освященіи нашего разслабленнаго грѣхами естества: тогда возможемъ сохранить себя отъ сей погибельной нашей наклонности къ осужденію,

Ей Господи Царю, даруй ми не осуждати брата моего! Аминь.

2.

Положи, Господи, хранение устомъ моимъ и дверь ограждения о устнахъ моихъ (Псал. 140, 3).

Такъ православные христіане, преклонивъ колѣна. молятся словами св. псалмопѣвца во святую четыредесятницу.

Но что за предметъ молитвы? Даръ слова не есть ли осо-

бый даръ Божій, отличающій человѣка отъ прочихъ тварей. И что нашъ разумъ, сія высшая способность нашего естества, былъ бы безъ дара слова? Не даромъ ли слова, или языкомъ, мы прославляемъ Творца, поучаемъ и поучаемся добродѣтели, утѣшаемъ и утѣшаемся въ горести? Не языкъ-ли составляетъ общества, связуетъ семейства, скрѣпляетъ дружества, изрекаетъ правду и милость?

Такъ все, братія! Даръ слова есть великій даръ Божій. Какъ мы можемъ злоупотреблять имъ? Но посмотрите, какое употребленіе дѣлаетъ человѣкъ изъ сего Божескаго дара. Не языкомъ ли человѣкъ въ молодушіи своемъ изрыгаетъ ропотъ на Господа? Не языкомъ ли оскорбляютъ отца, мать, начальниковъ, господъ, покровителей и благодѣтелей? Не языкомъ ли лгутъ, обманываютъ, клевещутъ, унижаютъ, соблазняютъ, обольщаютъ? Не языкъ ли возставляетъ отца противъ сына, брата противъ брата, мужа противъ жены? Не отъ злоупотребленія ли языкомъ происходитъ въ мірѣ большая часть ссоръ, смутъ, несчастій частныхъ и общественныхъ? Всякій домъ, всякое семейство, въ которомъ не удерживаютъ языка, есть мѣсто горести и скорби. И тотъ, кто менѣе виновенъ, кто менѣе даетъ свободы языку, боясь Бога, тотъ есть большій и несчастнѣйшій страдалецъ. А чтобы видѣть слѣдствіе необузданной свободы языка въ большемъ размѣрѣ, ненадобно намъ заглядывать въ исторію. Никакая исторія не представляетъ намъ такихъ ужасныхъ слѣдствій необузданности языка, какія совершаются въ настоящее время. Что нынѣ у западныхъ народовъ потрясло престолы, поколебало власть церкви, разрушило общественныя связи, разстроило правительства, возжгло междоусобныя брани? Что тамъ ослабило трудъ, увеличило праздность, изгнало отовсюду порядокъ и спокойстіе, веси содѣлало пустынею, а многолюдные грады мѣстомъ дневныхъ безнаказанныхъ разбоевъ? Все это произвела необузданность языка. Всякій развратникъ, всякій негодяй, всякій безумецъ сталъ публично высказывать свои корыстныя желанія, прикрывая ихъ лоскомъ общественнаго блага, выражать новые несбыточные планы, объясняя ихъ легко и правдоподобно; неопытные и легковѣрные увлеклись

языкомъ лести и коварства, и вотъ все святое попрано: разврат торжествуетъ, добродѣтель борется, и что будетъ далѣе— одинъ Господь вѣдаетъ. О окаянная необузданность языка! Въ этомъ смыслѣ и сказалъ Апостолъ Божій Іаковъ: *языкъ малъ удъ есть*, но *неудержимо зло, исполнь яда смертоносна*, и всѣхъ необуздывающихъ языка относитъ къ числу невѣрныхъ: *аще кто*, говоритъ онъ, *мнится вѣренъ быти въ васъ и не обуздываетъ языка своего, сего суетна есть вѣра.*

Правда: языкъ есть выраженіе чувствъ сердечныхъ; доброе сердце и выражаетъ добрыя мысли (и выражаетъ) языкомъ, а злое сердце и изрыгаетъ зло тѣмъ же языкомъ. *Отъ избытка бо сердца уста глаголютъ* говоритъ Слово Божіе (Лук. 6, 45). Слѣдовательно, чтобы исправить языкъ, должно прежде исправить сердце. Объ этомъ мы должны болѣе всего стараться; для этого святая Церковь наша, чтобы расположить насъ къ покаянію и исправленію и предписываетъ намъ постъ, молитву и другія средства. Но всегда ли мы, братія, столько злы сердцемъ, сколько бываемъ злы языкомъ? Не часто ли въ минуту каприза, въ минуту легкаго неудовольствія наскажемъ обидныхъ и оскорбительныхъ словъ ближнему? Капризъ скоро проходитъ, неудовольствіе исчезнетъ, сердце исполнено любви и расположенія, а зло уже сдѣлано, ближній оскорбленъ и Богъ разгнѣванъ. Не языкъ-ли породилъ здѣсь зло? Не бываетъ ли, что иной, для красоты слова, безъ всякой злой цѣли, по одной привычкѣ давать волю языку, выражаетъ предъ другими мысль, противную истинѣ или строгой нравственности? Неопытный слушаетъ, увлекается новостію для него и вотъ уже въ немъ запали сѣмена вольномыслія. Не языкъ ли и здѣсь раждаетъ зло?— А сколько есть такихъ людей, которые, безъ всякаго участія сердца, по одной злой привычкѣ, по одному легкомыслію, въ самыхъ ничтожныхъ случаяхъ призываютъ имя Божіе, произносятъ хульныя и непотребныя слова, изрекаютъ ложь, острятъ языкъ надъ предметами благоговѣнія, надъ лицами достойными уваженія? И во всемъ этомъ злѣ не одна ли свобода языка виновна? О, языкъ нашъ — врагъ нашъ! *Смерть въ руцѣ языка*, говоритъ премудрый Соломонъ (Притч. 18, 21). А мудрый Сирахъ называетъ

того блаженнымъ, кто *словесемъ своимъ творитъ вѣсъ и мѣру, и устамъ своимъ творитъ дверь и запору* (Притч. 28, 29). *Обуздываяй бо языкъ*, поучаетъ онъ, *тихо мирно пожитъ и исповѣдяй велерѣчія умалитъ порокъ*. (Прем. 19, 6).

Потому, братія, какъ мудра, какъ высоко Божественна наша православная Церковь, которая не только непрестанно поучаетъ насъ удерживать языкъ нашъ отъ зла, но постановила торжественно, съ колѣно преклоненіемъ, умолять Господа, чтобы Онъ Своею всемогущею силою и благодатію положилъ храненіе устамъ нашимъ! Будемъ же молить Господа отъ всей души, молить всегда и особенно во дни сей святой четыредесятницы, чтобы Господь удержалъ языкъ нашъ отъ зла! Усердная молитва доставитъ намъ, при собственной рѣшимости, вышнюю небесную помощь! Аминь.

Въ недѣлю крестопоклонную.

Слово крестное погибающимъ убо юродство есть, а спасаемымъ сила Божія есть (1 Кор. 1, 18).

Нынѣшнее торжественное поклоненіе Кресту Господню даетъ намъ, братія, случай побесѣдовать о Крестѣ.

Но ученіе о Крестѣ не будетъ ли для нѣкоторыхъ изъ насъ ученіемъ высокимъ, неудобопонятнымъ? Изъясненіе заповѣди о крестныхъ подвигахъ не покажется ли для иныхъ темнымъ, неудопримѣнимымъ къ себѣ? Очень можетъ быть. Не умѣя ходить, нельзя бѣгать; не умѣя держаться на водѣ, трудно плавать. Тому, кто слабъ и непостояненъ въ исполненіи обыкновенныхъ заповѣдей, данныхъ Богомъ чрезъ Моисея, гдѣ понять и исполнять высокую евангельскую заповѣдь о Крестѣ! Кто любитъ любящихъ его, благотворитъ благотворящимъ ему, быть не умѣетъ благодарнымъ къ благодѣтелямъ своимъ, тотъ можетъ ли любить враговъ, благотворить ненавидящимъ его! Кто не рѣшается ограничить ни въ чемъ своихъ желаній, кто заботливо удовлетворяетъ своимъ вожделѣніямъ, тотъ можетъ ли распи-

нать плоть свою со страстями и похотями! Слѣдовательно, для такихъ слово крестное не будетъ ли словомъ неудобопріемлемымъ? Чтожъ, ужели бесѣду свою обратить на другой предметъ? Но предлежащій Крестъ Христовъ привлекаетъ къ себѣ все вниманіе наше. И такъ скажемъ нѣчто о Крестѣ, но скажемъ нѣчто такое, что и послѣднему изъ насъ удобопонятно.

Первое, что поражаетъ при бесѣдѣ о Крестѣ, это удивленіе о томъ, откуда рождается въ христіанинѣ какое-то неуваженіе къ Кресту, между тѣмъ какъ ничто полезное такъ рано не сообщается ему, какъ понятіе о Крестѣ и спасительной силѣ его? Лишь только христіанское дитя начинаетъ свободно двигать руками, какъ заботливая мать уже учитъ его ограждать себя знаменіемъ Креста; лишь только разовьются нѣсколько понятія его, какъ онъ пріучается при всякомъ случаѣ ограждаться тѣмъ же знаменіемъ; испугается дитя, мать спѣшитъ оградить его крестомъ, онъ самъ ограждается и потомъ успокоивается. Слѣдовательно съ самыхъ юныхъ дней внушается христіанскимъ дѣтямъ понятіе о силѣ и дѣйствіи Креста Господня. И какое умилительное зрѣлище: дитя, слабое умомъ и тѣломъ, съ однимъ знаменіемъ Креста, не страшится вражескихъ дѣйствій духовъ злобы. Оно не умѣетъ еще изъяснить своего понятія о Крестѣ, но самымъ дѣйствіемъ показываетъ понятіе свое о животворящей силѣ Креста Господня. Теперь посмотримъ на возрастныхъ. Не многіе ли изъ нихъ не только не развили своихъ младенческихъ понятій о Крестѣ, но и потеряли то, что пріобрѣли въ юности?—Огражденіе себя крестнымъ знаменіемъ получило свое начало отъ самихъ Апостоловъ. И вотъ что говоритъ одинъ изъ древнихъ учителей Церкви: *да не стыдимся исповѣдывать Распятаго, съ дерзновеніемъ да изображаемъ рукою знаменіе креста на челѣ и на всемъ: на хлѣбѣ, который вкушаемъ, на чашахъ, изъ которыхъ піемъ; да изображаемъ его при входахъ, при выходахъ: когда ложимся спать и встаемъ, когда находимся въ пути и отдыхаемъ. Онъ великое предохраненіе, данное бѣднымъ въ даръ, и слабымъ безъ труда. Ибо это благодать Божія: знаменіе для вѣрныхъ и страхъ для злыхъ духовъ.* Но всѣ ли

изъ насъ, братія, исполняютъ ученіе Церкви о Крестѣ? Нѣтъ ли и такихъ нынѣ, которые какъ бы стыдятся крестнаго знаменія? У другихъ не вышло ли уже изъ обыкновенія ограждать себя крестомъ при входѣ въ домъ, при выходѣ изъ онаго и при другихъ случаяхъ?

Даже въ храмѣ Божіемъ, гдѣ душа каждаго должна быть проникнута Богомысліемъ, даже въ храмѣ не примѣчается ли неуваженіе къ Кресту Господню въ небрежномъ огражденіи себя онымъ нѣкоторыхъ? — Откуда же такое неуваженіе къ Кресту? Откуда такое забвеніе того, что отъ юности внушено каждому? О, конечно, отъ тайнаго дѣйствія того, кому страшна сила крестная, кого она отгоняетъ отъ христіанина! Христіанинъ не примѣчаетъ, что онъ самъ, по своему забвенію Креста Господня, или небрежному имъ огражденію себя, облегчаетъ доступъ къ себѣ врагу его спасенія. — Не говорите, что одно движеніе руки не значитъ ничего; конечно одно небрежное движеніе руки ничего не значитъ, ибо оно безъ мысли происходитъ, и не только не отгоняетъ отъ человѣка діавола, но приближаетъ его къ нему. Но тщательно сдѣланное знаменіе креста всегда предваряется и сопровождается богобоязливою мыслію, слѣдовательно всегда имѣетъ силу благодатнаго дѣйствія Божія. Это доказываетъ на самомъ себѣ даже и тотъ, который обыкновенно бываетъ небреженъ въ огражденіи себя крестомъ: когда скорбь какая либо поражаетъ его и заставляетъ его искать помощи у Бога, тогда онъ непремѣнно творитъ крестъ уже не такъ, какъ всегда творилъ, но съ тщаніемъ и усердіемъ.

Поистинѣ тщательное и правильное сложеніе Креста есть выраженіе внутренняго богобоязливаго чувства и имѣетъ для насъ неоцѣненную пользу; ограждающій себя онымъ съ вѣрою, христіанинъ всегда имѣетъ силу и отогнать отъ себя искушенія духа лестча и всякую грѣховную мысль и всякій внѣшній соблазнъ. Напротивъ небрежное сложеніе креста есть явное и безумное оскорбленіе Самого Господа нашего Іисуса Христа, Который даровалъ намъ знаменіе Свое для нашей душевной и тѣлесной пользы. Сіе самое Крестное *знаменіе Сына Человѣ-*

ческаго явится и на небеси (Мато. 24, 30) при второмъ страшномъ пришествіи Господа и тогда куда укроются всѣ небрегшіе симъ знаменіемъ, всѣ стыдившіеся ограждать себя онымъ? Въ нынѣшнемъ Евангеліи Господь говоритъ: *иже аще постыдится Мене и Моихъ словесъ въ родѣ семъ прелюбодѣйнемъ и грѣшнѣмъ и Сынъ Человѣческій постыдится его, егда пріидетъ во славѣ Отца Своего со анелы Святыми* (Марк. 8, 38).

Вотъ, братія, нѣчто о Крестѣ; оно есть начальное, младенческое, но что-же дѣлать, когда между нами есть недостигшіе и младенческаго возраста о Христѣ. Научимся прежде слагать знаменіе Креста со тщаніемъ и вѣрою, а съ симъ Господь ниспошлетъ и благодать Свою на насъ, которая утвердитъ наши духовныя силы и дастъ намъ какъ *духа разумѣнія* такъ *и духа крѣпости*, чтобы мы могли какъ обнять, такъ и сохранять высокое и спасительное ученіе о Крестѣ! Аминь.

Въ 4-ю недѣлю великаго поста.

Горе міру отъ соблазнъ: нужда бо есть пріити соблазномъ: обаче горе человѣку тому, имже соблазнъ приходитъ. (Матѳ. 18, 7).

О какъ нужна, братія, высшая небесная помощь тому, кто хочетъ сохранить сердце свое отъ словесъ лукавыхъ, отъ злыхъ навѣтовъ! Природа наша слаба, ко грѣху склонна: разсудокъ нашъ не дальновиденъ, страсти при первой искрѣ готовы объять насъ пламенемъ, а эту искру составляютъ всякій злой совѣтъ, всякій соблазнъ, всякое лукавое внушеніе. Посмотрите, сколько зла рождаютъ въ мірѣ словеса лукавствія и сколько душъ, невинныхъ и добрыхъ дотолѣ, губятъ безвозвратно. Отчего у родителей добрыхъ и благочестивыхъ бываютъ иногда дѣти порочныя? Кто внушилъ имъ отвращеніе отъ добродѣтели и любовь къ пороку? О, конечно не родители! Самые развращенные родители, по естественной любви къ своимъ дѣтямъ, не станутъ развращать ихъ, а развѣ собственнымъ непристойнымъ поведеніемъ могутъ соблазнять ихъ. А родители благочестивые

конечно употребятъ всѣ мѣры сдѣлать дѣтей своихъ добродѣтельными и считаютъ для себя величайшимъ несчастіемъ, если дѣти ихъ не соотвѣтствуютъ ихъ желаніямъ и попеченіямъ своимъ поведеніемъ. Кто же развращаетъ ихъ, если они иногда бываютъ развратными? Ложные друзья, мнимые пріятели, ласковые душегубцы! Сіи-то волки хищные, прикрытые одеждою овчею, являются тотчасъ тамъ, гдѣ завидятъ юную неопытность. Ловкость, обязательность, деликатная услужливость, внимательность, все употреблено, ничѣмъ непренебрежено, чтобы вкрасться въ довѣренность, овладѣть сердцемъ неопытнаго, а тамъ уже простись съ добродѣтелію, простись со всѣмъ прекраснымъ и добрымъ. Изъ общества такихъ друзей никто не выйдетъ съ чистымъ сердцемъ, съ незапятнанною совѣстію.

Вотъ, братія, тотъ соблазнъ, отъ котораго надо молить Господа сохранить насъ. Здѣсь недостаточно нашей мудрости, недостаточно правилъ, почерпаемыхъ нами въ Законѣ Божіемъ; здѣсь необходима Божія помощь, а для сего потребна сердечная, искренняя молитва къ Богу. Ибо если не Господь утвердитъ насъ на стези добра, можемъ ли устоять непреткновенно среди окружающихъ насъ лукавыхъ внушеній, можемъ ли укрыть себя отъ нихъ, когда они встрѣчаются на каждомъ шагу земнаго нашего поприща, можемъ ли не внимать онымъ, когда страсти наши такъ любятъ все лукавое? Если не Господь умудритъ насъ, гдѣ мы найдемъ столько мудрости и благоразумія, чтобы отличить истинныхъ друзей отъ ложныхъ, чтобы съ самаго начала познать намѣренія ихъ, чтобы при первой опасности удалиться отъ нихъ? А что собственной мудрости человѣка недостаточно для сего, подтверждаютъ безчисленные примѣры. Сколько прекрасныхъ благовоспитанныхъ юношей погибло отъ внушеній и руководства мнимыхъ своихъ друзей? Сколько чистыхъ и непорочныхъ дѣвъ отъ внушеній своихъ подругъ обезобразило душевную свою красоту? Сколько тѣхъ и другихъ увлечено на стезю порока примѣромъ соблазна? И всякаго изъ насъ, братія, кто только имѣлъ насчастіе впасть въ какой порокъ, кто увлекъ къ нему, кто разсѣялъ

страхъ Божій, удерживающій отъ грѣха? О, вѣрно и непремѣнно, или дурной примѣръ, или лукавое внушеніе и руководство своихъ друзей!

О, какъ велика, безмѣрно велика опасность отъ соблазна. Всякій изъ насъ знаетъ, что порочныхъ людей не мало, и порочный по естественному порядку вещей старается объ увеличеніи числа людей, ему подобныхъ. Кто чѣмъ добродѣтельнѣе, тотъ тѣмъ болѣе подобится Богу. Богъ радуется объ увеличеніи добра, и добродѣтельный исполняется святою радостію, когда ему случится отвести ближняго отъ пути порока. Напротивъ, чѣмъ кто порочнѣе, тотъ тѣмъ болѣе удаляется отъ Бога и, теряя въ себѣ Его образъ, уподобляется врагу Божію и всякаго добра—діаволу. А діаволъ все торжество свое полагаетъ въ погибели людей. По его то планамъ и внушеніямъ поступаютъ и слуги его—люди порочные и развратные. Для нихъ наслажденіе—ввести другаго въ порокъ. О, бѣгайте, людіе Божіи, порочныхъ друзей, а паче всего молитесь милосердному Господу, чтобы онъ сохранилъ васъ отъ соблазна. Преклоняя колѣна, преклоняйте души и сердца предъ благостію Божіею и молите пламенно, слезно, непрестанно, чтобы Господь избавилъ васъ отъ всякаго соблазна и дурного примѣра сохранилъ васъ въ мирѣ съ Богомъ и совѣстію. Аминь.

Въ 5-ю недѣлю великаго поста.

1.

Въ настоящую седмицу вы слышали, братія, въ богослуженіи церковномъ ублажаемое имя преподобной Маріи. Конечно знаете, что это та самая Марія, которая, увлекшись соблазнами міра и плоти, недостойнымъ образомъ провела лѣта юности своей, но которая долголѣтнимъ покаяніемъ и изнуреніемъ плоти своей не только загладила свои грѣхи, но и заслужила великую славу у Господа.

Какой высокій образецъ представляетъ Церковь въ преподобной Маріи и какъ онъ благовременен!

Ибо чего, братія, особенно недостаетъ въ насъ? Недостаетъ истиннаго, слезнаго покаянія, недостаетъ глубокаго сокрушенія о грѣхахъ, недостаетъ рѣшимости оставить пагубный грѣховный путь! Грѣхи наши велики, но не болѣе милосердія Божія, жизнь наша исполнена золъ, но можетъ быть посвящена и добру. Мы и приносимъ покаяніе, но съ какимъ-то равнодушіемъ къ своему гибельному положенію; особенно же опасно въ насъ то, что послѣ покаянія опять возвращаемся на путь грѣха. Этого-ли отъ насъ Господь ожидаетъ? Такое-ли покаяніе можетъ примирить насъ съ Богомъ? Нѣтъ, не то отъ насъ требуется. Не тому примѣромъ своимъ поучаетъ преподобная Марія. Она, коль скоро узрѣла свое гибельное положеніе, коль скоро почувствовала всю гнусность своей жизни, тотчасъ рѣшилась исправиться, тотчасъ оставила путь грѣха и для оплаканія прежняго своего поведенія, для умилостивленія Господа за прежнія свои оскорбленія, подвергла виновную плоть свою всѣмъ лишеніямъ и всевозможнымъ изнуреніямъ. Вотъ примѣръ покаянія для грѣшника, вотъ урокъ тому, кто хочетъ примириться съ Богомъ, вотъ образецъ покаянія, которое пріятно Господу и которое возвращаетъ грѣшнику милосердіе Божіе!

А что можетъ доставить грѣшнику покаяніе холодное, мертвенное, нерастворяемое слезами сокрушенія, несопровождаемое подвигами умерщвленія страстей и похотей, неподкрѣпляемое твердою и непремѣнною рѣшимостію исправиться? Чего можетъ ожидать тотъ грѣшникъ, который придя, на исповѣдь, стыдится сказать свои грѣхи, который старается даже оправдаться въ нихъ, который отходитъ отъ исповѣди не съ твердымъ намѣреніемъ убѣгать грѣховъ? Кто стыдится высказать свои грѣхи, тотъ не имѣетъ и признака истиннаго покаянія, въ томъ человѣческій страхъ побѣждаетъ страхъ Божій, тотъ не имѣетъ понятія даже, что онъ грѣшникъ предъ Богомъ, заслужившій вѣчное проклятіе; кто на исповѣди оправ-

дывается, тотъ вступаетъ въ прю съ Богомъ, тотъ не довѣряетъ Богу, не признаетъ святости Его закона, —какой же онъ кающійся грѣшникъ? Кто приноситъ покаяніе, не имѣя твердаго намѣренія исправиться, тотъ обманываетъ Господа, тотъ обманомъ хочетъ исхитить дары Божіи.

Не того отъ грѣшника ожидаетъ Господь. Онъ прощаетъ грѣхи и самые тяжкіе, но тогда, когда, по принесеніи въ нихъ искренняго покаянія, грѣшникъ оставивъ путь грѣха, обращается на путь добродѣтельной жизни, когда отъ прежнихъ грѣховъ убѣгаетъ, какъ отъ челюстей ада.

Послушайте что говоритъ слово Божіе о тѣхъ, которые каются въ грѣхахъ, но не исправляются отъ нихъ: *омывайся отъ мертвеца, и паки прикасайся ему, кая польза ему отъ бани. Тако человѣкъ постяйся о грѣсѣхъ своихъ, и паки ходяй и таяжде творяй, мольбу его кто услышитъ, и что успѣ смиреніемъ своимъ* (Сир. 34, 25, 26). А св. Апостолъ Петръ говоритъ, что грѣшники, неисправившіеся послѣ покаянія, дѣлаются виновнѣе прежняго предъ Богомъ: *лучше бо бѣ имъ не познати пути правды, нежели познавшымъ возвратитися вспять отъ преданныя имъ святыя заповѣди. Случися бо имъ истинная притча: песъ возвращся на свою блевотину, и свинія омывшися въ калъ тинный* (2 Петр. 2, 21, 22). Какое постыдное состояніе грѣшника, не исправляющагося послѣ покаянія! Но какая участь его ожидаетъ, если онъ продолжитъ недостойнымъ покаяніемъ оскорблять Господа, если будетъ продолжать святотатственно приступать къ великимъ и пречистымъ Тайнамъ Божественнымъ?

Вотъ какъ изображаетъ эту участь св. Апостолъ Павелъ: *земля, пившая сходящій на ню множицею дождь и раждающая не добрая былія, а износящая терніе и волчецъ, непотребна есть и клятвы близъ, ея же кончина въ пожженіе* (Евр. 6, 7, 8).

Потому, братія, чтобы покаяніе служило намъ не во вредъ, а въ пользу душевную, чтобы въ пречистыхъ тайнахъ Христовыхъ вкушать не судъ или осужденіе, а оправданіе и помилованіе, да приносимъ покаяніе слезное, искреннее въ своихъ грѣхахъ,

съ твердымъ намѣреніемъ исправить свою жизнь! Покаяніе преподобной Маріи да служитъ примѣромъ для насъ въ нашемъ покаяніи! Аминь.

2.

И се жена, яже бѣ грѣшница, ставши при ногу Его созади плачущися, начатъ умывати ноги Его слезами, и власы главы своея отираше, и облобызаше ноги Его, и мазаше мгромъ (Лук. 7, 37, 38).

Наконецъ нашла ты, несчастная женщина, успокоеніе себѣ! Наконецъ нашла ты мѣсто, гдѣ слезы твои возбудили состраданіе и ты можешь безпрепятственно проливать ихъ! Нашла наконецъ Учителя, Который не только не укорилъ тебя, но Божественнымъ словомъ Своимъ защитилъ отъ укоризны фарисея! Нашла наконецъ Пастыря, Который разрѣшилъ тебя отъ всѣхъ грѣховъ и тѣмъ примирилъ тебя съ Богомъ и съ Своею совѣстію! Жены и дѣвы, имѣвшія несчастіе потерять невинность сердца и нарушить свое цѣломудріе! Подражайте упоминаемой въ Евангеліи грѣшницѣ, подражайте преподобной Маріи Египетской, которая въ сей день воспоминается св. Церковію и жизнь которой, конечно, не безъизвѣстна вамъ! Припадите къ ногамъ Іисусовымъ, и вы примиритесь и съ Богомъ и съ совѣстію. Какъ ни велики ваши грѣхи, какъ ни беззаконны ваши дѣла; но у Спасителя нашего найдете оправданіе себѣ, и только у Него одного!

Міръ погубилъ васъ, и міръ надмѣвается надъ вами. Обычаи міра развратили ваше сердце, соблазны міра увлекли васъ въ бездну. И что жъ? Не только ничто не извлекаетъ васъ изъ бездны, но конечно найдутся многіе, которые не постыдятся низвергнуть васъ въ большую глубину. О, несчастныя! Куда вы ни обратите очи свои въ мірѣ, нигдѣ вы не укроетесь! Вездѣ стыдъ и попошеніе вамъ. Одни васъ презираютъ, другіе укоряютъ, иные взираютъ на васъ осклабленнымъ и порочнымъ взоромъ, какъ на предметъ распутства; отъ родныхъ вы не услы-

шите сожалѣнія о себѣ. Даже тѣ, кои старались васъ увлечь на стезю погибели, для коихъ вы пожертвовали всѣмъ драгоцѣннымъ для себя, спокойствіемъ, счастіемъ, совѣстію, даже тѣ день отъ дня холодѣютъ къ вамъ, и если еще не презираютъ васъ, то носятъ зародышъ этого презрѣнія къ вамъ. О! доколѣ еще не до конца погубили себя, оставьте путь, ведущій къ геенѣ, и съ чувствомъ искренняго раскаянія припадите къ стопамъ общаго нашего Спасителя и Искупителя, повѣдайте предъ Нимъ всѣ свои студодѣянія: Онъ не посрамитъ васъ, не укоритъ, а покроетъ благодатію Своею. Ваши же грѣхи взыщетъ съ тѣхъ, кои допустили вамъ пасть, совратили васъ на путь погибельный. О, юноши и мужи! нерѣдкіе изъ васъ увлекаются сами и другихъ увлекаютъ на путь порока. Помните, что ненаказанность въ мірѣ вашихъ пороковъ не только не ручается за ненаказанность ихъ въ будущей жизни, но угрожаетъ вамъ страшною местію предъ судомъ Божіимъ. Помните, что тѣлеса наши, по ученію Христову, суть храмы Божіи, и что если сей храмъ кто растлитъ, того растлитъ Самъ Богъ. Помните, что за соблазнъ другаго, тысящекратно Господь взыщетъ съ соблазнившаго. Помните, что мѣра долготерпѣнія Божія должна исполниться и мы не знаемъ и не узнаемъ того, когда она исполнится. Что будетъ съ нами, если воззоветъ насъ Господь тогда, когда мы менѣе всего ожидаемъ, и застанетъ кого съ омраченною душею въ осквернепномъ тѣлѣ? О, спѣшите, спѣшите и вы къ ногамъ Іисусовымъ! У Него одного только можно найти помилованіе себѣ: однимъ только искреннимъ покаяніемъ предъ Нимъ и исправленіемъ себя можемъ примѣнить гнѣвъ Божій на милость и судъ на милосердіе. Аминь!

Въ недѣлю Ваій.

Днесь благодать Святаго Духа насъ собра, и вси, вземше крестъ свой глаголемъ: благословенъ грядый во имя Господне, осанна вышнихъ!

Такъ воспѣваетъ нынѣ св. Церковь. Приводя намъ на память торжественную встрѣчу Господа на пути Его въ Іерусалимъ, она указуетъ при семъ намъ, что мы не іудеи, а христіане, что намъ недостаточно имѣть въ настоящій день только ваіи въ рукахъ а кромѣ ихъ надобно еще взять крестъ. Іудеи, сами не вѣдая, встрѣтили Христа знаменіями воскресенія, — ибо распустившіяся пальмовыя вѣтви, означая возрожденіе природы, знаменуютъ Воскресеніе. Неужели мы только ваіями, сими слабыми знаками возраждающейся природы, напомнимъ себѣ приближающееся Воскресеніе Христово? Нѣтъ для насъ недостаточно сего. У насъ есть признакъ гораздо знаменательнѣйшій. У насъ есть крестъ. На крестѣ наша Церковь основана, крестомъ она возрастаетъ, крестомъ она вѣнчается и побѣждаетъ. Крестъ для насъ есть знаменіе побѣды и воскресенія. Крестъ для насъ есть такой знакъ, безъ котораго мы, не погрѣшая, не можемъ ни къ чему приступать, ничего творить. Можемъ ли же мы нынѣ съ одними ваіями въ рукахъ встрѣчать Господа своего и провожать Его чрезъ Голгоу къ гробу и тутъ ожидать Его воскресенія? Можемъ ли взирать на крестъ Христа съ Нимъ не сраспинаяся? Не будемъ ли и мы тогда наравнѣ съ любопытствующими, если не съ распинающими Господа, іудеями? Можемъ ли взирать достойно на смерть Господа, когда въ насъ будетъ жить и царствовать грѣхъ? Можемъ ли неосужденно зрѣть на положеніе пречистаго Тѣла Христова во гробъ, когда наша собственная плоть будетъ восвать на духъ и возбуждать въ немъ вражду противъ Бога? Наконецъ какихъ мы плодовъ можемъ ожидать отъ Воскресенія Христова, когда нимало не будемъ участвовать въ страданіяхъ Господнихъ? И такъ, если мы дорожимъ званіемъ христіанъ, если мы не хотимъ стать на ряду съ врагами Господ-

ними, а желаемъ быть другами Его, намъ съ ваіями должно взять и крестъ нынѣ же, при наступленіи дней страданій Господнихъ, крестъ внутренній, и прежде всего должны отвергнуть всѣ мудрованія нашего ума и плѣнить въ послушаніе вѣры, дабы онъ мудрствовалъ не по стихіямъ міра, а по Христѣ: и это будетъ Крестъ для ума нашего, горделиваго и возносящагося; должны обуздать свою волю совершеннымъ подчиненіемъ волѣ Божіей и закону Господню: это будетъ крестъ для самолюбивой нашей воли; должны пріучить сердце, чтобы оно не прельщалось благами міра, а умѣло находить радость и удовольствіе въ подвигахъ и лишеніяхъ христіанскихъ: это составитъ крестъ для грѣхолюбиваго сердца нашего, которое падко на мірскія удовольствія и которое такъ страшится скорбей и креста: должны наконецъ все существо свое расположить такъ, чтобы крестъ Христовъ отражался во всѣхъ нашихъ дѣлахъ, словахъ и самыхъ мысляхъ; чтобы ветхій нашъ человѣкъ со всѣми страстями и нечистыми желаніями и помыслами былъ умерщвленъ и возраждался новый благодатный человѣкъ, каковымъ желаетъ насъ видѣть Христосъ Спаситель нашъ. Аминь.

IV. На праздники Богородичные:

Въ день Рождества Пресвятыя Богородицы.

1.

Отъ нынѣ ублажатъ мя вси роди.
(Лук. 1, 48).

Такъ рекла Преблагословенная Дѣва Марія праведной Елисаветѣ, и сколько вѣковъ сбываются Ея пророческія слова! Кто не восхваляетъ Богородительницу? Кто не ублажаетъ Ея? Сколько совершается торжественнѣйшихъ праздниковъ въ честь и похвалу Ея? Сколько воздвигнуто и воздвигается великолѣпнѣйшихъ храмовъ во имя Ея и въ память, какъ дивныхъ событій святой жизни Ея, такъ и чудесныхъ благотвореній Ея міру? Какой домъ или жилище христіанъ не освящаются свя-

тымъ ликомъ Ея? Какихъ драгоцѣнностей не принесено на украшеніе честныхъ иконъ Ея? Какія свѣтила Церкви Божіей. Святители и Богоносные Отцы, не напрягали своихъ Богопросвѣщенныхъ умовъ, чтобы составить въ честь Ея достойныхъ пѣсней духовныхъ? Есть-ли какое священнослуженіе. въ которомъ не воспѣвалось бы величіе Ея?—Истинно, не можетъ быть славы выше той, которою прославляетъ міръ Пресвятую Дѣву, и не можетъ быть достоинъ такой славы никто. кромѣ Той, Которая удостоилась быть Матерію Божіею и потому содѣлалась честнѣйшею Херувимовъ и славнѣйшею безъ сравненія Серафимовъ.

Но, прославляя Преблагословенную Дѣву Богородицу, христіане приносятъ симъ только слабую дань благодарности за тѣ неисчислимыя благодѣянія, которыя Она изливаетъ на міръ.

Она не только Матерь Господа нашего, но и мать всякой христіанской души. Она не только родила Спасителя намъ, но и Сама спасаетъ насъ, непрестанно ходатайствуя за насъ у престола Сына Своего. Она денно и нощно блюдетъ насъ на пути нашей жизни и, при всякой опасности нашему спасенію, готова на помощь намъ, лишь-бы мы сами отъ Нея не удалялись. Она—первая наша помощница и во временныхъ нашихъ нуждахъ. Не напрасно св. Церковь называетъ Ее радостію всѣхъ скорбящихъ, ибо Она врачуетъ самыя неисцѣльныя сердечныя язвы и водворяетъ радость тамъ, гдѣ было мѣсто только плачу и печали. Не вотще прибѣгаютъ христіане къ Покрову Ея, ибо Она святымъ своимъ омофоромъ покрываетъ притекающихъ къ Ней съ вѣрою отъ всѣхъ золъ и бѣдствій. Не суетно она именуется пастыремъ заблудшихъ, ибо никто не имѣетъ такого дерзновенія ходатайствовать за нихъ предъ Богомъ, какое Она имѣетъ, и никто съ такимъ милосердіемъ не снисходитъ къ немощамъ природы человѣческой. Но можно-ли изречь всѣ Ея благодѣянія, которыя Она изливаетъ на міръ? Одно наше православное отечество преисполнено великихъ дѣлъ и чудесъ Ея. Сколько обрѣтается въ предѣлахъ нашихъ святыхъ чудотворныхъ иконъ Ея? Всѣ онѣ не служатъ-ли яснымъ доказательствомъ того, что Пресвятая Дѣва, Матерь

Христа Бога нашего, призираетъ на Царство наше, блюдетъ православіе его, хранитъ вѣрность престолу сыновъ его, укрѣпляетъ оружіе, поборая враговъ его, хранитъ миръ и тишину и во всякой нуждѣ подаетъ помощь всѣмъ, прибѣгающимъ къ ней?

Конечно нельзя не примѣтить, что въ наши дни знаменія и чудеса, свидѣтельствующія о силѣ заступленія Владычицы нашей Богородицы за насъ, стали рѣже, нежели были прежде. Но не доказываетъ-ли это только того, что неумѣренное стремленіе многихъ христіанъ къ внѣшнимъ матеріальнымъ благамъ, столь общее сынамъ вѣка сего, отвлекаетъ ихъ отъ внутреннихъ потребностей души и ослабляетъ ихъ вѣру? А всякій, прибѣгающій къ Небесной Заступницѣ съ вѣрою, и нынѣ получаетъ отъ Ней то, чего проситъ, если оно истинно полезно ему и чего достоинъ по вѣрѣ своей, ибо никогда не оскудѣваетъ благодать Ея предъ Богомъ, никогда не истощается и любовь Ея къ роду человѣческому.

Кто изъ насъ, благочестивыя братія, въ скорбяхъ,—коимъ міръ не только не помогалъ, но иногда налагалъ въ сердце нашемъ рану на рану, болѣзнь на болѣзнь,—кто не прибѣгалъ къ Заступницѣ нашей Богородительницѣ, кто не изливалъ въ слезныхъ воздыханіяхъ предъ святымъ ликомъ Ея скорбей души своей? И что-же? Кто остался безъ утѣшенія? Кто не пріобрѣлъ мужества къ перенесенію своихъ скорбей? Кто не получилъ мудрости взирать на нихъ, какъ на орудія Божьяго о насъ попеченія?

А гдѣ находитъ утѣшеніе и успокоеніе заблудшая въ грѣхахъ, хотя вѣрующая, душа? Гдѣ она получаетъ благодатную помощь къ своему обращенію на путь добродѣтели? Міръ ее развратилъ, міръ и предалъ ее презрѣнію. Она, подобно мытарю, не смѣетъ воззрѣть и на Небо, къ отцу Небесному; ей грозенъ Его судъ, ей страшно Его правосудіе. Но она видитъ ликъ Премилосердой Ходатаицы рода человѣческаго, она дерзаетъ пасть къ подножію св. лика Ея и что-же? Та душа, которая за минуту предъ тѣмъ достойна была геенны огненной, уже на пути къ спасенію, уже получаетъ свыше силу и крѣ-

пость начать и продолжать подвигъ искренняго покаянія и исправленія.

Но особенно благодѣтельно Ея милосердое попеченіе о христіанскихъ душахъ при смертномъ часѣ христіанина, при томъ часѣ, въ который самыя твердыя въ вѣрѣ души смущаются страхомъ будущаго суда Божія. Не Она-ли въ предсмертныя минуты христіанина укрѣпляетъ его вѣру въ Спасителя? Не Ея-ли милосердое предстательство возгрѣваетъ въ немъ несомнѣнную надежду на спасеніе заслугами Ея Сына. Господа нашего? Не Ея-ли материнскому покрову предавая послѣдній покаянный вздохъ, онъ отходитъ къ Отцу свѣтовъ съ миромъ и упованіемъ? Да и за предѣлами здѣшней жизни не продолжаетъ ли Она своихъ попеченій о христіанскихъ душахъ? О, Она первая успѣшнѣйшая Ходатаица за нихъ у престола Сына Своего! Ея всесильнымъ предстательствомъ Господь преклоняется на милость и подаетъ ослабу и успокоіе душамъ христіанскимъ. И потому, на Нее, Премилосердую Предстательницу всѣ вѣрующіе христіане возлагаютъ свою надежду, умоляя Ее о спасеніи душъ своихъ!

Таковы благодѣянія нашей Небесной Заступницы роду христіанскому! Воспоминая ихъ, да прославляемъ Владычицу нашу Богородицу въ молитвахъ, пѣсняхъ и пѣніи духовныхъ, да чтимъ Ея праздники со всякимъ благоговѣніемъ, да чествуемъ святыя ея иконы съ вѣрою и смиренномудріемъ! Она наша надежда и упованіе, Она радованіе сердца нашего! Съ Нею и подъ кровомъ Ея всѣ печали міра сего не будутъ тягостны для насъ, всѣ соблазны не преградятъ пути къ Царству Сына Ея, всѣ дары, небесные и земные, ниспошлятся намъ!

Достойно есть, яко воистину блажити Тя Богородицу, Присноблаженную и Пренепорочную, и Матерь Бога нашего! Аминь.

2.

Величаемъ Тя, Пресвятая Дѣво, и чтемъ святыхъ Твоихъ родителей и всеславное славимъ Рождество Твое.

Если день рожденія обыкновеннаго человѣка имѣетъ значеніе въ кругу его близкихъ, а день рожденія человѣка полезнаго по своей общественной дѣятельности признательно воспоминается многими, то, братія, какъ мы должны чествовать день Рождества Преблагословенной Дѣвы, Матери Господа и Спасителя нашего?

Она, по достоинству своему, по качеству Матери Сына Божія, не только превыше всѣхъ святыхъ человѣковъ, но безъ сравненія честнѣйшая и славнѣйшая херувимовъ и серафимовъ и при такой духовной высотѣ, при Своей близости и доступности къ Сыну Своему и Богу Она исполнена любви къ роду человѣческому, такой любви, какой не можетъ имѣть ни одна мать къ своимъ дѣтямъ, такой любви, которая простирается на достойныхъ и недостойныхъ и изливается на всѣхъ ищущихъ помощи и утѣшенія Ея великими благодѣяніями наполненъ міръ; Ея небесное покровительство проникаетъ въ чертоги и хижины, въ грады и села, и вездѣ молитвенно прославляется.

Къ кому чаще всего и смѣлѣе спѣшитъ за утѣшеніемъ и помощію обремененный житейскими скорбями и несчастіями? Міръ, столь обольщающій насъ своими благами, самыя эти блага нерѣдко дѣлаетъ орудіями нашихъ страданій. Привязавъ сердце человѣка къ себѣ, онъ за любовь его платитъ измѣною и коварствомъ и въ истерзанную, разочарованную душу, вмѣсто утѣшенія, вливаетъ отраву. Но Милосердая Заступница блюдетъ такую страдающую душу и при первомъ желаніи ея отрѣшиться отъ суеты міра, при первомъ взорѣ, обращенной къ Небесной Ходатаицѣ, Она простираетъ свои материнскія объятія къ истерзанной печалію душѣ, утѣшаетъ ее, врачуетъ и, среди самыхъ тяжкихъ, безвыходныхъ обстоятельствъ, невидимо подаетъ руку помощи и избавленія.

Къ кому небоязненно простираетъ руки свои погрязшій въ грѣховной жизни и желающій, но неимѣющій твердости, оставить путь порока? Правосудіе Божіе страшитъ его, тяжкіе безчисленные грѣхи его приводятъ въ отчаяніе. Но вотъ онъ видитъ ликъ Преблагословенной, онъ читаетъ въ Немъ благость, состраданіе, готовность и силу за него ходатайствовать, смягчается сердцемъ и изъ отчаяннаго грѣшника преобразуется въ кающагося, а по времени и въ вѣрнаго слугу Божія. О какое безчисленное множество такихъ примѣровъ, какой мы видимъ въ обращеніи преподобной Маріи Египетской, примѣровъ, которые свидѣтельствуютъ, что наша Небесная Ходатаица ищетъ вездѣ и во всякое время исправленія и спасенія грѣшниковъ!

При самой страшной минутѣ для человѣка,—минутѣ, когда разлучается душа его съ тѣломъ, кто, какъ не Она, Милосердая Мать наша, является къ умирающему, какъ Надежда ненадежныхъ. Онъ сознаетъ, что его жизнь протекла безъ плодовъ вѣры и добра, чувствуетъ, что наступаетъ для него страшный часъ—дать отчетъ предъ правосудіемъ Божіимъ, видитъ все это и, не находя себѣ ни въ чемъ ни оправданія, ни утѣшенія, готовъ уже погрузиться въ вѣчность съ духомъ страха и отчаянія, какъ свѣтлый ликъ Небесной Заступницы останавливаетъ его потухающій взоръ: онъ молитвенно стремится къ Ней и въ глубокомъ раскаяніи и сокрушеніи о своихъ грѣхахъ, съ упованіемъ на заступленіе Ея, испускаетъ послѣдній вздохъ. А такое упованіе можетъ-ли остаться безплоднымъ?

Самыя моленія наши объ упокоеніи умершихъ нашихъ братій не Ею-ли, нашею Заступницею, приносятся къ престолу Сына Ея и Господа? Не Она-ли, Премилосердая, блюдя насъ въ жизни земной, не оставляетъ и по смерти нашей и своимъ предстательствомъ у Царя Небеснаго преклоняетъ правосудіе Божіе къ милосердію и облегчаетъ участь отшедшихъ въ вѣчность?

О, какой языкъ можетъ изъяснить всѣ благодѣянія, изливаемыя Премилосердою Царицею Небесною на родъ человѣческій! Многіе святые мужи напрягали свои Богопросвѣщенные

умы для того, чтобы достойно выразить величіе дѣлъ Преблагословенной, но и тѣ сознавались въ своемъ безсиліи. Намъ ли убогимъ по уму, слабымъ по вѣрѣ, возвыситься до пзъясненія дѣлъ Богородительницы? Преклонимся-же смиренно и благоговѣйно предъ такимъ величіемъ и въ простотѣ сердца, съ чувствомъ глубокой благодарности, да чествуемъ сей великознаменательный для христіанскаго міра день Рождества Премилосердой Ходатаицѣ нашей!

Но чествованіе наше сего великаго дня должно сопровождаться, братія, какимъ-либо особымъ знакомъ признательности нашей къ Преблагословенной! У насъ есть обычай приносить близкому намъ подарокъ въ день его рожденія. Божія Матерь, по Своей любви и милосердію къ намъ, всѣмъ намъ близка, и подарить ее можетъ всякій, — и богатый, и бѣдный, благочестивый и убогій въ добрѣ. Пусть каждый въ честь свѣтлаго дня Ея Рождества сдѣлаетъ какое-либо самопожертвованіе: поможетъ неимущему, воздержится отъ какой-либо грѣховной наклонности, оставитъ гнѣвъ на ближняго, умѣритъ свою любовь къ суетнымъ развлеченіямъ, вообще пусть всякій ознаменуетъ сей день или добрымъ дѣломъ или воздержаніемъ отъ дурныхъ и суетныхъ дѣлъ, и это будетъ пріятнымъ подаркомъ нашей Небесной Заступницѣ. Такой подарокъ не останется для насъ безъ воздаянія, а сторицею вознаградится.

Владычице наша, Радосте, Покрове и Спасеніе наше! Тебѣ молимся: воздвигни насъ отъ сна грѣховнаго, просвѣти наши очи сердечныя, отемненныя мракомъ сусты, объявшей насъ и влекущей къ погибели, и изведи насъ на путь покаянія! Спаси насъ, спаси Преблагословенная! Аминь.

На день введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы.

1.

Марѳа-же молвяше о мнозѣ службѣ, ставши-же рече: Господи, небрежеши-ли, яко сестра моя едину мя остави служити, рцы убо ей, да ми поможетъ (Лук. 10, 40).

Евангеліе, нынѣ чтенное въ честь празднества Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы, представляетъ намъ обстоятельство, весьма близкое, братія, къ намъ самимъ, и потому для своего назиданія повторимъ его и примѣнимъ къ себѣ.

Двѣ сестры—Марѳа и Марія, обѣ благочестивыя и добрыя, сподобились принять въ своемъ домѣ Спасителя. Первая изъ нихъ, по приходѣ Его, стала чрезвычайно хлопотать, чтобы пристойно угостить его, а вторая, не принимая никакого участія въ ея хлопотахъ, сѣла близь Христа и слушала Его ученіе, ибо Христосъ во всякое время, и въ храмѣ, и въ домѣ, преподавалъ спасительное Свое ученіе слушающимъ Его. Усердная къ такому дорогому гостю Марѳа, видя, что заботливость ея угостить Его не приходитъ скоро, какъ ей хочется, къ концу безъ пособія Маріи, стала жаловаться Христу и просить Его приказать Маріи помочь ей: *Господи не брежеши-ли, яко сестра моя едину мя остави служити, рцы убо ей да ми поможетъ.* По мнѣнію нашему жалоба справедливая! Пришелъ гость и гость дорогой, а сестра оставляютъ другую заниматься домашними хлопотами, сама-же слушастъ наставленія гостя, хотя могла-бы заняться этимъ и по окончаніи дѣла! Но не такъ разсудилъ Господь. *Марѳо, Марѳо*, говоритъ Онъ жалующейся, *печешися и молвиши о мнозѣ, едино-же есть на потребу; Марія же благую часть избра.*—Если и это усердное желаніе Марѳы угостить Господа Онъ обличилъ, то что-же долженъ сказать намъ, когда мы и не для угощенія Его, а для угощенія самихъ себя, для обыкновенныхъ житейскихъ дѣлъ, нерадимъ ученіемъ и слушаніемъ слова Божія? Что-же онъ долженъ сказать тѣмъ, которые въ праздники, по причинѣ

домашнихъ хлопотъ, оставляютъ священнѣйшую обязанность приходить въ церковь. По истинѣ, братія, мы виновны предъ Богомъ и предъ самими собою тѣмъ, что житейскія свои дѣла предпочитаемъ дѣламъ Божественнымъ и пріятности здѣшней жизни предпочитаемъ своему вѣчному спасенію. Человѣкъ есть странникъ въ семъ мірѣ. Хотя есть люди, которые живутъ многіе годы, но что эти годы значатъ въ сравненіи съ вѣчностію? Капля въ морѣ, песчинка въ степи! Жизнь эта есть краткій путь, ведущій къ вѣчности. Стоитъ-ли же труда, чтобы всѣ силы употреблять къ тому, чтобы путь сей былъ какъ можно пріятнѣе, когда за этимъ путемъ лежитъ вѣчность? Не лучше-ли заботиться о томъ, чтобы вѣчная наша жизнь была пріятною, а о пріятности пути ни мало не помышлять, ибо онъ краткій, малый, а слѣдовательно, если на немъ случаются и терпія, то они, по своей кратковременности, не должны заслуживать нашего вниманія. Но человѣкъ, кажется, рѣшился до конечной своей гибели упорствовать въ попеченіи о временномъ своемъ благополучіи. Онъ и мыслитъ и дѣйствуетъ только о томъ, чтобы путь сей жизни былъ устланъ цвѣтами, а не терніями. Несчастный! Что ты дѣлаешь? Доколѣ заботишься о сей жизни, предстанетъ предъ тебя вѣчность, и съ чѣмъ ты придешь въ нее? Что скажешь, когда спросятъ тебя: чѣмъ занимался на землѣ? Ты отвѣтишь: я пекся о пріятности жизни. Тебѣ скажутъ: временная жизнь твоя уже кончилась; что сдѣлалъ ты для вѣчной?—Я не успѣлъ, будешь ты говорить.—Но тебя обличатъ тѣмъ, что ты все время потратилъ на излишнія заботы о временномъ счастіи и не хотѣлъ позаботиться о томъ, что сдѣлало-бы тебя счастливымъ въ вѣчности, и въ заключеніе скажутъ: *возьмите его и вверзите во тьму кромѣшную.*

Ахъ, братія, страшно впасть въ руцѣ Бога живаго безъ приготовленія! Сей милосердый Отецъ ко всѣмъ пекущимся о своемъ спасеніи есть строгій судія для всѣхъ міролюбцевъ. Ищущіе въ Немъ и чрезъ Него блаженства обрѣтаютъ Его и временно и вѣчно, а ищущіе блаженства въ мірѣ терзаются и

здѣсь жаждою удовольствій ненасыщающихъ и по ту сторону, не обрѣтаютъ блаженства.

Потому, братія, доколѣ еще милосердіе Божіе не окончилось, доколѣ еще оно продолжаетъ нашу жизнь, ожидая нашего обращенія, оставимъ всѣ лишнія заботы и попечемся о своей душѣ. Пусть жизнь наша течетъ, какъ ей предназначено, тѣмъ болѣ, что всѣ наши старанія объ улучшеніи ея будутъ тщетны, если этого не будетъ угодно Богу, а посвятимъ остальные дни свои на украшеніе себя добродѣтелями, на занятія, питающія душу и умилостивляющія Бога. Если мы глубоко пали и не можемъ отстать отъ житейскихъ заботъ, то будемъ со слезами молиться Богу, и Онъ Своею благодатію воздвигнетъ духъ нашъ изъ блата чувственныхъ желаній и устремитъ его къ исканію небесныхъ благъ. Если намъ нуженъ примѣръ для подражанія, то празднуемая нынѣ Приснодѣва представляетъ собою высочайшій образецъ. Подражая Ея благочестію, Ея чистотѣ сердца и желаній, ея смиренію и преданности волѣ Божіей и мы удостоимся услышать сей гласъ Господа: *и вы благую часть избрали, которая не отъимется отъ васъ!* Аминь.

2.

Призрѣ на смиреніе рабы Своея. (Лук. 1, 48).

Нынѣшній, братія, праздникъ служитъ высокимъ доказательствомъ смиренія и благочестія Пресвятой Дѣвы, съ самыхъ юныхъ ея лѣтъ. Приведенная въ храмъ, по обѣту родителей, она не только смиренно покорилась волѣ ихъ, видя въ ней волю Божію, но радостно предалась святымъ занятіямъ во храмѣ и возрастая тѣломъ, возрастала вмѣстѣ въ благочестіи; придя же въ совершенный возрастъ, достигла такого совершенства въ святости и благочестіи, что удостоилась содѣлаться одушевленнымъ храмомъ Господа, вмѣстилищемъ Невмѣстимаго, матерію Бога. Такъ призрѣлъ Господь на смиреніе и благочестія ея!

Усомнится ли кто и нынѣ въ высокихъ достоинствахъ тѣхъ

дѣвъ и отроковицъ, которыя украшаются смиреніемъ и благочестіемъ? О, эти украшенія драгоцѣннѣе всѣхъ запястій и ожерельевъ изъ драгоцѣнныхъ камней. Смиренная и благочестивая дѣва столько вмѣщаетъ въ себѣ внутреннихъ достоинствъ, сколько имѣетъ красоты душевной, что пріобрѣтаетъ уваженіе даже тѣхъ людей, которые рѣдко умѣютъ цѣнить добродѣтель. Чистая, свѣтлая по душѣ, непорочная въ мысляхъ, кроткая во взорѣ, смиренная на словахъ, добродѣтельная въ поступкахъ, она составляетъ радость и гордость родителей, служитъ украшеніемъ своему полу, притупляетъ всякій нескромный взоръ, брошенный на нее, отдаляетъ поводъ къ нечистой мысли. Она и въ очахъ Божіихъ стоитъ высоко, въ той мѣрѣ высоко, какъ глубоки ея смиреніе и благочестіе. Ибо если Господь кающихся грѣшниковъ не отвергаетъ; если обезчестившихъ себя грѣхомъ не лишаетъ своего милосердія: то оставитъ ли въ забвеніи существо невинное и смиренное, не возвыситъ ли души кроткой и благочестивой? О, такая дѣва принадлежитъ къ числу тѣхъ дѣвъ, о коихъ св. Пророкъ говоритъ: *приведутся Царю дѣвы въ слѣдъ ея*, т. е. Пресвятой Дѣвы, *и искреннія ея приведутся тебѣ: приведутся въ веселіи и радованіи, введутся въ храмъ Царевъ* (Псал. 44, 15, 16).

Удивительно ли послѣ сего, что судьба смиренныхъ и благочестивыхъ дѣвъ бываетъ подъ особымъ Промысломъ Божіимъ. Другія, неимѣющія ихъ качествъ, употребляютъ всѣ мѣры къ выгодному устроенію своей судьбы: и красота тѣла, и изящество одеждъ, и ловкость обращенія, все, все то, въ чемъ такъ изобрѣтателенъ бываетъ умъ человѣка, употребляется ими къ достиженію своихъ желаній; но судьба ихъ или не устрояется, или устрояется гораздо хуже, нежели они ожидали. Но судьба кроткихъ благочестивыхъ дѣвъ, безъ всякихъ съ ихъ стороны искательствъ, устрояется сверхъ ихъ ожиданія. Не явно ли надъ ними покровительство и благоволеніе Божіе? И какъ они достойны бываютъ счастія; какъ счастливы тѣ, коихъ Господь награждаетъ такими супругами. Съ ними переходитъ въ домъ миръ и благословеніе Божіе. Чрезъ сожительство съ такою женою и мужъ, менѣе ея достойный, освящается; ибо она при-

влекаетъ на бракъ свой небесную благодать. А когда Господь даруетъ такой четѣ чадъ, какихъ она можетъ приготовить достойныхъ наслѣдниковъ своихъ добродѣтелей!

Христіанскія дѣвы! Старайтесь пріобрѣсти высокую добродѣтель смиренія и располагайте сердца свои къ благочестію. Ничто такъ васъ не возвыситъ въ очахъ Божіихъ и во мнѣніи людей, какъ смиреніе; ничто васъ такъ не украситъ, какъ благочестіе. Смиреніе и благочестіе суть драгоцѣннѣйшіе перлы, которые могутъ возвысить и вашу красоту, и вашъ умъ, и вашу образованность, которые могутъ сугубо замѣнить недостатокъ вашего внѣшняго богатства обиліемъ добродѣтелей, богатствомъ души; могутъ даровать вамъ такую судьбу, о которой вы и не помышляете. Но смиреніе и благочестіе должны быть не наружныя только, но паче внутреннія, должны выражаться не предъ людьми только, но паче предъ Богомъ, должны и пріобрѣтаться потому не отъ людей, но отъ Бога, Подателя всѣхъ даровъ. Молитесь Господу Богу о сихъ нетлѣнныхъ и безцѣнныхъ сокровищахъ! Призывайте въ ходатайство и заступленіе Пресвятую Дѣву, Которой вы имя носите и Которая показала вамъ высокій образецъ къ подражанію Своею святою жизнію! Обращайтесь къ Ней въ пламенной молитвѣ, и Она наставитъ васъ на путь смиренія и вселитъ въ сердце ваше благочестіе! Аминь.

На день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.

1.

Радуйся благодатная: Господь съ Тобою, благословенна Ты въ женахъ. (Лук. 1, 28).

Такъ привѣтствовалъ Архангелъ Гавріилъ Пресвятую Дѣву! И какое дивное, необычайно-радостное благовѣстіе! Содѣлаться Матерію Господа, Спасителя міра, родить отъ Духа Святаго Того, Кто отъ начала міра составлялъ чаяніе людей... О, какой языкъ можетъ изъяснить такую радость!

Но послѣ такого радостнѣйшаго благовѣстія, повидимому, нужно было бы ожидать для Преблагословенной и внѣшнихъ радостей, тѣхъ радостей, которыя составляютъ земное счастіе человѣка. Но видимъ ли мы это? Увы, видимъ совершенно противное!

Съ раннихъ лѣтъ сирота, Она недолго пользовалась родительскими ласками; посвященная Богу, Она пребываетъ въ храмѣ, въ тишинѣ богомыслія и благочестія, потомъ по особому Промыслу Божію, переходитъ въ убогій домъ праведнаго старца. Здѣсь возвѣщается ей велія радость, здѣсь Она узнаетъ то высокое назначеніе, къ которому Господь уготовилъ Ее. Здѣсь же, казалось бы, должна была совершиться перемѣна и во внѣшней Ея судьбѣ. Но не такъ было. Если жизнь Преблагословенной досель была жизнію уединенною, удаленною отъ мірскихъ развлеченій и радостей: то послѣдующая жизнь ея была исполнена всевозможными скорбями и озлобленіями отъ міра. Лишь только стало сбываться съ Нею благовѣстіе Архангела, какъ Ея покровитель, праведный старецъ, не посвященный еще въ тайну воплощенія Сына Божія, возбуждается къ подозрѣнію объ Ея непорочности; наступаетъ время разрѣшиться Ей отъ Святаго бремени, и для этого не обрѣтается мѣста въ человѣческой обители: ясли служатъ колыбелію Предвѣчнаго Младенца; коль скоро дошла вѣсть до злочестиваго царя о рожденіи Спасителя міра, какъ замышляются страшные ковы къ погубленію Его; Преблагословенная спѣшитъ укрыть драгоцѣнный и Небесный плодъ чрева Своего въ чужой дальной сторонѣ, но за него кровь тысячей невинныхъ младенцевъ обагряетъ землю. Возросъ Ея Сынъ возлюбленный. и что Она видитъ? Тамъ злословятъ и клевещутъ на Него, здѣсь хотятъ свергнуть съ горы, или другимъ образомъ погубить Его; наконецъ зависть и злоба людей доводятъ Его до поносѣйшей смерти. Что перечувствовала Пресвятая Дѣва у Креста Сына Своего? Какая скорбь могла равняться Ея скорби? Воскресъ Господь; но пришелъ ли конецъ скорбямъ матери Его? И пересталъ ли міръ озлоблять Ее? Нѣтъ, Она и тогда, до самаго успенія Своего должна была пребывать въ безвѣстности, чтобы

скрыть свое существованіе отъ враговъ Сына Своего, которые не преминули бы и на Нее излить злобу свою.

Это-ли счастливая жизнь на землѣ? О, конечно, ни одна жена во всемъ мірѣ не испытала столько и такихъ скорбей, сколько и какихъ испытала Матерь Господа нашего!

Какое поученіе и вмѣстѣ обличеніе, братія, въ семъ краткомъ перечнѣ земныхъ страданій Небесной Ходатаицы нашей для тѣхъ изъ насъ, кои тяготятся посѣщающими насъ скорбями и ропщутъ на Промыслъ Божій!

Если Святѣйшая Божія Матерь всю Свою земную жизнь подвергалась скорбямъ, и Сынъ Ея, Самъ пострадавшій за грѣхи міра до крестной смерти, въ Своемъ предвѣчномъ совѣтѣ, какъ Богъ, не нашелъ нужнымъ освободить Свою Матерь отъ земныхъ скорбей: то для насъ, чадъ плоти и грѣха, не гораздо ли болѣе необходимы скорби, не составляютъ ли онѣ одного изъ благодѣтельнѣйшихъ средствъ, употребляемыхъ милосердіемъ Божіимъ, чтобы сохранить въ насъ вѣру въ Бога, утвердить въ добродѣтели, расположить насъ къ исканію вѣчныхъ, небесныхъ благъ?

Не много нужно наблюдательности, чтобы видѣть, какое благотворное дѣйствіе имѣютъ скорби на нравственное и религіозное состояніе человѣка. Посмотрите на юношу, какихъ не мало между нами. Онъ, при здоровыхъ и крѣпости тѣлесныхъ силъ, получилъ блестящее по духу времени воспитаніе; скорби ему неизвѣстны, напротивъ, все въ мірѣ ему, такъ сказать, улыбается. Какъ онъ обо всемъ судитъ смѣло, рѣшительно, его не стѣсняютъ въ сужденіяхъ ни истины вѣры, ни правила нравственности, ни опыты вѣковъ! Онъ увлекается всякою новою мыслію, всякимъ новымъ ученіемъ, лишь бы оно отдѣляло его отъ толпы, и готовъ, если то нужно для защиты сего ученія, на отрицаніе вѣры отцовъ своихъ, на отверженіе Промысла Божія въ дѣлахъ человѣческихъ, на осужденіе общественнаго устройства, по его мнѣнію устарѣлаго и недостойнаго образованныхъ обществъ. Но съ теченіемъ времени, по премудрому устроенію Божію, касаются его скорби,

поражаютъ несчастія. И что жъ? Ища въ себѣ и во всемъ окружающемъ его мірѣ и не находя нигдѣ помощи и утѣшенія, онъ, если вовсе не потерялъ разсудка, невольно обращается къ вѣрѣ, которую дотолѣ считалъ мечтою, и утѣшенный ею горько раскаявается въ своихъ мудрованіяхъ. Что было бы, еслибъ премудрый Промыслъ не поражалъ скорбями подобныхъ мечтателей? Если и теперь отъ нихъ нерѣдко появляется возмутительная зараза въ общественномъ благоустройствѣ, а тогда открыта была бы широкая дверь къ водворенію на землѣ необузданнаго своеволія, невѣрія и беззаконія.

Но не одни юноши теряютъ достоинство человѣка и христіанина, среди счастія и возвращаются на истинный путь по вліянію на нихъ скорбей. Не скорби-ли показуютъ самимъ опытомъ, что одинъ только Господь смиряетъ и выситъ, богатитъ и убожитъ, сокрушаетъ духъ гордости и возношенія въ тѣхъ, кои среди почестей и богатства мечтаютъ о себѣ высоко и въ своихъ отношеніяхъ къ ближнимъ уничижаютъ ихъ? Не скорби-ли останавливаютъ сластолюбца на пути порока и заставляютъ душу его возчувствовать потребность въ обращеніи на путь благочестія и добродѣтели? Не онѣ-ли облегчаютъ человѣку переходъ изъ здѣшней жизни въ вѣчную, ослабляя въ немъ привязанность къ землѣ и приготовляя его къ переселенію въ небесное отечество? Отнимите отъ человѣка всѣ скорби и болѣзни, и онъ не вспомнилъ бы благовременно о вѣчности; утѣшаясь настоящимъ и не подумалъ бы о будущемъ, и такимъ образомъ, какъ бы ужасенъ былъ для него внезапный переходъ въ будущую жизнь и съ чѣмъ онъ предсталъ на судъ Божій! Наконецъ, братія, могли-ли мы не замѣтить сами надъ собою, что во дни нашихъ собственныхъ скорбей и несчастій (ибо кто ихъ не испыталъ), жизнь наша была добродѣтельнѣе, молитва наша къ Богу пламеннѣе, обращеніе наше къ ближнимъ было благодушнѣе, мысли и чувства были благочестивѣе и смиренномудрѣе?

Конечно бываютъ скорби весьма великія и къ перенесенію тягостныя. Но и при такихъ скорбяхъ роптать на Бога и падать духомъ свойственно только людямъ, немущимъ упованія,

тѣмъ, кои не признаютъ Промысла Божія въ судьбахъ человѣческихъ, а приписываютъ всѣ скорби или слѣпому случаю, или недостатку предусмотрительности человѣческой. Вѣрующій же христіанинъ, памятуя, что и власъ главы нашей не погибнетъ безъ воли Божіей, въ скорбяхъ, на него насылаемыхъ, видитъ руку Божію, не только наказующую, но и милующую, и вѣруетъ, что Кто послалъ скорбь, Тотъ и укрѣпитъ его силы къ перенесенію оной безропотно. Наконецъ у всѣхъ насъ есть скорая и Милосердая Утѣшительница, Пресвятая Богородица. Не втуне Она нарицается Матерію всѣхъ скорбящихъ, Надеждою ненадежныхъ, Покровомъ и спасеніемъ душъ нашихъ! И кто изъ притекающихъ къ ней съ вѣрою и молитвою отходитъ неутѣшеннымъ, неуспокоеннымъ? Она, какъ щедрая и спѣшная раздаятельница небесныхъ и земныхъ благъ Сына Своего и Бога, неустанно подаетъ имъ, кому что потребно для спасенія: малодушнымъ крѣпость духа, неразумнымъ вразумленіе, отчаяннымъ надежду, плачущимъ утѣшеніе, волнующимся успокоеніе.

Потому, братія, да взираемъ на неразлучныя съ сею жизнію скорби, какъ на благодѣтельныя средства, употребляемыя милосердіемъ Божіимъ для нашего спасенія, и да пріемлемъ ихъ какъ такое врачевство, которое горько на вкусъ, но цѣлительно для душевнаго здравія, тяжко для временной жизни, но спасительно для вѣчной. И тогда, при покровительствѣ и заступленіи Преблагословенной и Премилосердой Владычицы нашей Богородицы, скорбный земной путь нашъ приведетъ насъ въ жилище вѣчныхъ небесныхъ радостей! Аминь.

2.

Радуйся, благодатная: Господь съ Тобою (Лук. 1, 28).

Въ настоящій день христіанскій міръ торжественно воспоминаетъ всерадостное благовѣстіе Архангелово Пресвятой Дѣвѣ о зачатіи Ею Спасителя міра.

Пытующій взоръ нашъ благоговѣйно проникаетъ туда, гдѣ

совершилось это дивное событіе. И что мы видимъ? Въ убогомъ домѣ праведнаго старца, въ уединенной горницѣ видимъ Пресвятую Дѣву, молитвенно возносящуюся къ престому Вседержителя Господа и среди пламенной Ея молитвы представшаго предъ Нею Архангела съ радостнѣйшимъ благовѣстіемъ.

Взирай, христіанская душа, въ этотъ домъ, въ эту горницу и поучайся! Тамъ Преблагословенная Дѣва молится и среди молитвы озаряется Небесною славою, привѣтствуется Небесною радостію, сподобляется напітія Св. Духа и осѣненія силою Вышняго: среди молитвы Самъ Богъ воплощается въ утробѣ Дѣвичей.

Взирай и поучайся, христіанская душа! Не видишь ли, чѣмъ и ты можешь приблизиться къ Богу? Не усматриваешь ли, что чрезъ молитву, подобную молитвѣ Преблагословенной, и на тебя изліется благодать Божія, и ты можешь достигнуть соединенія съ Богомъ и возрадоваться о Бозѣ Спасѣ твоемъ?

О, какъ спасительна для насъ молитва, братія, молитва чистая, пламенная, постоянная! Если когда человѣкъ можетъ стать превыше своей растлѣнной природы, если когда здѣсь на землѣ, въ бренной своей плоти, можетъ уподобиться чинамъ ангельскимъ: то это среди пламенной молитвы ко Господу. Когда онъ съ непоколебимою вѣрою, проникнутый сознаніемъ своего убожества и пораженный величіемъ Бога, исполненный упованія на милосердіе Божіе и дышущій святою любовію къ Богу, *изливаетъ предъ Господемъ душу свою* (1 Царств. 1. 15), тогда отрѣшается всего житейскаго и суетнаго и, какъ на крилахъ, подъемлется къ самому престолу Господню. И кто усумнится въ спасительномъ дѣйствіи такой молитвы? Благодатное просвѣщеніе и успокоеніе души, или, по выраженію Апостола: *правда и миръ и радость о Дусѣ Святѣ* (Рим. 14, 17),—вотъ плоды пламенной сердечной молитвѣ. О, если бы мы, братія, чаще прибѣгали къ такой молитвѣ! Тогда не поражались бы такъ скорбями міра, тогда не были бы такъ скудны дарами духовными, тогда не ужасались бы такъ смертнаго часа.

Но гдѣ намъ взять столько теплоты сердечной, чтобы быть способными къ пламенной молитвѣ? Какъ расположить себя къ

опой и истребить въ себѣ ту холодность, которая останавливаетъ всѣ порывы нашей души къ Богу? — вотъ затрудненія, которыя со вздохомъ скорби часто выражаются христіанами.— Но затрудненія сіи не суть ли преграды, воздвигаемыя самимъ человѣкомъ для себя: не суть ли горькіе плоды его неправильнаго образа жизни и съ исправленіемъ жизни не устраняются ли они сами собою?

Премудрый и Премилосердый Творецъ устроилъ сердце человѣческое такъ, что оно можетъ и должно быть богатою сокровищницею чувствъ возвышенныхъ и непорочныхъ и снабдилъ его такою теплотою, что въ немъ всегда можетъ сохраняться пламень святой любви къ Богу и совершаться достойное благохваленіе Бога и поклоненіе Ему. Но сія сокровищница сердца не наполняется ли самимъ человѣкомъ предметами суетными и недостойными? Всѣ мы знаемъ и знаемъ не по вразумленію только Слова Божія, но и по собственному опыту, нерѣдко очень горькому, что всѣ удовольствія міра и кратковременны и предосудительны и оставляютъ послѣ себя въ душѣ только пустоту и уныніе: что всѣ временныя блага не доставляютъ человѣку счастія и довольства на землѣ. А между тѣмъ не большая ли часть нашихъ дѣйствій и помысловъ имѣютъ цѣлію одно временное благо наше? Не временному ли благу мы посвящаемъ всякій день, всякій часъ нашей жизни? Не въ пріобрѣтеніи ли его полагаемъ нашу радость, наше счастіе, и не потеря ли его повергаетъ насъ въ неутѣшную печаль? А при такой сердечной привязанности нашей къ міру и его благамъ, при такомъ стремленіи ко всему суетному, не естественно-ли, что мы не можемъ удѣлить ничего для Бога,? Не естественно-ли, что для служенія Богу и для молитвы Ему, въ нашемъ сердцѣ, въ нашихъ чувствахъ ничего не остается, кромѣ холодности и разсѣянности? Но пусть человѣкъ отвратится отъ суетности, пусть онъ умѣритъ свою привязанность къ міру и его благамъ, и сердце его содѣлается способнымъ и къ благимъ чувствованіямъ и къ пламенной сердечной молитвѣ.

А вмѣстѣ съ способностію къ искренней молитвѣ не яв-

лятся ли и полное расположеніе къ ней? Когда міръ и его блага перестаютъ расхищать наши мысли и чувства, и понятіе наше освобождается отъ вліянія суетности мірской: тогда прежде всего обращается наше вниманіе на то, что всего ближе къ намъ, т. е. на самихъ себя. А воззрѣніе на себя не можетъ не поражать прямо и до глубины души собственнымъ нашимъ убожествомъ. Ибо что мы безъ Бога, безъ Его благодатной помощи? Не существа ли слабыя, несчастныя, ничтожныя? Что наша мудрость? Не одно ли шаткое стремленіе къ любомудрію, сопровождаемое непрестанными ошибками, противорѣчіями, уклоненіями отъ истины? Что наше счастіе? Не одно ли краткое усыпленіе среди всякаго рода опасностей, которому угрожаютъ многоразличныя бѣды: *бѣды въ рѣкахъ*, какъ говоритъ св. Апостолъ: *бѣды отъ разбойникъ, бѣды отъ сродникъ, бѣды въ пустыни, бѣды въ мори, бѣды во лжебратіи* (2 Кор. 11, 26). Что наше здравіе? Не часто ли разстраиваетъ его одно слабое дуновеніе вѣтра, и не тщетна ли вся наша заботливость, чтобы защитить его отъ враждебнаго дѣйствія всего насъ окружающаго. Что наши добродѣтели и заслуги? Не отпечатлѣваются ли на многихъ изъ нихъ рѣзкіе признаки своекорыстія и искательства, притворства и тщеславія? Наконецъ, что мы можемъ успѣть въ дѣлѣ своего спасенія безъ благодатной помощи Божіей? Не рабы ли мы плоти и грѣха, не ослабѣваемъ ли на первомъ шагу къ подвигамъ спасенія, не совращаемся ли ежедневно и по нѣскольку разъ съ пути къ оному? Самое желаніе наше спасенія себѣ не бываетъ ли непостоянно и измѣнчиво? Не бываетъ ли съ нами такъ, что сегодня рѣшаемся жить благочестиво, а завтра теряемъ и память о сей рѣшимости, утромъ воздыхаемъ о своемъ спасеніи, а вечеромъ кружимся въ вихрѣ мірскихъ удовольствій?—А сознаніе такой своей духовной скудости безъ Бога, сознаніе своего безсилія и ничтожества во всемъ можетъ ли не повергнуть насъ въ прахъ предъ Величествомъ Божіимъ, можетъ ли не заставить насъ искать у одного Милосердаго Небеснаго Отца всего, что потребно для вѣчной блаженной жизни и для временнаго благополучія; можетъ ли не воспламенить всѣхъ нашихъ чувствъ

и мыслей и не слить ихъ въ одну искреннюю пламенную молитву къ Царю Царей и Господу Господей, въ рукѣ Котораго вся наша жизнь, и временная и вѣчная, и отъ Котораго исходитъ всякое благо?

Такъ, братія, для искренней молитвы къ Богу намъ потребно сознаніе своего безсилія и скудости духовной, а чтобы получить такое сознаніе, мы должны умѣрить свою привязанность къ благамъ міра и не развлекать своихъ мыслей суетою онаго. Не сему ли поучаетъ насъ Преблагословенная Дѣва Богородица Своею земною жизнію, которую Она отъ самыхъ юныхъ дней Своихъ до Своего чуднаго преставленія отъ земли на небо, проводила въ уединеніи и удаленіи отъ мірскихъ развлеченій и удовольствій? Не показываетъ ли она собственнымъ примѣромъ, что молитва вѣрующаго можетъ быть чистою и Богопріятною только тогда, когда онъ, отрѣшившись земныхъ пристрастій, возводитъ умъ и сердцѣ горѣ, и въ уединеніи, памятуя только ничтожество свое и величіе Божіе, благоговѣйно изливаетъ душу свою предъ Отцемъ Небеснымъ?

Блаженны тѣ, кои, познавъ суету міра и ничтожество свое безъ Бога, могутъ *всякою* пріятною Богу, *молитвою* и теплымъ *моленіемъ молиться на всяко время духомъ* (Еф. 6, 18). Такая молитва низводитъ на нихъ вседѣйствующую благодать Божію, а благодать, укрѣпляя духовныя силы ихъ въ подвигахъ спасенія, исполняетъ сердца ихъ твердою надеждою на блаженную вѣчность, каковая надежда есть уже предвкушеніе небесныхъ радостей.

Возжелаемъ, братія, сего блаженства, пожертвуемъ суетою міра для того, чтобы сдѣлаться способными и расположенными всегда возносить умъ и сердце въ пламенной молитвѣ къ Господу, и въ молитвѣ сей мы найдемъ столько утѣшенія, столько истиннаго сердечнаго радованія, что всѣ скорби міра не приведутъ насъ въ уныніе и самая смерть, столь грозная для міролюбцевъ, будетъ встрѣчена нами, какъ предвѣстница нескончаемыхъ радостей!

Владычица наша, Пресвятая Богородица! Ты паша скорая и всемощная Помощница на всякое дѣло благое: укрѣпи въ

насъ желаніе и рѣшимость всегда, до конца дней нашихъ, всѣми силами души нашей служить и благоугождать Господу по тому высокому примѣру, который Ты намъ показала въ Своей земной жизни, и мы достойно и съ чистою радостію непрестанемъ воспѣвать Тебѣ: *радуйся благодатная, Господь съ Тобою!* Аминь.

На день Успенія Божіей Матери.

Недавно мы говорили, братія, о всеобъемлющей любви Спасителя нашего къ роду человѣческому. Теперь предстоитъ случай сказать о любви къ намъ Его Божественной Матери.

Не вразумляютъ ли насъ и наша вѣра и наше внутреннее чувство, что добродѣтельная и благочестивая мать, умирая и оставляя послѣ себя своихъ дѣтей, не прерываетъ своей духовной связи съ ними, а. елико можетъ, ходатайствуетъ у милосердія Божія о покровительствѣ имъ. И нерѣдкіе примѣры подтверждаютъ, что эти дѣти, повидимому безпріютные и назначенные для горькой участи, повидимому оставленные на жертву всякаго рода соблазнамъ, бываютъ счастливы и сохраняютъ добрую нравственность. Не ясно ли здѣсь дѣйствуетъ милосердіе Божіе по ходатайству доброй матери?

Нынѣ мы воспоминаемъ Успеніе общей Матери всѣхъ вѣрующихъ во Христа Спасителя, Сына Ея. И кто эта Матерь наша? По достоинству Своему, по качеству Матери Сына Божія, Она превыше не только всѣхъ святыхъ человѣковъ, но безъ сравненія честнѣйшая и славнѣйшая херувимовъ и серафимовъ, и потому Она самая доступная, самая могущественная Ходатаица у престола Сына Своего и Бога.

А любовь Ея къ роду человѣческому? О какой языкъ можетъ изъяснить ее! Богопросвѣщенные мужи напрягали всѣ способности своего ума, чтобы выразить Ея любовь къ роду человѣческому, посвящали всю свою святую жизнь славословію благодѣтельницы нашей, но и тѣ сознавались въ безсиліи своемъ достойно изрѣщи любовь Богородительницы.

Но что означаютъ эти благолѣпные храмы и обители, древніе и новые, посвященные Ея святому имени? Что выражаютъ эти торжественные праздники въ честь Ея, эти св. иконы Ея, благоукрашенныя драгоцѣнностями? Не суть ли это выраженіе признательности благодарныхъ сердецъ за любовь и покровительство Преблагословенной, которыя Она во всѣ времена оказывала людямъ?

И дѣйствительно, кто изъ прибѣгающихъ къ Ней съ вѣрою не находилъ въ Ней покрова и помощи? Какая истерзанная печалію душа не находила въ ней утѣшенія? Въ какихъ душевныхъ и тѣлесныхъ болѣзняхъ Она не являлась врачемъ исцѣляющимъ? Въ какихъ тяжкихъ и безвыходныхъ обстоятельствахъ жизни Она не служила щитомъ, покровомъ и спасеніемъ? Какихъ отчаянныхъ Она не избавляла отъ душевной и тѣлесной гибели? Какой вражды, злобы и коварства между людьми Она не притупляла? Но возможно ли исчислить всѣ тѣ благодѣянія, которыя Она изливаетъ на всѣхъ прибѣгающихъ въ Ней? Самымъ падшимъ людямъ, отступившимъ отъ вѣры и добра и погрязшимъ въ порокахъ и нечестіи, не часто ли Она, Премилосердая, подаетъ руку помощи и спасенія? Припомните обращеніе Маріи Египетской; а такихъ примѣровъ безчисленное множество. Не даромъ св. Церковь называетъ Ее пастыремъ заблудшихъ. Ея любовь и милосердіе ищетъ обращенія среди самыхъ погибшихъ людей. И сколько такихъ, которые, приведенные Ея материнскою заботою къ покаянію, содѣлались въ послѣдствіи примѣромъ и украшеніемъ, вѣрующихъ!

А когда, братія, приближается конецъ нашей жизни, когда предстоитъ переходъ въ вѣчность, такой переходъ, который наводитъ страхъ на самаго твердаго въ вѣрѣ, кто намъ служитъ въ такую минуту кто успокоиваетъ трепещущую отъ страха душу? О все же Она, Преблагословенная; Она, такъ сказать Своими руками, какъ сердобольная мать, переводитъ душу изъ сего міра въ міръ вѣчности съ словомъ утѣшенія и упованія на милосердіе Божіе.

Кто Тебя не ублажитъ Пресвятая Дѣво, кто-ли не вос-

поетъ за такую Твою любовь къ намъ недостойнымъ! Мы грѣшники, заблудшіе осуетившіеся, но и мы чтимъ Тебя, Преблагословенная; на Тебя, на Твою любовь къ намъ надѣемся и Тобою хвалимся, нашею всемощною Заступницею и Ходатайницею! Не отринь нашихъ слабыхъ моленій къ Тебѣ и подаждь просимое нами во благо намъ; паче же всего: укрѣпи нашу вѣру, согрѣй наше сердце любовію къ Богу и ближнимъ и научи творить то, что пріятно Богу, полезно душѣ и чему вразумляетъ любовь Твоя къ намъ! Аминь.

На день Покрова Пресвятыя Богородицы.

Братія мои! Въ сей день, когда св. Церковь воспоминаетъ то событіе, какъ нѣкогда св. Андрей узрѣлъ тѣлесными очами Преблагословенную Матерь Божію на воздухѣ молящеюся Сыну Своему и Богу о помилованіи грѣшнаго рода человѣческаго, чувствуется какъ-то легко, свѣтло на душѣ, какой-то миръ Божій успокоиваетъ умъ, волнующійся въ другое время. Сей день увѣряетъ, что Владычица наша Богородица, наша непрестанная Ходатаица у престола Сына Своего, молитвами Своими покрываетъ насъ отъ страшнаго гнѣва Божія, который мы возбуждаемъ своими грѣхами и суетною жизнію. О, сталъли бы терпѣть насъ доселѣ Господь, если не она, Заступница наша? Какихъ попеченій Божіихъ мы не отвергли, какими милостями не презрѣли? Сколько разъ мы обѣщали Богу исправленіе и не исправились, сколько разъ мы приносили покаяніе и опять творили то-же, сколько разъ умоляли о помилованіи, обѣщая жить добродѣтельно, были помилованы и опять вели ту-же грѣховную жизнь? Не заслужили ли мы за все это казни, казни вѣчной? И конечно, эта казнь не замедлила-бы. Правосудію Господа не трудно дхнуть, и мы во мгновеніе тамъ, гдѣ вѣчный скрежетъ зубовъ. Но Она, Владычица наша, за насъ; Она укрываетъ отъ Господа бездну золъ нашихъ; Она останавливаетъ праведный гнѣвъ Божій; по Ея мощному заступленію Господь щадитъ насъ и для нашего спасенія даетъ

время исправиться; Ея материнскимъ мольбамъ обязаны мы тому, что Господь насъ наказуетъ, но не умерщвляетъ, посылаетъ скорби, но не допускаетъ до отчаянія; короче—Ея небеснымъ предстательствомъ Господь хранитъ насъ отъ всѣхъ бѣдъ.

Вотъ, братія, что радуетъ въ настоящій день сердце христіанина! Но при этомъ невольно приходитъ на мысль и то, ужели мы въ надеждѣ на заступленіе Владычицы нашей, никогда не престанемъ озлоблять Господа своими грѣхами и беззаконіями? Ужели въ благодарность за такую любовь къ намъ Преблагословенной мы не оставимъ раздирать сердце ея новыми неправдами? Всякій грѣхъ нашъ, всякая неправда наша сокрушаютъ нашу Ходатаицу. Она, если можно такъ выразиться, плачетъ тогда, когда мы предаемся плотскому веселію, и чѣмъ большимъ радостямъ и пиршествамъ предаемся, тѣмъ большія скорби наносимъ Ей и извлекаемъ тѣмъ обильнѣйшія слезы. Не лишается-ли всей материнской любви тотъ сынъ, который своею безпутною жизнію наноситъ матери своей непрестанныя огорченія? Но Она, Владычица наша, никогда не отвращается отъ насъ! Мы мучимъ, терзаемъ ее своими грѣхами, она страждетъ, а все стоитъ и молитъ о насъ у престола Божія! Устыдимся такой жестокости своей, умягчимся такою любовію благословенной! Обрадуемъ Ее и
своей жизни, по закону Божію! Исправивъ свою жизнь, при ходатайствѣ Преблагословенной и при руководствѣ нашей православной Церкви, мы несомнѣнно достигнемъ тѣхъ свѣтлыхъ обителей, гдѣ Она сидитъ одесную Сына Своего и Бога нашего!

О, спаси, спаси насъ, Пресвятая Богородица! Аминь.

V. На праздники святыхъ.

На день Усѣкновенія Главы Св. Іоанна Предтечи.

Грустно для неиспорченнаго сердца слушать исторію мученической кончины величайшаго изъ святыхъ Божіихъ человѣковъ, того, о комъ Самъ Спаситель сказалъ, что нѣтъ никого

болѣе его изъ рожденныхъ женами! Разнузданная порочная женщина, изъ мести и злобы къ обличавшему ея поведеніе праведнику, дѣлаетъ своими къ его погибели орудіями свою дочь и охмѣлѣвшаго мужа-царя и совершаетъ чрезъ нихъ торжественное злодѣяніе!

Что изъ этого печальнаго событія мы извлечемъ для своей бесѣды? Не то-ли, что зло торжествуетъ на злѣ, а правда и добродѣтель гибнутъ? Никакъ. Святый Іоаннъ совершилъ свой величайшій земной подвигъ и, запечатлѣвъ любовь свою къ правдѣ и истинѣ своею смертію, отошелъ ко Господу, какъ ближній Его, какъ другъ, чтобы съ Нимъ пребывать вѣчно въ радости и блаженствѣ, а міръ, и люди славятъ и благоговѣйно чтутъ святое имя его. А Иродіада? О, какое гнусное и какое кратковременное торжество! А послѣ опаго: здѣсь, на землѣ, цѣлыя тысящелѣтія, съ омерзѣніемъ произносится ея имя, а тамъ, на небесахъ нѣтъ ей мѣста, ея мѣсто на вѣки въ геенѣ огненной! Такое-ли торжество зла и порока можетъ смущать вѣрующаго?

Положимъ, что на землѣ не мало зла терпятъ невинно, что часто проливаются слезы отъ несправедливости, что добродѣтель и достоинства нерѣдко бываютъ въ тѣни и униженіи, а бездарность и безнравственность во свѣтѣ и славѣ. Но что все это означаетъ? Означаетъ только то, что Промыслитель Богъ не стѣсняетъ свободы людей, не навязываетъ насильно тѣхъ правилъ Божественной мудрости, которыя ведутъ и къ земному счастію и къ вѣчному спасенію, а между тѣмъ чрезъ временныя скорби достойныхъ людей и кратковременное торжество недостойныхъ, достойные больше усовершаются, недостойные ниже падаютъ и чрезъ это первые готовятся къ большей славѣ и большому торжеству въ будущей жизни, а послѣдніе къ большему посрамленію. Что значатъ нѣсколько лѣтъ, даже дѣсятковъ лѣтъ торжества или униженія предъ цѣлою вѣчностью блаженства или мученій?

Но не всегда и на землѣ торжествуетъ зло и страждетъ добродѣтель. Господь иногда показываетъ и міру разительно свой праведный Судъ. Кто не знаетъ, что есть Богъ право-

судный, Который и на землѣ, въ наученіе и вразумленіе людей, показуетъ, сколько страшно истощать долготерпѣніе Божіе?

И такъ есть правосудіе Божіе, и это должно укрѣплять невинно страждущихъ и устрашать дѣлающихъ неправое.

Съ воспоминаніемъ мученической кончины великаго праведника св. Церковь соединяетъ нынѣ поминовеніе воиновъ, положившихъ жизнь свою на брани за вѣру и отечество. Они умерли не на рукахъ присныхъ своихъ, ихъ прахъ лежитъ въ невѣдомыхъ мѣстахъ; но ихъ имена, ихъ самоотверженіе и геройскую смерть вѣдаетъ Мздовоздаятель Господь. Они здѣсь, на землѣ, положили животъ свой за друговъ своихъ, за ближнихъ, а тамъ, на Небѣ, пріобрѣли вѣнцы мученической славы и блаженства. Вѣчная память вамъ, воины, преждевременно погибшіе для земли, но за то скороврсменно и созрѣвшіе для Неба! Аминь.

На день Св. Николая чудотворца.

Иго Мое благо и бремя Мое легко есть (Мате. 11, 30).

Благое иго и легкое бремя Христа Спасителя нашего не кажутся таковыми чадамъ міра и плоти. Привыкшіе къ чувственнымъ наслажденіямъ, поработившіе умъ и сердце требованіямъ плоти, они не могутъ представить себѣ жизни христіанина во Христѣ, жизни, исполненной самоотверженія и произвольныхъ лишеній, иначе, какъ игомъ, невыносимо тяжкимъ; дерзновеннѣйшіе-же изъ нихъ открыто заявляютъ, что строгая христіанская жизнь даже противна природѣ человѣческой и несообразна будто съ волею Творца, создавшаго человѣка для блаженства.

Но подъ такими сужденіями скрывается безобразіе плотоугодія; такіе мудрователи, ставящіе свои сужденія выше авторитета Слова Божія, на самомъ дѣлѣ суть покорные рабы своихъ страстей. Если-бы они могли, хотя на короткое время, отрѣшиться отъ чувственныхъ привычекъ и взглядовъ и безпристрастно посмотрѣть на свое собственное состояніе и потомъ вникнуть въ состояніе сыновъ благодати, то чрезъ одно

простое сличеніе того и другаго сознали-бы свое заблужденіе, познали-бы, что самые счастливые искатели земныхъ благъ немного пріобрѣтаютъ выгодъ и во времени, теряя все въ вѣчности, а чада Божіи, мало теряя на землѣ, пріобрѣтаютъ все на Небѣ.

Отчего христіанская богоугодная жизнь кажется миролюбцамъ жизнію скучною и тягостною? Конечно оттого, что она во первыхъ чужда радостей, доставляемыхъ благами міра, во вторыхъ сопровождается обузданіемъ страстей, ограниченіемъ желаній и тяжкими для плоти подвигами.

Такъ, жизнь христіанъ, пекущихся о своемъ спасеніи, чужда земныхъ радостей. Но гдѣ счастливцы, которые живутъ среди однихъ радостей? Но гдѣ та обѣтованная земля, на которой произростаютъ одни утѣхи для обитателей ея? Какія на землѣ блага наполняютъ душу человѣка довольствомъ и постоянною радостью? Кто отвѣтитъ на сіи вопросы утвердительно? Кто укажетъ на полнаго счастливца въ мірѣ, укажетъ на благо, доставляющее истинное счастіе? — Неложныя свидѣтельства опытовъ увѣряютъ въ противномъ. Они увѣряютъ, что земля не производитъ ни истиннаго блага, ни истиннаго счастія, ни истинной радости: что блага міра дотолѣ привлекательны, доколѣ человѣкъ ихъ не имѣетъ, а когда получаетъ, теряютъ свою прелесть; что счастіе и не примѣчается тѣмъ, кто имъ обладаетъ, и даетъ ему цѣну человѣкъ только тогда, когда онъ несчастенъ; что радости міра суть кратковременные восторги, которые приходятъ отъ страстнаго опьяненія чувствъ человѣка, и съ отрезвленіемъ ихъ раждаются скорбь и болѣзнь. И можемъ-ли мы усомниться въ неложности сихъ свидѣтельствъ опыта? Не вся-ли жизнь искателей земнаго счастія есть непрерывное стремленіе за благами и радостями міра, не вся-ли ихъ дѣятельность и изобрѣтательность употребляется на то, чтобы окружить себя всевозможными и разнообразными утѣхами?—Но гдѣ плоды ихъ усилій? Гдѣ счастіе ихъ сердца? О! счастливѣйшіе изъ нихъ, проведя всю жизнь въ мнимыхъ утѣхахъ міра и достигнувъ конца дней своихъ, съ горестію восклицаютъ: *ядохомъ и не въ сытость, пихомъ и не въ*

піянство (Агг. 1, 6); а каждый изъ менѣе счастливыхъ, изъ тѣхъ, которые въ исканіи тлѣнныхъ благъ имѣли мало успѣха, восклицаетъ словами Іонаѳана, сына Саулова: *вкусихъ мало меду и се азъ умираю.* (1 Цар. 14, 43).

Но при всемъ томъ, что блага и радости міра не доставляютъ довольства и счастія, міръ не даетъ ихъ даромъ, требуетъ за нихъ жертвъ и часто поражаетъ горькими печалями. Чтобы угодить міру, снискать его расположеніе, сколько потребно исполнять суетныхъ его приличій и условій? Жизнь міролюбца должна быть точнымъ выраженіемъ всѣхъ обычаевъ міра: ни слова, ни дѣла, ни одежды, ни убранство жилищъ, ни что не изъято отъ рабскаго подчиненія условіямъ, установленнымъ суетностію. Сколько потребно вниманія, заботъ, средствъ, чтобы не преступить границъ, назначенныхъ духомъ вѣка? И горе неосторожному, горе тому, кто нарушитъ обычаи свѣта: его міръ подвергнетъ осмѣянію и презрѣнію, а это уже великое насчастіе для того, кто и питается одною любовію міра.—А что сказать о томъ, когда поражаетъ міролюбца какое дѣйствительное несчастіе тяжкая—болѣзнь, потеря имущества и другое что подобное? Что тогда чувствуетъ сердце, исполненное любви къ міру, искавшее утѣшеніе только въ благахъ его и внезапно отторгнутое отъ всего, столь для него любезнаго? Какое врачевство можетъ тогда излить міръ на раны его? О! міръ есть самый невѣрный и вмѣстѣ безсильный другъ: первый оставляетъ несчастнаго, какъ потому, что не любитъ ничего печальнаго, такъ и потому, что не имѣетъ средствъ утѣшить въ страданіяхъ.—Благо несчастному міролюбцу, если благодать Божія, ищущая спасенія погибающихъ, коснется его сердца и заставитъ его искать утѣшенія въ Богѣ: Онъ,—Единъ Милосердый и Всемогущій,—не отвергаетъ прибѣгающихъ къ Нему и врачуетъ ихъ неисцѣльныя язвы. Въ противномъ случаѣ горесть несчастнаго міролюбца доходитъ до отчаянія, а отчаяніе губитъ его и во времени и въ вѣчности.

Что-же, братія, теряютъ истинные христіане чрезъ то, что удаляются земныхъ радостей и удовольствій? Они не имѣютъ

радостей суетныхъ, за то не имѣютъ и скорбей суетныхъ, не услаждаются благами временными, за то не привязываютъ и сердца своего къ нимъ; не пользуются любовію міра, за то не бываютъ и рабами его суетныхъ удовольствій. Зная истинную цѣну всему въ мірѣ, они не забываются среди богатства, а употребляютъ его на пользу ближнихъ, не унываютъ среди бѣдности, не скорбятъ при всѣхъ превратностяхъ судьбы. *Наше житіе на небесѣхъ есть* (Филипис. 3, 20), говорятъ они, и при всѣхъ земныхъ несчастіяхъ бываютъ тверды и непоколебимы духомъ. Могутъ-ли же они сожалѣть о мірскихъ радостяхъ? О, конечно нѣтъ! Всѣ радости міра ничтожны въ сравненіи съ ихъ внутреннимъ душевнымъ спокойствіемъ, съ миромъ ихъ совѣсти, который рождаетъ исполненіе закона Божія, съ тою сладостною надеждою на будущее блаженство, которую производитъ вѣра.

Но жизнь Богоугодная ужасаетъ чадъ міра и плоти болѣе всего тѣмъ, что имъ кажутся невыносимо тяжкими и скорбными подвиги, предписываемые закономъ Божіимъ, какъ-то: умерщвленіе страстей, ограниченіе желаній, молитвенныя бдѣнія и прочія благочестивыя упражненія духа и сердца. Такъ, жизнь христіанская должна быть образомъ жизни Самого Іисуса Христа, и потому должна быть непрерывнымъ подвигомъ. *Многими скорбми подобаетъ намъ внити въ Царствіе Божіе* (Дѣян. 14, 22) сказалъ св. Апостолъ Павелъ послѣдователямъ Христовымъ. Но, братія, подвиги, которые такъ пугаютъ міролюбцевъ, бываютъ превожделѣнны трудящимся ради Царствія Божія. И въ обыкновенной нашей жизни усматривается, что награда дѣлаетъ легкими тяжкіе труды и что, чѣмъ значительнѣе вознагражденіе, тѣмъ легче бываетъ бремя. Земледѣлецъ не чувствуетъ истощенія силъ, когда тяжкіе его труды обильно вознаграждаются земными плодами; купецъ благословляетъ изнурительныя заботы и усилія свои, когда онѣ доставляютъ ему прибытокъ. Если земныя блага увеличиваютъ силы и твердость въ перенесеніи трудовъ, то не паче-ли небесныя, вѣчныя блага должны воодушевлять и укрѣплять среди подвиговъ христіанскихъ и заставить благословлять бремя, столь спасительное по своимъ несомнѣннымъ слѣдствіямъ?

А любовь къ Богу, которая должна быть душою всѣхъ дѣйствій и помышленій христіанина, развѣ не укрѣпляетъ его среди подвиговъ и не услаждаетъ его скорбей? Спросите нѣжную мать, лишающую себя покоя и сна въ постоянныхъ заботахъ и трудахъ вокругъ дѣтей: тяготится-ли она принятымъ на себя бременемъ, считаетъ-ли себя несчастною въ такой безпокойной жизни? Не услышите-ли въ отвѣтъ отъ нея, что она труды и заботы свои о дѣтяхъ считаетъ пріятнымъ долгомъ и что ни мало не тяготится своимъ, повидимому, скучнымъ и многотруднымъ положеніемъ? Если земная привязанность дѣлаетъ пріятными тяжкіе труды, то можетъ-ли сего не сдѣлать любовь къ Богу, любовь возвышенная, святая? О! она воодушевляетъ и укрѣпляетъ христіанина въ самыхъ многотрудныхъ подвигахъ, услаждаетъ его въ самыхъ сильныхъ злостраданіяхъ, дѣлаетъ превожделѣнными ему всѣ скорби, встрѣчаемыя имъ на тернистомъ пути спасенія. *Любы*, свидѣтельствуетъ Апостолъ Павелъ, *долготерпитъ, милосердствуетъ, не раздражается, не радуется о неправдѣ, радуется-же о истинѣ, вся любитъ, вся уповаетъ, вся терпитъ, николи-же отпадаетъ* (1 Кор. 13, 4—7); а св. Іоаннъ Богословъ говоритъ, что для того, кто бываетъ воодушевляемъ любовію къ Богу, *заповѣди Его тяжки не суть* (1 Іоан. 5, 3).

Такъ, братія, иго Христово благо и бремя Его легко есть для всѣхъ тѣхъ, кои приняли его охотно и несутъ благодушно, кои, презрѣвъ временныя блага, возжелали вѣчныхъ, пренебрегши любовію міра, воспламенились любовію къ Богу, кои преставъ быть чадами міра, содѣлалась сынами благодати. Они сильны при всей немощи человѣческаго естества, ибо сила Божія ихъ укрѣпляетъ; они радостны, при всѣхъ окружающихъ ихъ скорбяхъ, ибо *утѣшенія* благодатныя *возвеселяютъ ихъ душу* (Псал. 93, 19).

Де не страшимся-же, братія, ига Христова, да не взираемъ на него лукавымъ окомъ земнаго пристрастія, но да небоязненно тецемъ на предлежащій намъ подвигъ душеспасительной жизни. Высокій подвижникъ при жизни и великій Чудотворецъ по

смерти—угодникъ Божій Святитель Николай своимъ предстательствомъ и молитвами ко Господу да укрѣпитъ наше благое намѣреніе. Аминь.

VI. По разнымъ случаямъ.

1. Въ день Новаго года.

Новый годъ—важная эпоха для насъ, ибо и вся наша жизнь состоитъ изъ немногихъ годовъ, а чего немного, то и дорого намъ. Вотъ годъ нашей жизни канулъ въ вѣчность, и мы начали слѣдующій. Но много-ли будетъ ихъ слѣдовать? Каковы они будутъ? Каковъ будетъ и наступившій? Правда, мы всѣ желали другъ другу и многолѣтія и счастія и всѣхъ другихъ благъ. Но всегда-ли сбываются наши желанія? Наше счастіе, наше долголѣтіе зависятъ отъ Бога. Онъ одинъ прилагаетъ лѣта жизни. Онъ одинъ богатитъ и убожитъ. Потому не суетенъ ли тотъ, кто довольствуется на новый годъ однимъ пожеланіемъ себѣ и другимъ счастія? Не дѣйствительнѣе-ли, не ближе-ли обратиться для того къ Господу и у Него, какъ у Раздаятеля благъ и у Владыки нашей жизни и всего, испросить себѣ и другимъ счастія и долгоденствія?

Но, обращаясь къ Богу, не забудемъ, что Онъ награждаетъ благами тѣхъ, кто достоинъ ихъ и не обращаетъ ихъ во зло. А достойны ли мы этого? Не злоупотребляемъ-ли мы милостями Господа? Чтобы получить разрѣшеніе на эти вопросы, надобно непремѣнно обратить намъ вниманіе на свое прошедшее, на прежнюю свою жизнь. Мы желаемъ себѣ жизни на многіе годы. А какъ мы провели прожитое время? Какъ прошелъ у насъ, напримѣръ, прошлый годъ? Не омрачили-ли мы себя какими проступками и пороками въ теченіи его? Успѣли-ли совершить сколько нибудь добрыхъ, христіанскихъ дѣлъ? Загладили-ли въ оный исправленіемъ своего поведенія прежнія зазорныя дѣла? Ели кому, по внимательномъ исполненіи себя, совѣсть дастъ неукоризненный отвѣтъ, тотъ съ дерзновеніемъ да приступаетъ къ милосердому Господу и да проситъ себѣ

долгоденствія съ твердымъ обѣщаніемъ посвятить будущіе годы большему усовершенствованію себя, и Господь конечно не отвергнетъ его прошенія. Но если кому совѣсть не дастъ благопріятнаго отвѣта, если она скажетъ ему, что и прошедшій годъ проведенъ имъ также, какъ и прежніе, въ суетахъ, сварахъ, нестроеніяхъ, въ дѣлахъ глумливыхъ, въ жизни обильной грѣхами и скудной добрыхъ дѣлъ, тотъ да не дерзнетъ просить у Господа долгоденствія себѣ, чтобы не оскорбить Его долготерпѣнія, тотъ лучше да проситъ себѣ жизни только на нѣкоторое время, чтобы исправить себя, чтобы не засталъ его часъ смертный вовсе неготовымъ предстать предъ страшнаго Судію. И когда Господь дастъ ему это время, а Онъ Милосердый, не отвергаетъ тѣхъ прошеній грѣшниковъ, которыя клонятся къ спасенію ихъ души; когда Господь дастъ время на исправленіе, и онъ исправится, начнетъ жизнь новую, пріятную Богу: тогда да приступаетъ съ молитвою и о долгоденствіи, и тогда молитва эта не тщетна будетъ.

Равнымъ образомъ да поступаетъ и тотъ, кто желаетъ себѣ счастія и обилія благъ. Всякій изъ насъ въ прежнюю свою жизнь пользовался большими или меньшими благами. Но благодарны-ли мы были Господу среди обилія? Имѣли-ли мы состраданіе къ ближнимъ? Не возносились-ли предъ другими своими преимуществами? Не дозволяли-ли неумѣренности себѣ, опираясь на свое здравіе? Если кому и въ этомъ не сдѣлаетъ совѣсть укора, тотъ да проситъ себѣ у Господа и благъ земныхъ, и Господь не оскудѣетъ своею милостью надъ нимъ, а скажетъ: *благій рабе, вмалѣ былъ ми еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю.* А если кому совѣсть съ укоромъ укажетъ на растрату, не для спасенія, дарованныхъ ему благъ, на его неблагодарность къ Господу, на его неблагочестивую жизнь, исполненную золъ,—тотъ да возвыситъ гласъ свой предъ Господомъ, но не о дарованіи благъ, а о помощи Божіей къ исправленію себя, къ раскаянію въ своихъ прежнихъ дѣлахъ, къ заглажденію ихъ подвигами добра и смиренія. И когда гласъ кающагося сердца дойдетъ до Господа, и Онъ явитъ милость Свою надъ нимъ, тогда блага земныя, и безъ усилен-

ныхъ милостей, не будутъ далеки отъ него, ибо Господь сказалъ: *ищите прежде Царствія Божія и правды Его, а сія вся,* т. е. всѣ блага земныя, *приложатся Вамъ.*

И такъ воспросимъ, братія, у Господа на новый годъ того, что по нашему разсужденію всякій найдетъ себѣ полезнымъ, воспросимъ въ молитвѣ сердечной, теплой, и Господь пошлетъ всякому благопотребное. Аминь.

2. О почитаніи родителей.

Чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будетъ и да долголѣтенъ будеши на земли (5-ая запов.).

Почитать и любить родителей своихъ столь свойственно сердцу человѣка, что для того, повидимому не нужно было-бы и заповѣди. Но Господь не только даетъ заповѣдь, но даже за исполненіе этой одной изъ всѣхъ дясяти заповѣдей обѣщаетъ видимую награду въ благоденствіи и долголѣтіи. Значитъ нужна эта заповѣдь, значитъ и побужденія къ исполненію оной необходимы.

И по истинѣ, не смотря на то, что природа всякаго влечетъ любить своихъ родителей, не смотря на видимыя награды, которыя Господь посылаетъ на почтительныхъ дѣтей, есть между людьми и такіе, которые не питаютъ уваженія къ родителямъ, не оказываютъ имъ должнаго почтенія.

Какъ ни преступны такія дѣти, какъ ни велико негодованіе и презрѣнія къ нимъ всѣхъ благомыслящихъ людей, но они жалки по испорченности своего сердца, по несчастіямъ, въ мірѣ ихъ ожидающимъ, по страшной будущности за гробомъ.

Испорченность сердца непочтительныхъ дѣтей ужасна. Всякое животное, даже дикіе и злобные по природѣ звѣри оказываютъ ласки матери своей дотолѣ, доколѣ не теряютъ памяти и сознанія своего сыновства. А человѣкъ, который съ такими болѣзнями, заботами и попеченіями рождается и возращается, дерзаетъ возставать на родшихъ его и оказывать имъ непочтеніе! Что можетъ быть въ этомъ человѣкѣ, не го-

вѣрю-священнаго, добраго, а просто человѣческаго? Можетъ-ли онъ быть добрымъ гражданиномъ, хорошимъ семьяниномъ, когда не бываетъ почтительнымъ сыномъ? Можетъ-ли онъ почитать священныя и гражданскія власти, когда имъ призрѣна власть родительская? Нѣтъ, ничего добраго ожидать отъ него нельзя. Онъ исказилъ свою природу, онъ извратилъ всѣ человѣческія чувства, онъ—не человѣкъ! Потому ни мало не удивительно, что Ной, какъ святой и благоразумный отецъ, за первое непочтеніе къ себѣ предалъ проклятію *сына своего Хама*. Слабость отца не оправдала непочтительности Сына. Пусть замѣтитъ себѣ это всякій и помнитъ, что никакое соблазнительное или неразумное поведеніе родителей никогда не оправдаетъ непочтительныхъ дѣтей.

Такая испорченность непочтительныхъ дѣтей влечетъ за собою и страшныя наказанія. Пусть кто либо найдетъ и укажетъ, что такой-то непочтительный сынъ или дочь проводятъ долгую и счастливую жизнь. Я не знаю такихъ, и конечно никто ихъ не найдетъ. Непочтительныя дѣти всегда или преждевременно умираютъ, или влачатъ жалкую жизнь въ бѣдности и всевозможныхъ лишеніяхъ. Они забыли попеченія отца, они забыли болѣзни матери, и вотъ несчастная судьба ихъ служитъ урокомъ и вразумленіемъ для другихъ. Это бываетъ по особому Промыслу Божію. Богъ, награждая долголѣтіемъ и счастіемъ добрыхъ и почтительныхъ дѣтей, лишаетъ сихъ благъ тѣхъ, кои не оказываютъ должнаго почтенія и уваженія родителямъ. *Благословеніе отча*, говоритъ премудрый Сирахъ (3. 9) *утверждаетъ домы чадъ, клятва-же матерня искореняетъ ихъ до основанія*. И эти слова всегда, во всѣ времена, видимо исполняются надъ людьми.

Но если временная судьба непочтительныхъ дѣтей бываетъ такъ жалка, то что сказать о будущей ихъ судьбѣ, о судьбѣ вѣчной? О, если по слову Божію всякое дурное и бранное слово, сказанное ближнему, заслуживаетъ геенны огненной, то, всякій можетъ видѣть, чему подвергнется тотъ, кто дерзалъ оскорблять отца или мать, оскорблять словомъ или дѣломъ!

Братія, заповѣдь о любви къ родителямъ такъ ясна, что

не требуетъ многаго разсужденія! Но для вразумленія однихъ и предостереженія другихъ прибавлю къ сказанному то, что приходитъ время и для непочтительныхъ дѣтей, когда они съ растерзаннымъ сердцемъ вспоминаютъ о своемъ безуміи, по которому оскорбляли родителей, когда они желаютъ всѣми пожертвованіями искупить свой проступокъ, но бываетъ уже поздно или потому, что уже родители ихъ отошли въ вѣчность и ждутъ ихъ тамъ, чтобы представить предъ праведнаго Судію, или потому, что гнѣвъ оскорбленныхъ родителей доходитъ до крайности и бываетъ неумолимъ.—Потому да служитъ для руководства нашего сіе мудрое изреченіе премудраго Сираха: *всѣмъ сердцемъ твоимъ прославляй отца твоего и матернихъ болѣзней не забуди* (7, 29)! Аминь.

3. О вредѣ пьянства.

Отложимъ убо дѣла темная и яко во дни благообразно да ходимъ, не козлогласованіи и піянствы (Римл. 13, 12, 13).

Не удивитесь, братія, услышавъ бесѣду о вредѣ и гнусности пьянства. Она не для вашего назиданія, ибо тѣ, кои заражены пьянствомъ, рѣдко посѣщаютъ храмы Божіи. Настоящая бесѣда предлагается съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы вы, по общей нашей христіанской обязанности—оберегать ближнихъ своихъ отъ путей неправды, передали ее отсутствующимъ нашимъ заблудшимъ братьямъ, не для укоризны имъ (отчего Боже насъ избави), но для исправленія. Премилосердный Отецъ нашъ Небесный, благословляющій всякое доброе намѣреніе, да благословитъ и настоящее намѣреніе наше къ истинной пользѣ нашихъ погибающихъ отъ своего неразумія братій.

И такъ предлежитъ намъ бесѣда о вредѣ, гнусности пьянства.

Не станемъ говорить, братія, о томъ, что пьяницы подвергаются общему презрѣнію благомыслящихъ людей, что они терпятъ нужду и бѣдность, что они теряютъ во всемъ въ сравненіи со своими сверстниками, иногда менѣе ихъ способными, но за то трезвыми. Сами пьяницы хорошо знаютъ это,

испытывая постоянно на самихъ себѣ. Но не умолчимъ о тѣхъ послѣдствіяхъ пьянства, отъ которыхъ пьяницы гибнутъ и во времени и въ вѣчности.

Какъ часто человѣкъ цвѣтущаго здоровья пьянствомъ доводитъ себя до совершеннаго изнуренія и преждевременно приближаетъ себя къ могилѣ! Бываетъ и такъ, что, вино повидимому увеличиваетъ здоровье, т. е. утучняетъ тѣло, наводитъ на лицо багровый цвѣтъ. Но это не здоровье, а самый опасный признакъ близкой внезапной смерти. Излишіе въ винѣ никогда, ни въ какихъ случаяхъ, не было и не можетъ быть полезно для здоровья человѣка.

А сколько упившемуся случаевъ мгновенно подвергнуть себя смерти и предстать въ отвратительнѣйшемъ видѣ предъ грознаго Судію—Бога, случаевъ, коихъ не возмогутъ предотвратить ни попечительность родныхъ, ни сострадательность ближнихъ, ни бдительность мудраго правительства? Это-ли христіанская кончина, отъ которой зависитъ цѣлая вѣчность? Не посрамляется-ли ею не только христіанство, но и человѣчество? А между тѣмъ несомнѣнные факты свидѣтельствуютъ, что между христіанами ежегодно приносится множество страшныхъ и постыдныхъ жертвъ пьянству. Кто изъ упивающихся можетъ поручиться, что онъ не пынѣшній, такъ въ будущій годъ самъ не внесетъ имя свое въ число такихъ ужасныхъ жертвъ собственнаго невоздержанія?

Да, братія, внезапная и постыдная смерть всюду слѣдитъ за упивающимся виномъ и при первомъ случаѣ поражаетъ его. Но какъ ни прискорбно видѣть смерть невоздержнаго, а нерѣдко желаютъ оной самые близкіе къ нему, потому что жизнь его служитъ источникомъ всѣхъ несчастій для окружающихъ его. Загляните въ домъ пьяницы. Найдете ли вы въ немъ хотя искру благополучія семейной жизни? Посмотрите на того, кто предъ Богомъ и ближними далъ обѣтъ быть попечительнымъ другомъ своей жены и благотворительнымъ наставникомъ своихъ дѣтей? Этотъ попечительный другъ готовъ, при первомъ добромъ совѣтѣ жены своей, изувѣчить ее; этотъ благотворительный наставникъ нерѣдко рѣшается лишить своихъ дѣтей

послѣдняго куска хлѣба, если у него недостанетъ другого средства удовлетворить своей алчной огневой утробѣ и не постыдится. въ своемъ безумномъ состояніи, показать при дѣтяхъ соблазнительный примѣръ безнравственности. Что можетъ быть унизительнѣе такого отца семейства? Что можетъ быть несчастнѣе семьи, управляемой такимъ главою? Потому не естественно ли можетъ охладѣть въ женѣ самая пламенная любовь и привязанность къ такому мужу? Не свойственно ли потерять и дѣтямъ все уваженіе къ такому отцу? Посему можетъ ли ихъ повергнуть въ скорбь смерть мужа и отца, дикая и безумная воля котораго, при жизни его, служила тяжкимъ, невыносимымъ для нихъ бременемъ?

Такъ, братія, пьяница умираетъ почти всегда мгновенно и безъ всякаго помысла о будущей жизни, и умираетъ, не оставляя по себѣ сожалѣнія въ самыхъ близкихъ къ себѣ! Такая смерть ужасна! Но она ничто въ сравненіи со второю, вѣчною смертію, которая для пьяницъ непремѣнно слѣдуетъ за первою, поелику слово Божіе ясно и открыто говоритъ, что *пьяницы Царствія Божія не наслѣдятъ* (1 Кор. 6, 10). И подлинно, чего можетъ ожидать упивающійся виномъ отъ нелицепріятнаго Судіи за предѣлами гроба? Есть ли какая страсть, которой не удовлетворилъ бы пьяный? Есть ли преступленіе, которое показалось бы ему гнуснымъ, и на которое бы онъ не рѣшился? Припомните Лота. Живя среди развращеннаго города, онъ не участвовалъ во всеобщемъ развратѣ, такъ что Небеснымъ посланникомъ былъ изведенъ изъ града, обреченнаго гнѣву Божію. Но и надъ Лотомъ вино произвело обыкновенное свое дѣйствіе: упившись виномъ, онъ впалъ въ грѣхъ кровосмѣшенія.—Кто же можетъ похвалиться, что онъ, упиваясь виномъ, не впадалъ въ такіе пороки, на которые не рѣшился бы въ трезвомъ состояніи? Мрачная исторія преступленій человѣческихъ ясно указываетъ, что большая часть изъ нихъ совершена людьми, преданными пьянству. А сколько преступленій и пороковъ, происшедшихъ отъ пьянства, такихъ, которые или не подлежатъ суду человѣческому, или укрылись отъ онаго, но за которые преступники строго будутъ истязуемы предъ судомъ Божіимъ,

предъ коимъ *вся нага и объявлена?* О, всякій, кто хотя не всегда, нечасто, а изрѣдка упивался виномъ, согласится, въ глубинѣ души своей, что у него много тяжкаго лежитъ на совѣсти, содѣянное въ упоеніи виномъ! Чего же можетъ ожидать себѣ въ вѣчности тотъ, кто въ произвольномъ безуміи попираетъ все святое, отваживается на всякое преступленіе? Если св. Церковь лишаетъ христіанскаго погребенія умершихъ отъ нетрезвости, если она еще при жизни, въ какой бы она ни была опасности, лишаетъ нетрезвыхъ послѣдней надежды на милосердіе Божіе, предлагаемое всѣмъ другимъ грѣшникамъ въ таинствахъ покаянія и причащенія, то симъ самымъ ясно показываетъ, что за предѣлами міра сего *часть имъ въ езеръ, горящемъ огнемъ и жупеломъ, еже есть смерть вторая* (Апок. 21, 8).

Вотъ, братія, слѣдствія унижающей человѣчество страсти пьянства. Потому какъ не восхвалить тѣхъ начальниковъ, которые, понимая всю гнуспость и всѣ пагубныя послѣдствія пьянства, употребляютъ отеческія мѣры, то кроткія, то строгія, къ отвращенію своихъ подчиненныхъ отъ этого порока. Но еще дѣйствительнѣе будетъ, если всѣ благоразумные люди будутъ стараться отдалить отъ этой страсти къ вину своихъ близкихъ. Наставительное и всегдашнее сообщество трезвыхъ и благоразумныхъ людей можетъ иногда успѣшно отклонять пьяницъ отъ ихъ пагубной наклонности. Если же за многократными мѣрами не будетъ со стороны упивающихся никакого исправленія, а между тѣмъ сообщество съ ними будетъ угрожать опасностью заразить невоздержаніемъ неопытныхъ, то въ такомъ случаѣ Апостолъ Павелъ повелѣваетъ прекратить съ пьяницами всякое сообщеніе: *аще нѣкій братъ*, говоритъ Апостолъ, *будетъ пьяница, съ таковымъ ниже ясти; измите злаго отъ васъ самыхъ* (1 Кор. 5, 11, 13).

И такъ, братія, оберегайте себя и своихъ собратій отъ порока пьянства, кто бы въ какой мѣрѣ подверженъ опому не былъ. Многіе обыкновенно говорятъ въ свое оправданіе, что они рѣдко упиваются виномъ, и то при случаѣ, въ праздникъ. Но въ этомъ оправданіи ихъ заключаются два новыя обвиненія противъ нихъ. Если кто рѣдко упивается, тотъ, слѣдо-

вательно, можетъ и никогда не дозволять себѣ этого, потому что не пріобрѣлъ навыка, отъ котораго трудно отстать; если же, не имѣя навыка къ пьянству, подвергается оному, хотя изрѣдка, то тѣмъ виновнѣе и предъ Богомъ и предъ самимъ собою, что такъ свободно и безъ насилія рѣшается на порокъ, мерзкій предъ Богомъ и пагубный для тѣла и души. И это — первая ихъ вина. Вторая же вина заключается въ томъ, что они позволяютъ себѣ невоздержаніе преимущественно въ праздники. Развѣ праздники даны христіанамъ для того, чтобы предаваться въ оные всѣмъ, унижающимъ человѣчество мерзостямъ? Развѣ неизвѣстно, что чѣмъ болѣе праздникъ, тѣмъ святѣе и непорочнѣе должны провождать его христіане? Посему заключимъ нашу бесѣду вышеприведеннымъ увѣщаніемъ св. Апостола Павла: *отложимъ убо дѣла темная, и яко во дни благообразно да ходимъ, не козлогласованіи и піянствы.* Аминь.

---

4. Предъ заложеніемъ новаго храма во имя Преображенія Господня, на Аптекарскомъ островѣ *).

Милость Божія, столь обильно изливающаяся на насъ, благочестивыя братія, разверзаетъ косный языкъ мой и отъ избытка радостныхъ чувствъ побуждаетъ возвѣстить вамъ причину настоящаго торжественнаго служенія, столь рѣдкаго въ семъ маломъ храмѣ.

Обитатели нашего края давно скорбѣли о тѣснотѣ сего храма. Какъ часто многіе изъ нихъ, по невозможности помѣщенія въ самомъ храмѣ, въ торжественные праздники Христовы, должны возносить молитвы свои у прага храма или внѣ онаго и съ опасностью для здравія утолять жажду души своей молитвою при священнослуженіи? Какъ нерѣдко жаръ и тѣснота отъ многолюдства съ сокрушеннымъ сердцемъ заставляютъ удаляться благочестивыхъ среди самого священнослуженія? Какъ часто тотъ же жаръ, ослабляющій силы служителя алтаря Божія, не дозволяетъ ему исполнить главнѣйшей обязанности

*) Произнесено 7-го іюля 1840 года.

своей — преподать слово назиданія, и жаждущіе христіанскаго нравоученія остаются неудовлетворимыми? Все сіе не укрылось отъ вниманія Христолюбиваго начальства, и оно избытки отъ Монаршихъ щедротъ, съ величайшимъ тщаніемъ и безкорыстнымъ самоотверженіемъ собранные, предназначило на сооруженіе новаго храма. Оставалось испросить на сіе Высочайшую волю. Но безпримѣрная любовь къ созиданію и благолѣпію храмовъ Господнихъ Вселюбезнѣйшаго Монарха нашего давно уже внесла Высокое имя Его въ скрижали церкви Христовой! И вотъ начато созиданіе новаго храма у насъ, а сей благословенный день назначенъ для водруженія знаменія креста въ основаніе ему. Кто изъ насъ не прольетъ радостныхъ слезъ предъ Богомъ, столь милосердымъ къ намъ? Кто не возрадуется небесною радостію о томъ, что Богъ внемлетъ нашимъ молитвамъ и для приношенія ихъ благоволитъ даровать новый болѣе пространный и болѣе благоукрашенный домъ Божій? Кто не принесетъ теплыхъ и искреннихъ молитвъ о здравіи и благоденствіи Благочестивѣйшаго нашего Государя, Высокаго Покровителя на землѣ Церкви Божіей и Блюстителя святыни Ея, и начальниковъ, столь мудро и Богопріятно употребляющихъ плоды своихъ неусыпныхъ трудовъ и благоразумной бережливости.

Такъ, слезы радости и благодарности суть необходимая дань всякаго православнаго христіанина, обитателя края сего. Но каждый же изъ нихъ долженъ поставить себѣ священною обязанностію во все время созданія храма возносить усердныя молитвы о благопоспѣшномъ устроеніи онаго и паче всего стараться о созиданіи въ себѣ внутренняго храма души своей, объ обновленіи своихъ мыслей и чувствъ, объ исправленіи дѣлъ и всей жизни. Тогда обновленные мы радостно внидемъ въ новый храмъ Божій и неосужденно поклонимся Единому Истинному Богу, тако благодѣющему намъ и Церкви Своей. Аминь.

5. По освященіи храма 16-го сентября 1845 г., во имя Преображенія Господня, на Аптекарскомъ островѣ.

Вы есте церкви Бога жива. (2 Кор. 6, 16).

Благодарені: Всевышнему! Наконецъ желаніе сердца нашего далъ намъ Богъ, православные христіане! По неизреченному милосердію Божію, по волѣ Благочестивѣйшаго Монарха нашего и по христіанской заботливости Христолюбивыхъ начальниковъ сподобились мы узрѣть сей новый храмъ созданнымъ, благолѣпно украшеннымъ и въ настоящій благословенный день торжественно освященнымъ чрезъ священнодѣйствіе и молитвы нашего архипастыря.

Сколько радостныхъ и благодарныхъ чувствъ возбуждаетъ въ насъ сіе торжественное событіе!

Но среди радости о новоосвященномъ благолѣпномъ храмѣ Божіемъ, намъ необходимо обратить вниманіе свое и на состояніе нашего внутренняго храма, ибо мы всѣ, какъ христіане, составляемъ нерукотворенный храмъ живаго Бога; мы всѣ освящены быть храмами св. Троицы еще въ крещеніи; на насъ излиты чрезъ Таинство Муропомазанія дары Всесвятаго Духа; съ нами соединяется Господь въ Таинствѣ Тѣла и Крови Своей; въ насъ все освящено,—и душа, и тѣло, и все существо наше посвящено Богу. *Вы есте Церкви Бога жива,* (2 Кор. 6, 16) говоритъ Апостолъ Павелъ, *Духъ Божій живетъ въ васъ* (1 Кор. 3, 16) и *тѣлеса ваши храмъ живущаго въ васъ Святого Духа суть, его-же имате отъ Бога и нѣсте свои* (1 Кор. 6, 19). И такъ среди радости объ освященіи сего храма и среди восторговъ, возбуждаемыхъ въ сердцахъ нашихъ при воззрѣніи на благолѣпныя его украшенія и принадлежности, соотвѣтствующія достоинству Дома Божія, обратимъ вниманіе наше на то, соотвѣтствуетъ-ли нашъ внутренній храмъ своему священному назначенію?

Храмъ вещественный, какъ видимое селеніе невидимаго Бога, какъ трапеза, гдѣ приносится святѣйшая и чистѣйшая жер-

тва Богу, обыкновенно сохраняется во всей возможной чистотѣ и для сего ежедневно очищается, а по временамъ и обновляется: и христіанинъ, какъ одушевленный храмъ Божій, долженъ быть чистъ и непорочен, какъ по тѣлу, такъ и по душѣ, долженъ всевозможнымъ образомъ убѣгать всякой скверны и плоти и духа, помня всегда, что *не призва насъ Богъ на нечистоту, но во святость* (1 Сол. 4, 7). Но какъ, при всемъ бодрствованіи надъ самимъ собою, трудно охранить себя отъ грѣховныхъ нечистотъ, навѣваемыхъ вихремъ міра и бурными порывами страстей, то христіанинъ долженъ очищать духовный свой храмъ ежедневнымъ покаяніемъ, всегдашними молитвенными воздыханіями и кромѣ того долженъ, какъ возможно чаще, обновлять союзъ свой съ Господомъ посредствомъ св. Таинствъ Покаянія и Причащенія.

Внѣшній храмъ обыкновенно благолѣпно украшается, какъ видимъ и въ семъ новосозданномъ храмѣ, и лучшимъ его украшеніемъ служатъ изображенія Господа нашего Іисуса Христа, Пречистой Его Матери и угодниковъ Божіихъ. Не также-ли благолѣпно долженъ украшаться и внутренній храмъ—душа христіанина? И сіе видимое благолѣпіе вещественнаго храма не для того-ли представляется очамъ нашимъ, чтобы мы, по образу его, украшали свой духовный храмъ? Не для того-ли представляется здѣсь изображеніе Спасителя нашего, чтобы мы, взирая на него, памятовали всегда Его великія благодѣянія и неизреченную любовь къ намъ и тѣмъ напечатлѣвали въ душѣ своей Божественный образъ Начальника вѣры и совершителя нашего спасенія? Не для того-ли здѣсь находится изображеніе Пречистой Матери Божіей, чтобы мы имѣли въ сердцѣ своемъ ликъ Небесной Заступницы и Ходатаицы нашей и въ пламенной молитвѣ обращались къ святому Ея покрову? Не для того-ли изображены здѣсь угодники Божіи, чтобы мы яснѣе представляли себѣ ихъ бывшее на землѣ хожденіе предъ Богомъ и сами старались подражать ихъ вѣрѣ, ревновать дѣламъ ихъ и въ молитвахъ имѣть духовное общеніе съ ними? Самое злато, украшающее видимый храмъ, не напоминаетъ-ли намъ о тѣхъ драгоцѣнныхъ украшеніяхъ, какія приличествуютъ

духовному нашему храму, какъ-то: о дѣлахъ милосердія и любви и о подвигахъ самоотверженія? О, если-бы благолѣпіе сего вещественнаго храма подвигло насъ къ подобающему украшенію внутренняго нашего храма вѣрою и дѣлами благочестія!

Храмъ вещественный освящается Богомъ чрезъ посредство слугъ Христовыхъ и строителей Таинъ Божіихъ и тогда только становится онъ селеніемъ Царя славы, мѣстомъ благодатнаго общенія Бога съ человѣками, съ того только времени начинаютъ совершаться въ немъ молитвы и священнодѣйствія. И внутренній нашъ храмъ тогда только устрояется *въ храмъ духовенъ, святительство свято, возносити жертвы духовны благопріятны Богови* (1 Петр. 2, 5), когда благодать Божія, освятивъ нашъ разумъ, мысли и чувства, просвѣщаетъ наши духовныя очи и дѣлаетъ насъ способными созерцать и ощущать въ себѣ присутствіе Божіе. И по истинѣ, что-же, если не непрестанное внутреннее служеніе Господу, должно составлять отраду облагодатствованнаго христіанина въ мірѣ семъ, гдѣ духъ его, связанный узами бренной плоти, ни въ чемъ не находитъ для себя истиннаго утѣшенія? И можетъ-ли душа, чистая и непорочная, душа, сіяющая вѣрою и любовію, душа, освященная благодатію Божіею, можетъ-ли такая душа не славословить всегда непзреченно возлюбившаго ее Господа? Она Имъ и для Него живетъ и чувствуетъ, и потому въ ней, какъ въ истинномъ храмѣ Божіемъ, совершается непрестанное служеніе Господу, которое и составляетъ высочайшее для нея наслажденіе. О, если-бы при настоящемъ освященіи внѣшняго храма, Господь удостоилъ и наши души своего благодатнаго освященія!

Такъ долженъ быть украшаемъ нашъ внутренній храмъ, православные христіане, чтобы ему соотвѣтствовать своему святому назначенію!

Но имѣетъ-ли, благочестивыя братія, такія украшенія нашъ внутренній храмъ? Очищенъ-ли онъ покаяніемъ, и коснулась-ли его всеосвящающая благодать Божія? Напротивъ, не омраченъ-ли онъ у нѣкоторыхъ лжемудрованіемъ, которое *буйство у Бога есть* (1 Кор. 3, 19), или грѣховною жизнію, не-

омываемою покаяніемъ, или послѣ омытія неисправляемою? Если смущаетъ кого либо изъ насъ совѣсть при таковомъ вопрошеніи себя; если кто чувствуетъ, что внутренній его храмъ въ запустѣніи и омраченіи,—то припомнимъ, что говоритъ Апостолъ небрегущимъ о святости своего духовнаго храма: *аще кто Божій храмъ растлитъ, растлитъ сего Богъ: храмъ-бо Божій святъ есть, иже есте вы* (1 Кор. 3, 17). И потому, какъ *сынове свѣта и сынове дне* (1 Сол. 5, 5) и *званія Небеснаго причастницы* (Евр. 3, 1) отвратимъ очи и сердца наши отъ тьмы грѣховной, исправимъ нашу жизнь согласно святому призванію нашему, очистимъ нашу душу отъ грѣховныхъ нечистотъ тѣми средствами, какія всегда и во всякое время предлагаетъ намъ св. Церковь, украсимъ ее правою вѣрою, пламенною къ Богу и ближнимъ любовію, и тогда Господь вниметъ въ нее, освятитъ и обитель въ ней сотворитъ, и она будетъ *Церковію Бога жива.*

Премилосердый Господи, благоволивый создать и освятить сей храмъ въ память преславнаго явленія Божественной Своей славы на горѣ Ѳаворѣ! Всесильною Своею благодатію обнови и освяти нашъ духовный храмъ и сотвори, дабы въ немъ всегда славословилось Пресвятое имя Твое! Услыши нашу молитву и о виновникахъ настоящей нашей радости, радости всѣхъ любящихъ *красоту* дому Твоего *и посѣщающихъ храмъ святый* Твой (Псал. 26, 4): пріими сей храмъ, какъ новую и благоугодную Тебѣ жертву Благочестивѣйшаго Монарха нашего, отъими отъ сердца Его всякую скорбь и болѣзнь и исполни Его ничѣмъ не смущаемою радостію; призри Премилосердымъ окомъ Своимъ и на Начальниковъ нашихъ, коихъ святая христіанская ревность не только изыскала,—въ собранныхъ неусыпными ихъ трудами избыткахъ отъ Монаршихъ щедротъ,—средства къ созданію храма сего, но и продолжала усердную заботливость свою во все время устроенія и благоукрашенія онаго! Ей, Господи, *да будутъ отверзты очи Твои, и уши Твои внемлютъ къ моленію мѣста сего* (2 Паралип. 6, 40)! Аминь.

6. По окрещеніи, 22-го Октября 1847 г., 15-ти лѣтняго отрока князя Николая (до крещенія Славяна) Святополкъ—Пястъ—Мирскаго.

Новопросвященный христіанинъ юный князь Николай! Господь судилъ тебѣ не сряду по рожденіи на свѣтъ содѣлаться сыномъ благодати. Но время твоей скорби и духовнаго глада минуло. Благоговѣй предъ неисповѣдимыми судьбами Божіими и славословь Всесвятое имя Его! Невидимая рука Божія сохранила тебя отъ тѣхъ опасностей для жизни, которымъ мы подвергаемся болѣе всего въ возрастѣ, проведенномъ тобою внѣ Церкви Божіей? Конечно не разъ жизнь твоя готова была угаснуть,—и, если бы это совершилось, какая ужасная была бы судьба твоя! Геенна, смерть вѣчная, нескончаемая,—вотъ что ожидало тебя, ибо внѣ Церкви Христовой нѣтъ спасенія. Но Господь хранилъ твою жизнь, и вотъ нынѣ, когда ты достигъ такого возраста, что самъ возмогъ и чувствовать всю опасность своего положенія внѣ Церкви и горѣть желаніемъ скорѣйшаго соединенія съ Богомъ и понимать всю важность обязанностей, возлагаемыхъ христіанствомъ,—благоволилъ торжественно принять тебя подъ Свой кровъ, какъ сына и наслѣдника Небеснаго Своего Царствія. Святѣйшія Таинства—крещеніе, муропомазаніе и причащеніе, которое совершилось теперь, по милосердію Божію надъ тобою, содѣлали тебя безгрѣшнымъ, святымъ, истиннымъ сыномъ Церкви, благодатнымъ сыномъ самого Бога; на тебѣ почиваютъ любовь Бога Отца, благодать Сына Божія и причастіе св. Духа. Какое высокое состояніе! О тебѣ радуются Небеса, торжествуютъ ангелы, ликовствуетъ вся Церковь! Благословляй-же сей день, день твоего благодатнаго рожденія и соединенія съ Богомъ, во всѣ дни жизни твоей!

Но непрестанно памятуй и то, что ты въ сей-же день далъ Богу, при свидѣтельствѣ всей Церкви, и великіе обѣты свято соблюсти Православную вѣру, повиноваться уставамъ Церкви

Божіей и, возлюбивъ добродѣтель, коей научаетъ Слово Божіе, преуспѣвать въ ней день отъ дня.

Сохранивъ все это во всю свою жизнь, ты не убоишься Суда Божія и нѣкогда услышишь сладостный гласъ Господа: *благій рабе и вѣрный, внеди въ радость Господа твоего.* Но если ты святотатственно посягнешь нарушить православную вѣру, престанешь покоряться матери своей св. Церкви и не пойдешь путемъ Христовымъ, путемъ добродѣтели, то страшись гнѣва Божія, бойся страшнаго суда Его. *Лучше-бъ не познати пути правды,* говоритъ Слово Божіе, *нежели познавшимъ возвратитися вспять отъ преданныя имъ святыя заповѣди* (2 Петр. 2, 21).

Долгомъ считаю напомнить тебѣ и то, что званіе христіанина налагаетъ на всякаго обязанность быть вѣрнымъ подданнымъ Царю, ибо Господь нашъ Іисусъ Христосъ далъ заповѣдь: *воздадите Божія Богови и Кесарева Кесареви.* Но на тебѣ еще болѣе, нежели на другомъ комъ, лежитъ сія обязанность: Благочестивѣйшій Государь нашъ, чрезъ посредство близкаго своего сановника, *) принявъ тебя отъ святой купели, этимъ самымъ усыновилъ тебя и ожидаетъ отъ тебя сыновней преданности и усердія къ себѣ. Не измѣни отеческимъ Его ожиданіямъ и, возрастая тѣломъ и духомъ, возрастай въ любви и преданности къ Престолу Царя!—Благословеніе Божіе да пребудетъ съ тобою всегда во всѣ дни жизни твоей! Аминь!

7. При закладкѣ 6-го августа 1872 года храма на С.-Петербургскомъ Преображенскомъ (загородномъ) кладбищѣ.

Сюда, въ тихую пустыню, стеклись мы изъ шумной столицы, чтобы присутствовать при священномъ обрядѣ освященія основанія храма Божія. Но здѣсь—пустыня, сказали мы; для чего же храмъ? Здѣсь предположена обитель не для живыхъ, а для мертвыхъ, а развѣ мертвые могутъ молиться? Конечно,

*) Министра Внутреннихъ Дѣлъ Л. А. Перовскаго.

и они молятся, но только не въ рукотворенныхъ храмахъ, а тамъ, въ обителяхъ, недосягаемыхъ ни для нашего взора, ни для нашего ума. — Какую же цѣль имѣетъ предначинаемый храмъ?—Высокую и спасительную какъ для тѣхъ умершихъ, кои возлягутъ подъ сѣнію его, такъ и для живыхъ ихъ сродниковъ! Въ семъ храмѣ постоянно будетъ приноситься безкровная умилостивительная жертва о грѣхахъ умершихъ, а кто изъ вѣрующихъ не понимаетъ, какъ цѣлительна эта жертва для очищенія отъ грѣховъ? Въ немъ плачущіе и скорбящіе о смерти своихъ близкихъ своею пламенною молитвою доставятъ себѣ утѣшеніе, а на умершихъ своихъ братій обратятъ взоръ милосердія Божія. Въ семъ храмѣ, какъ въ жилищѣ Самого Господа, найдетъ отраду всякій, сопереживающій близкаго своему сердцу на вѣчный покой, ибо увидитъ, что онъ оставляетъ драгоцѣнный для него прахъ не въ безвѣстномъ пустынномъ мѣстѣ, а при домѣ Божіемъ, подъ кровомъ милосердія Божія.

Такова цѣль созидаемаго храма, какъ и всѣхъ храмовъ на кладбищахъ. Но здѣсь есть особенность, заслуживающая вниманія. Въ былое время, и даже на памяти нѣкоторыхъ изъ насъ, сначала погребались умершіе на отведенномъ мѣстѣ, а тамъ, мало-по-малу, средствами отъ доброхотныхъ подаяній, созидались на кладбищахъ храмы и жилища; здѣсь же мы видимъ совсѣмъ иное. Еще нѣтъ ни одной могилы, а уже устрояются и храмъ и жилища для служащихъ при немъ и подготовляется мѣстность для приличнаго помѣщенія усопшихъ въ нѣдрахъ земли.

Кому же мы всѣмъ этимъ обязаны, какъ не нашему Державному Отцу, Всемилостивѣйшему Государю, который среди непрестанныхъ попеченій о нашемъ временномъ счастіи не забываетъ и тѣхъ средствъ, кои клонятся къ нашему вѣчному спасенію? Да изліетъ же на Него свои милости Царь Царствующихъ и Господь господствующихъ и да продлитъ въ здравіи и благополучіи дни живота Его на многія лѣта! Да утѣшитъ щедротами Своими Господь и тѣхъ, кои, исполняя державную волю Царя-Отца, изыскали средства къ созиданію и сего храма и всего окружающаго! Аминь.

8. При погребеніи 11-го декабря 1877 года мастеровыхъ патроннаго завода, погибшихъ отъ взрыва пороха.

Зрѣлище столькихъ гробовъ, столькихъ умершихъ одновременно, безъ болѣзни, безъ заразы,—поражающее! Мы слышимъ о причинѣ этой несчастной катастрофы: намъ объясняютъ ее случайностью, немогущею быть предотвратимою. Да! Такъ объясняетъ разумъ человѣческій. Но мы, братія, — христіане, а Христосъ говоритъ намъ, что и волосъ съ головы нашей не погибаетъ безъ воли Божіей! Могли ли же погибнуть столько христіанъ безъ воли Божіей? Могла ли же совершиться такая случайность помимо Господа? Конечно не могла. Что же? Развѣ Богъ захотѣлъ погибели лежащихъ во гробахъ? Или они были тяжкими грѣшниками, и грѣхи ихъ превзошли долготерпѣніе и милосердіе Божіе? О, сохрани насъ, Господь, отъ этой мысли!

Во время земной жизни Спасителя упала въ Іерусалимѣ башня Силоамская и убила 18 человѣкъ. Когда разсказали объ этомъ Спасителю, Онъ спросилъ: *не думаете ли, что эти 18 убіенныхъ были виновнѣе всѣхъ живущихъ въ Іерусалимѣ?* и затѣмъ замѣтилъ: *Нѣтъ, говорю вамъ, но если не покаетесь, всѣ также погибнете* (Лук. 13, 3, 4).

И вотъ въ этихъ словахъ Спасителя не можемъ не видѣть причины несчастной случайности, ввергшей во гробы лежащихъ предъ нами,—причины, понятной для вѣрующаго и согласной съ милосердіемъ Божіимъ, хотя и не допускаемой руководящимися невѣріемъ и суемудріемъ.

По ученію Христа Спасителя временная жизнь христіанина должна быть приготовленіемъ къ вѣчной жизни. Если онъ здѣсь, на землѣ, пріобрѣтетъ твердую вѣру въ Господа, управитъ жизнь свою согласно съ закономъ Божіимъ, тогда онъ по смерти наслѣдуетъ блаженную вѣчность. Если-же онъ будетъ относиться къ вѣрѣ въ Господа легкомысленно, нарушеніе заповѣдей Божіихъ будетъ считать ни во что, словомъ будетъ жить по влеченію своихъ страстей, то, конечно, такая жизнь

будетъ приготовлять къ вѣчной смерти. Милосердый Господь принимаетъ различныя мѣры къ вразумленію и исправленію заблудшихъ и ожесточенныхъ, то чрезъ Слово Божіе и внушенія Церкви, то чрезъ временныя скорби. Но когда Господь увидитъ, что всѣ мѣры вразумленія не приносятъ плодовъ, когда увидитъ, что не только отдѣльныя личности не исправляются, но цѣлыя общества заражаются невѣріемъ и пороками, тогда онъ допускаетъ для вразумленія многихъ тяжкое пораженіе нѣсколькихъ.

И такъ, братія эти гробы должны служить намъ проповѣдью объ исправленіи себя. Лежащіе въ сихъ гробахъ были здоровы, какъ и мы, думали, мечтали, суетились, веселились и... одно мгновеніе...и ихъ не стало! Тѣла ихъ, обезображенныя, остались, а души... понеслись туда... къ престолу вѣчнаго Судіи! О, страшно, страшно, братія, такъ неожиданно, безъ всякой подготовки, явиться туда, гдѣ съ одной стороны вѣчный свѣтъ, а съ другой-вѣчный мракъ! А это возможно каждому изъ насъ, мы ходимъ среди сѣни смертнѣй, смерть у каждаго за плечами.

Потому намъ должно жить такъ, чтобы готовыми всегда предстать предъ вѣчнаго Судію съ твердою вѣрою, чистымъ сердцемъ, неомраченною пороками совѣстію. Исправимъ-же себя, вступимъ на путь правды и спасенія! А о сихъ жертвахъ неисповѣдимыхъ судебъ Божіихъ принесемъ искреннія, слезныя молитвы ко Господу, да вселитъ души ихъ, по неизреченному Своему милосердію, въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ нѣтъ ни скорби, ни печали, ни воздыханія! Аминь.

9. Предъ открытіемъ, 19-го февраля 1882 года, врачебнаго пріюта съ пріемнымъ покоемъ въ память Императора Александра II.

Еще памятникъ Незабвенному, еще горящій фіалъ предъ престоломъ Царя Небеснаго, еще жертва умилостивленія! О,

сколько принесено умилостивительныхъ жертвъ ко Господу за грѣхи наши! Ибо что-же, какъ не грѣхи наши причиною того, что Господь въ прошедшую годину отвратилъ отъ насъ милостивый взоръ свой? Что-же причиною того, что Онъ попустилъ совершиться среди насъ страшному злодѣянію? Что удержало на сей разъ руку Ангела-Хранителя, столь многократно спасавшаго нашего Незабвеннаго Монарха отъ злодѣйскихъ покушеній? О, грѣхи, грѣхи наши! Они прогнѣвали Господа, и Онъ поразилъ насъ въ самое сердце, отнявъ отъ насъ нашего Отца, Благодѣтеля, Освободителя отъ рабства, наше счастье и радость,—поразилъ, чтобы мы покаялись, престали прилагать грѣхи на грѣхи! Одному Господу извѣстна внутренняя сердецъ нашихъ, но все показываетъ, что мы поняли намѣреніе Господа, что мы увидѣли, что Господь ожидаетъ отъ насъ покаянія. И вотъ, цѣлый годъ оплакивая горькими слезами потерю возлюбленнаго нашего Монарха, молясь отъ искренности сердца объ упокоеніи души Его, и отдѣльныя лица, и въ совокупности съ другими, и цѣлыя общества, въ память милосерднѣйшаго своего Отца-Благодѣтеля, подвиглись на устройство благотворительныхъ учрежденій въ пользу бѣдныхъ своихъ братій, памятуя, что ничто такъ не умилостивляетъ Бога, какъ дѣла милосердія, ничто такъ не способствуетъ очищенію насъ отъ грѣховъ нашихъ, какъ милость, оказанная нуждающимся.

Къ числу такихъ учрежденій относится то, открытіе котораго предстоитъ. О, какъ это учрежденіе будетъ полезно для бѣдныхъ въ сей окраинѣ города! Едва ли кому извѣстно состояніе бѣдныхъ больныхъ болѣе, нежели намъ, призываемымъ для христіанскаго напутствованія. Ежедневные тяжкіе труды на фабрикахъ и заводахъ, тѣсныя и сырыя жилища, недостаточная пища производятъ разрушительное дѣйствіе на здоровье здѣшняго бѣднаго люда. И какъ нерѣдко случается видѣть раздирающія душу сцены: мужъ стонетъ отъ мучительной болѣзни; жена, съ отчаянія, что не находитъ средствъ помочь ему, истерически терзается; дѣти съ воплемъ и слезами вьются около нихъ; иногда мужъ возвратясь вечеромъ съ работы и найдя жену больною, бросается искать для ней врачебной по-

мощи и, увы, нерѣдко не найдя оной, утромъ, весь разбитый усталостью и горемъ, бѣжитъ на работу, чтобы не слышать стоновъ умирающей, чтобы не лишиться дневнаго заработка, столь необходимаго для пропитанія его семьи. О, сколько бываетъ преждевременныхъ смертей, сколько погибаетъ людей, полезныхъ для своихъ семей и общества, лишь отъ того, что не было своевременно дано врачебнаго пособія!

Да благословитъ Господь Богъ учредителей и благотворителей, обратившихъ вниманіе на здѣшнюю окраину и понявшихъ вопіющую здѣсь нужду! Скоро узнаютъ новое учрежденіе нуждающіеся въ немъ, скоро станутъ стекаться къ нему, и молитвенныя слезы ихъ польются къ Престолу Царя Небеснаго, какъ объ упокоеніи души Того, въ память Котораго устроено благодѣтельное учрежденіе, такъ о здравіи, спасеніи и оставленіи грѣховъ тѣхъ, кои съ христіанскимъ состраданіемъ подвиглись на это святое дѣло и не пожалѣли для того ни трудовъ, ни средствъ, ни времени. Аминь.

10. При освященіи, 19-го сентября 1882 года, часовни на патронномъ заводѣ въ память Императора Александра II

Еще молитвенный домъ въ память незабвеннаго Монарха! Еще памятникъ, который будетъ свидѣтельствовать отдаленнѣйшему потомству, что былъ на Русской землѣ Царь, Освободитель милліоновъ людей отъ рабства, Царь, народная любовь къ которому пламенѣла при жизни Его, перешла за Нимъ за предѣлы сего міра и выразилась въ созиданіи храмовъ Божіихъ и молитвенныхъ домовъ, чтобы не только настоящее поколѣніе, но и будущія, въ роды родовъ, возносили моленія свои къ Царю Небесному объ упокоеніи души благодѣтеля человѣчества въ обителяхъ Небесныхъ!

Не станемъ раздирать сердецъ нашихъ воспоминаніемъ злодѣйства, повершаго весь міръ въ ужасъ, а Россію и въ неутѣшную скорбь. Удѣлъ злодѣевъ—вѣчный позоръ на землѣ и вѣчныя муки за гробомъ.

Онъ-же, нашъ Благодѣтель, пребудетъ благословенъ на всегда отъ всѣхъ родовъ на землѣ, а на Небѣ, Онъ, другъ человѣчества, всю жизнь свою посвятившій благу его и окончившій ее мученическимъ вѣнцемъ, увѣнчается (о, вѣруемъ и надѣемся!), увѣнчается отъ Господа вѣнцомъ славы Небесной и, подобно соименитому сроднику своему Александру Невскому, сподобится быть ходатаемъ у Престола Господня за наслѣдниковъ своего земнаго царства и за благоденствіе Россіи!

Вѣчная память незабвенному Императору Александру II-му!

Васъ-же, соорудившихъ сей молитвенный домъ на свои лепты, да взыщетъ Господь своими милостями! Ваша любовь къ почившему въ Бозѣ Благодѣтелю-Царю свидѣтельствуетъ какъ о вашихъ христіанскихъ чувствахъ, такъ и о томъ, что вы были и будете примѣрными вѣрноподданными Царя и добрыми гражданами отечества! Аминь.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Вмѣсто предисловія.

СТР.

Бесѣды объяснительныя о литургіи 1

Поученія:

I. Въ великій пятокъ предъ плащаницею. . . . 33

II. На праздники Господніе. 51

III. На дни воскресные. 124

IV. На праздники Богородичные. 262

V. На праздникц святыхъ. 285

VI. По разнымъ случаямъ. 291

2005083619